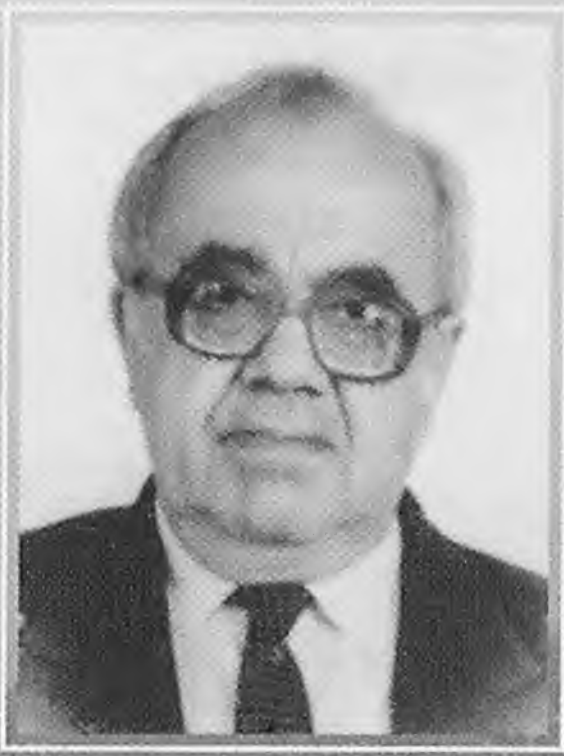


М.С.ЛАЗАРЕВ

КУРДИСТАН

И КУРДСКИЙ ВОПРОС

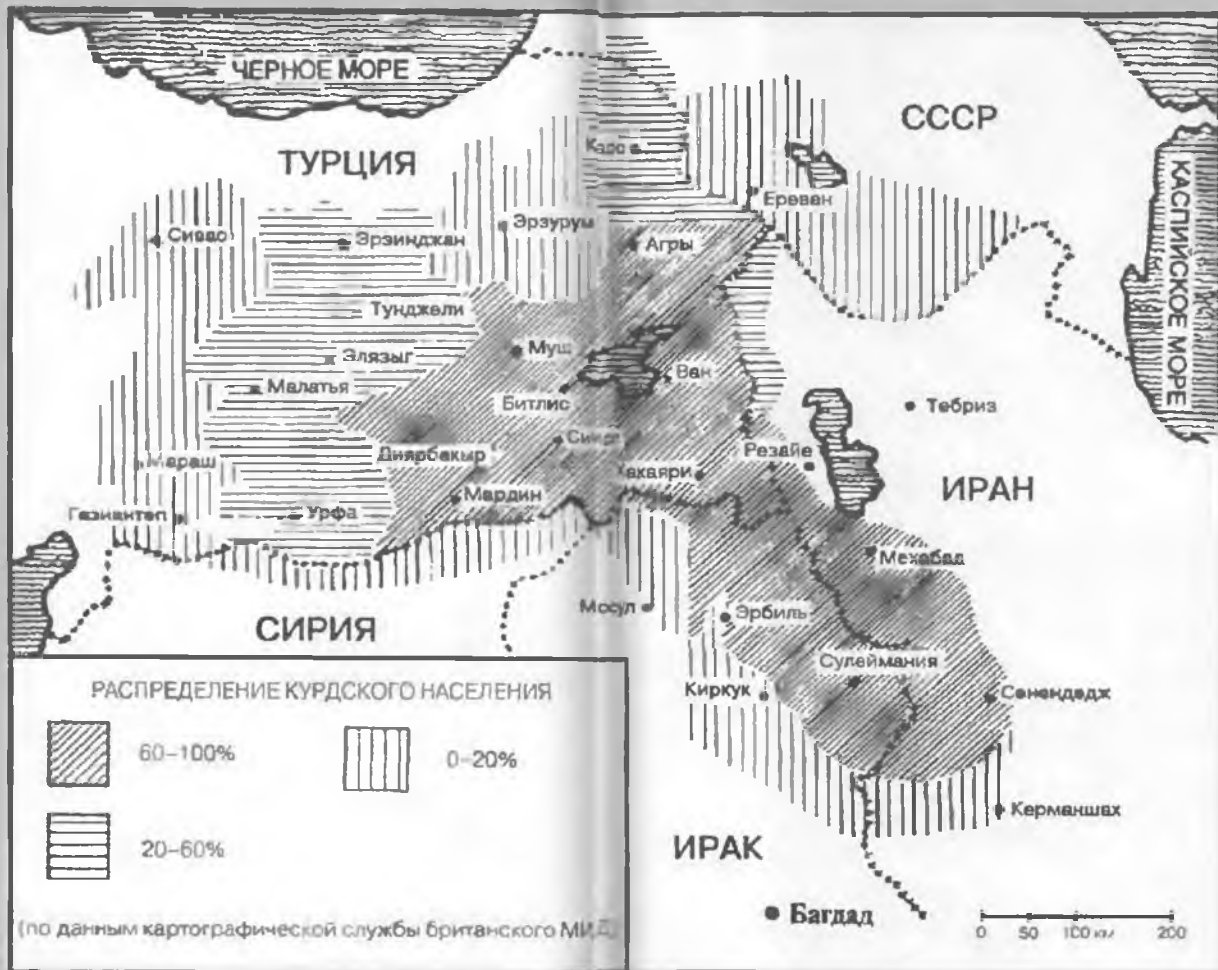
(1923—1945)



Михаил Семенович ЛАЗАРЕВ — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором курдоведения Института востоковедения Российской академии наук. Родился в Москве в 1930 г. Окончил Восточное отделение исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. С 1956 г. сотрудник Института востоковедения. Преподавал в Московском и некоторых других университетах СССР. Автор около 200 публикаций, в том числе шести монографий, и соавтор многих коллективных работ, посвященных как курдской проблеме, так и другим актуальным вопросам новой и новейшей истории Турции, Ирана, стран Арабского Востока, а также историографии и национальным отношениям в Азии.

Монография «Курдистан и курдский вопрос (1923—1945)» является продолжением двух предыдущих монографий автора: «Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX в. — 1917 г.)», изданной в 1964 г. (новое издание этой книги, переработанное и дополненное, вышло в 1972 г. под названием «Курдский вопрос 1891—1917») и «Империализм и курдский вопрос (1917—1923)».

КУРДЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (середина XX в.)



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

М.С.ЛАЗАРЕВ

КУРДИСТАН И КУРДСКИЙ ВОПРОС (1923–1945)



МОСКВА

Издательская фирма

«Восточная литература» РАН

2005

УДК 94(5)
ББК 63.3(533)
Л17

Лазарев М.С.

Л17 Курдистан и курдский вопрос (1923–1945) / М.С. Лазарев; Ин-т востоковедения. — М.: Вост. лит., 2005. — 310 с. — ISBN 5-02-018311-3 (в пер.).

Книга является заключительной частью трехтомного монографического исследования по истории курдской проблемы на Ближнем Востоке, охватывающего период с 90-х годов XIX в. до конца Второй мировой войны. В настоящем томе рассматриваются события 1923–1945 гг., когда курдское национальное движение пережило и наивысший подъем, и тяжелые испытания.

ББК 63.3(533)

ISBN 5-02-018311-3

© М.С. Лазарев, 2005
© Российская академия наук,
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лозаннский мирный договор, подписанный в июле 1923 г., стал дипломатическим итогом Первой мировой войны на Ближнем Востоке. Был юридически оформлен международно-правовой базис положения вещей, сложившегося в регионе вследствие победы Антанты, революционных событий в России и в сопредельных странах Востока. В результате политико-географическая карта Юго-Западной Азии претерпела коренные изменения.

На северо-западе региона расположилась возникшая в огне национально-освободительной революции Турецкая республика, к востоку от нее — монархии Иран и Афганистан. Границы двух последних государств не изменились в сравнении с довоенными, но во всех трех странах и в их международном статусе произошли существенные перемены. Было покончено с полуколониальными режимами и восстановлен национальный суверенитет, хотя экономическая зависимость этих стран от Запада в значительной мере сохранилась.

Перемены в южной части региона, на Арабском Востоке, были еще более разительными и по форме, и по существу. На территории арабских вилайетов распавшейся Османской империи, расположенных в Месопотамии и в странах Леванта, разместились подмандатные владения Великобритании и Франции, большинству которых был придан псевдогосударственный или полугосударственный статус. Королевство Ирак, эмират Трансиордания и Палестина подпали под власть Англии, Сирия и Ливан — Франции. На Аравийском полуострове возникли суверенные государства Саудовская Аравия и Йемен. Эмираты Южной и Восточной Аравии по-прежнему оставались британскими протекторатами.

Для многомиллионного курдского народа эти изменения имели далеко идущие последствия. Отныне его жизнь должна была протекать в условиях новых политических реальностей, серьезно отличающихся от тех, которые существовали в «долозаннский» период. Если сразу после окончания мировой войны курды могли надеяться, что в условиях послевоенных потрясений, схваток (в том числе на дипломатическом фронте) и неразберихи они смогут хотя бы частично объединить разрозненные земли своей родины и завоевать независимость или, на

худой конец, автономию, то после Лозанны дело обернулось совсем иначе. Курдский вопрос как международный (в широком смысле) был надолго снят с повестки дня, оставаясь таковым только в локальных ближневосточных рамках. Практически же в каждой стране, где обитали курды, существовал свой отдельный «вопрос», хотя курдские националисты никогда не отказывались от требования объединения всего Курдистана в независимое государство.

Таким образом, предметом изучения данной монографии является курдский вопрос в каждой из стран, в состав которых вошли части этнического Курдистана в результате послевоенного мирного урегулирования, т.е. в Турции, Иране, Ираке и Сирии. Однако локальный масштаб отнюдь не ограничивает цели исследования, тем более что он отчасти представлен в трудах отечественных и зарубежных курдоведов.

В этой работе, как и в двух предыдущих¹, тематическим и хронологическим продолжением которых она является, автор рассматривает курдскую проблему не столько «изнутри», сколько «извне», с точки зрения как региональной (курдистанской и ближневосточной), так и всей мировой системы международных отношений изучаемого периода. Такой подход соответствует самой сущности этой проблемы, которая, имея дело с разделенным народом, фактически всегда переклестывала государственные границы. На наш взгляд, если курдский вопрос в иные периоды (в том числе и в исследуемый) переставал быть субъектом публичной международно-правовой практики, объективно он продолжал существовать. Курдское же национальное движение в разных формах никогда не переставало проявлять себя в каждой стране обитания этого народа. Поэтому необходимость комплексного подхода к курдской проблеме как к международной (в разных аспектах) существует всегда. Нелишне заметить, что сами курды склонны рассматривать свою национальную проблему именно в таком ракурсе.

Применение комплексного метода в изучении курдского вопроса плодотворно и в том отношении, что оно позволяет выявить и проанализировать органически присущие ему общие и характерные черты. Естественно, что в каждый период они проявляются по-своему. Конечно, сказанное относится и к послелозаннской эпохе в истории стран Ближнего Востока.

То было время консолидации национальных сил во всех странах региона, подвергшегося наибольшему и непосредственному воздействию освободительных идей русской революции 1917 г. Национализм как идеология и как политика получил для своего развития благоприятные внутренние и внешние условия. Но последнее верно только для господствующих наций суверенных государств — Турции, Ирана и Афганистана.

Эти страны, покончив с политической зависимостью от колониальных держав, вступили на путь относительно свободного капиталистического развития, на котором, однако, оставалось немало феодальных «завалов» (чем дальше на восток от Босфора, тем больше). Это создавало естественную почву для бурного роста в первую очередь турецкого и персидского национализма.

На подъеме находился и арабский национализм, в том числе в странах, в которых проживали курды, — в Ираке и Сирии, где капиталистические отношения также прокладывали себе путь. Но здесь ему противостоял серьезный противник — империализм, насадивший в этих странах подмандатные (т.е. фактически колониальные) режимы.

Таким образом, в положении турецкого и персидского национализма, с одной стороны, и арабского национализма — с другой, была существенная разница. Первые с середины 20-х годов в силу объективного хода вещей начали утрачивать свое антиимпериалистическое содержание, сохранив его частично во внешнеполитических и внешнеэкономических отношениях с Западом. Второй же проявлял антиимпериалистический дух в первую очередь именно во внутренних делах, борясь за национальное самоопределение арабов, и лишь позже, когда мандатные власти вынуждены были предоставить национальным силам некоторую долю автономии во внутренних делах, перенес свою активность и вовне.

Курдский национализм, значительный подъем которого происходил именно в рассматриваемую эпоху, находился в особом и весьма сложном положении. Этот молодой (возник в конце XIX в.) и социально незрелый общественно-политический феномен отражал отсталость современного ему курдского общества, еще не сбросил феодальные покровы и проявлял себя разве что в культурно-просветительской сфере. В период послевоенного мирного урегулирования при подходе к общекурдским проблемам он показал свою слабость и неспособность взаимодействовать с национально-освободительными выступлениями в самом Курдистане, доверил курдское дело политическим махинаторам из руководства Антанты, главным образом британской дипломатии, и был ими жестоко обманут. Крушение проекта «независимого Курдистана» послужило предметным уроком для первого поколения курдских националистов. Лозанна поставила курдский национализм перед необходимостью встать на собственные ноги. Но это оказалось очень сложной задачей, поскольку курдское национальное движение в послелозаннский период встретило серьезные и труднопреодолимые препятствия.

Одни из этих препятствий были традиционными. Они коренились в социально-экономической и культурной отсталости курдского общества, что, естественно, отрицательно повлияло и на идейно-полити-

ческие концепции курдского национализма, и на его практическую деятельность, т.е. на освободительные движения курдских народных масс. Главное, эта отсталость оказывала дезинтегрирующее воздействие на курдское движение, была питательной средой для извечного курдского партикуляризма.

Другие препятствия были обязаны своим появлением новым историческим обстоятельствам. Это, с одной стороны, был значительно окрепший национализм господствующих наций (турецкий, персидский, арабский), с другой — империализм (главным образом в арабских странах), враждебно относившийся к курдскому движению. Обе эти силы с самого начала вступили в острую конфронтацию с курдским национализмом, конечной целью которого был независимый Курдистан.

Итак, изучение курдского национализма прежде всего с точки зрения политической, чему посвящена настоящая работа, есть проблема комплексная, включающая три основных компонента: курдское национальное движение (в целом и по отдельности в странах, разделивших Курдистан), отношения этих стран между собой в связи с курдским вопросом и политику по данному вопросу западных держав, в первую очередь Великобритании и Франции. Конечно же, заслуживает внимания и позиция других государств, как капиталистических, так и Советского Союза, а также Лиги Наций и других международных организаций.

Хронологические рамки исследования — 1923–1945 годы. Заключительная дата — последний год Второй мировой войны — оправдана общеизвестными всемирно-историческими изменениями, оказавшими непосредственное влияние на курдское национальное движение.

Источниковая и литературная база настоящей работы примерно та же, что и у непосредственно ей предшествующей². Разница лишь чисто хронологическая, т.е. привлекались материалы (больше всего — архивные документы и их публикации, а также пресса) соответствующего времени. Однако для данной работы использована и немногочисленная литература, специально посвященная изучаемому периоду, например ценная арабистами монография Г.И.Мирского, и некоторые диссертации³. Наконец, больше внимания уделено советским публикациям документов и советской историографии вопроса вообще, которая успела накопить немало материалов об интересующих нас событиях.

Разумеется, предпринимаемая здесь попытка дать комплексное исследование курдской проблемы за период с 1923 по 1945 г. не претендует на исчерпывающую полноту. За бортом остался целый пласт материалов (в том числе первоисточники), недоступный исследователю по объективным причинам. Это в первую очередь неопубликованные

документы из архивов внешнеполитических, военных и разведывательных ведомств не только зарубежных стран, но отчасти и Советского Союза. Осталась недоступной часть литературы и прессы, особенно ближневосточной. Однако и имеющиеся материалы позволяют нарисовать картину если не во всем завершённую и бесспорную, то достаточно подробную и аргументированную.

Итак, на суд читателей выносится работа, которая завершает начатое предшествующими книгами автора исследование более чем полувекового периода курдской истории (с начала 90-х годов XIX в. до 1945 г.) в эпоху двух мировых войн, расцвета и начавшегося упадка колониальной системы империализма. Именно в этот период Курдистан вступил на путь преодоления своей вековой социальной и политической отсталости и ее основной черты — феодально-племенного партикуляризма, а в курдском обществе зародились и начали быстро развиваться традиции борьбы за самоопределение и объединение, которые ныне дали столь весомые плоды. Таким образом, изучение избранного нами отрезка истории курдов и курдской проблемы, начавшееся еще в конце 50-х годов прошлого столетия, имеет не только научное, но и актуально-политическое значение.

Автор выражает глубокую признательность Абубакру Абдулле Шахмухаммеду за спонсорскую поддержку в издании этой книги.

Глава I

КУРДСКОЕ ОБЩЕСТВО НА НОВОМ ЭТАПЕ

В начале 20-х годов XX в. после многих лет кровавой и разорительной войны и послевоенных политических и экономических неурядиц мир вступил в полосу относительной стабилизации. В целом спокойнее стало и на Ближнем Востоке, консолидировались вновь созданные здесь политические структуры. Лишь одна область региона составляла исключение — Курдистан. Страна курдов бурлила, ее население не желало мириться со своим угнетенным положением, с невыполнением многократных обещаний о праве на самоопределение.

Что же представлял собой Курдистан в изучаемый период в демографическом, этническом, социально-экономическом и культурном отношении? Ареал расселения курдского этноса в основном остался прежним, если не считать курдских анклавов в Центральной и Западной Анатолии, образовавшихся в результате переселений и вынужденных миграций во время войны и в первые послевоенные годы. Изменились лишь внутренние границы, отделившие Северный и Северо-Западный (Турецкий) Курдистан от Южного и Юго-Западного (Иракского и Сирийского) по линии государственных границ между Турцией и появившимися на карте мира новыми государствами — Ираком и Сирией. Границы между Турецким и Иранским и между Иранским и Иракским Курдистаном остались неизменными. Однако в этнодемографическом составе Курдистана произошли весьма существенные изменения.

Прежде всего отметим, что употребление термина «Курдистан» по отношению к изучаемой эпохе правомерно в той же мере, как и по отношению ко всем предыдущим и последующим периодам курдской истории. «Курдистан, страна, искусственно разделенная между Ираком, Персией и Турцией, в то же время представляет из себя и экономическое, и этнографическое единое целое», — читаем в одном из старых советских востоковедных журналов¹. Это определение (одно из многих подобных) в целом верно отражает суть термина.

Практически невозможно точно определить этнический состав Курдистана. Этнодемографическая статистика и в прошлом, и в значи-

тельной мере в настоящее время всегда была подчинена политическим целям правящих кругов ближневосточных стран. Главной целью было преуменьшение численности национальных меньшинств и преувеличение численности господствующих наций. Габриэль-эфенди Норагункян, юридический советник Порты и министр иностранных дел Турции в 1912–1913 гг., издатель многотомного свода законов Османской империи, как-то поведал известному в прошлом курдоведу Аршаку Сафрастяну, что до 1914 г. «обычный» турецкий метод в переписях — прибавлять 25% к числу турок и вычитать 25% из числа национальных меньшинств. По его мнению, из-за больших потерь между 1911 и 1923 гг. при проведении первой послевоенной переписи 1927 г. численность турок была увеличена даже на 50%². Поэтому при исчислении этнодемографических данных по Курдистану невольно приходится прибегать к оценкам более или менее приблизительным, отчасти субъективным, причем относящимся к разным годам.

Прежде всего нет полной ясности в отношении общего числа курдов. По курдским источникам, накануне Первой мировой войны их было свыше 5 млн. Виднейший авторитет в области курдоведения В.П.Никитин, эмигрировавший после Октябрьской революции 1917 г. во Францию, считает, что естественный прирост населения за период между мировыми войнами не компенсировал потери, понесенные курдами из-за военных действий, кровавых усмирений многочисленных курдских восстаний и насильственных депортаций курдского населения. Однако в курдоведении высказывалась и другая точка зрения, которая, по мнению Никитина, также могла быть обоснованной: невзирая на неблагоприятные обстоятельства, прирост курдского населения был, и немалый. К концу Второй мировой войны курдов уже было 8–9 млн. В.П.Никитин склонен считать, что эта цифра завышена, но ненамного. Во всяком случае, к концу 30-х годов курдов насчитывалось приблизительно 7,5 млн.³ Если принять во внимание, что, по выкладкам авторитетного английского журнала «Near East», относящимся к середине 20-х годов, на наиболее распространенном курдском диалекте — курманджи говорило от 6 до 8 млн.⁴, эту цифру можно считать реальной.

Итак, в изучаемый период (да и в наше время, когда численность курдов возросла в три-четыре раза) курды были крупнейшим этническим меньшинством на Ближнем Востоке, составляя от пятой до четвертой части населения стран, разделивших Курдистан. Во всех этих странах, кроме Ирана⁵, курды были и являются ныне основным национальным меньшинством.

Больше всего курдов проживало в восточных (за исключением причерноморских) и юго-восточных вилайетах Турции, граничащих с Ираном, Ираком и Сирией. Эта территория, условно называемая «Турецкий Курдистан», имеет площадь приблизительно 225 тыс. кв. км, со-

ставляя около 30% всей территории Турции. Турецкий (иначе — Северный и Северо-Западный) Курдистан занимает до 47% площади всего этнического Курдистана⁶.

Турецкая часть Курдистана во время и после Первой мировой войны в наибольшей степени подверглась этнодемографическим изменениям. Они были вызваны военными действиями, народными волнениями, восстаниями, репрессивными мероприятиями властей, в особенности «целевого» этнического направления. Политика геноцида (точнее, этноцида), последовательно проводившаяся султанскими и младотурецкими властями по отношению к армянам и достигшая своего апогея во время депортаций и резни 1915 г. (от которых жестоко пострадали и ассирийцы), коренным образом изменила этнодемографическую ситуацию в Восточной Анатолии. Еще больше этому способствовали события конца Первой мировой войны и первых послевоенных лет, когда в обстановке военных конфликтов между Турцией и дашнакской Арменией был окончательно ликвидирован армянский этнос на территории исторической Западной Армении, где проживала и значительная часть курдов⁷.

Главный удар пал на христианские меньшинства Турции, армян и ассирийцев, переживших подлинную национальную трагедию. Однако в результате войн, усмирений, голода, болезней и массовых высылки жестоко пострадали и курды Анатолии. Вследствие этого на общую численность «турецких» курдов влияли главным образом не естественные, а политические факторы. Они в целом и определяли этнодемографическую ситуацию в Турецком Курдистане, которая отличалась изменчивостью и неопределенностью.

К началу изучаемого периода курды составляли уже подавляющее большинство населения тех вилайетов Восточной Анатолии, которые традиционно принадлежали к Западной (Турецкой) Армении и к Северному и Северо-Западному Курдистану. К середине 20-х годов, по советским источникам, турки составляли в Битлисском вилайете 12%, в Ванском — 20, Диярбакырском — 32, Мамурет-уль-Азизском (Харпутском) — 55, в бывших русских владениях (Карсская область) — 27% населения⁸. В связи с истреблением и изгнанием армян основным населением этих вилайетов, очевидно, стали курды. В.П.Никитин компетентно утверждает, что армян «почти нет, по крайней мере сельского населения, в Турецкой Армении»⁹. Демографический вакуум заполняли и курды и турки.

Численный состав и первых и вторых в течение исследуемого периода постоянно подвергался изменениям, но отнюдь не только естественным образом. Курдский этнос нес потери от кровавых усмирений и насильственных депортаций. Только после подавления восстания шейха Саида зимой 1926/27 г. из Турецкого Курдистана в Запад-

ную Анатолию было переселено до миллиона курдов. Напротив, турецкий этнос прибывал за счет мухаджиров, переселенцев из балканских стран, по соглашениям об обмене населением. В то же время действовал и такой корректирующий фактор, как разная степень фертильности у курдов и турок; у первых она, равно как и продолжительность жизни, была выше¹⁰.

По подсчетам Н.Г.Корсуна, в начале 20-х годов в Турции обитало 1,7 млн. курдов (1,5 млн. суннитов, 200 тыс. кызылбашей)¹¹, не считая езидов. Число кызылбашей здесь явно преуменьшено. Если к этому прибавить езидов, то получится не менее 2 млн. курдов, обитавших в Турции к началу изучаемого периода.

Официальная турецкая демографическая статистика в данном случае требует строгой научной корректировки.

Турецкие шовинисты заведомо уменьшали численность курдов или даже отрицали их национальную принадлежность. Судя по отчету, помещенному в газете «Миллиет» 9 декабря 1931 г., депутат меджлиса Махмуд, сопровождавший министра внутренних дел Шюкрю Кая в поездке по Дерсиму и Урфе, высказался таким образом: «Несомненно, все население этого района состоит из турок. Это подтверждают они сами. Разговаривают здесь на разных языках: на турецком, курдском и арабском...»(!)¹².

Такого рода аргументацию турецкого парламентария можно считать типичной для официальных и официозных кругов кемалистской Турции. Стремление доказать и оправдать этническую нивелировку всего населения республики как свершившийся факт (при признании некоторых языковых и этнографических различий) — такова их позиция в этнической статистике. Подобный подход не имел ничего общего с действительностью. Фактический материал, содержащийся в отечественной и зарубежной литературе, доказывает не только наличие и развитие, но и преобладание курдского этноса в восточноанатолийских вилайетах Турции. Метод экстраполяции, применяемый в таких случаях непосредственными наблюдателями, позволяет получить более или менее достоверные выкладки.

По подсчетам современных западных демографов, опирающихся на данные официального ценза 1965 г., курды составляли большинство в вилайетах (илах) Агры, Битлис, Диярбакыр, Хакяри, Мардин, Сирт, Ван и более одной трети населения в вилайетах Адьяман, Бингёль, Муш, Урфа. В общей сложности три четверти населения этих провинций (свыше 2,2 млн.) говорило по-курдски¹³. Если учесть «запрограммированные» дефекты переписи, основывающейся исключительно на сомнительном принципе учета только «материнского языка» и игнорирующей широко распространенное двуязычие, а также наличие значительного курдского населения как в других районах Восточ-

ной Анатолии, так и в Центральной и Западной Турции, то приблизительно 4 млн. курдского населения для конца исследуемого периода представляется реальной цифрой.

Динамика оценок абсолютной и относительной численности турецких курдов в трудах советских специалистов дает примерно такую же, т.е. достаточно запутанную и даже ущербную, картину. Для середины 20-х годов XX в. цифра 1,5 млн. курдского населения — общепринятая. Она соответствует данным переписи 1927 г. В 1933 г. численность курдов увеличилась до 1,75 млн.¹⁴. Недостоверность этих данных бьет в глаза. Не говоря уже об указанных дефектах, перепись 1927 г. не охватывала племена, что уже выводило за ее рамки значительное число курдов. Не учитывали переписи и такие курдские «меньшинства», как езиды, а возможно отчасти заза и шииты («алеви»).

Заведомые пороки демографических переписей применительно к турецким курдам вводили в заблуждение исследователей этого вопроса, в трудах которых заметна неразбериха. Д.С.Завриев, в свое время видный авторитет по восточноанатолийским проблемам, для 1927 г. дает цифру 853 тыс. курдов (исчисленных по признаку родного языка), или 34,4% всего населения Восточной Анатолии и 72% всех турецких курдов¹⁵. Как видно, даже до 1,5 млн., объявленных в другой книге того же автора, весьма далеко. В более поздней книге Д.С.Завриева даются следующие сведения: согласно переписи (по признаку родного языка) 1927 г., курдов насчитывалось 1 184 449, согласно переписи 1935 г. — 1 480 246; прирост за 8 лет — 9,2%. Процент курдского населения по вилайетам (по переписи 1927 г.): Баязид — 60, Битлис (Муш) — 75, Диярбакыр — 70, Элязыг — 50, Эрзинджан — 41, Эрзурум — 13, Хакяри — 68, Карс — 20, Мардин — 61, Сиирт — 78, Урфа — 40, Ван — 77. Д.С.Завриев отмечает, что до 1925 г. курдов в Восточной Анатолии было еще больше: в Эрзуруме — 130 тыс. вместо 36 тыс. в 1927 г., в Ване — 72 тыс. вместо 58 тыс., в Битлисе — 132 тыс. вместо 68 тыс., в Харпуте (Элязыге) — 172 тыс. вместо 112 тыс.

Оценивая все эти выкладки, следует учитывать и такие факторы, как насильственные переселения, естественный прирост, главное же — неполноту переписей, особенно 1927 г. Д.С.Завриев утверждал, что численность национальных меньшинств в Восточной Анатолии в 1935 г. была 3 млн., а в 1940 г. — 3 млн. 290 тыс.¹⁶. Но эти меньшинства были преимущественно курды, значительная часть которых, повторяем, обитала и в других районах Турции. Имея в виду необходимость внесения в этнодемографические расчеты вышеуказанных поправок, можно предположить, что и исследования советских ученых не противоречат выводу о том, что к началу Второй мировой войны курдское население Турции приближалось к 4 млн.

Относительно численности курдского населения Ирана, Ирака и Сирии в изучаемый период в литературе и источниках нет каких-либо достоверных сведений, так что приходится довольствоваться весьма приблизительными оценками. В Ираке курды, по последним опубликованным данным, составляли от 15 до 20% населения¹⁷, по официальному правительственному справочнику 1936 г. — 16%, каковая цифра считается тенденциозно заниженной¹⁸. Поэтому в 20–30-е годы XX в. при общем населении страны 3–4 млн. иракских курдов могло быть 700–800 тыс.

Столь же неопределенными являются сведения о курдском населении Ирана. Курды, по утверждению советского ираниста Г.В.Шитова, составляли 8% населения страны, насчитывавшего в 1930 г. 10–12 млн., родственные им луры — 10%¹⁹. Думается, что соотношение курдов и луров в пользу последних дано ошибочно, да и процент курдского населения занижен²⁰. Видимо, общая численность иранских курдов в канун Второй мировой войны приближалась к 2 млн. В собственно Иранском Курдистане курды составляли подавляющее большинство населения, в Макинском ханстве — до 10%, в Урмийском районе — до 40%, в Хорасане только к курдскому племени зафаранлу принадлежало 10–15% населения²¹. По другим районам Персии сведения отсутствуют.

Что касается Сирии, то определить численность ее курдского населения в 20–30-е годы XX в. представляется возможным только исходя из нынешних данных: приблизительно 6–7%, т.е. 200–300 тыс.²².

Таким образом, несмотря на все этнодемографические изменения, в период между двумя мировыми войнами территория Курдистана была населена главным образом курдами, образующими во всех его частях сплошной и в основном однородный этнический массив. Однако на пути этнической консолидации курдов оставались серьезные препятствия, прежде всего государственные границы, разделявшие народ. Более того, после Первой мировой войны межгосударственная раздробленность курдского этноса увеличилась: он стал проживать на территории уже не двух, а четырех стран. Этническая среда, в которой обитали курды, не изменилась (турки, арабы, персы, азербайджанцы), но на их национальное развитие начали оказывать воздействие такие весомые факторы, как государственная политика находившихся под колониальным контролем арабских правительств Ирака и Сирии; Англия и Франция оказывали и непосредственное влияние на курдов.

Были и препятствия «внутреннего» происхождения, под которыми подразумеваются племенные, языковые и религиозные различия. Некоторые из них столь велики, что ставится под вопрос причисление отдельных племенных объединений к курдскому этносу. Если для луров и особенно бахтиар постановка такого вопроса имеет известные

основания, то для других — например, для курдов-заза, говорящих на особом диалекте думили (зазаки), исповедующих один из крайних толков шиизма — ахле-хакк, или али-илахи, обитающих в Дерсиме (ныне Тунджели, Турецкий Курдистан) и называемых часто алеви или кызылбаши; или для езидов, живущих дисперсно к северу и северо-востоку от Мосула (больше всего в Джебель-Синджаре), на востоке Сирии и Турции и в Закавказье и исповедующих древний исключительно оригинальный курдский культ, — подобных оснований нет²³. Здесь речь идет об этнографически различных категориях, хотя и весьма существенных (язык, религия, социальная организация отдельных групп курдского населения).

На наш взгляд, дезинтеграционный фактор в этническом единстве курдов не следует преувеличивать. Отмеченные этнические различия (язык, верования, бытовые реалии и т.п.) не служили непреодолимыми барьерами для языкового, культурного и бытового общения курдского населения между собой. Не были таковыми и государственные границы, слабо охраняемые и легко преодолеваемые со всех сторон. Что касается уровней социально-экономического развития, то они, конечно, в разных частях Курдистана отличались (примерно в той мере, в какой отличались уровни стран проживания курдов — Турции, Ирана, Ирака, Сирии), но не столь уж значительно. Курдские районы в этих странах были отсталыми окраинами с неразвитыми производительными силами, в которых наступавшим капиталистическим отношениям с трудом удавалось теснить традиционный феодально-племенной строй, основанный на общинном кочевом хозяйстве.

Вне сомнения, в этническом отношении курды в обозреваемый период представляли собой нацию, все региональные части которой были тесно связанными. Скрепляющим составом служил единый этнопсихологический комплекс, основанный на общности территории, происхождения, исторической жизни и объединенный все глубже проникающей в курдское общество идеей национального освобождения, перед лицом которой различия языковые, религиозные, культурные, политико-административные, социально-экономические, бытовые и т.д. быстро отходили на задний план.

Сказанное не исключает необходимости конкретного анализа базисного состояния курдского общества в целом и в каждой из частей Курдистана в период между мировыми войнами. Без этого трудно представить себе политическое содержание курдского вопроса в его внутреннем и внешнем аспектах. Не ставя самоцелью изучение этих вопросов и опираясь на уже проделанные исследования, обратим внимание на некоторые узловые проблемы.

Курдское общество в период между мировыми войнами можно охарактеризовать, во-первых, как переходное от классического фео-

дильного состояния (в его ближневосточном варианте) к капиталистическому, во-вторых, как находящееся в самом начале этого переходного периода и к тому же подвергшееся стагнирующему и деформирующему воздействию колониализма, в-третьих, как остававшееся на крайне низкой ступени развития даже в сравнении с весьма невысокими параметрами стран проживания курдов, пронизанное сильнейшими пережитками родо-племенных отношений, с примитивными формами экономической и культурной жизни, с медленными темпами прогресса. Эта общая характеристика подтверждается конкретными исследованиями курдских социумов в каждой из частей Курдистана, которые уже начали проводиться отечественными и зарубежными востоковедами.

В турецкой части Курдистана для курдского народа в эти годы сложилась весьма трудная обстановка, отнюдь не способствовавшая сколько-нибудь успешному развитию по пути социально-экономического и культурного прогресса. Корень зла следует искать в первую очередь в политических условиях существования турецких курдов. Пришедшая к власти в результате победы национально-освободительной революции партия турецких националистов во главе с выдающимся лидером Мустафой Кемаль-пашой (Ататюрком) взяла курс на возможно быструю капиталистическую модернизацию страны по западному образцу, но не спешила его проводить в населенных мятежными курдами восточных вилайетах страны. Отчасти тому мешали объективные трудности, вытекавшие из крайне низкого стартового уровня восточных вилайетов в сравнении с западными, черноморскими и средиземноморскими, где капитализм еще в султанские времена приступил к созданию соответствующей инфраструктуры и внедрению норм западной цивилизации. Главным же было нежелание кемалистов, озабоченных подавлением многочисленных курдских восстаний (что создало в 20–30-е годы в Восточной Анатолии постоянную военную обстановку со всеми обычно сопутствующими ей явлениями внутренней жизни), развивать экономику и культуру края, дабы не укреплять материальную базу для растущего курдского национализма в Турции.

Анкара стремилась как можно дольше держать «Восток» (так в Турции называли восточные вилайеты) в относительно первобытном состоянии еще и из военно-стратегических соображений, ради сохранения пресловутой «монополии бездорожья» как защиты от «советской угрозы» и разного рода курдских движений со стороны иранской и иракской границ. Издавна считалось, что неразвитость инфраструктуры может быть на руку обороняющейся стороне, в данном случае Турции, а также служить некоторым противовесом против угрозы объединения расколотого Курдистана, являясь питательной средой для традиционного курдского партикуляризма.

Короче говоря, в кемалистский период Турецкий Курдистан по-прежнему оставался бедной, отсталой в социально-экономическом и культурном отношении окраиной с примитивными условиями быта жестоко угнетаемого и подавляемого населения. Конечно, определенное развитие восточных вилайетов и, соответственно, курдского общества происходило, но оно резко отставало от прогресса страны в целом и ее западных и центральных районов в особенности.

Можно привести немало свидетельств современников (очевидцев и исследователей) об ужасающей бедности и всесторонней отсталости курдского населения молодой Турецкой республики²⁴. Д.С.Завриев называл положение турецкого (в том числе и курдского) крестьянства «бедственным», видя в нем источник «бесконечных волнений в Курдистане»²⁵. В подтверждение он приводил немало убедительных фактов, которые дают впечатляющую картину особенно в сравнении с ситуацией в относительно развитых районах страны. Восточная Анатолия оставалась исключительно аграрным регионом с преимущественно сельским населением и с еле развитой городской жизнью. В первой половине 30-х годов в городах здесь жило не более 10% населения²⁶. Таким образом, Турецкий Курдистан был крайне отсталым краем с соотношением городского и сельского населения, типичным для средневекового общества.

Отсталость проявлялась и в структуре сельского населения, и в организации сельскохозяйственного производства. Ее отличительными чертами были дисперсность и архаичность. Согласно турецкой сельскохозяйственной переписи 1927 г., в Восточной Анатолии на одну деревню в среднем приходилось 23 «дыма», а по всей Турции — 43. Соответственно, на «Востоке» в одной деревне в среднем проживало 120 человек против 223 по всей стране. Средняя плотность населения на 1 кв. км составляла 11,2 против 24. Под пашню на «Востоке» было отведено 3% земли, а по всей Турции — 14%. В дальнейшем эти показатели немного возросли, но не принципиально.

Конечно, такая структура расселения сельских жителей на востоке Турции отчасти объясняется географическими условиями (горный рельеф, препятствующий введению в сельскохозяйственный оборот значительного количества земель и созданию крупных поселений). Но в то же время она является признаком отсталости и примитивности сельского быта и хозяйствования. По данным той же переписи, на долю сельскохозяйственных машин приходилось лишь 1,3% всех сельскохозяйственных орудий. Показательно, что с 1927 по 1933 г. советская внешне-торговая организация Закгосторг реализовала на Эрзурумском рынке 123 плуга, 10 сенокосилок, 2 комплекта конных граблей и 21 веялку²⁷.

Германский путешественник Курт Фабер ярко живописует состояние курдской деревни в 20-е годы: «Не раз уже говорил я про убоже-

ство турецкой деревни. Но как подыскать слова, чтобы описать печальное скопление земляных пещер, в которых ютятся курды в уединенных горных долинах за Эрзурумом! Эти люди побили в полном смысле рекорд невзыскательности в отношении жизненных удобств... Никогда в жизни я не видел людей, у которых было бы так мало денег и в то же время столько нужды в них». И продолжает: «У подножия Арарата, вероятно, еще Ной пахал таким же плугом, состоящим из остроугольного куска дерева, который едва царапает поверхность земли!.. Здесь история разрешила себе отстать на несколько столетий от современного автомобиля. Долго ли так будет?»²⁸.

Бытовая и технологическая отсталость курдской деревни в Турции была порождена в первую очередь социальными отношениями, которые оставались исключительно архаичными. Исконная курдская феодальная система, основанная на родо-племенной структуре населения, своеобразной временной производственной общине «обá» и производстве главным образом продуктов скотоводства с регулярными перекочевками «по вертикали», существовавшая в условиях политического и экономического гнета со стороны турецкого государства, хотя и вступила на путь неизбежного разложения, продолжала цепко держать в своих объятиях подавляющее большинство населения Восточной Турции²⁹. Вступление в переходный период, когда традиционное воспроизводство было нарушено, а становление новых социальных отношений происходило замедленно, в обстановке внутренних волнений и национального гнета, закономерно привело к ухудшению экономического положения основной массы трудового курдского населения, живущего на селе, к его не только относительному, но и абсолютному обнищанию.

Структура землевладения и землепользования в Турецком Курдистане с малоземельем на одном полюсе и крупными владениями на противоположном была типична для клонившегося к упадку позднефеодального общества в западноазиатском регионе. В 1924 г. хозяйств размером менее 1 га насчитывалось в Битлисском вилайете 21%, в Трапезундском (Трабзонском) — 38, Элязыгском — 27, Эрзурумском — 45, Ванском — 36, Диярбакырском — 17, Урфинском — 18%; хозяйств размером от 1 до 5 га в Битлисском вилайете было 41%, Трапезундском — 46, Элязыгском — 45, Ванском — 37, Диярбакырском — 36, Урфинском — 53%. В тех же восточных, т.е. в основном в курдских, вилайетах концентрация земель в руках феодалов была выше, чем в остальных вилайетах страны, о чем говорят данные залогового обеспечения под кредит Сельскохозяйственного банка (меньшее число операций, чем в других районах Турции, более высокая средняя оценка операций, рост средней оценки по годам)³⁰.

Курдские племенные вожди, как правило, одновременно были крупными помещиками феодального типа, обладавшими значительными

земельными владениями. Их, как и турецких феодалов в восточных вилайетах, называли обычно деребеями, т.е. владетелями долин. Широко применяя внеэкономическое принуждение, они в то же время сдавали свои земли и пастбища в аренду, взимая плату натурой (скотом) и сосредоточив у себя огромные стада — десятки тысяч овец, тысячи голов крупного рогатого скота, крупные табуны лошадей. По-прежнему была распространена средневековая норма — сбор племенными вождями государственных налогов, — которая больно била по трудящимся массам. Не уходили со сцены и такие традиционные обычаи курдского феодального права, как принудительные подарки сюзерену (к свадьбе, похоронам и т.п.), услуги и т.д.³¹.

В свое время среди отечественных востоковедов шли споры, насколько прочно держался в Турецком Курдистане в кемалистский период традиционный феодальный строй. А.Ф.Миллер (А.Мельник) называл этот строй полуфеодальным, поскольку кемалистское правительство проводило в восточных вилайетах социальные реформы объективно буржуазного характера, хотя и медленно, непоследовательно и в очень небольшом объеме. Так, осенью 1929 г. правительство раздало в восточных вилайетах около 3% обрабатываемой земли (казенной и выкупленной у частных лиц). Вместе с тем крестьяне продолжали отдавать помещикам в виде арендной платы от половины до двух третей урожая³². Продолжали существовать такие феодальные повинности, как барщина и издольщина (*мурабаджалык*), хотя были распространены и более современные формы аренды — *кесимлик* (землевладелец получал свою долю деньгами) и различные виды субаренды³³. Примерно такой же точки зрения придерживались П.В.Осетров (Ирандуст) и П.Китайгородский.

Напротив, стоявшие на антикемалистских позициях востоковеды-«леваки» писали о сохранении феодализма в Курдистане в полном объеме. Наиболее типичные взгляды такого рода выражал К.Г.Василевский (В-ий). «В восточных вилайетах в Курдистане и в некоторых районах Средиземного моря, — отмечал он, — мы имеем пастушески-родовой (!) и феодальный уклад на основе еще мало разложившегося натурального хозяйства». Там «типично феодальная эксплуатация крестьянства курдскими шейхами, деребеями». Кемалисты, указывал он, специально оставили феодальные отношения в Курдистане «в полной неприкосновенности», кемалистская концепция аграрных преобразований в Курдистане — «демагогия»³⁴. Анализируя как особенности феодальной системы в Курдистане, разложение которой «осложняется и замедляется вследствие национального угнетения курдов и вмешательства империализма», так и положение основных классов курдского общества («курдский феодал выступает перед своим райетом как интегральный эксплуататор»), К.Г.Василевский не видел ни-

какого прогресса в социально-экономических отношениях у турецких курдов в кемалистскую эпоху.

Данные об экономическом, политическом и культурном состоянии курдской деревни, которые приводил исследователь, на первый взгляд подтверждали подобные взгляды. Сельское хозяйство на востоке Турции по-прежнему имело преимущественно скотоводческое направление, причем исключительно экстенсивного характера. До половины всего самодеятельного населения было занято скотоводством, под пашней находилось, по разным данным, от 1,14 до 2,78% всей площади. Здесь насчитывалось не более 1,5 тыс. сельскохозяйственных машин и около 130 тыс. примитивных орудий местного производства. На одно хозяйство в среднем приходилось менее 1 головы рабочего скота³⁵.

К этому можно добавить, что главная отрасль курдского сельского хозяйства, дававшая пропитание подавляющему большинству курдов, а именно скотоводство, переживала упадок. Со второй половины 20-х годов XX в. поголовье мелкого рогатого скота ежегодно снижалось на 10% (вследствие падежа, потерь при усмирении восстаний, уменьшения продуктивности стад из-за экстенсивного ведения хозяйства). Поголовье крупного скота с 1927 по 1932 г. упало на 20%³⁶. Хотя значение скотоводства для сельского хозяйства Турецкого Курдистана в сравнении с другими частями Турции было выше, в 1927 г. на одну семью в восточных вилайетах и во всей остальной стране приходилось в среднем соответственно 12,6 и 27,6 головы скота. В 1912 г. в Карсской области (входившей тогда в Российскую империю) крупного рогатого скота было 532,3 тыс. голов, а в 1932 г. — 241 тыс., коз соответственно — 88,1 тыс. и 54 тыс., лошадей и мулов — 28,6 тыс. и 13 тыс., ослов — 9,4 тыс. и 2 тыс. Снижение поголовья шло и в последующие годы: с 1941 по 1943 г., например, в 16 «национальных» вилайетах оно составило 20%, в то время как в масштабе всей страны — 11%³⁷.

Более чем достаточно вполне достоверных данных и о феодальном засилье в Турецком Курдистане в исследуемое время, и о бедственном положении рядовых курдов, и о крайне примитивном уровне их быта и культуры. Впрочем, такого рода данных немало и применительно к гораздо более поздним временам³⁸. Стало быть, в 20–30-е годы с точки зрения социального прогресса в деревне Турецкий Курдистан выглядел весьма неприглядно. Такой, например, колоритный факт. Курдские крестьяне начали проявлять интерес к более культурным методам обработки земли, стали приобретать железные плуги. Но когда власти попытались распределить между ними около 500 веялок за низкую цену, крестьяне отказывались их покупать, ибо муллы объявили их «бесовским новшеством», и даже уничтожали уже купленные

плуги³⁹. Турецкая газета «Акшам» в номере от 19 сентября 1925 г. писала: «Крестьяне деревня не обладают никакими правами — таково их правовое положение. Что касается их обязанностей, они формулируются в короткой фразе: „работать до смерти“. И бедственное положение доводит их до степени подлинного рабства»⁴⁰. Шесть лет спустя газета «Миллиет» утверждала, что в Дерсиме (Тунджели) рядовые члены курдских племен «находятся на положении рабов у своих вождей»⁴¹.

Следует, конечно, учитывать, что турецкая проправительственная пресса (а иной в кемалистской Турции фактически не было) иногда специально сгущала краски, чтобы выдать шовинистический курс властей против курдов за «цивилизаторскую» миссию. Кроме того, из-за несовершенства статистики, а также стремления курдов скрыться от налогообложения возможно некоторое преуменьшение численности стад. Однако это не меняет существа дела — деградации традиционной экономики курдской деревни в Восточной Турции, когда неурожай (как это было в 1923–1924 гг.) имел тяжелейшие последствия для края⁴².

Упадок сельского хозяйства в Турецком Курдистане в кемалистскую эпоху⁴³ создавал фон, на котором вырисовывалась общая картина социально-экономической и культурной отсталости региона. Города, промышленность, ремесла, финансово-банковская деятельность, пути сообщения, связь по-прежнему находились в жалком состоянии. Все промышленные предприятия имели кустарный характер, в среднем на одно предприятие приходилось трое рабочих⁴⁴. По данным, видимо, на конец 30-х годов, из 72 электростанций страны, вырабатывавших ток для промышленных предприятий, в восточных вилайетах находилась одна, и то маломощная (в Битлисе). Из 187 электростанций, используемых для городского освещения, в восточных вилайетах работали всего 14. Все электростанции региона вырабатывали 4 млн. кВт·ч (2% в масштабе всей Турции) и насчитывали всего 10 528 абонентов (3,4%).

Инфраструктура восточного региона Турции также, естественно, резко отставала. К началу 40-х годов из 7410 км железных дорог на восточные вилайеты приходилось около 800 км. Что касается колесных дорог, то 55% всей их протяженности в восточных провинциях составляли грунтовые дороги, 26% — шоссе в плохом состоянии и лишь 19% — шоссе в хорошем состоянии (9,6% всех таких дорог страны).

Как внешняя, так и внутренняя торговля переживали глубокий застой. В 1927 г. в Карсском и Эрзурумском вилайетах капитал в торговле насчитывал всего 1,6 млн. лир. Удельный вес восточных вилайетов в общем внешнеторговом обороте Турции составлял по ввозу и вывозу в 1930 г. 5,6 и 5,8%, в 1933 г. — 7,4 и 4,7%, в 1937 г. — 1,7 и 0,9%, в 1940 г. — 0,2 и 0,04%.

На столь же низком уровне находились социальные отношения. В 1931–1932 гг. профессиональный состав населения восточных вилайетов составлял: 94% — земледельцы, 1 — рабочие и ремесленники, столько же — торговцы, 0,5% — служащие, 0,3 — лица свободных профессий, 2% — военные⁴⁵. Вместо профсоюзов здесь существовали только цехи⁴⁶. На эти вилайеты приходилось менее 7% капитала, размещенного по кооперативам всей Турции. В Карсском вилайете существовало всего два кооператива, в Трабзонском — 9.

Нищета и бескультурье безраздельно властвовали в Турецком Курдистане. В 1933 г. индекс стоимости жизни (1914 г.=100) оценивался в Диярбакыре в 1120, в Элязыге — 1145, в Трабзоне — в 1090 пунктов. В 1942–1943 гг. в восточных вилайетах было только 2 госпиталя (в Эрзуруме и Диярбакыре) на 295 коек и 3 родильных дома на 60 коек⁴⁷. В 1929 г. во всем крае было лишь 28 врачей. Грамотность населения на 1927 г. оценивалась в 4% (против 8% по всей Турции). В Ване и Хакяри грамотных было всего 1–2%, причем женщин — в 10 раз меньше, чем мужчин. Правительственные расходы на просвещение составляли только 4% государственного бюджета. Во время экономического кризиса 1929–1933 гг. число школ на востоке Турции стало даже сокращаться. Школ высшего типа в начале 30-х годов вообще не было. Только несколько лет спустя в Эрзуруме и Карсе открылись лицеи для зажиточных⁴⁸.

Таким образом, в Турецком Курдистане в исследуемый период наблюдались застой, упадок, а кое-где и разруха, в чем были повинны, конечно, и отсталые социально-экономические отношения (засилье феодальных порядков и их пережитков), и шовинистическая политика турецких властей по отношению к курдам (включая кровавые усмирения курдских восстаний, повлекшие за собой крупные потери и разрушения), и нарушение традиционных связей между различными частями Курдистана вследствие послевоенной перекройки географической карты Ближнего Востока, и мировой экономической кризис, и некоторые другие факторы. Однако это не означает, что развитие курдского общества в регионе остановилось и даже пошло вспять. Напротив, события мирового значения, произошедшие в первой четверти XX в. и непосредственно затронувшие Ближний Восток, в частности Курдистан, разрушили традиционный вековой уклад курдского общества, лишили почвы ставшие объективно реакционными проявления его жизни, заложили основы для возникновения и роста прогрессивных начал. Короче говоря, после Первой мировой войны Курдистан, как видно на примере его наиболее крупной турецкой части, где проживало около половины всех курдов, вступил в *переходный* период исторического развития, когда рушились устои традиционного социально-экономического базиса, основанного на родо-племенных отно-

шениях и кочевом скотоводстве, и наметилась перспектива развития по капиталистическому пути, к достижениям современной цивилизации. При этом происходили ухудшение положения народных масс, занятых в традиционном хозяйстве, частичная деградация производительных сил этого хозяйства, но подобного рода временные явления характерны для всякого переходного общества. Грядущая модернизация курдского общества стала неминуемой.

Похожие процессы, хотя и со своей спецификой, происходили среди курдов Персии, Ирака и Сирии. Главное отличие этих стран от Турции в исследуемый период — более низкий уровень политического, социально-экономического и культурного развития, заметно меньшие успехи на пути капиталистической модернизации. Отставание сказывалось и на развитии курдских обществ в соответствующих частях Курдистана, но значительного разрыва не было. По уровню национального самосознания, например, иракские курды ничуть не отставали от турецких, а может быть, и опережали их; в культурном отношении лидировали сирийские курды (имеются в виду верхние, образованные слои). Таким образом, различия были относительными, но все же играли некоторую разделительную роль, препятствуя консолидации коренного и основного населения Курдистана в единое общество.

В Иранском Курдистане феодальные порядки держались наиболее прочно. Реформы, проводившиеся правительством основателя новой династии Пехлеви — Реза-шаха, были поверхностными и непоследовательными, они лишь в незначительной степени затронули социально-экономическую сферу. К тому же на национальных окраинах страны они проводились в последнюю очередь или вообще не проводились.

Курдское общество Западного Ирана 20–40-х годов можно характеризовать как феодально-племенное. По своему быту и хозяйствованию большинство иранских курдов относили к полукочевникам, за исключением тех, кто обитал в окрестностях городов. Курдская племенная верхушка (как и предводители других кочевых и полукочевых племен Ирана — луров, бахтиар, шахсевенов, арабов, кашкайцев и др.) по-прежнему присваивала себе феодальную ренту главным образом в натуральном виде, продуктами земледелия и животноводства⁴⁹. Племенные вожди, как правило, одновременно являлись помещиками-землевладельцами. Методы феодальной эксплуатации широко применялись на вакуфных землях, находившихся в собственности мечетей, а также на землях, принадлежавших государству и лично шаху. Крестьянское землевладение было развито слабо⁵⁰.

Итак, в социально-экономическом отношении Иранский Курдистан был краем с отсталой, преимущественно аграрной экономикой, с населением бедным и лишенным доступа к социальным услугам. Из

Первой мировой войны и послевоенных смут Западный Иран, населенный в основном азербайджанцами и курдами, вышел в состоянии полной разрухи. Население Урмийского губернаторства до войны насчитывало 200 тыс., а к концу 20-х годов — 80 тыс. человек; сам город Урмия (Резайе) лежал в развалинах⁵¹.

Сельское хозяйство, основа экономики Иранского Курдистана, находилось в жалком состоянии. Вся немногочисленная техника и основная часть других орудий производства были сосредоточены в хозяйствах помещиков, производительность труда в сельскохозяйственном производстве была ничтожной. По значительно более поздним данным (начало 60-х годов), урожайность зерновых в Урмии на орошаемых землях колебалась от 5 до 15 ц с 1 га, на неорошаемых — от 5 до 8 ц, в Мехабаде соответственно — от 5 до 10 и от 4 до 6 ц, в Сенне — от 5 до 8 ц. Средняя урожайность пшеницы составляла всего 6–8 ц. Есть все основания полагать, что в 20–30-е годы эти показатели были еще ниже.

Главным препятствием для развития сельскохозяйственного производства в Иранском Курдистане были отсталые, в сущности средневековые, социальные условия. Лучшие земли принадлежали государству, шаху и феодалам, заинтересованным не в развитии производительных сил, а в самой примитивной эксплуатации крестьянства и обогащении за его счет. Реза-шах, захвативший лучшие земли в районе Керманшаха и в других местах, «стал одним из крупнейших феодальных властителей Курдистана»⁵². Внеэкономическое принуждение широко применялось и в чисто политических целях. Крестьян, выступавших против правительства, лишали земли. Большинство крестьян имели в своем владении или пользовании 1–3 га земли и лишь небольшая часть из них — 5–20 га. Один иранский автор писал: «Курдский крестьянин живет в крайней бедности», другой утверждал: «В Курдистане крестьянин ничего не имеет»⁵³.

Правда, в литературе и источниках можно найти данные о некоторых сдвигах в сторону проникновения капиталистических отношений в деревню Иранского Курдистана. Зафиксировано появление богатых крестьянских хозяйств, производивших товарную продукцию. Некоторые дворы имели от 50 до 200 коров, поставлявших на рынок молочные продукты⁵⁴. Из деревень Курдистана и Лурестана на рынок для нужд кустарной и полукустарной промышленности шли кожи, шерсть, бараньи и козьи шкуры (для выделки сафьяна), некоторые другие продукты скотоводства и земледелия⁵⁵. Все более широкое распространение стало получать отходничество. Курдские и лурские крестьяне уходили работать на нефтепромыслы и нефтеперерабатывающие заводы Юго-Западного Ирана, на строительство дорог и т.п. В районе Керманшаха развивалась приграничная торговля с Ираком, откуда

поступали в большом количестве английские товары⁵⁶. Короче говоря, и в Иранском Курдистане в послевоенный период появились заметные признаки перехода от традиционных форм социально-экономических отношений к более современным.

Однако процесс этот только начался и общая картина состояния курдского общества была по-прежнему неприглядной. Точных данных по исследуемому периоду нет, но приблизительное представление о степени экономической развитости собственно провинции Курдистан (без других районов Ирана, где проживают курды) можно составить по монографии А. Касемлу, чьи данные относятся к годам, предшествующим «белой революции», т.е. времени до начала 60-х годов XX в. Здесь проживало 17% населения Ирана, но было размещено всего 4% промышленных предприятий с 4,5% промышленных рабочих, производивших всего 3% промышленной продукции страны⁵⁷. Положение дел в межвоенный период вряд ли было иным; во всяком случае, источник 20-х годов находит достойным упоминания только производство ковров (3 тыс. станков и 9 тыс. рабочих, годовая производительность — 25 тыс. кв. м) и кож (120 небольших заводиков, на которых было занято немногим более 1 тыс. рабочих)⁵⁸. Очевидно, что речь идет скорее о мануфактурном, во всяком случае слабомеханизированном, производстве.

Возвращаясь к выкладкам А. Касемлу, стоит привести и такие данные, относящиеся, как указывалось, к более поздним временам: национальный доход в Иранском Курдистане составлял 80 долл. США на человека в год (80% его приходилось на сельскохозяйственные продукты, 10% — на нефть и промышленность), возделывалось только 24% пригодной для обработки земли, в районе Керманшаха на полях работало несколько десятков тракторов, во всех остальных районах использовались лишь упряжки быков или лошадей и примитивные сельскохозяйственные орудия⁵⁹. Несомненно, что в период между мировыми войнами экономика и социальные отношения здесь были на еще более низком уровне. В частности, почти полностью отсутствовала современная система здравоохранения и просвещения. До 1936 г. в Иранском Курдистане существовали только мусульманские духовные школы, потом было открыто несколько начальных и средних общеобразовательных школ в Секкезе, Мехабаде и Керманшахе с преподаванием на персидском языке⁶⁰.

Основные качественные и количественные показатели уровня развития курдов Ирака и Сирии принципиально не отличались от таковых в Турции и Иране. И здесь продолжала сохраняться традиционная феодальная система, которую английские и французские колониальные власти пытались приспособить к своим экономическим и политическим интересам в подмандатных арабских странах⁶¹. И здесь эта

система уже начала разрушаться под напором неумолимо наступавшего прогресса, причем державы-мандатарии, втягивая подчиненные им страны в мирохозяйственные связи, объективно способствовали ускорению этого процесса, хотя и не сделали ничего существенного, чтобы помочь курдским районам арабских стран преодолеть отсталость, бедность, бескультурье.

Вместе с тем курдский регион в арабских странах развивался в специфических условиях. Одно из них, возникшее после Первой мировой войны, очевидно: фактически колониальный статус этих стран, наличие прямой (или слегка закамуфлированной) власти Великобритании над Иракским Курдистаном и Франции — над Сирийским. Ликвидация мандатного режима в Ираке и предоставление ему формальной независимости в 1930–1932 гг., различные административно-политические маневры французских властей в Сирии не меняли сущности дела. Однако воздействие этого фактора на социально-экономический базис курдского общества в Ираке и Сирии было сравнительно второстепенным. Оно принципиально не отличалось от того, как и с какими результатами действовал западный капитал в других курдских регионах Ближнего Востока (например, нефтяные корпорации в Иране и в Ираке).

Гораздо заметнее было влияние колониальных режимов на политическую и культурную сферы. Мандатарии, выступая в качестве угнетателей и эксплуататоров, в то же время приносили в Южный и Юго-Западный Курдистан элементы европейской цивилизации, которая едва проникала в другие части страны курдов. Здесь был и немалый политический расчет. Англичане и французы были не прочь сыграть на противопоставлении курдов своему главному противнику — арабскому национальному движению. Поэтому они не препятствовали подпитке поднимавшегося курдского национализма некоторыми минимально необходимыми социальными услугами и культурными благами. В результате иракские и сирийские курды в политическом и культурном отношении оказались в предпочтительном положении по сравнению со своими турецкими и иранскими соплеменниками.

Другое отличие курдского региона в арабских странах имело историческое и, так сказать, естественное (географическое и демографическое) происхождение. Этот регион раньше принадлежал Османской империи и сохранил многие ее традиции. При этом курдские районы Сирии и в географическом, и в демографическом отношении были прямым продолжением южных районов Турецкого Курдистана, новая граница не служила препятствием для контактов любого рода. Поэтому нет оснований считать, что в исследуемый период в сирийской части Курдистана сложились общественные отношения, отличные от таковых в его турецкой части.

Иное дело — Иракский Курдистан, занимавший бóльшую часть бывшего Мосульского вилайета Османской империи. Этнокультурные и социальные особенности здесь довольно заметны. Широко распространена вторая основная форма курдского языка — сорани (в арабской графике). Краю была издревле присуща этническая и конфессиональная пестрота. Как писал один английский исследователь, «мало мест в мире... так сбивающих с толку составителей этнографических карт, как вилайет Мосул»⁶². Кроме курдов здесь проживали арабы, ассирийцы, туркмены (туркоманы), турки, армяне, евреи, представители как основных направлений ислама и христианства, так и многочисленных сект и толков. У местных курдов сложилась своеобразная социальная система, основанная на преобладании мелкого помещичьего землевладения и землепользования над крупным (главным образом из-за природных условий), личной свободе крестьян и в то же время их жесткой привязанности к племени, его вождю (который часто бывал одновременно и шейхом, т.е. духовным наставником). Для курдов Северного Ирака был характерен особый менталитет, когда классовые противоречия ступшеывались перед национальной и религиозно-племенной сплоченностью⁶³. Особенно высоким был здесь харизматический авторитет таких знаменитых и древних родов, как Барзанджи (в районе Сулеймании), Барзани (на северо-востоке Ирака) и некоторые другие.

Что касается социально-экономического положения иракских и сирийских курдов, то оно, как уже отмечалось, принципиально не отличалось от того, в каком находились их турецкие и иранские сородичи, с той лишь разницей, что со школами и печатью дело обстояло несколько лучше (хотя общий уровень оставался крайне низким). Бедствия мирового экономического кризиса конца 20-х — начала 30-х годов XX в. обрушились и на курдские районы арабских стран из-за резкого падения цен на шерсть, хлопок, ковры, табак, чернильные орешки⁶⁴. В 1919 г. из 75 светских начальных и неполных средних школ в Ираке только в семи преподавание велось на курдском языке⁶⁵. Четверть века спустя положение со школами улучшилось, но не принципиально. В Иракском Курдистане насчитывалось 60 школ, из них только две — 2-й ступени и около 30 начальных, остальные на самом деле были детскими садами. На весь край приходилась одна больница, и та не работала, в то время как в Киркуке 48% населения страдало малярией. И это притом что 30% всех поступлений в иракское казначейство шло из курдских лив⁶⁶. В курдских районах Сирии социально-экономическое положение находилось примерно на том же уровне⁶⁷.

Итак, в каждой из четырех основных частей Курдистана, образовавшихся после Первой мировой войны и раздела поверженной Османской империи, условия существования и развития местного курд-

ского населения имели как общие черты, так и заметные различия. Кроме того, в анклавных районах сплошного поселения курдов (в восточноиранской провинции Хорасан, на территории советских Армении и Азербайджана) также складывались свои общности с присущими им особенностями. Вместе с тем на территории всего этнического Курдистана, во всех его частях, начали создаваться условия для формирования общекурдистанской объединительной политической идеи — движущей силы курдского национализма.

Глава II

ОТ ЛОЗАННЫ ДО АНКАРЫ: МОСУЛЬСКИЙ ВОПРОС И КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА

Курдистан после Лозанны

С окончательным узаконением политической географии Ближнего Востока в соответствии с реальными итогами Первой мировой войны и послевоенных смут, а затем и установлением границ между Турцией и арабскими странами — Ираком и Сирией, была юридически (в международно-правовом смысле) похоронена Османская империя, а вместе с ней — и знаменитый Восточный вопрос, являвшийся на протяжении полутора веков (а фактически еще дольше) одной из самых болезненных и конфликтных проблем мировой политики. Однако это не принесло народам и странам Ближнего Востока ни подлинной свободы, ни стабильности, ни безопасности. Отойдя в историю, прежние международные конфликты оставили после себя такие последствия, которые легли тяжким бременем на плечи последующих поколений. К ним относится и рассматриваемый ниже мосульский вопрос. Порой возникали конфликты из-за пограничных споров, оставшихся в наследство от прежней эпохи, а также некоторых территориальных претензий (например, Турции в отношении Александреттского санджака, включенного в состав подмандатной Сирии). Впрочем, новые времена отодвигали старые конфликты на второй план, частично (реже полностью) их разрешая. Надвигались созвучные эпохе международные осложнения, которые создали в ближневосточном регионе опаснейшие очаги напряженности.

Один из них находился в Курдистане. Курдский вопрос, сердцевину которого составляла борьба курдов за национальное самоопределение, стал постоянным фактором политической истории Турции, Ирана, Ирака и Сирии в новейшее время. При этом на смену латентной форме с периодическими обострениями, в которой он пребывал до начала XX в., пришла открытая и хроническая с неизбежными подъемами и спадами.

После Лозанны дипломатические страсти на время утихли, перейдя в более спокойную форму англо-турецких переговоров по мосульскому вопросу. Но в самом Курдистане было далеко не спокойно, так как курды не собирались мириться с крушением своих послевоенных надежд на национальное освобождение.

Изучая ситуацию в Курдистане в этот период (равно как и во все предыдущие и последующие), необходимо отделять интересы самих курдов от интересов как ближневосточных, так и других государств. Аналитики, игнорирующие или недооценивающие один из аспектов проблемы, неизбежно дают искаженную картину, причем этим грешат авторы разных национальностей и разных политических и мировоззренческих ориентаций.

Наиболее распространенный уклон у публицистов, политологов и историков как Запада, так и Востока, занимающихся ситуацией в Курдистане, — рассматривать ее преимущественно под углом зрения интересов и влияний некурдских сторон. Один из наиболее заметных отечественных экспертов по ближневосточным проблемам в 20-х годах XX в., В.А.Гурко-Кряжин, так писал, например, о мосульском вопросе: «Чуть ли не наиболее важной является курдская грань мосульского вопроса, сводящаяся к национально-государственному самоопределению этого народа, раздробленного сейчас между тремя соседними государствами и, одновременно, к использованию курдов Англией против Турции, а в будущем, вероятно, и против СССР». Справедливо отметив, что «мосульская проблема составляет... часть огромной курдской проблемы, которая в ближайшее время будет играть решающую роль в политической жизни Среднего Востока», автор вместе с тем делает вывод: «Национально-государственному самоопределению курдов препятствует их необычайная социально-культурная отсталость, выражающаяся в преобладании родо-племенного и феодального строя, в отсутствии влиятельной интеллигенции, которая обычно арабизируется и туркизируется. Благодаря этому обстоятельству курды пока являются лишь орудием в руках тех или иных держав»¹. Здесь виден несомненный перекоп в сторону рассмотрения ситуации в Курдистане как результата посторонних влияний.

Односторонний подход был в целом характерен и для западной литературы, иногда с обратным знаком («нет влияний — нет и проблемы»). Так, американский востоковед Г.Фостер видел разницу в положении курдов и армян в том, что «западное христианство не претендовало на интерес к курдам. Следовательно, гуманитарный дух, здесь лишенный обычного материального интереса, предоставил курдов их собственной судьбе»². П.Жантизон, писавший о Турции 20-х годов, видел причину непрерывных волнений в Курдистане только в противостоянии ислама западной цивилизации, в реакции «феодализма против государства», в корыстных устремлениях курдских вождей и шейхов. Он писал о «курдском обскурантизме», утверждая, что Курдистан «не созрел» для восприятия демократических идей и что курдам, разделенным на племена, диалекты, религиозные секты, «далеко, чтобы быть одной нацией», а их движение не выражает «глубокие националь-

ные чувства»³. Такого рода поверхностных, некомпетентных, а иногда курдофобских суждений полно в тогдашней литературе.

Обстановка в Курдистане в период относительной стабилизации в послелозаннский период определялась комплексом причин, общим знаменателем которых было стремление всех непосредственно заинтересованных стран в той или иной степени использовать курдов в своих целях. Поэтому правильнее будет говорить не о стабилизации, а о воспроизводстве прежних конфликтов в курдском регионе применительно к новым обстоятельствам, сложившимся в послевоенном мире.

Как бы то ни было, курдское национальное движение по-прежнему оставалось первопричиной всех внутренних и внешних противоречий в населенном курдами регионе, выливавшихся в острое противоборство сторон. Оно стало постоянным фактором внутривосточной жизни всех ближневосточных стран, на территории которых жили курды, а также международной обстановки вокруг Западной Азии. Курдский вопрос ни в исследуемый период, ни в последующее время никогда не переставал быть постоянно действующей константой внутри- и внешнеполитической жизни этого региона. Однако это не был единый процесс. Разделенность Курдистана и раздробленность курдского общества накладывали на него свою печать. Влияние этих факторов на общую ситуацию на ближневосточной арене по своему историческому значению было весьма различным как в географическом, так и во временном отношении.

В первые годы после Лозанны курдский вопрос был сфокусирован на не решенной до конца Мосульской проблеме, хотя, конечно, далеко не исчерпывался ею. Две противостоящие стороны в споре из-за нефтеносного Мосула — Турция и Великобритания — использовали курдскую карту как основную. Однако не только политический вес и значение этих государств были разными, различной была и их роль в событиях, прямо или косвенно связанных с курдским вопросом.

Англия, не говоря уже о ее военно-политическом и экономическом преобладании на всем Ближнем Востоке, была полной хозяйкой в Ираке, в том числе и в северной его части, Мосульском вилайете. Еще раньше отделившись от французских претензий на Мосул, Лондон без труда отбил притязания на него новорожденной Турецкой республики, не обладавшей реальной силой для их подкрепления. Затруднения руководители британской колониальной политики ожидали только от иракских курдов, враждебно встретивших новых угнетателей. Но негативное воздействие курдского фактора на позицию Англии в конфликте с Турцией из-за Мосула смягчалось, во-первых, явным нежеланием иракских курдов возвращаться под турецкое ярмо, а во-вторых, разрастанием поощряемого англичанами антагонизма между курдскими и арабскими националистами в Ираке. Поэтому некоторая часть

курдской общественности в Ираке готова была временно мириться с английским господством, ибо рассматривала его как наименьшее зло и своих наиболее опасных врагов видела в правителях Багдада и Анкары.

Зато кемалистской Турции пришлось столкнуться с весьма значительными трудностями во всех аспектах своей курдской политики — как внутренних, так и внешних. Не будет преувеличением сказать, что ситуация в Курдистане и вокруг него была одной из главных проблем, с которыми пришлось иметь дело кемалистскому правительству. Это касалось мосульского и всех других вопросов, так или иначе связанных с курдами и их национальной борьбой.

Буквально с первых месяцев существования руководимого Мустафой Кемалем националистического режима в Турции, осенью 1922 г. окончательно добившего поддерживавшихся Англией греческих интервентов и тогда же упразднившего султанат, год спустя провозгласившего Турцию республикой (со столицей в Анкаре), а в марте 1924 г. ликвидировавшего халифат и выславшего из страны членов 600-летней династии Османов, отношения между ним и поднимающим голову курдским национализмом стали конфликтными. Об этом имеется достаточно свидетельств, проанализированных и в нашей литературе⁴. Причины этого оказавшегося непримиримым антагонизма были естественными и фундаментальными: двум национализмам на одной земле было не ужиться, причем турецкий национализм, имевший и имеющий до сих пор статус официального и единственно законного, пользовался подавляющим преимуществом. В период становления Турецкой республики турецко-курдская рознь уже имела свою историю с ее глубокими этническими, социально-экономическими и культурными корнями.

Серьезные изменения, которые принесла так называемая кемалистская революция в жизнь турецкого общества, круто повернув в сторону модернизации все его политические, социально-экономические и культурные основы, ничуть не смягчили эту рознь. Дело в том, что прогрессивные сами по себе реформы в республиканской Турции, направленные на ее капиталистическое развитие и приобщение к современной западной цивилизации, как уже говорилось, меньше всего затронули курдов, медленнее всего проводились в Турецком Курдистане. Реформы проводились турками, для турок и во имя турок — такова была их основная идея и ее практическая реализация. Можно сказать, что это были сугубо националистические реформы.

Конечно, и в таком качестве эти преобразования не миновали территории страны, населенные преимущественно нетурками, т.е. главным образом курдами. И там происходило некоторое развитие производственной и социальной инфраструктуры, уменьшилось подавляющее влияние религии благодаря перестройке государства на светских

принципах (лаицизм). Однако осязаемые результаты этих сдвигов проявились очень нескоро, современники их почти не почувствовали, зато методы проведения реформ оказались особенно болезненными для тех этнических меньшинств Турции, которые противились ассимиляции и претендовали на собственную национальную жизнь, и в первую очередь для курдов. Ибо методы эти были насильственными, антидемократическими и при всей внешней прогрессивности грубо посягали на традиционный уклад курдского общества. В первую очередь это относится к антиклерикальным и антитрайбалистским мероприятиям кемалистских властей.

Уместным будет привести наблюдение свидетеля первых лет кемалистского правления советского дипломата Г.А.Астахова, который среди причин непрерывных курдских восстаний в Турции, помимо английских интриг (объяснение в духе времени) и этнических и религиозных отличий (последние касались только курдов-заза), называет «злоупотребления и неумелый образ действий администрации, не учитывающей всех особенностей курдского быта и сплошь да рядом задевающей грубо национальные, религиозные и бытовые традиции курдов. Но главной причиной надо считать основное различие между социально-бытовым положением курдов и турок»⁵.

Словом, у турецких курдов было достаточно причин для враждебного отношения к новому кемалистскому режиму и, следовательно, для сближения с его политическими противниками. Со своей стороны, противостоявшая кемалистскому режиму правая оппозиция (полуфеодалы, помещики, клерикалы, компрадоры, преданные османскому двору военные и бюрократы и т.п.), организованная в Прогрессивно-республиканскую партию во главе с генералом Кязымом Карабекирпашой, Рефет-пашой и др., искала и находила в консервативных слоях курдского общества союзников в противодействии прогрессивным реформам Анкары.

Одной из основных точек соприкосновения турецких оппозиционеров с курдской верхушкой было неприятие провозглашенного кемалистами антиклерикального курса. Хотя в курдском национальном менталитете религиозность занимает далеко не главное место, курдские религиозные авторитеты — шейхи, большинство которых одновременно являлись главами дервишских орденов (накшбенди, кадири) и племенными вождями, были окружены ореолом особой святости и почитания, пользовались в Курдистане значительным идейным и политическим влиянием, являлись одними из наиболее влиятельных предводителей курдского политического национализма.

Этим и пытались воспользоваться турецкие антикемалисты, пуская в ход исламские козыри. Курдский вождь Зиннар Силопи (Кадри Джемиль-паша) писал шейху Саиду Пирани, вскоре возглавившему круп-

нейшее курдское восстание: «Партия Кязыма Карабекир-паши в собрании является верующей и уважает религиозные предписания. Я не сомневаюсь, что она не откажет нам в своей поддержке». Другой соратник шейха Саида шейх Эйюб сказал впоследствии на процессе над курдскими повстанцами: «Единственной партией, которая могла бы спасти религию, является партия, учрежденная Кязымом Карабекир-пашой; в программе этой партии говорится, что к религиозным предписаниям будут относиться с уважением». На процессе говорилось, что члены этой партии были связаны с элементами, которые «организуют заговоры, стремясь вызвать в стране реакционное движение и всеобщий мятеж». Некое «секретное исламское общество» давало широкие обещания шейхам накшбенди. На партию Кязыма Карабекир-паши надеялись и «те, которые по ту сторону границы вели агитацию в пользу восстания»⁶.

Таким образом, имелась идейная почва для союза между турецкими и курдскими оппозиционными силами, одинаково не приемлющими в первую очередь курс на секуляризацию общественного строя страны. Однако идейная близость оказалась недостаточной для сколько-нибудь прочного политического сближения. Ведь курдские предводители, даже носившие чалму, прекрасно помнили, что оппоненты новой власти в Турции давно зарекомендовали себя как злейшие враги курдской свободы и независимости. Во всяком случае, нет никаких доказательств, что указанная идейная близость турецких и курдских клерикалов привела к созданию какой-либо единой политической платформы. Зато она давала Анкаре поводы для инсинуаций в адрес ее политических противников как в турецком, так и в курдском лагерях, к сожалению, некритически воспринимавшихся некоторыми зарубежными авторами, в том числе и советскими.

После Лозанны в Турецком Курдистане сохранялась достаточно напряженная обстановка, которая продолжала обостряться. Этому способствовал обескураживающий для курдов итог конференции, не оставивший им никакой надежды на национальное самоопределение. Последующие законодательные и практические мероприятия турецких правящих кругов имели ярко выраженный шовинистический, антикурдский характер.

Так, первая конституция Турецкой республики, принятая в апреле 1924 г., и по букве, и по духу была пронизана идеями турецкого национализма в его сугубо шовинистической трактовке. Население и граждане Турции назывались не иначе как турками (ст. 68, 69, 70, 88). О наличии в стране других национальностей — ни звука. Государственным языком провозглашался только турецкий (ст. 2). В таком же аспекте были выдержаны и некоторые другие статьи конституции. Параллельно шла и идеологическая обработка населения молодой

республики официальной и официозной прессой в духе воинствующего тюркизма, отрицающего, в частности, этничность курдов, причисляющего их к одной из разновидностей турок⁷.

Повсеместному росту недовольства в курдском регионе республиканской Турции способствовали не только социально-политические реалии, но и целенаправленная деятельность поднявших голову в новых условиях курдских националистов. Как было показано в предыдущих исследованиях по истории курдской проблемы, именно в Турции сделал первые шаги курдский национализм⁸. После поражения страны в Первой мировой войне и оккупации Стамбула и проливов войсками Антанты здесь возникли относительно благоприятные условия для деятельности различных курдских националистических обществ. Они были в основном сосредоточены в столице, державы-оккупанты относились к ним в общем благосклонно, надеясь использовать их в своих интересах для влияния, с одной стороны, на султанское правительство, с другой — на набиравших силу турецких националистов (кемалистов).

Подобных обществ, которых только с большой натяжкой можно назвать политическими партиями (а на деле являвшихся разве что эмбрионами таковых), было немало. Они фигурировали под разными названиями⁹, подчас меняли свои программы, тактику, политические ориентации и вообще были недолговечными. Об их конкретной деятельности и достижениях в литературе содержатся довольно противоречивые и ненадежные сведения. Одно несомненно: они служили школой политического воспитания в духе национализма и политической борьбы для курдской элиты того времени. Впрочем, некоторые курдские общества оставили заметный след в истории национальной борьбы.

Одним из них было Общество курдской свободы, позже именовавшееся Обществом курдской независимости, а в литературе известное как «Азади» (по-курдски «свобода»). По одним данным, оно было основано в 1923 г., по другим, добытым британской разведкой, — в Эрзуруме в 1921 г. Основателем общества курдские источники называют полковника Халид-бея Джибранлы, командующего гарнизоном в Эрзуруме. Отделения «Азади» имелись во всех крупных центрах Турецкого Курдистана, общество было построено на основах строгой централизации и конспирации и имело в своем составе многих влиятельных членов курдского нобилитета как из племенной верхушки Курдистана, так и аристократов, проживавших в Стамбуле. По сведениям британского источника, «все племена будут поддерживать его („Азади“). — М.Л.) из соображений национализма и религии»¹⁰.

Итак, в Турецком Курдистане исподволь, но интенсивно шла подготовка к организованному выступлению против новой республикан-

ской власти, за свободу и независимость курдов. Однако наряду с внутренними причинами обострения курдского вопроса в Турции в послеллошнский период были и весьма серьезные внешние причины.

Они заключались в том, что в сопредельных частях Курдистана, входивших в состав Ирана, Ирака и Сирии, как и в самих этих странах, послевоенная смута не прекращалась на протяжении всех 20-х годов, и то и дольше. Ее движущими силами были не только конфликтующие между собой силы в этих странах, но и пытавшиеся использовать ситуацию в своих имперских интересах европейские колониальные державы, главным образом Англия. Последние играли чаще закулисную, но иногда решающую роль в событиях, происходивших на восточных границах Турции и прямо связанных с курдской проблемой.

Одним из ярких примеров присутствия «английской руки» в международных конфликтах, спорадически случавшихся в этом регионе, можно назвать волнения в Хакяри летом и осенью 1924 г. Они были вызваны попыткой возвращения туда части ассирийцев-несториан, в 1915 г. бежавших от младотурецкого геноцида в Иран, а после войны насильственно переселенных англичанами сперва в Баакубу (возле Багдада), потом на север Ирака, в курдские районы, с целью создания противовеса набирающему силу курдскому движению¹¹. Видя в ассирийцах орудие британского влияния, турки при помощи вооруженной силы не допустили их водворения в Хакяри и вынудили вернуться в район Мосула.

Примечательно, что служившие в турецких войсках курдские офицеры и часть солдат перешли на сторону ассирийцев. Кемалисты, подозревая курдов в связях с англичанами, произвели в Эрзуруме многочисленные аресты среди курдских активистов¹². Вскоре многочисленные аресты были произведены в Муше и в других местах. Расширяя и ужесточая репрессии против курдских националистов, кемалистские власти хотели предотвратить всеобщий взрыв в курдских вилайетах. Особую тревогу внушали Анкаре сильные подозрения в том, что подрывными действиями курдских националистов закулисно руководила Англия, тогдашний главный антипод новообразованной Турецкой республики на ближневосточной арене. Известные основания для такого рода подозрений имелись.

Прежде всего кемалисты были убеждены, что политическая программа курдских националистов льет воду на мельницу британской политики в отношении Турции. И в самом деле, мотивы, по которым входившие в «Азади» курдские офицеры готовили восстание в курдских вилайетах, не могли не найти сочувствие в Лондоне. Эти мотивы содержались в документе из 11 пунктов, добытом британской разведкой. Не исключено, что о нем прознали и вездесущие турецкие спецслужбы. Большинство этих пунктов, с критикой проводимых прави-

тельством реформ, затрагивающих национальные интересы курдского населения (признание статуса «меньшинств» только за христианами, ликвидация халифата, разрывающая «связи между турками и курдами», ущемление курдского языка, различные административные притеснения, в том числе по выбору курдских депутатов в турецкий парламент — Великое национальное собрание Турции, плохое обращение с курдскими новобранцами в турецкой армии, наконец, привлечение «германского капитала для эксплуатации курдских минеральных богатств» и др.)¹³, могли быть использованы англичанами для антитурецкой пропаганды во всех частях Курдистана и в других странах мусульманского мира.

Турки были неплохо осведомлены об активизации «Азади» уже в 1924 г. Однако принять эффективные контрмеры они тогда не могли: власть Анкары над востоком страны была еще непрочной. Что касается «Азади», то оно в своих планах борьбы за освобождение от турецкого ига поначалу делало ставку на помощь со стороны Великобритании.

Правда, среди курдских патриотов имелось немало сторонников просоветской ориентации, прельщенных интернационалистской пропагандой большевиков. И в период Лозаннской конференции, и позже курдские вожди и руководители националистических организаций несколько раз обращались к советскому правительству с просьбами о помощи и даже с выражениями готовности принять протекторат Советской России над Курдистаном. Хотя из Москвы положительной реакции на эти обращения не последовало (ибо СССР тогда был заинтересован в укреплении и развитии дружественных отношений с Турцией и Ираном и не хотел подвергать их испытаниям из-за курдов), просоветские настроения в Курдистане еще долго сохранялись¹⁴. И все же в первое время после Лозанны предводители турецких курдов больше уповали на англичан, надеясь использовать в своих интересах продолжающийся англо-турецкий спор из-за Мосула. В частности, члены «Азади» установили контакты с британскими разведслужбами в Северном Ираке с целью создания своих опорных баз в зоне фактической (еще твердо не установленной) турецко-иракской границы. На этом основании турки обвинили некоторых курдских офицеров, принадлежавших к «Азади», в шпионаже в пользу Англии.

Британские колониальные власти в Ираке и британская агентура в Северном Ираке и Юго-Восточной Турции охотно сотрудничали с курдскими националистами и всячески поощряли их, но, видимо, не верили в их способность реализовать свои далеко идущие планы. Признавая полезность связей с «азадистами» для давления на Турцию, компетентные деятели британской администрации в Ираке указывали на опасность подъема курдского национализма для интересов метро-

полии¹⁵. Таким образом, поддержка англичанами курдских националистов в Турции носила весьма условный характер.

Итак, в послелозаннский период в Турецком Курдистане сложилась такая остроконфликтная обстановка, созданная взаимодействием как внутренних, так и внешних факторов, которая была чревата дальнейшим кризисным развитием, охватившим также иракскую и иранскую часть Курдистана и вовлекшим в качестве активных участников не только самих курдов, боровшихся за свободу и независимость, но и правящие круги Турции, Ирана, Ирака, а также Великобританию. Кроме того, сложившаяся ситуация затрагивала государственные интересы Франции и Советского Союза.

По понятным причинам больше других была вовлечена в курдские дела Турция. Помимо того что для нее это была актуальнейшая внутренняя проблема, на первый план выдвигался и внешнеполитический аспект курдского вопроса. Прежде всего Анкара никак не могла примириться с тем, что в Лозанне у нее «увели» Мосул. И хотя руководители новорожденной Турецкой республики, вероятно, понимали необратимость этой утраты, они рассчитывали воспользоваться временной неурегулированностью статуса Мосульского вилайета с международно-правовой точки зрения для хотя бы частичного реванша на дипломатическом фронте, дабы вырвать у Англии некоторые уступки, используя одновременно как курдские, так и туркменские «рычаги».

Другой насущной заботой для турецкого правительства, причем традиционной, было положение на турецко-иранской границе, разделяющей Иранский и Турецкий Курдистан. Постоянная смута в Западном Иране, главным участником которой были курдские племена, с одной стороны, угрожала Турции из-за тесных связей иранских курдов с турецкими, с другой — создавала желанные предлоги для ее вмешательства не только в иранские дела, но и в иракские (граница между Иранским и Иракским Курдистаном всегда была чисто символической, а связи иранских курдов с иракскими были даже более тесными, чем с турецкими). Основной целью такого вмешательства было оказание давления на главного противника Турции в регионе — Великобританию.

Естественно, важнейшей задачей турецких властей в связи с этим было налаживание взаимоотношений с курдскими вождями Иранского и Иракского Курдистана, которых следовало превратить в союзников Анкары в борьбе против Англии и ее сторонников в Тегеране и Багдаде. Задача была не из легких, учитывая традиционное отчуждение (по меньшей мере!) между Турцией и курдской верхушкой; тем не менее новые хозяева Турции приложили немало усилий, чтобы привлечь на свою сторону курдские племена Ирана и Ирака. Активную работу развернули кемалисты среди курдов турецко-иранской пограничной полосы и всего Западного Ирана. Так, секретарь турецкого

генконсульства в Урмии (Иран) Феридун-бей осенью 1923 г. совершил поездку к курдским вождям Керим-хану, Хаджи-аге и Нури-беку с целью ознакомления их с якобы собственноручным письмом Мустафы Кемаль-паши, в котором турецкий лидер интересовался нуждами курдов и выразил готовность оказать им всяческую помощь¹⁶.

Работа кемалистов среди иранских курдов не была самоцелью, тем более что после переворота 3 хута (21 февраля) 1921 г., который скоро привел к захвату всей полноты власти военным министром Реза-ханом, в Иране значительно уменьшилось английское влияние и он стал дружественным Турции государством. Заботила Анкару только вечно неспокойная ситуация на турецко-иранской границе и связи иранских курдов с турецкими, но это были чисто локальные проблемы. Особенно интересовали кемалистов взаимоотношения иранских курдов с иракскими, ибо именно Южный Курдистан был главным объектом их устремлений. Связи между иранскими и иракскими курдами в то время были более тесными и близкими, чем между иранскими и турецкими или между иракскими и турецкими. В сущности, Иранский (особенно его южная часть) и Иракский Курдистан образовывали одно геополитическое пространство, которое было ареной борьбы между турками, курдами и англичанами. Участие в этой борьбе королевского правительства Багдада и тегеранских властей до второй половины 20-х годов было второстепенным.

В своих действиях в этом регионе кемалисты столкнулись с большими трудностями, которые так и не смогли преодолеть. Становившаяся все более непримиримой конфронтация с вождями Турецкого Курдистана повлияла на отношение к турецким властям жителей Иранского и Иракского Курдистана. Все курды, писал в своем обстоятельном анализе ситуации в Курдистане в конце октября 1923 г. советский консул в Урмии А. Дубсон, поняли «перемену фронта кемалистами в курдском вопросе». Крушение турецкого влияния в Северном Курдистане неминуемо приведет к такому же результату и в южной его части, утверждал автор.

Самим кемалистам, однако, была еще не ясна бесперспективность их попыток привлечения на свою сторону курдского населения восточных соседей Турции. В Иране они старались сыграть на разжигании вражды между курдами и ассирийцами. Часть последних, гонимых многочисленными врагами, поселились на берегах оз. Урмии, что вызвало враждебную реакцию местного мусульманского населения, в том числе и курдов. В Ираке же турки возлагали надежды на сотрудничество с главным врагом британских колониальных властей и их арабских подручных — шейхом Махмудом Барзанджи.

В августе 1923 г. мятежный курдский шейх, дотоле скрывавшийся на территории Ирана (Авроман), вновь занимает Сулейманию¹⁷.

«В дальнейшем, — пишет А.Дубсон, — он стремится к расширению своего влияния, привлечению на свою сторону курдских вождей и ведет переговоры с турками и англичанами о политическом устройстве Южного Курдистана, ожидая помощи от первых». По мнению источника, эта политика имеет шансы на успех в отношении Сулеймании и Киркука, «но она отнюдь не меняет в пользу шейха общей ситуации», которая через охлаждение к туркам и «платоническую симпатию к нам (Советской России. — М.Л.)» толкает его в руки англичан¹⁸.

Однако и с англичанами у него не заладилось. Стороны питали друг к другу глубокое недоверие, периодически перераставшее во враждебные действия. Англичане с севера и запада окружали владения шейха Махмуда заградительными отрядами и пытались заставить его признать правительство короля Фейсала (полностью послушное британскому верховному комиссару) и взять советников из английских офицеров. Шейх Махмуд всячески уклонялся от этой чести и одновременно старался укрепить контакты с турками, отправляя своих комиссаров в Ван. Кемалисты обещали ему помощь в освобождении Южного Курдистана от британского господства, но курды верили туркам не более, чем англичанам¹⁹.

Тем не менее шейх Махмуд направил на переговоры с известным турецким агентом в Северном Ираке Оздемиром (Али Шефик-беем) делегацию, которая заключила с ним в Равандузе следующее соглашение:

1) турецкое правительство обещает независимость Южному Курдистану и невмешательство в его внутренние дела, но без права сношения с другими странами;

2) шейх Махмуд Барзанджи признается правителем Южного Курдистана с правом иметь в Сулеймании свой меджлис;

3) территория Южного Курдистана ограничивается с севера казой Шемдинан, с юга — хребтом Джебель-Хамрин, с востока — персидской границей, с запада — рекой Тигр;

4) правительство Южного Курдистана имеет право иметь свои войска;

5) Южный Курдистан в случае войны обязан оказывать Турции военную помощь;

6) Турция имеет право с разрешения Южного Курдистана проводить через его территорию свои войска;

7) турецкое правительство может оказывать Южному Курдистану моральную и материальную помощь;

8) правительство Южного Курдистана само определяет районы размещения своих пограничных войск.

Были еще два пункта, но об их содержании информатор советского консульства в Урмии некий Ахмед Таги-бей не смог что-либо узнать²⁰.

Таким образом, курдам Ирака предлагалась независимость на условиях фактического протектората со стороны Турции. Однако курдская делегация не поверила этим обещаниям и проследовала в Анкару, где на встрече с премьером Хюсейном Рауф-беем (правда, уже уходящим в отставку) потребовала подтверждения. Скептицизм курдов подтвердился: турецкая сторона заняла уклончивую позицию, не взяла на себя никаких обязательств по автономии и обещала курдам абстрактную помощь (как оказалось, только на словах), одновременно посоветовав им сохранять внешнюю лояльность по отношению к англичанам²¹.

Действительно, после Лозанны кемалисты заметно (хотя и не сразу) снизили свою активность в Северном Ираке. Открытая поддержка закордонных курдов была чревата ответными действиями англичан в начинающем бурлить Турецком Курдистане. Пришлось ограничиться не очень эффективной агентурной деятельностью. Со своей стороны, и курды перестали рассчитывать на турецкую помощь. Более того, курдские вожди Ирака и Ирана пытались заручиться поддержкой Советов. Подобные попытки, как уже указывалось, предпринимались и раньше²², и чаще всего их связывают с именами шейха Махмуда Барзанджи и самого влиятельного предводителя иранских курдов Измаила-ага Авдои Симко (Смитко), главы племен шеккак, который был в то время союзником первого и принимал участие в боях под Равандузом и Сулейманией. Однако, как писал А. Дубсон, «ориентация на нас не может быть прочной и длительной». По его мнению, неминуем крен курдских вождей в сторону Англии, как только та решит свои проблемы в Ираке. Главная же цель англичан, разумеется, — достижение договоренности с шейхом Махмудом.

Другого ценного партнера англичане видели в шемдинанском шейхе сейиде Та (по прозвищу Таха). Он был подлинным хозяином важного в стратегическом отношении района Курдистана, расположенного на стыке границ Ирака, Ирана и Турции, и пользовался значительным влиянием на племена Равандуза (Ирак), Ошнуйе (Ушну), Мергевера и Тергевера (Иран). Ему были определены субсидия в 1 тыс. рупий и право получать доходы с таможи. Кроме того, ему были присланы в подарок 5 тыс. ружей. Однако Таха был себе на уме и вовсе не собирался преданно служить англичанам. По мнению Ахмеда Таги-бея, «он связан с ними (англичанами. — М.Л.) лишь внешне и всегда может быть привлечен к совместной работе с шейхом Махмудом и даже Смитко, если Россия окажет помощь курдскому движению».

Итак, в поисках союзников курды продолжали обращать свои взоры на север. «Для курдов, — писал А. Дубсон вопреки своему же пессимистическому прогнозу, — после крушения английской и турецкой ориентации, одна за другой сменявших друг друга, становится очевидным, что упрочение положения Турции влечет за собой повторе-

ние старой турецкой политики в Курдистане и что лишь Советская Россия сможет быть бескорыстным другом курдов, способствующим достижению их чаяний и стремлений»²³.

Источник поименно называет сторонников просоветской ориентации. Таков, например, глава племени джибран Халид-бей, «застрельщик ориентации на нас», находившийся в постоянных контактах с Симко и шейхом Махмудом. Он был тесно связан и с влиятельными вождями Турецкого Курдистана Кёр Хусейном-пашой и Хасаном (конфедерация хайдеран), Халид-беем (хасанлу), Муса-беем (милян, Муш), Ибрагим-беем (джелали, Баязид). По словам Ахмеда Таги-бея, существовало общество «Техлиси ватан» («Освобождение родины»), цель которого — создание автономного Курдистана, ориентированного на Советскую Россию. В это общество якобы входят и радикальные турки-кикемалисты. В него вовлекаются влиятельные вожди Южного и Восточного Курдистана (включая Симко), и оно пытается объединить всех курдских вождей²⁴.

В Иранском Курдистане ревностным сторонником советской ориентации объявил себя Симко. Советскому консулу в Урмии в середине октября 1923 г. было вручено его письмо «Центральному правительству», в котором говорилось: «...мы возлагаем все надежды на Вас. Когда Вы окажете во имя человеколюбия в отношении нас необходимое содействие и помощь, то мы готовы исполнять всякие Ваши приказания». Устно Симко просил советское правительство быть посредником между ним и персами, обещая при гарантии ему личной безопасности и содействия в возвращении имений и власти над всеми шекаками во всем следовать курсу Москвы. Консул советовал пойти навстречу Симко, дабы нейтрализовать турецкие интриги среди иранских курдов. В Курдистане, писал А.Дубсон, «сплошной курдский массив, уже оторвавшийся от англичан и редкими нитями привязанный к кемалистам с разрывом посередине у Равандуза и при том кренящийся в сторону Советской России, вожди которого тянутся к нам и в то же время силою объективных условий отбрасываются назад к англичанам и туркам». Надо и возможно «закрепить этот крен».

Не дожидаясь директив из Центра, консульство энергично работало среди урмийских курдов, борясь за «закрепление курдских симпатий за нами», за «изживание курдами иллюзий о возможности содействия англичан или турок осуществить свои политические стремления», причем эта работа «дала уже существенные результаты». Информировав курдов о положении в Советской России, консульству удалось преодолеть «враждебное отношение к нам». Главной задачей, по мнению консула, было «всемерное налаживание товарообмена с курдом-производителем», «способствование развитию кооперативного движения среди крестьян края»²⁵.

Советским представителям в Урмийском крае в борьбе за местных курдов приходилось преодолевать сильную конкуренцию. Один из работников консульства в Урмии писал в конце августа 1923 г.: «Среди курдов работают и обманывают их очень многие. Работают англичане, турки, персы, курды и, быть может, американцы. Работают они с деньгами и при помощи реальной силы. Я действую без денег, без реальной силы и только словом и обещаниями. При таких условиях вначале и наши результаты должны быть бедными»²⁶.

Тем не менее, несмотря на скудость средств, советское консульство вело среди курдов интенсивную контрпропаганду против англичан, турок и персов. Через верных людей, писал безымянный сотрудник консульства, «распространяю среди курдов слухи о величии русского народа, об улучшении его хозяйственных условий и о прогрессе его»²⁷.

Видимо, сфера действий советских пропагандистов была довольно ограничена и не выходила за пределы Урмийского округа. В остальных районах Восточного и Южного Курдистана за влияние на курдов по-прежнему боролись англичане и турки. Хозяин ключевого в стратегическом отношении Равандузского округа сейид Таха был объектом самого пристального внимания англичан, называвших его «начальником спокойствия» этого района. Его брат, шейх Мюсли, напротив, был сторонником турок, наградивших его орденом и присылавших к нему своих людей²⁸.

Борьба между англичанами и турками за влияние на иракских курдов особенно обострялась по мере приближения развязки Мосульского кризиса. И конечно, англичане шли впереди, ибо их позиции в Ираке были несравнимо сильнее. Убийственным козырем в пропагандистской кампании англичан и послушных им арабских политиков, развернутой против попыток турок утвердить свое влияние на Мосульских курдов, были расправы, чинимые как раз в это время над курдскими повстанцами в Турецком Курдистане. Вот как комментировала, например, иранская газета «Шефаг-е Сорх» 3 марта 1925 г. подоплеку этой кампании: «Каких только там на нее (на Турцию. — *М.Л.*) не вешали собак? ...Конечно, инсценировать дополнительно к этой пропаганде настоящее восстание против турецкого правительства среди курдских племен, родственных тем, что живут в Мосульском вилайете, являлось сейчас актом весьма „политичным“... Пускай, мол, это восстание обречено на полную неудачу, ведь ясно, что для турок не составит труда в самое короткое время навести там полный порядок. Это не важно... Важно то, что этим все равно убиваются два зайца сразу: во-первых, в результате карательных мер турецких войск и среди усмиренных, и среди их родичей сеется неприязнь к „усмирителям“, а во-вторых, самое главное — какая эффектная и поучительная картина и для работающей сейчас в Месопотамии делегации Лиги

Наций, и для общественного мнения всего земного шара... Кто же является инсценировщиком всего этого?.. Чьи это ловкие руки использовали сейчас „фанатизм“ простаков-курдов?.. Есть старая поговорка: чтобы найти, кто преступник, нужно смотреть, на чью пользу пошло преступление». Другая иранская газета, «Сетаре-йе Иран», месяц спустя писала: «Нам хорошо известно, на какой подкладке эти события там (в Турецком Курдистане. — *М.Л.*) вспыхнули и кто именно их там аранжировал»²⁹.

Послелозаннская борьба за влияние на курдов велась не только в самом Курдистане, но и на дипломатическом фронте. Если Багдад в ту пору не имел самостоятельной внешней политики и проблемы, связанные с Южным Курдистаном, Анкаре приходилось обсуждать непосредственно с Лондоном, то во взаимоотношениях с восточным соседом Турции — Ираном — курдский вопрос занимал приоритетное место.

В англо-турецком споре из-за Мосула курдский вопрос самостоятельной роли не играл. Ни Великобритании, ни Турции не было выгодно выпячивать его, ибо неминуемым становилось публичное обсуждение совершенно неприемлемой для обеих сторон проблемы национального самоопределения курдов; ведь их обращение с «собственными» курдами выглядело достаточно скандально. Однако курдский вопрос, открыто или подспудно, всегда был обязательным составным элементом всех конфликтных ситуаций, возникавших главным образом вследствие неопределенного статуса Мосула и неизбежных многочисленных нарушений не зафиксированной официально турецко-иракской границы.

Так, в начале сентября 1924 г. турецкое правительство протестовало против карательных действий англичан в Сулеймании и сопровождавших их полетов английских самолетов над турецкой территорией. Англичане в долгу не остались. Последовали ноты протеста в связи с концентрацией турецких войск в Джизре и Чёлемерике и неоднократными нарушениями турками демаркационной линии, разделявшей Турцию и Ирак. В Лондоне, видимо, сочли принятые меры недостаточными, и 9 октября 1924 г. правительство Макдональда предъявило Турции ультиматум с требованием очистить в 48 часов территорию, оккупированную турками на турецко-иракской границе, и отойти на линию, согласованную на Лозаннской конференции.

Кризис в англо-турецких отношениях заставил Мустафу Кемалю срочно выехать в Восточную Анатолию. В турецкой прессе началась антианглийская кампания. Было созвано специальное заседание меджлиса. Однако до враждебных действий дело не дошло. Англия согласилась на передачу рассмотрения конфликта в Лигу Наций, а Исмет-паша заявил в меджлисе о согласии турецкого правительства придержи-

живаться границы по состоянию статус-кво в соответствии с решениями в Женеве. Со своей стороны, Совет Лиги Наций обязал Турцию соблюдать границу, существовавшую до 24 июля 1923 г., т.е. дня подписания Лозаннского договора. Было вынесено компромиссное решение в отношении противостояния войск конфликтующих сторон: Англия должна была отвести войска от Сулеймании, Турция — от Амандии³⁰.

Подобного рода конфликты случались и позднее, однако ощущались они больше на пропагандистском фронте. В Анкаре, например, в начале 1925 г. был учрежден «Комитет защиты прав Мосула», развернувший соответствующую агитационную работу. Ответный залп прозвучал из Халеба (Сирия), где в это же время состоялся конгресс курдских шейхов во главе с неким Ходжой Сабри-эфенди, который предложил преподнести «королевский трон» Курдистана Селиму, сыну недоброй памяти султана Абдул-Хамида II³¹. Разумеется, серьезного значения эти эскапады не имели.

С Францией у Турецкой республики разногласий по курдскому вопросу в то время не было. С тяжелым сердцем отказавшись от Мосула, Париж вовсе не собирался подыгрывать Лондону в его политике, направленной против интересов Турции. Турецко-сирийская граница, подтвержденная Лозанной, была проведена, как считалось, по лингвистической линии, к северу от которой преобладали турецкий и курдский языки, а к югу — арабский. В действительности же эта граница делила Юго-Западный Курдистан и нарушала исторические, этнические и хозяйственные связи не только многих курдских племен, но и довольно многочисленного арабского и турецкого населения, что позднее привело к многим конфликтам. Что касается Багдадской железной дороги, по линии которой проходила большая часть границы, то ее статус, позволяющий использовать участки, проходящие по чужой территории, для военных транспортов, устраивал и Турцию, и Францию³².

Тесно связанные между собой события в Южном и Восточном Курдистане непосредственно отразились на турецко-иранских отношениях, привели к их резкому обострению к началу 1925 г. Выступления шейха Махмуда Барзанджи, сейида Таха, Симко, других курдских вождей создали чрезвычайно нервную обстановку в одной из самых «горячих» областей Курдистана — на турецко-иранской границе, конфликты на которой с непременным участием курдов фактически не прекращались с момента раздела Курдистана в начале XVI в. Попытки использовать курдские движения и пограничные конфликты, предпринимавшиеся турками и англичанами, только подливали масло в огонь. Если Великобритания и Турция вели борьбу между собой, так сказать, на встречных курсах, а проще говоря, «махали кулаками по-

сле драки», ибо существенно изменить послелозаннский статус Северного Ирака было нереально, то Иран видел в сложившейся ситуации немалую угрозу своим государственным интересам. Захвативший к тому времени реальную власть и уже нацелившийся на шахский трон (который он и занял в декабре 1925 г.) премьер-министр Реза-хан взял решительный курс на консолидацию всех государственных структур, объявив решительную войну феодально-племенному сепаратизму окраин. Первоочередной задачей он считал борьбу с курдскими движениями, в которых видел основной канал посягательств Великобритании и Турции на еще не окрепший суверенитет Ирана. Не будучи в состоянии открыто бороться с Англией, Реза-хан пошел на конфликт с Анкарой.

Видный кемалист Шюкрю Кая во время беседы в январе 1925 г. с советским полпредом в Турции Я.З.Сурицем выразил озабоченность в связи с обострившимся конфликтом с персидским правительством. По его словам, персидские власти ведут антитурецкую пропаганду «с целью изолировать шейха Махмуда, раздают курдским вождям деньги и подарки, преследуют турецких граждан с целью подорвать престиж турецкого правительства в пограничном районе». Кая заявил, что Реза-хан вызвал в Тегеран курдских вождей с целью их соответствующей «обработки». Отметив, что вблизи турецкой границы ведется строительство стратегических дорог на английские деньги, Кая в заключение обратился с просьбой о вмешательстве СССР в конфликт на стороне Турции³³.

Именно в последнем и заключалась суть предпринятого турками демарша. На фоне нараставшего подъема курдского движения в самой Турции и непрекращавшегося противостояния с Англией из-за Мосула ухудшение отношений с Ираном, обусловленное постоянной смутой в Южном и Восточном Курдистане, вызывало в Анкаре серьезные опасения. Поэтому дипломатическая поддержка со стороны дружественного в ту пору Советского Союза была для Турции весьма желательна.

Таким образом, налицо была возможность вовлечения СССР в назревавший турецко-иранский конфликт, чреватый прямыми военными столкновениями. Интересы советской внешней политики требовали занять такую позицию, которая не сводилась бы к односторонней поддержке ни Турции, ни Ирана и в то же время помешала бы Англии извлечь для себя выгоду из взрывоопасной обстановки в курдском регионе. Иными словами, Москва была заинтересована в посредничестве с целью если не ликвидации, то по крайней мере значительного смягчения конфликта между Турцией и Ираном, о чем наркоминдел Г.В.Чичерин и сообщил Я.З.Сурицу³⁴. Для СССР решение этой проблемы было тем более актуально, что пограничные инциденты с уча-

ствием курдов достигли и его рубежей, о чем НКВД уведомил турецкое посольство в специальном меморандуме³⁵.

До лета 1925 г. министерство иностранных дел Турции не раз возобновляло свое предложение о посредничестве Москвы ввиду возможности военного конфликта между Турцией и Ираном. Был выдвинут проект заключения гарантийного пакта о «территориальной неприкосновенности восточных стран с возможным привлечением их к сотрудничеству»³⁶. Потом в турецком МИДе конкретизировали, что речь идет о гарантийных пактах между Турцией и Ираном и СССР и Ираном. Министр иностранных дел Турции разъяснил советскому послу, что Турция Ирана не боится, но убеждена, что «Персия может стать плацдармом для агрессии со стороны Англии». Особую тревогу внушала Анкаре подготовка персидско-иракского соглашения, хотя у Турции «нет никакой уверенности, что Персия заключит пакт»³⁷.

Вскоре, однако, напряженность в турецко-иранских отношениях начала спадать, и надобность в советском посредничестве и в гарантийных пактах отпала. Весной 1925 г. было подавлено крупное восстание турецких курдов под предводительством шейха Саида, англичанам и персам также удалось временно справиться со своими курдами; Реза-хан, основавший новую династию, чувствовал себя достаточно уверенно, мосульский кризис близился к своему завершению в пользу Великобритании. Ни Анкара, ни Тегеран теперь не только не проявляли заинтересованности в советском вмешательстве, но, скорее, его опасались. Мустафа Кемаль на устроенном по его просьбе 19 февраля 1926 г. вечере в советском посольстве, куда он прибыл вместе с Исмет-пашой и другими своими видными соратниками, «произнес зажигательную речь против империалистических интриг»; говорили о доставке оружия, о мосульской проблеме, о турецко-французских отношениях по поводу Сирии, но ни слова не было сказано относительно курдского вопроса³⁸.

Такова была общая политическая ситуация внутри и вокруг Курдистана в послелозаннский период. Она была чревата серьезными региональными конфликтами, анализу которых посвящены следующие разделы.

«Первая курдская революционная война»

Так назвал восстание турецких курдов под руководством шейха Саида, происходившее в конце зимы и весной 1925 г., Аршак Сафрастян, автор хотя и краткого, но весьма содержательного и объективного исследования по курдскому вопросу³⁹. Насколько оправданна столь звонкая аттестация этого события, на первый взгляд заурядного, в вечно бунтующем Курдистане?

Прежде всего обращает на себя внимание большой интерес, который оно вызвало и у современников, и у позднейших историков. Ни одно другое курдское восстание, за исключением самых последних, происходивших во второй половине XX в., не породило столь многочисленных и разноречивых откликов. Уже одно это говорит о его этапном, историческом значении.

И действительно, это знаковое событие в истории многовековой борьбы курдского народа за свободу и независимость стало таковым благодаря своему размаху и воздействию как на ситуацию в Турецком Курдистане, где проживало около половины всех курдов, так и на весь курдский регион Западной Азии. Ведь это был первый массовый ответ курдского населения Турции на послелозаннскую «систему», похоронившую его упования на справедливое решение национального вопроса. В этом состоит его непреходящее историческое значение.

История восстания турецких курдов под руководством шейха Саида Пирани с фактической стороны неплохо отражена как в отечественной, так и в зарубежной литературе⁴⁰. Поэтому основное внимание мы обратим на его внутренние и международные последствия.

Первый звонок прозвучал еще в ночь с 3 на 4 сентября 1924 г., когда в Бейт Шебабе (ныне Бейтюшшебап) в провинции Хакяри вспыхнули волнения в связи с попыткой, как уже указывалось, обратного водворения там беженцев-ассирийцев из Ирака. Именно с этого выступления начинается непосредственная подготовка к восстанию шейха Саида.

Одна из наиболее существенных его особенностей — значительно более высокая степень организованности в сравнении со всеми предыдущими курдскими восстаниями османской эпохи и первых послевоенных лет, а также с выступлениями курдов в других частях разделенного Курдистана. Первоначальный план восстания, его сроки и диспозиция боевых сил повстанцев были разработаны курдскими профессионалами военными, служившими в турецкой армии и являвшимися членами комитета «Азади». Они уже успели приобрести изрядный военный и политический опыт за годы Первой мировой и национально-освободительной войн и поставили перед собой генеральную политическую цель: добиваться военным путем создания объединенного независимого Курдистана, опираясь главным образом на собственные силы.

Важным новшеством в деятельности «азадистов» и их единомышленников было наличие в ней своего рода идеологической легитимности с точки зрения международно-правовых норм, начавших складываться на рубеже 10–20-х годов XX в. под влиянием победы Антанты в Первой мировой войне, революционных событий в России и возникшего вследствие этого кризиса колониальной системы. Крушение

в Европе и Азии многонациональных империй (Австро-Венгерской, Турецкой, Российской) сделало остроактуальным вопрос о судьбах национальных меньшинств, населявших эти империи и стремившихся к свободе и независимости. Волей-неволей как руководители держав-победительниц, так и лидеры революционной России должны были обращаться к национальному вопросу как к насущной проблеме в перестраивающейся системе международных отношений, нуждающейся в соответственном нормативном оформлении. Настало время внедрения в международное право принципа самоопределения наций.

Выступление курдов и ассирийцев в Бейт Шебабе, в непосредственной близости от границы с Ираком, стало сигналом к подготовке всеобщего восстания турецких курдов. Этот в общем локальный инцидент, один из многих в 20-е годы в Турецком Курдистане, высветил одну важную деталь — нелояльность к новообразованной Турецкой республике курдов-военнослужащих, особенно офицеров, составлявших значительную часть турецкого воинского контингента. Свыше 500 военных из числа курдов выступили в Бейт Шебабе против правительства и вскоре дезертировали на подчиненную англичанам иракскую территорию. Азадистская пропаганда сделала свое дело⁴¹.

Всю осень 1924 и зиму 1924/25 г. в Юго-Восточной Турции шла организованная азадистами подготовка к всеобщему выступлению, происходившая на фоне нараставших стихийных или организованных волнений курдского населения, иногда совместно с местными и пришлыми (из Ирака) ассирийцами. В августе—сентябре 1924 г. отряд ассирийцев захватил и некоторое время удерживал в плену вали провинции Хакяри — Халила Рефет-бея. В сентябре—октябре того же года отмечены выступления курдов в окрестностях Вана, которые приписывали реакции на ликвидацию халифата и на колонизаторские мероприятия властей в аграрном вопросе (на освободившиеся в результате геноцида армян и удаления из-за недавних военных действий курдов земли переселяли турок)⁴². Ситуация в Турецком Курдистане подогревалась бесконечными инцидентами в турецко-иракской пограничной зоне, которые использовались как турецкой, так и британской агентурой для обоснования взаимных территориальных претензий в отношении спорного Мосульского региона. И Турция, и Англия прибегали к демонстрации силы, причем англичане оказывали нажим и со стороны Лиги Наций⁴³.

Готовя всеобщее восстание, азадисты провели ряд важных совещаний. Одно из них состоялось в сентябре 1924 г. в Сасуне и Хатми под видом курдской свадьбы; там были избраны представители на съезд, который состоялся в ноябре в Халебе. На нем было решено поднять восстание в начале 1925 г. Руководство подготовкой к восстанию осуществляли региональные комитеты, особенно главный из них — Эр-

зурумский во главе с полковником Халид-беем Джибранлы. Заметную роль играли также Стамбульский, Халебский и Мосульский комитеты. Стамбульским комитетом руководил сейид Абдул-Кадыр, авторитетнейший курдский национальный деятель, сын знаменитого курдского шейха Обейдуллы и бывший председатель сената оттоманского парламента. Этот комитет установил контакт с англичанами (Мосульский комитет, видимо, тоже), а Халебский — с французами⁴⁴. И это вполне естественно, ибо курды, находясь в исключительно сложном положении, остро нуждались во внешней поддержке, что совсем не означает, как будет показано дальше, будто курдское движение было инспирировано империалистами. Внутренней же причиной резкой активизации курдского движения в Турции послужила ликвидация халифата. «Курды почти единодушно настроены теперь против Турции, ликвидация халифата завершила их отчуждение от нее», — утверждал английский источник⁴⁵. Но это было не подлинной причиной, а только предлогом для возмущения, понятным для отсталого курдского общества тех времен, находившегося в полном духовном подчинении у харизматической клерикальной верхушки.

Подготовка к всеобщему восстанию курдов в восточных вилайетах не была тайной для турецкого правительства, и оно приняло свои контрмеры, обрушив репрессии на руководство курдского движения. Осенью 1924 г. были арестованы практически все руководящие деятели Комитета независимости Курдистана и других курдских организаций, в том числе Халид-бей Джибранлы и Юсуф Зия; некоторые из них были высланы за границу, другие (в том числе сыгравший впоследствии руководящую роль в курдском движении полковник Ихсан Нури) сами поспешили эмигрировать.

Таким образом, восстание 1925 г. не смогло получить надлежащего политического и организационного руководства со стороны наиболее передовой по тому времени части курдского общества в лице штаба курдских националистов — Комитета независимости Курдистана. На передний план нового витка курдской освободительной борьбы вполне закономерно вышли представители традиционной феодально-клерикальной верхушки. Бесспорным лидером в первые послелозаннские годы стал шейх Саид из Пирана (вилайет Элязыг), глава весьма популярного и влиятельного в Курдистане суфийского ордена накшбенди (накшбандийя). Последователи распространенной среди курдов ветви этого ордена халиди (халидийя) всегда играли ведущую роль в курдских восстаниях XIX—XX вв.

Шейх Саид был богат и знатен, считался одной из наиболее влиятельных фигур курдского нобилитета не только Элязыгского вилайета и его окрестностей, но и всего Турецкого Курдистана. Уже в конце 1923 г. он был введен в состав Комитета независимости Курдистана, а после

его фактического разгрома стал почти единоличным лидером курдского движения в Турции. Только курды езиды, заза и шииты оставались вне сферы его влияния.

Руководящая роль традиционной элиты в борьбе курдов за свободу и независимость имела как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, главы племен и религиозные авторитеты (чаще всего они были в одном лице) обладали преобладающим влиянием на курдские массы, были способны мгновенно поднять их на всеобщее восстание. С другой стороны, им были чужды организованность и дисциплина, конкретная политическая устремленность, питаемая передовыми по тем временам идеалами. Анархия и типично курдский феодальный партикуляризм ослабляли курдское национальное движение. Все эти негативные качества проявились и в восстании шейха Саида, и в последующих выступлениях курдов как в Турции, так и в других ближневосточных странах.

Конец 1924 и начало 1925 г. прошли в интенсивной подготовке к восстанию, проводимой шейхом Саидом, его сыном Али Ризой, сейидом Абдул-Кадыром, жившим в Стамбуле, и некоторыми другими курдскими «нотаблями». Работа шла в основном успешно, однако ожидаемого единодушия не получилось. Заза Дерсима и алеви (кызылбаши), т.е. несуннитские племена, отказались примкнуть к готовившемуся восстанию курдов, что впоследствии сыграло отрицательную роль.

4 января 1925 г. на совещании курдских вождей в окрестностях Палу был разработан окончательный план и назван срок начала восстания — день национального праздника курдов «ноуруз», приходившийся на 21 марта 1925 г. Далее последовали непосредственные подготовительные мероприятия к выступлению, во время которых выяснилось нежелание племен Дерсима и некоторых других примкнуть к нему. В планировании его была проявлена обычная для курдов неорганизованность, из-за чего восстание началось стихийно, ранее оговоренного срока, когда подготовка к нему еще не была окончена. Взрыв произошел в первой декаде февраля, поводом к нему послужила в общем случайная стычка между формировавшимся отрядом шейха Саида и турецкими жандармами. Преждевременность восстания при его неподготовленности фатально сказалась на его ходе и результатах⁴⁶.

С военной точки зрения само восстание, начавшееся 8 февраля 1925 г., имело относительно локальный и непродолжительный по времени характер. Основной очаг восстания находился западнее оз. Ван с запада на восток от Палу до Муша и с севера на юг от Карлыова до Хазро (менее 15 тыс. кв. км); и хотя повстанческие действия распространились на значительно большую территорию (приблизительно 50–60 тыс. кв. км), однако и она составляла не более четверти всего Турецкого Курдистана⁴⁷.

Восстание продолжалось недолго. Уже через месяц, 11 марта была отбита попытка курдов захватить Диярбакыр, который они намеревались провозгласить столицей «независимого Курдистана». В это же время повстанцы вошли в Элязыг, однако их попытка укрепиться в этом районе и продвинуться в Дерсим вызвала отпор большинства местных племен, чем успешно воспользовались турки. В северной части основного повстанческого региона (район Чапакчур–Карлыова) турецким карательным силам, первоначально терпевшим неудачи, также удалось в начале апреля нанести поражение повстанцам с помощью шиитского племени хормек. Наконец, на востоке и северо-востоке (район Малазгирт–Муш–Битлис) после ожесточенных боев турки в конце марта одолели курдов, и лишь части боевых сил последних удалось пробиться в Иран. В середине апреля 1925 г. основные силы повстанцев были окружены в долине Генча и частично уничтожены; сам шейх Саид и его ближайшие соратники попали в плен. К середине мая 1925 г. были ликвидированы последние очаги восстания⁴⁸. Курды Турции потерпели первое после окончания мировой войны серьезное поражение, турецкие же власти приступили к массовым расправам.

Для изучения истории курдского вопроса восстание шейха Саида представляет особый интерес, ибо оно носит черты как старой, так и наступившей новой эпохи. В курдском менталитете, проявлявшемся во всех политических движениях в Курдистане и выражавшемся в четко выраженном комплексе свободолюбия и неприятия любого угнетения, эти эпохи трудноразличимы. В сущности, курды в XX в., особенно в эпоху Первой и Второй мировых войн, вступили в переходный период своей истории. Из-за отсталости курдского общества и неблагоприятных условий его исторического развития этот период затянулся надолго. Поэтому политические формы и идейная мотивация курдского национального движения оставались преимущественно старыми, традиционными, а его позитивное историческое содержание было гораздо более прогрессивным.

По всем своим внешним признакам восстание шейха Саида напоминало многочисленные курдские выступления эпохи Османской империи и каджарского Ирана. Во главе его встал бесспорно самый влиятельный харизматический лидер курдов (не только турецких), исключительное положение которого подкреплялось религиозным авторитетом как главы суфийского (дервишского) ордена накшбенди, иконы самого популярного в Курдистане. 14 февраля 1925 г. шейх Саид обнародовал фетву, в которой объявил себя эмиром муджахидинов, т.е. борцов за веру. В этой фетве он утверждал, что как глава накшбендийского тариката (метод мистического постижения истины у суфиев) является представителем халифа и ислама. Р.Олсон утверждает, что селение Дарахини возле Генча стало «временной штаб-квартирой

накшбандийского халифата»⁴⁹ (очевидно, на том основании, что другого халифа в мусульманском мире в то время не было). Конечно, это преувеличение, но официальным лозунгом повстанцев была борьба «во имя шариата и попираемого Аллаха»⁵⁰. Это было равноценно объявлению джихада против неверных, обращенному ко всем турецким мусульманам, независимо от их национальности. Лидеры повстанцев призывали к реставрации султаната и халифата в Турции, права на них они признавали за старшим сыном султана Абдул-Хамида II — Мехмедом Селим-эфенди, проживавшим в Бейруте⁵¹.

Таким образом, все как будто говорило за то, что восстание шейха Саида — преимущественно религиозное движение. Руководители восстания в своих широковещательных обращениях всячески подчеркивали благочестивый характер своих намерений. В одном из воззваний шейх Саид заявлял, что он «ниспослан самим Аллахом» для восстановления халифата. И таких деклараций было немало. Турецкие власти обвинялись в «нечестии», «отступничестве от веры» и тому подобных грехах, а никак не в угнетении курдов. И даже когда в воззваниях повстанцев появлялись политические мотивы, они заслонялись требованиями религиозного характера. Например, один советский автор приводит следующую цитату (правда, не указывая, откуда она взята) относительно лозунгов курдских повстанцев: «...самостоятельность Курдистана под протекторатом Турции, восстановление халифата и султаната, уничтожение светских судов и введение старых духовных судов и шариата, т.е. судопроизводства по Корану, и, наконец, провозглашение принца Селима халифом всей Турции»⁵².

Версия о религиозном, исламистском характере движения шейха Саида была некритично воспринята многими представителями тогдашней западной, а также советской публицистики и околостовостоведной литературы, малокомпетентной и падкой на сенсации, бравшей на веру сознательную маскировку самих курдских лидеров и поддававшейся инсинуациям турецкой правительственной пропаганды. Так, английский автор Г.К.Армстронг в своей некогда сенсационной биографии Кемаля Ататюрка писал: «Курды были примитивными, дикими горцами, фанатически религиозными. Предводимые своими священниками со свернутым зеленым знаменем пророка, они выступили с тем, чтобы спасти ислам и уничтожить неверных турок»⁵³. П.Жантизон также весьма нелестно и пренебрежительно характеризует курдов как нацию пастухов и разбойников с «рудиментарной цивилизацией», у которой нет ни литературы, ни торговли, ни ремесел, ни законов; Курдистан, утверждает автор, «не созрел» для восприятия современных идей, наличие многих племен, диалектов, толков ислама и т.п. мешают формированию курдской нации, а «курдское восстание» следует рассматривать как противостояние ислама западной «системе».

Без комментариев Жантисон цитирует выдержки из некоего «манифеста», в котором говорится, что нынешний турецкий режим «объявил войну» установленным Аллахом священным учреждениям. «Вот почему курдские ученые, шейхи и беи решили дать ответ на эту агрессию»⁵⁴.

Армстронг, Жантисон и другие сторонники версии о преимущественно религиозном характере возмущения турецких курдов под руководством шейха Саида опираются на высказывания самих курдских лидеров и на тенденциозные материалы турецкой официальной и официальной прессы. Казалось бы, спорить не о чем. Курдские вилайеты действительно были самыми отсталыми во всех отношениях в республиканской Турции, влияние феодально-клерикальных элементов в курдском обществе оставалось преобладающим, курс на модернизацию и особенно на секуляризацию страны бил по их политическим и материальным интересам болезненнее всего. Но отсталость и засилье консервативных кругов были характерны и для многих других регионов Турции, тем не менее массовых движений в период реформ не наблюдалось, разве что временная активизация мало влиятельных оппозиционных партий и групп. Неприятие же курдским населением нового республиканского режима сразу приняло крайне резкий, а главное, ярко выраженный национальный характер.

Поэтому даже поверхностные наблюдатели из журналистской братии часто вынуждены были признавать, что религиозный момент был не единственной, а то и не самой важной причиной курдского восстания в Турции. Тот же Жантисон признает, что за лозунгом курдских повстанцев «Уважение к религии, поддержка установлений шариата и восстановление халифата» стоит не только религиозный, но и глубокий административный конфликт. Результат — «реакция курдского феодализма против государства и конфликт между Турцией, приверженной старым исламским традициям, и новой Турцией, светской и прогрессивной». Далее Жантисон утверждает, что вожди восставших курдов хотели «основать независимое курдское государство», но не верит в его реальность из-за племенной, языковой и религиозной раздробленности курдов. Он проводит рискованную аналогию между национальной ситуацией в Турции и в Бельгии (связь между курдами и турками, по его мнению, такая же, как между валлонами и фламандцами)⁵⁵.

Иранский генерал Хасан Арфа, хорошо знакомый с курдским вопросом, поскольку неоднократно участвовал в усмирениях иранских курдов, называет следующие основные причины восстания шейха Саида: 1) ликвидация халифата и лаицизация турецкого государства; 2) плохое экономическое состояние восточных вилайетов; 3) посягательство правительства на политическую власть племенной верхушки;

4) боязнь феодалов лишиться своих привилегий⁵⁶. Религиозный мотив генерал ставит на первое место, но присоединяет к нему ряд других факторов, не менее важных по значению.

Знаменитый английский историк Арнольд Тойнби, в свое время опубликовавший фундаментальные труды по восточному вопросу, проявлял гораздо более взвешенный подход к проблеме изучения причин и характера курдских восстаний в Турции. Секуляризационное движение в этой стране (отмена халифата и т.д.), писал он, «было ускорено курдским восстанием 1925 г., одной из сторон которого было религиозное движение реакционного вида и в котором, как верили, религиозные порядки и духовные учреждения восточных вилайетов играли ведущую роль»⁵⁷. Таким образом, А.Тойнби прозорливо констатировал, что курдское восстание, во-первых, ускорило крах отживших исламистских институтов в Турции (и уже по одному этому не может считаться реакционным), во-вторых, «реакционным» был только его «вид», т.е. форма, а никак не содержание, и, в-третьих, ставил под сомнение ведущую роль религии в восстании («верили»). Современные же западные курдоведы (Р.Олсон, Мартин ван Брюйнессен) целиком стоят на той точке зрения, что восстание 1925 г. имело безусловно националистический характер, а исламизм использовался его вдохновителями и организаторами, азадистами, для «стратегии и тактики, необходимых для успешной революции»⁵⁸.

Волнения в Турецком Курдистане вызвали понятный интерес в популярной и специальной советской литературе. Советские авторы, как и западные, далеко не сразу смогли адекватно оценить это событие. Мешали идеологическая зашоренность и доверчивое отношение к печати Турции. Так, один из них писал, что клерикализм как политическая сила сохранился лишь в восточных вилайетах Турции «в лице местных феодалов и обнаружил свое существование почти исключительно в форме курдского движения, носившего, как правило, не столько национально-автономистский, сколько клерикально-реакционный характер»⁵⁹.

Таких высказываний в советской прессе было много, однако далеко не все советские авторы шли на поводу у турецких официальных лиц и газетчиков. В.А.Гурко-Кряжин дает более сложную и многоцветную картину, говоря о восстании 1925 г.: «Мы видим, как здесь в беспорядочном клубке сплелись феодальное сопротивление испуганных реформаторской деятельностью Ангорского (Анкарского. — М.Л.) правительства, клерикальная реакция духовенства и монашеских орденов, выступающих ради охраны своих вековых привилегий под лозунгом защиты упраздненного халифата, и, наконец, чисто национальные, автономистские стремления (например, у военного руководителя Халид-бея), питаемые турецким режимом национальных репрессий»⁶⁰.

Таким образом, версия о чисто религиозном, феодальном и, стало быть, реакционном характере выступления шейха Саида неприемлема не только для серьезных исследователей, писавших о нем постфактум, но и для многих объективных современников, чье восприятие не было искажено заведомой тенденциозностью, завербованностью определенной идеологией. Примечательно, что последние могли ссылаться на турецкие источники (главным образом на враждебные курдам, официальные и официозные), которые часто проговаривались, опровергая указанную версию. Британский посол в Турции Рональд Линдсей в своем обзоре турецких газет отмечал, что причина восстания шейха Саида — «религия и курдский национализм», что в связи с утратой религиозных связей между турками и курдами последние «должны теперь обеспечить свое будущее», что это — первое открытое выступление «против лаицистских тенденций современного турецкого режима» и что, борясь за религию, мораль и возвращение халифа, шейх Саид на самом деле мечтает создать независимый Курдистан⁶¹.

Возникает вопрос: была ли борьба за независимый Курдистан главной из этих целей? И вообще, каков был политический идеал организаторов и непосредственных руководителей восстания 1925 г., насколько он выходил за рамки традиционных феодально-сепаратистских, клерикально окрашенных представлений, характерных для борьбы курдов в предшествующую эпоху? Однозначно ответить на эти вопросы нелегко.

Некоторые авторы безапелляционно утверждали, что борьба шла за «независимый Курдистан». Например, Д.С.Завриев пишет, что «лозунгом курдских шейхов» являлся «независимый Курдистан». Однако документальных свидетельств этому он не приводит. Создается впечатление, что Завриев таким утверждением хотел снять противоречие, заключавшееся в общепринятом тогда в советской литературе догматическом суждении: «курдское восстание носило клерикально-реакционный характер, но выдвигало курдские национальные лозунги», т.е. «реакционные шейхи и ханы» выдвинули эти лозунги (в их логическом завершении — независимое курдское государство) только для получения «помощи вовне, и этим пользовались некоторые иностранные державы для ослабления турецкого правительства в целях осуществления своих планов на Востоке»⁶².

Другие исследователи не решаются прямо писать о наличии у курдов планов создания «независимого Курдистана», во всяком случае делают существенные оговорки. С.С.Гэвен стремление расчленить Турцию и образовать «независимый Курдистан» вкладывает в уста турецкого прокурора, который во время суда над курдскими повстанцами сравнил движение курдов с восстанием в Боснии и Герцеговине в середине 70-х годов XIX в.⁶³. Ясно, что это не доказательство. Бри-

танский посланник в Тегеране П.Лорэн сообщал о намерении повстанцев создать «автономное или независимое государство» со слов Али Ризы, сына шейха Саида, с которым велись переговоры в консульстве Великобритании в Тебризе. Но в консульстве сомневались, что Али Риза излагал позицию руководства курдских повстанцев; скорее всего, полагали дипломаты, это был зондаж (по инспирации или большевиков, или персидских властей) для выяснения намерений англичан в связи с событиями в Турецком Курдистане⁶⁴. А.Тойнби, справедливо называя основные причины восстания шейха Саида (оппозиция политике вестернизации, централизации и туркификации и нежелание курдской верхушки поступиться своими феодальными и религиозными привилегиями), вместе с тем проницательно замечает, что трудно определить лейтмотив выступления курдов, ибо все имеющиеся источники — турецкие, заинтересованные (из-за спора вокруг Мосула) представить курдское движение в самом неприглядном, реакционном виде. По его мнению, национальные мотивы среди этих причин все же преобладали, ибо гораздо более фанатичное в религиозном отношении турецкое население и представляющие его организации к курдскому восстанию не примкнули⁶⁵. Наконец, современные исследователи Р.Олсон и У.Такер, привлекая материалы всех своих западных и турецких предшественников, а также рассекреченные английские архивы, утверждают, что, хотя восстание шейха Саида «было катализатором в начальной стадии роста курдского национализма», нет доказательств того, что желание независимости было у всех или большинства турецких курдов, а не только у части из них. Национализм шейхов был слабо выражен, «хотя существовало, конечно, осознание общности»⁶⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что лозунг борьбы за независимый или по крайней мере автономный Курдистан на территории Турции (и тем более на территориях других частей этнического Курдистана) не был официально сформулирован и принят большинством повстанцев, собравшихся под знамена шейха Саида. Стремление к свободе и независимости, безусловно присущее подавляющему большинству курдского народа, по-прежнему оставалось идейно и политически слабо выраженным и неоформленным.

Если подлинные внутренние причины восстания турецких курдов 1925 г. и их общие цели не вызывают теперь принципиальных споров, ибо лежат на поверхности, то внешний аспект этого события до сих пор окончательно не выяснен. Дело в том, что подход к этому острому и наиболее политизированному вопросу исходит из известного юридического принципа: «Кому это выгодно?» Но что хорошо и полезно в судебной практике (правда, далеко не всегда), может оказаться весьма сомнительным в анализе той или иной исторической реальности. Так было и на этот раз.

Версия о том, что восстание 1925 г. инспирировано англичанами, возникла, так сказать, по горячим следам. Она исходила из простых логических ходов: если Великобритания и Турция находились и после Лозанны во враждебных отношениях из-за неоконченного спора о принадлежности Мосула, а важнейшей составной частью этого спора был курдский вопрос, то Лондон должен был натравливать курдов на Анкару, дабы лишить ее аргументов в пользу притязаний на населенный в значительной мере курдами Мосульский вилайет Ирака. Так рассуждали сторонники этой версии из разных стран.

Французская журналистка Берта Жорж-Голи отмечала, например, что Англия «не разжимала своих политических объятий в Курдистане, в восточных вилайетах»⁶⁷. Германский автор Карл Гофман о восстании 1925 г. писал так: «По турецким сообщениям, у пленных повстанцев находили английские деньги и оружие британского происхождения. Англия вызвала это восстание, чтобы лишить турок претензий на Мосульскую область, их территориальной базы, и поставить находившуюся там комиссию Лиги Наций перед фактом изменившейся государственно-политической ситуации»⁶⁸. Армстронг о британской инспирации восстания говорит, ссылаясь только на турок (мосульский вопрос), сам же он полагает, что курды поднялись в силу присущего им «индивидуалистического» духа, религиозного фанатизма, ненависти к нововведениям светского характера, и вообще они очень схожи с пуштунами (патанами)⁶⁹.

Бросается в глаза, что сторонники английской версии не приводят прямых доказательств, а ссылаются почти исключительно на турецкие материалы. Турецкие же официальные источники и пресса были переполнены обвинениями в адрес Англии (реже — Франции) в подстрекательстве курдов с целью создания курдского буферного государства между Турцией, Ираком и Сирией⁷⁰. Прямая заинтересованность официальных и официозных турецких источников в такого рода обвинениях не вызывает сомнений. Англичане, естественно, категорически опровергали их. И действительно, документальных подтверждений английского подстрекательства не найдено. Обнаруженные документы относятся к более раннему периоду, 1919–1920 гг., когда Британия, готовясь к подписанию мирного договора с Османской империей, выступала в преддверии Севра за автономный или независимый Курдистан⁷¹. Даже советские дипломатические источники, в то время крайне враждебно относившиеся к Великобритании, признавали: «Прямых указаний, что в этом восстании замешана Англия, нет, но имеются косвенные указания». Впрочем, ничего конкретного об этих указаниях не говорится⁷². Зато имеются указания противоположного свойства, хотя тоже, скорее, косвенные. Дело в том, что Англия и во время восстания, и после его подавления неоднократно отклоняла просьбы кур-

дов о помощи. Например, в середине сентября 1925 г. Верховный комиссар Великобритании в Ираке Генри Доббс в беседе с сейидом Абдуллой, сыном казненного турками лидера курдских националистов Абдул-Кадыра и внуком прославленного шейха Обейдуллы, решительно отказал курдам в помощи и посоветовал им отложить борьбу против Турции. Англия, заявил Г.Доббс, не хочет рисковать миром с Турцией, во всяком случае, пока та не нарушила решений Лиги Наций о Мосуле, и не дал Абдулле никаких обещаний⁷³.

Обвинения в подстрекательстве курдов к возмущению предъявляла англичанам не только турецкая печать. Видимо, они шли и по официальным или официозным каналам, о чем говорит крайне негативная реакция на них в близкой к правительственным кругам британской прессе, категорически отрицавшей и сами факты инспирации, и помощь повстанцам деньгами и оружием⁷⁴. Любопытно, что сами курды порой не прочь были зачислить себе в союзники англичан, наивно полагая, что это прибавит им «веса» в глазах турецких властей и принудит последних к уступкам. Так, шейх Саид на суде над ним на вопрос прокурора, кто главный враг Турции, якобы ответил: «британцы». Настаивая на религиозном характере восстания, он утверждал, что относится к Англии враждебно и что его поддерживает в этом большинство турок-мусульман⁷⁵. Но все это ему не помогло, и он был повешен.

Английская версия была самой популярной в советской литературе того времени, и это понятно: Великобритания тогда была главным противником СССР на мировой, в том числе на ближневосточной арене, а Турция — чуть ли не единственным дружественным государством. Эта заведомая ангажированность лишала советскую литературу по курдскому вопросу 20–30-х годов значительной части ее научно-познавательной ценности. Курдское восстание в Турции в середине 20-х годов, писал один автор, «и по характеру, и по месту своего возникновения имеет своей целью поссорить, с одной стороны, Россию с Турцией, а с другой — Турцию с Персией. ...Во время восстания, носившего чисто провокационный характер, курдских шейхов на турецко-советской границе Советское правительство вполне правильно поступило, оказав содействие Турции, разоружив перешедших границу повстанцев»⁷⁶. «Несомненно, — писал другой, — что среди курдских вождей персидского и турецкого Курдистана и Мосульского района имеется некоторое количество сторонников образования автономии Курдистана под английским протекторатом. Одни из них подкуплены английским золотом, другие же, искренне желая развития своей страны, считают, что построить хорошие шоссейные и железные дороги и вообще приобщить страну к цивилизации могут только богатые англичане, а в случае если Курдистан останется под турецкой или персидской властью, то будет обречен вести жалкое существование в бед-

ности и некультурных условиях»⁷⁷. Сказано лучше, но тоже неверно, а главное — бездоказательно.

Современная наука, вооруженная ставшими достоянием ученых архивными материалами, решительно не верит в наличие «английской руки» в восстании шейха Саида. Р.Олсон и У.Такер, основательно обследовавшие британские архивы, не нашли этому документального подтверждения, нет его и в изученном нами Национальном архиве Индии, где собраны оригиналы и копии всей ближневосточной документации Великобритании. Аргумент, что англичане были заинтересованы в разрушении новорожденной Турецкой республики руками курдов, отвергается двумя американскими исследователями, резонно указывающими, что вряд ли стоит отказывать джентльменам с Даунинг-стрит в реализме. Один из немногих фактов, обнаруженный Олсоном и Такером в британских архивах в пользу «английской версии», — получение шейхом Саидом каталога торговцев оружием из Лондона. Более серьезных доказательств каких-либо контактов между англичанами и шейхом не найдено, и тем более нет там сведений о территориальных притязаниях Великобритании на Турецкий Курдистан (на район Диярбакыра, о чем ходили слухи). Видимо, следует согласиться с мнением Р.Олсона и У.Такера (как и многих других курдоведов), что основным источником версии об «английской руке» в восстании шейха Саида были турецкие правительственные круги (и особенно сам Мустафа Кемаль), которые неохотно признавали причиной возмущения курдов проводимые в Турции внутренние реформы, но усиленно нажимали на то, что англичане якобы обещали курдским вождям сохранение за ними всех их привилегий⁷⁸.

В советской печати 20-х годов была сделана попытка «пристегнуть» и Францию к державам, поддерживавшим повстанцев шейха Саида, на том основании, что французские власти в Сирии не препятствовали деятельности Алеппского комитета азадистов, дабы помешать туркам потребовать возвращения Александретты (Искендерона)⁷⁹. Однако сторонников этой версии почти не нашлось, ибо ей противоречат факты прямой поддержки французами турок: по участку Багдадской железной дороги, проходящему по сирийской территории, были пропущены турецкие войска, зашедшие в тыл курдских повстанцев. Британская агентура в Бейруте сообщала, что французский генштаб боялся распространения курдского восстания в Турции на сирийских курдов⁸⁰.

Таким образом, можно считать установленным, что ни английского, ни тем более французского следа в восстании турецких курдов под руководством шейха Саида не видно. Но из этого не следует, что Великобритания и Франция были безучастны к тому, что происходило в 1925 г. в Турецком Курдистане. Напротив, обе державы внимательно отслеживали обстановку в курдском регионе Турции и всегда были

готовы к вмешательству, коль скоро возникла бы угроза их позициям в иракской и сирийской частях Курдистана. Внимательно следили они и друг за другом, стараясь не допустить одностороннего вмешательства. Вообще, разрастание курдского национального движения в Турции, возможность его распространения на Ирак, Сирию и Иран по понятным мотивам были не в интересах колониальных держав Запада. Поэтому с большой долей уверенности можно предположить активное участие западных спецслужб, в первую очередь британских, в агентурно-разведывательной деятельности вокруг курдского восстания в Турции и курдского движения в сопредельных странах в изучаемое время. Наверное, дело не ограничивалось «каталогами». И если соответствующие документы не найдены (а обычно их очень глубоко прячут), то это не означает, что они не существуют вообще и не могут быть в свое время обнаружены.

Впрочем, некоторые косвенные свидетельства о проявленном в это время интересе британских спецслужб к курдскому восстанию в Турции все же сохранились. Однако при внимательном рассмотрении видно, что речь шла больше об активности англичан в Иракском Курдистане и в приграничной с Турцией зоне. Ситуация же в Турецком Курдистане, по мнению британских властей в Ираке, не требовала принятия «специальных мер»⁸¹. Словом, не обнаружено никаких фактов, которые подтвердили бы усиленно муссировавшуюся в то время в англофобски настроенной советской прессе версии о том, что турецкие курды были «орудием империализма» и «младокурды» (!) действовали «по провокационному совету своих реакционных „друзей“»⁸².

Разумеется, не могло быть и речи о причастности к восстанию шейха Саида Советского Союза. Республиканская Турция являлась едва ли не единственным государством, с которым СССР, вырвавшись из тисков блокады, поддерживал в то время не только добрососедские, но и дружественные отношения. 17 декабря 1925 г. был заключен советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете, подтвержденный последующими «анкарскими протоколами». Для Москвы поддержание на этом уровне отношений с Анкарой, конечно же, имело приоритетное значение перед любыми другими соображениями, диктуемыми официальной идеологией в ее догматическом оформлении (национальные движения на Востоке — главный «антиимпериалистический резерв» и т.п.). Поэтому в официальной советской пропаганде курдский национализм объявлялся более реакционным, чем турецкий (первый вдохновлялся феодально-клерикальными кругами, второй — буржуазными).

В документах советской власти, не предназначенных для печати, не было необходимости теоретически обосновывать отрицательное отношение к курдскому движению в Турции и в других странах. 8 марта

1923 г. коллегия НКВД постановила: «Не оказывать поддержки ни курдскому сепаратизму против турок, ни турецкому империализму по отношению к курдам и относиться сочувственно к борьбе курдов против Англии...»⁸³. Вскоре в одном из директивных документов отношение к курдской проблеме было определено более развернуто: «Идея создания независимого государства Курдистан в современных условиях является идеей реакционной. Политическое положение нынешнего времени требует равновесия, сплочения всех частей государственного организма Турции, а не ее расчленения. Идею „Независимого Курдистана“ не поддерживают и правящие круги других стран Востока, так как она наносила удар по целостности и независимости этих государств. Поскольку курдское население в основной своей массе является отсталым и находится под полным влиянием и подчинением своих племенных вождей, являющихся сплошь и рядом агентами различных империалистических государств, предложение курдского комитета об образовании независимого курдского государства под протекторатом России должно быть отклонено как авантюристическое»⁸⁴. Специальное решение Политбюро ЦК ВКП(б) в 1925 г. утвердило негативное отношение советского руководства к курдскому движению в Турции⁸⁵. Надежды руководителей турецких курдов на помощь северного соседа оказались несбыточными.

Каким бы ни было отношение некоторых стран Запада и СССР к восстанию шейха Саида, ясно, что оно потрясло Турцию, только вступившую на путь модернизации своего общественного и политического строя. Во весь рост перед молодой республикой встал национальный вопрос, и главной составляющей в нем была курдская проблема. Все другие этнонациональные проблемы Турции (армянская, ассирийская, греческая) вследствие известных катаклизмов эпохи Первой мировой войны и первых послевоенных лет были оттеснены на обочину внутривнутриполитической жизни страны.

Британский посол в Турции Р.Линдсей писал в Форин Офис, что идеал турецкого правительства — сугубо анатолийское государство с говорящим по-турецки крестьянством. «Чужаки нежелательны, но курды — неизбежное зло». Курдское восстание, отмечал он, нанесло «тяжелый удар» по этой политике, ибо в Курдистане проявился отнюдь не турецкий, но именно курдский национализм, который может быть использован Англией у южной границы Турции, где расположен спорный Мосульский вилайет Ирака, также населенный в основном курдами. Предполагаемое намерение Англии создать в Ираке нечто вроде «курдского национального очага» рассматривалось Анкарой как «прямая угроза самой сердцевине турецкой политики». Р.Линдсей полагал, что Англия может держаться в стороне, но может и «нанести тяжелый удар прямо в цель». Однако посол считал, что английское правитель-

ство «непоправимо скомпрометировало себя поощрением национализма в Южном Курдистане» и что, хотя «kozyри у нас», Мосульский вопрос стал «камнем преткновения на пути к англо-турецкой дружбе».

Ответ министра иностранных дел Остина Чемберлена был призван развеять опасения Турции насчет «квазиавтономного Курдистана на ее границе». И хотя будет трудно отменить некоторые меры по предоставлению прав курдам Ирака, отмечал он, у британского правительства нет никакого намерения в действительности создать автономное государство курдов в Ираке или возродить политику, объявленную в Севре. О. Чемберлен поручил послу разъяснить это туркам⁸⁶.

На имперской конференции в октябре 1926 г. О. Чемберлен счел необходимым открыто высказаться по курдскому вопросу в Турции. «Весной 1926 г. (так в тексте. — М.Л.) курдское восстание потрясло и встревожило диктатора и его послушных последователей», — заявил он. Далее он сказал, что оно было безжалостно подавлено. Курдское восстание было унаследовано от Османской империи, и даже «Гази» не мог его предотвратить. И оно, вероятно, останется бельмом на глазу нового режима. Подавление курдов было в действительности направлено против любой оппозиции режиму Кемалю⁸⁷.

Англичане, таким образом, не только спешили откреститься (в основном обоснованно) от прямой и косвенной поддержки восстания турецких курдов, но и показали причину особой нервозности, проявленной кемалистами перед угрозой курдской опасности. Новая власть в Турции была еще относительно слабой, не уверенной в своих силах и поэтому особо чувствительной к проявлению массовой (народной) и политической оппозиции. Взрыва недовольства отсталых мусульманских масс собственно Турции лаицистскими реформами удалось избежать главным образом благодаря, во-первых, высокой репутации верховных властей, заработанной в ходе национально-освободительной борьбы, во-вторых, совмещению светских реформ с преобразованиями антифеодального характера, хотя и недостаточными. Единственной реальной и весьма грозной силой, противостоявшей новой власти и проводимым ею реформам, были вечно недовольные и имевшие собственную военно-племенную организацию курды, которые могли в случае успеха объединиться на антиправительственной платформе с консервативными и оппозиционными Кемалю кругами турецкого общества.

Правда, эта угроза так и осталась эвентуальной. Оплот антикемалистской оппозиции — возникшая в ноябре 1924 г. Прогрессивно-республиканская партия (Кязым Карабекир-паша, Али Фуад, Рауф-бей и др.), как и представители правого крыла Народно-республиканской партии (например, Али Фетхи — премьер с ноября 1924 по март 1925 г.), и прочие недовольные кемалистским режимом лица были настроены так же шовинистически и курдофобски, как и правоверные

кемалисты. Прямые доказательства их связи с курдскими повстанцами отсутствуют. Тот факт, что, как впоследствии выяснилось на судах над руководителями восстания, подсудимые рассчитывали на помощь оппозиционеров, отнюдь не является доказательством соучастия последних⁸⁸. Однако нельзя исключать, что в случае, если бы конфликт с курдами принял неблагоприятный для правительства оборот, турецкие оппозиционеры могли пойти на контакты с курдскими повстанцами. На фоне усилившегося накануне окончательного решения мосульского вопроса противостояния с Англией это представляло несомненную опасность для властей Турецкой республики, чем и объясняется обостренная реакция официальной Анкары на курдское восстание.

Позднее, на открытии третьей сессии Великого народного собрания Турции (ВНСТ, или меджлиса) второго созыва Мустафа Кемаль дал свою оценку этому событию, которая стала официальной и, значит, обязательной. Он назвал восстание шейха Саида «реакционным выступлением», выражением реакционной идеологии и результатом ряда «подготовительных мероприятий». «Реакционное выступление послужило для нас поучительным уроком, выявив в глазах всей нации еще существующие в некоторых вилайетах социальные и административные язвы. Мы должны настойчиво продолжать лечение этих язв до тех пор, пока в нашем дорогом едином отечестве не будет обеспечено безукоризненное выполнение всеми гражданами всех личных материальных и моральных обязательств»⁸⁹. Год спустя на открытии четвертой сессии ВНСТ президент вновь вернулся к этой теме: «В связи с самым значительным событием последних лет — реакционным мятежом на востоке — были осуществлены реформы и некоторые другие мероприятия. Они успешно претворялись и благотворно повлияли на общественную и экономическую жизнь наших современников, внесли мир и спокойствие»⁹⁰.

В этих высказываниях турецкого вождя примечательно полное умолчание о национальном моменте и вообще о курдском вопросе как основной и главной составляющей тогдашних бурных событий в Восточной Анатолии. Всем пропагандистским силам была дана команда придерживаться только одной, так сказать социально-политической, версии подоплеки кризиса, и эта команда неукоснительно выполняется турецким истеблишментом уже 80 лет. В Турции, государстве исключительно для турок, по определению не может быть никакого национального вопроса, в том числе, конечно, и курдского, а если где и возникают волнения, то их причины следует искать в любой сфере, вплоть до уголовной, но только не в национальной. Такова была неизблемая установка основателя Турецкой республики и отца всех турок — Ататюрка. Любое посягательство на этот принцип рассматривалось как подрыв основ государства, отсюда и соответствующая реакция.

Курдское восстание 1925 г. — «один из самых напряженных моментов для Турецкой республики»⁹¹, — писал популярный в свое время знаток ближневосточных проблем В.П.Осетров. «Восстание курдского шейха Саида поставило на карту самое существование республиканской Турции»⁹², — отмечал в то же время А.Ф.Миллер, видный советский турколог. Очевидно, высшее руководство Турции придерживалось такого же мнения и приняло соответствующие меры.

На следующий день после захвата курдскими повстанцами Харпута, 25 февраля 1925 г., по требованию правительства ВНСТ объявило осадное положение сроком на один месяц в вилайетах, где полыхало восстание (Муш, Дерсим, Мардин, Урфа, Сиверек, Битлис, Сиирт, Ван, Хакяри, Эргани, Эрзурум, Диярбакыр, Малатья); вскоре срок был продлен. Прогрессивно-республиканская партия (не говоря уже о правящей Народно-республиканской) немедленно осудила выступление курдов. Был принят закон № 556 о запрещении всех ассоциаций, использующих религию в политических целях. 4 марта были учреждены два «суда независимости» — один в Анкаре (с ограниченными правами), другой в Диярбакыре (с неограниченными). Это было первое мероприятие нового премьера Исмета Иненю, сменившего накануне склонного к компромиссу и соглашательству Али Фетхи-бея. Ближайший друг и соратник Кемалья, прославившийся победами над греками, Исмет-паша этих недостатков был лишен. Он и впрямь действовал быстро и решительно.

«Судам независимости» сразу был придан статус чрезвычайных трибуналов, нацеленных на смертные приговоры, для которых не требовалась санкция меджлиса. Фактически это были военно-полевые суды с ускоренным судопроизводством. Среди первых приговоров анкарского «суда независимости» отметим семь лет тюрьмы полковнику в отставке Али Рухи-бею за высказанные им в кафе симпатии к курдам и многолетнее заключение журналисту Уджузу — за сочувствие Али Рухи⁹³. Но вообще-то наиболее распространенным приговором в практике «судов независимости» была петля. Например, по решению суда над шейхом Саидом и его ближайшими соратниками (май–июнь 1925 г.) все 47 обвиняемых были повешены.

Подавление восстания курдов потребовало большого напряжения сил от государства. Основной упор делался, конечно, на войсковые операции, в разработке и проведении которых непосредственное участие принимали Мустафа Кемаль, премьер-министр Исмет-паша, начальник генерального штаба Февзи-паша (Чакмак), бывший военный министр Кязым Карабекир-паша и другие видные турецкие военачальники. Когда к концу апреля 1925 г. сопротивление основных сил курдских повстанцев было сломлено, сосредоточенные в Курдистане турецкие войска были демобилизованы⁹⁴. Острая фаза кризиса в Турецком Курдистане миновала.

Репрессии против курдов носили тотальный характер, их проводили как регулярные войска, так и жандармерия и местные полицейские власти. «Турки Мустафы Кемалю, — писал Армстронг, — в жажде мести убивали курдов с такой жестокостью и свирепостью, с какой турки султана убивали греков, армян и болгар»⁹⁵. Тойнби высказался в более мягкой форме, но не менее критично. Турецкое правительство, отмечал он, подавило восстание с большой энергией, но военные усилия не сопровождались «политической мудростью». Репрессии были столь свирепыми, что произвели неблагоприятное для Турции впечатление в соседнем Мосульском вилайете. Турки не извлекли уроки из опыта англичан, которые после подавления народного восстания 1920 г. в Ираке проводили в этой стране умеренную политику, пойдя на некоторые уступки национальным кругам. Турецкое же правительство, заключал ученый, провозгласив широкообещающий план демократических реформ, включая секуляризацию и вестернизацию, на деле усилило политику туркофикации, секуляризации и вестернизации, что вызвало новую волну вооруженного сопротивления в Турецком Курдистане и сильно повредило престижу Турции в глазах курдов турецко-иракской пограничной полосы и Северного Ирака, а это заметно ослабило позиции Анкары в Лиге Наций и на завершающей стадии переговоров с Англией по Мосульскому вопросу⁹⁶. Впрочем, на эксцессы, сопровождавшие усмирение курдов турецкой армией и жандармерией, Лига Наций, несмотря на многочисленные сигналы и прямые обращения, не реагировала.

Подавление восстания шейха Саида отнюдь не исключило курдский вопрос из внутривнутриполитической жизни Турции, как поначалу рассчитывали турецкие руководители-кемалисты. Быстрые и беспощадные меры по усмирению курдов произвели не то впечатление, которое ожидала Анкара. Раздались предостерегающие и негодующие голоса, например из СССР, официальная линия которого была в то время в общем протурецкой. В.Я.Аболтин (Аварин) писал тогда в относительно объективном «Новом Востоке»: «Дикая вражда к инородцам является одним из самых больных мест новой Турции, сулящим мало хорошего молодой республике... Турецкие националисты становятся на тот же скользкий путь, который привел к гибели младотурок»⁹⁷. Резкое осуждение действий турецких карателей в Курдистане прозвучало и на Западе.

Ни критика, ни предостережения на Анкару, конечно, не подействовали. Но руководству Турецкой республики пришлось скоро убедиться, что они добились только перехода острой стадии конфликта с курдами в хроническую. Курдское сопротивление в Турции приняло форму партизанской борьбы. Р.Линдсей писал О.Чемберлену, что газетные сообщения о нормализации в Курдистане «неправдоподоб-

ны» и что турки полны решимости «сокрушить курдский национализм»⁹⁸.

И в самом деле, этот национализм все время продолжал о себе напоминать. В июле 1925 г. сын только что повешенного по приговору «суда независимости» видного курдского лидера Абдул-Кадыра сейид Абдулла поднял восстание в районе Шемдинана (близ турецко-иракской границы). Это выступление было быстро подавлено, а сам Абдулла бежал в Персию. Турецкое правительство безуспешно требовало его выдачи⁹⁹. В августе—сентябре 1925 г. поднялись курды в районе Битлиса—Муша во главе с братом шейха Саида, сыном шейха Абдуллы и сыном Абдул-Кадыра. Отмечались волнения в Дерсиме, среди племен заза¹⁰⁰.

Волнения в Турецком Курдистане неоднократно отмечались и в 1926—1927 гг. Бои переместились к северу от р. Тигр и к предгорью Арарата (Агрыдага). Для усмирения курдов турецкие карательные войска впервые применили авиацию. Не прекращались партизанские вылазки курдов-заза в Дерсиме. В марте 1926 г. бои между курдами и турецкими карателями происходили в Мидьяте (вилает Мардин)¹⁰¹. Летом 1926 г. в Турецком Курдистане (особенно в его юго-восточной части) сложилась весьма напряженная обстановка, которую неплохо отражает перехваченное англичанами письмо сына шейха Саида — шейха Махди одному курдскому офицеру, некоему Амину, от 19 июня 1926 г.

Отправитель начинает с планов организации восстания курдов-милли, обитавших в сопредельных районах Турции и Сирии и руководимых сыновьями некогда знаменитого «короля Курдистана» Ибрагим-паши. Махди утверждал, что курдские четы (отряды партизан) в Дерсиме уже готовы к выступлению (только у езидов «нет национальных чувств»). «Это место, где мы находимся, — независимый Курдистан», — восклицает автор, приглашая посетить его каждого, кто может.

Письмо содержит обращение к неведомому «Благородному курдскому совету, к благородным патриотам — сторонникам нации». Сперва говорится о турецких интригах среди курдских племен, имеющих цель стравить их друг с другом. Частично туркам это удалось, поэтому курды и потерпели поражение (в частности, из-за того, что Эрзурумский комитет не присоединился к восстанию). Власти теперь взяли курс на туркизацию всех курдов, но курды оказывают сопротивление, наносят потери туркам, перерезают телеграфные линии, например между Нусайбином и Джизре. Наши четы, говорится далее в письме, действуют в районе Синана, Хасанкейфа, Бшерри, Сильвана и Сора. Удалось наладить хорошие отношения с соседними арабскими племенами тай, джавана и шаммар. Сейчас в четах 500 бойцов, но в случае необходимости их число может быть доведено до 10 тыс. Кроме того, некоторые вожди могут привести с собой от 3 до 5 тыс. человек.

Сейчас стоит задача объединения восставших племен. В Палу братья шейха Саида шейхи Тахир и Абдуррахим вместе с 500 бойцами за держат оборону против турок. Доктор Ахмед Сабри, глава племени лолан, пишет, что в Дерсиме восстали и другие племена. Если они получат помощь в артиллерии и пулеметах с персоналом, тогда за короткий срок «очистим от турок нашу страну». Необходима информация о позиции вождей Восточного и Южного Курдистана: Симко, «сына шейха Саида» (видимо, бежавшего в Иран Абдуллы), шейха Барзана и вождей Бохтана, — а также о том, враждебна ли курдам Франция. Письмо подписано главой хаверкан, хабисбинан Хаджо (каза Нусайбин), главой раман Мохаммедом Амином (каза Диярбакыр), главой хабисбинан Бадредином (Мидьят), Юсуфом Зия, Мохаммедом Ибрахимом, Исмаилом Хаккы (Мидьят)¹⁰².

Конечно, не все сказанное в этом и подобных ему документах можно брать на веру, но несомненно, что подавление восстания шейха Саида отнюдь не привело к успокоению в курдских вилайетах Турции. Там надолго воцарилась обычная для Курдистана обстановка нестабильности, сопровождаемая нескончаемыми партизанскими вылазками, вспышками повстанческого движения и чреватая новыми массовыми выступлениями, которые и произошли в скором времени. Естественно, кемалистский режим спешил предотвратить такое опасное во всех отношениях развитие ситуации, приняв ряд срочных мер административного и социально-политического характера.

События 1925 г. и последующих лет во всех отношениях дорого стоили Турции. Только подавление восстания шейха Саида обошлось, по одним данным, в 20 млн. лир, по другим — в 50 млн., что подорвало бюджетный баланс страны¹⁰³. Обширные районы Турецкого Курдистана были обращены в руины. С 1925 по 1928 г. 206 курдских деревень с 8758 домами были сожжены, убито свыше 15 тыс. их обитателей. Полмиллиона курдов были депортированы в западные вилайеты, по дороге многие из них погибли¹⁰⁴.

Осадное положение, первоначально объявленное в ряде районов Восточной Турции как временная мера, из года в год продлевалось, что позволяло властям безнаказанно чинить произвол. Был взят курс на разрушение традиционного уклада курдских племен, на «денационализацию» и отуречение курдского населения. В восточные вилайеты направлялись турецкие учителя для обучения курдских детей. В обратном направлении, на запад были переселены многие знатные курдские семьи Диярбакыра, Муша, Сиирта, Харпута, традиционно обладавшие огромным политическим и религиозным авторитетом в Курдистане. Одновременно (осенью 1925 г.) вышли декреты об упразднении суфийских братств, их обитателей (завие) и тому подобных учреждений, пользовавшихся особым почитанием именно у курдов. Тем

самым был нанесен сильнейший удар по традиционным институтам курдского общества, существование которых официальная Анкара называла причиной всех «реакционных происшествий» на востоке страны¹⁰⁵.

Переселения курдов (практиковавшиеся еще раньше, при младотурках) привели к известным этнодемографическим и этносоциальным сдвигам в Турецком Курдистане. Власти намеревались по возможности раздробить сплошной курдский этнический массив на востоке страны, и частично им это удалось. В центре и на западе Турции образовались относительно крупные курдские анклав. Многие курды в поисках работы переселялись в большие промышленные и портовые города — Стамбул, Измир, Адану и др. Эти группы курдского населения частично подвергались естественной и насильственной этнической ассимиляции, отуречиванию. В Курдистан же направлялись по соглашениям с балканскими государствами турецкие и мусульманские переселенцы (мухаджиры) — албанцы, босняки и др. Им предоставлялись земли депортированных курдов¹⁰⁶. Все эти меры были призваны создать препятствия на пути консолидации сил курдского национального протеста.

Поход против феодализма и его пережитков в социально-экономических отношениях, предпринятый кемалистами по всей стране, в курдских вилайетах имел специальный прицел: он был призван разрушить традиционные социальные связи в курдском обществе, прервать естественный процесс национальной консолидации курдов и его неизбежные политические последствия в виде усиления борьбы за национальное самоопределение. Тем самым объективно прогрессивные реформы в курдском регионе Турецкой республики приобрели явно шовинистический характер. К тому же сами реформы были половинчатыми и ограниченными¹⁰⁷. Они дали относительное ускорение развитию Турции, однако ее восточные вилайеты, населенные курдами, по-прежнему оставались заповедником бедности и отсталости. Существенны были лишь изменения в курдской элите: ее социально-экономические и идейно-политические позиции были основательно подорваны, началось сближение и даже частичное сращивание курдских верхов с турецким истеблишментом. Этот процесс более всего был заметен в центре и на западе, где появилось много курдских переселенцев¹⁰⁸.

Итак, восстание шейха Саида глубоко потрясло всю общественно-политическую жизнь Турции. Его последствия коснулись не только курдского вопроса, отнюдь не решенного и продолжавшего проявлять себя то в острой, то в хронической форме на протяжении всего XX века, но и всех других сторон политической и социальной жизни страны. Именно это событие способствовало завершению процесса консолидации

кемалистской власти как авторитарной и однопартийной, опиравшейся в первую очередь на армию (но державшую ее под строгим контролем). Таковой эта власть в основном и оставалась до конца 40-х годов. Единственная альтернативная правящей Народной (Народно-республиканской) партии консервативная Прогрессивно-республиканская партия вскоре после подавления восстания курдов была распущена под надуманным предлогом соучастия в мятеже, хотя руководители этой партии в большинстве были настроены так же курдофобски, как и деятели правящей. Президент республики Мустафа Кемаль укрепился у власти как абсолютный диктатор и продолжал оставаться таковым фактически до своей смерти в 1938 г. Это был военный режим, прикрывающийся лишь внешними атрибутами представительного, правового государства.

Военный или, если угодно, полувойенный характер режима Кемалья Ататюрка, прикрывавшего свою милитаристскую основу гражданскими политическими и юридическими институтами, заимствованными у Запада, особенно ярко проявился в Турецком Курдистане. Истинными хозяевами положения в регионе были военные. Так, в 1926 г., когда регулярная армия уже не проводила значительных операций, турки держали здесь крупное соединение пехоты, кавалерии и артиллерии (из V, VII, VIII и IX корпусов), «боевая» задача которого состояла в обеспечении депортации курдов¹⁰⁹. Турки оправдывались, что войска нужны на случай обострения Мосульского кризиса, но все наблюдатели отмечали, что настоящая цель всего этого воинства — курды¹¹⁰.

Продолжался административный и судебный террор. В ответ на спорадические акции протеста курдского населения, в том числе вооруженные, турецкие власти, как верховные в Анкаре, так и местные, провели ряд акций, которые приняли постоянный характер. До марта 1927 г. в Турецком Курдистане существовало чрезвычайное (осадное) положение, установленное соответствующими решениями меджлиса. «Суды независимости» действовали регулярно и оперативно. Их любимым приговором была петля. Курдов судили и за участие в массовых выступлениях, и за единичные акции вооруженного протеста (квалифицируемые как бандитизм), и за выражение сочувствия повстанцам, и за недонесение. Словом, поводов для осуждения было достаточно. «Суд независимости» в Анкаре с марта 1925 по январь 1927 г. провел 340 процессов, по которым был привлечен 2351 человек, из них 1237 оправдано, 80 приговорены к повешению, остальные — к различным срокам заключения. Но это был столичный суд, работавший, так сказать, на виду. Провинциальные «суды независимости» действовали более беспощадно¹¹¹. В Диярбакыре судом были приговорены к смертной казни 53 курда¹¹². Суд в Элязизе (Элязыге) в марте 1926 г. разом приговорил к повешению 18 курдов за нападение на воинскую часть¹¹³.

Устрашение являлось основной задачей «судов независимости». Была и другая цель, более узкая, но представлявшая большой интерес для Анкары: доказательство связи курдских повстанцев с британской агентурой для дискредитации всего курдского национального движения и заодно британской политики на Ближнем Востоке в связи со спором о Мосуле. Но этот замысел провалился. Более того, на судебных разбирательствах выяснилось, что некоторые «английские» агенты в действительности оказались провокаторами турецких спецслужб¹¹⁴.

В день ликвидации «судов независимости» (2 марта 1927 г.) ВНСТ продлило действие «Закона об охране порядка» (т.е. осадного положения в курдских вилайетах) на два года. То была правовая основа для сохранения в курдском регионе Турции режима административно-полицейского произвола. Жить в обстановке бесконтрольного насилия стало повседневным бытом для каждого курда. Особенно болезненными были массовые депортации и индивидуальные высылки, которые значительно усилились после принятия этого закона. За 1926–1927 гг. в Западную Анатолию были переселены свыше 1 млн. курдов. Власти возродили традиционную политику стравливания между собой отдельных групп курдов, используя племенную и религиозную рознь¹¹⁵. Словом, принятые турецкими правящими кругами меры привели к созданию в Турецком Курдистане чрезвычайной ситуации, чреватой постоянными осложнениями.

События в курдском регионе Турции, связанные с восстанием шейха Саида и его последствиями, не имели таких международных откликов, которые можно было ожидать. Все заинтересованные страны, сопредельные с Турецким Курдистаном как непосредственно (СССР, Персия, Ирак, Сирия), так и опосредованно (Великобритания и Франция, мандатарии Ирака и Сирии), не желали продолжения конфликта, могущего привести к непредсказуемым осложнениям. Быстрая ликвидация основного очага курдского восстания в Турции предотвратила распространение движения на другие части Курдистана. Конечно, в Анкаре понимали, что вооруженный конфликт с курдами не укрепляет позицию страны в близившемся к завершению споре из-за Мосула, тем более что распространялись слухи, что Турция намерена сосредоточить брошенные на подавление курдского восстания войска на иракской границе для угрозы британским интересам в регионе. Впрочем, их не принимали всерьез: никто не верил, что Турция собирается тягаться с Англией, особенно имея в тылу потенциальный курдский фронт¹¹⁶. Да и иракские курды вряд ли ждали турецких «освободителей», тем более что в Лиге Наций настойчиво рекомендовали туркам распространить на своих курдов те льготы, которые получили их иракские собратья. Туркам, естественно, это было ни к чему¹¹⁷. Коротче говоря, конфликт в Турецком Курдистане в основном был локали-

зован¹¹⁸ к удовольствию всех заинтересованных сторон, за исключением, разумеется, турецких курдов.

Стабилизация колониальных режимов в Иракском и Сирийском Курдистане

В отличие от Турции, в Ираке и Сирии политический гнет над курдами, особенно в 20-е годы, осуществляла в основном не национальная, а иностранная колониальная власть. Поэтому и курдское движение имело в этих странах ярко выраженное антиимпериалистическое направление. Особенно это было характерно для курдского региона Ирака (Мосульский вилайет), который стал ареной острых международных противоречий, способствовавших обострению курдского вопроса¹¹⁹.

Со второй половины 1923 г., т.е. с началом послелозаннского периода, пошло на спад наиболее крупное и самое опасное для англичан проявление курдского сопротивления: сулейманийское восстание во главе с шейхом Махмудом Барзанджи. В течение последних месяцев 1923 и первой половины 1924 г. северная граница Ирака и курдские горы были в основном умиротворены, а в июле 1924 г. иракскими правительственными войсками и ассирийскими отрядами под командованием английских офицеров была захвачена Сулеймания. Однако, как признавала одна из главных действующих фигур британской колониальной администрации в Ираке, Гертруда Белл, в Сулеймании, «как и на индо-афганской границе», никогда не было настоящего мира. Шейх Махмуд, отмечала она, бежал в горы на персидской территории, где вел жизнь «бандита»¹²⁰.

Итак, шейх Махмуд, так и не став «королем Курдистана», вновь потерпел поражение. Причиной этого кроме неравенства сил был органический порок всех курдских национальных движений — отсутствие единства среди борцов за свободу и независимость, извечный курдский феодально-племенной (а отчасти и клерикальный) партикуляризм. Власть шейха Махмуда Барзанджи реально распространялась только на историческую область Бабан с центром в Сулеймании (и то не на всю). Большинство курдского населения других регионов Южного Курдистана (Сорана, Бахдинана, Синджара) и пограничья Турции, Ирака и Сирии (Бохтан, Шемдинан) эту власть не признавало. Шейх Махмуд не пользовался влиянием и среди руководства курдских националистических организаций в Курдистане и в диаспоре¹²¹.

Британской мандатной администрации такая ситуация, конечно, была на руку. Применяя против непокорных курдов привычный колониальный кнут, она не прочь была прибегнуть к политике пряника, дабы глубже расколоть курдское движение и использовать его против

поднимавшего голову арабского национализма в Ираке. Так, англичанам удалось привлечь нескольких курдских вождей, среди которых были и сторонники независимости Курдистана, к коронации короля Фейсала. У курдских «нотаблей» был свой расчет: накануне окончательного решения мосульского вопроса они хотели избежать турецкой альтернативы и поэтому встали на сторону Багдада—Лондона. Как заметила Г.Белл, они «экономически зависят от Мосула, и это будет всегда, сколь много Курдистанов ни было бы создано». За поддержку английской стороны в споре с турками курды потребовали создания собственной администрации и открытия курдских школ. Главный переговорщик с курдами Г.Белл не возражала, но не спешила реализовать обещания, ссылаясь на нехватку чиновников, книг, учебников и т.п. Для себя же она без ложной скромности считала предпочтительней «стать некоронованной королевой Курдистана»¹²².

Временное умиротворение Сулеймании и определенное взаимопонимание, достигнутое к 1924 г. между частью курдской верхушки и британской администрацией в Ираке, привели лишь к весьма недолгой и непрочной стабилизации в Иракском Курдистане. Отнюдь не исчезли факторы, действовавшие в противоположном направлении. Во-первых, это были не склонные к соглашательству с англичанами курдские вожди, а таковые составляли большинство. Во-вторых, это были турки, которые в связи с началом практического решения мосульского конфликта в Лиге Наций и вне ее приступили к активному проведению политики провокаций и подстрекательства среди курдов и других этнических меньшинств Ирака (ассирийцев, туркоманов). Третьим фактором стали турецкие курды, которые после поражения восстания против турецкого господства толпами бежали в Северный Ирак.

Напряженность на турецко-иракской границе (точнее, на разграничительной линии) начала расти уже с сентября 1924 г. Она была вызвана резким обострением ассирийского вопроса как следствием, с одной стороны, политики англичан, стремившихся использовать ассирийские вооруженные формирования в своих целях в Ираке, Иране и Турции, с другой — шовинистического курса кемалистов, пытавшихся, как уже указывалось, помешать обратному водворению ассирийцев на своей исторической родине в вилайете Хакяри¹²³. Преследуя ассирийцев, турецкие войска проникали на территорию Северного Ирака с задней мыслью укрепить свои позиции в этом районе в связи с предстоящим решением судьбы Мосула. Но курды не поддержали турок, что было, по словам Г.Белл, «замечательным доказательством успеха иракской администрации». Сосредоточение турецких войск в турецко-иракском пограничье и поток курдских беженцев в Ирак после подавления восстания шейха Саида только подлили масла в огонь возникшей по этой причине смуты¹²⁴.

Постоянное присутствие «турецкого фактора» в Северном Ираке вызывало немалую тревогу у британской администрации в Багдаде и Мосуле. Опасались массового перехода неарабского населения Мосульского вилайета на сторону Турции, что поставило бы под вопрос безоговорочное включение его в британский мандат. Но эти опасения вскоре если не совсем рассеялись, то значительно уменьшились. Если верить Эдмондсу, ликвидация халифата в марте 1924 г. быстро подорвала протурецкие настроения среди местных курдов, особенно тех, которые находились под властью феодально-теократической верхушки (шейхов, сейидов и т.п.). «Это казалось слишком хорошо, чтобы быть верным», — восклицает он и пишет дальше: мы не хотели «эксплуатировать» новую ситуацию, но когда весть распространилась среди сельского населения, «древний престиж Турции, основанный на халифате, безусловно, исчез»¹²⁵.

Британская администрация, как свидетельствует Эдмондс, не пустила ситуацию на самотек, а эксплуатировала ее весьма интенсивно, ведя усиленную антитурецкую пропаганду среди курдских племен Ирака. Ее лейтмотив — единство всех трех вилайетов Ирака (Багдад, Басра и Мосул) и необходимость именно британского протектората над последним. Примечательно, что заинтересованность Англии в мосульской нефти при этом тщательно скрывалась, хотя именно нефтяные поля Киркука были главным призом Лондона в борьбе за Мосул. «Я не припомню ни одного документа, в котором нефть выступала бы как фактор выдающейся важности», — утверждает Эдмондс. Отчасти английская пропаганда имела успех. Некоторые курдские вожди (Бабакр-ага и др.) объявили себя сторонниками Англии, хотя племена Зибара, Амадии и Дохука, где не было «интеллектуальных классов», стояли за Турцию¹²⁶.

Так выглядела ситуация в Иракском Курдистане в период обострения положения в соседнем Турецком Курдистане в изложении британских колониальных деятелей (по совместительству и мемуаристов). Изучение архивных документов и прессы того времени позволяет дополнить эту картину многими важными деталями.

Британский посол в Иране в 1939–1946 гг. Р.Буллард утверждал, что «курды Ирака получили привилегии, неизвестные в турецкие времена» — пользование курдским языком в администрации и школах, фискальную автономию и т.д.; кроме того, курдские офицеры возглавляли племена¹²⁷. Действительно, британская администрация старалась проводить в подмандатном Ираке гибкую политику в курдском вопросе, не вмешиваясь в традиционные социальные отношения курдов и давая им некоторую поблажку в отношении второстепенных прав, при этом особое внимание уделялось налаживанию отношений с курдской верхушкой. Целевой установкой такого курса, выдержан-

ного в канонах классической имперской политики «разделяй и властвуй», было противопоставление растущего курдского национализма более опасному для Англии в тот момент национализму арабскому. В результате иракские курды объективно оказались в лучшем положении в сравнении со своими турецкими и иранскими сородичами.

Это не означает, что иракские курды в целом и их отдельные группы в частности терпимо относились к установлению британского господства над Южным Курдистаном. Коллаборационистами оказались лишь отдельные представители феодально-племенной верхушки (Бабакр-ага, сейид Таха), да и те действовали больше из антитурецких побуждений, на чем временно и сыграли англичане. Как уже отмечалось в литературе¹²⁸, с самого начала английской оккупации Ирака подавляющее большинство курдов отвергали новое колониальное иго. Так было и в период стабилизации британского господства в стране.

Сложность ситуации в Иракском Курдистане состояла в том, что курдам противостояла не только британская колониальная, но и нарождающаяся местная арабская власть, с которой англичане частично делились своими прерогативами. Королевский двор и влиятельная часть правящей элиты (Нури Саид и К^о) в течение сорокалетнего британского господства в Ираке неуклонно держались проанглийского курса. Вместе с тем в стране существовали условия для подъема арабского национализма, который чем дальше, тем больше вступал в конфликтные отношения с британскими властителями и их арабскими пособниками. Появились возможности и первые признаки арабско-курдского сближения на антиимпериалистической основе, хотя развитию этих тенденций всегда мешали растущий арабский шовинизм, исподволь раздуваемый англичанами, и адекватная реакция на него курдских националистов. Что касается Сирии, то там арабской власти практически не существовало, поэтому местным курдам противостоял единственный противник — французские колонизаторы, арабы же были союзниками курдов в борьбе против них.

Британская администрация на Арабском Востоке всегда старалась привлечь лояльных к ней арабских политиков для воздействия на курдов. Младший брат короля Фейсала I эмир Зейд еще в ноябре 1922 г. был специально приглашен в Ирак и поселен в Мосуле, где ему было поручено склонять курдов на сторону Великобритании. Он должен был сформировать арабское войско для операций в западном и северном направлении от Мосула против турецких иррегулярных формирований и перешедших на их сторону курдских отрядов. По своему обыкновению англичане предпочитали действовать чужими руками, используя арабов, ассирийских «леви» и курдских коллаборационистов (шейх Таха и др.). Именно иракская кавалерия и ассирийские «леви» изгнали шейха Махмуда Барзанджи из Сулеймании в июле 1924 г. Со

своей стороны, шейх Махмуд нашел общий язык с арабской оппозицией, протестовавшей против договора Ирака с Англией, с большим трудом буквально протащенного через иракский парламент в июне 1924 г.¹²⁹. Это дало шейху стимул продолжать сопротивление британским властям, несмотря на утрату Сулеймании¹³⁰.

Как будет показано дальше, англичанам ни тогда, ни позднее не удалось подавить курдское сопротивление в Ираке. Однако частично они своей цели добились: ни курды, ни арабы не стали серьезной помехой для удержания Мосула в составе подвластного Британии Ирака в период активного обсуждения мосульского вопроса на международной арене (главным образом в Лиге Наций). Иракские курды имели перед глазами незавидную участь своих турецких собратьев и по этой причине не выразили никакого желания возвращаться под турецкое иго. Населявшие Северный Ирак арабы и национальные меньшинства (ассирийцы и др.) также питали к Турции отнюдь не дружественные чувства, которые к тому же всемерно разжигали британская агентура и администрация мандата. В результате была решена важная внутренняя задача, стоявшая в ту пору перед властями мандата, а именно ликвидирована угроза поддержки турецких притязаний местным населением.

Устранив основную угрозу Северному Ираку со стороны турок и их не столь уж многочисленных сторонников среди иракских курдов, британские власти не смогли добиться полного умиротворения в крае ни тогда, ни позже; они постоянно могли ожидать возобновления широкого повстанческого движения (что и произошло вскоре), а уж отдельные выступления не прекращались никогда. Так, в ноябре 1924 г. вновь стало неспокойно в окрестностях Сулеймании, где дал о себе знать шейх Махмуд, на стороне которого выступили курды джафы и авроманы, которые пытались угрожать даже Мосулу; они были отбиты при помощи авиации. В этих выступлениях проявилась «турецкая рука». Отмечалось усиление антитурецкой агитации среди курдов — резидентов Багдада и Бейрута.

Махмуд Барзанджи не шел ни на какие компромиссы. Незадолго до решающих боев за Сулейманию он, по неподтвержденным данным, даже объявил джихад, используя в качестве предлога стычку с ассирийцами. Осенью 1924 г. в горах вокруг Сулеймании отряды шейха Махмуда продолжали вести бои с правительственными войсками, при этом курдские повстанцы не раз проникали в город. Зимой бои временно утихли, чтобы вскоре вспыхнуть вновь. Власти воспользовались передышкой, чтобы объявить себя победителями. Была учреждена даже медаль с надписью «Курдистан», превозносились «подвиги» командующего британскими ВВС, осуществлявших регулярные бомбежки курдских селений, маршала авиации Дж.М.Салмонда¹³¹.

С лета 1925 г. шейх Махмуд снова дал о себе знать. Он напал под Халабджей на отряд «леви». Курды были рассеяны только при помощи авиации, но потом продолжали вести партизанские операции вокруг Сулеймании против правительственных войск, поддерживаемых британской авиацией. На место боев выехал сам Нури Саид, в ту пору главнокомандующий иракской армией¹³².

Бои в окрестностях Сулеймании (возле селения Чоарта) шли с большим ожесточением. В конце концов курды, понеся большие потери от превосходящих сил противника, вынуждены были отступить и временно прекратить сопротивление, особенно после того, как племя пишдер покинуло ряды повстанцев. Сам шейх Махмуд скрылся в горах соседнего Ирана¹³³.

Ликвидацию сулейманийского очага сопротивления во главе с Махмудом Барзанджи колониальные круги Великобритании восприняли с облегчением (как вскоре выяснилось, явно преждевременным). В отношении будущего курдской проблемы в Ираке имеются «все основания для оптимизма», писал рупор этих кругов журнал «Нир Ист энд Индия». Говоря о вкладе англо-иракского договора в решение этой проблемы, журнал утверждал, что арабское правительство в Ираке с помощью Великобритании готово выполнить «свои обязательства по отношению к курдам». Им будут даны всевозможные привилегии. «То, что существует отдаленная возможность автономного Курдистана — пугала для Анкары, — совсем неправдоподобно». Англия не собирается создавать независимый Курдистан в Ираке, успокаивал журнал, хотя «отдельные курды в Иракском государстве», в том числе в армии и на гражданской службе, настроены патриотично¹³⁴.

Факты показывают, что истинное состояние дел в Иракском Курдистане никак не соответствовало той идиллической картине, которая была нарисована в цитированной статье под названием «Будущее Ирака». Это касалось не только будущего, но и ситуации на время опубликования статьи. Именно тогда, в 1924–1925 гг., в Северном Ираке появился внешний раздражитель, нарушивший установившееся было зыбкое равновесие между британской администрацией, иракскими властями и курдским населением региона. То была комиссия Лиги Наций, назначенная для определения турецко-иракской границы. Работа комиссии затрагивала жизненные интересы всего многонационального и разноплеменного населения региона, ибо речь шла о самом насущном: в каком государстве предстоит жить? Однако свободное волеизъявление было если не исключено, то труднодостижимо. Как будет показано далее, всем вершили англичане, истинные хозяева положения и в Лиге Наций, и на месте. Им старались помешать турки, чьи позиции были несравненно слабее. В качестве аргументов, лежащих на поверхности, но в сущности не самых решающих, противоборст-

вующие стороны использовали настроение коренного (в своем большинстве курдского) населения Мосульского вилайета и турецко-иракского пограничья. На это настроение они и пытались воздействовать всеми доступными им средствами. Практической пользы от этого было мало (ибо линия границы проводилась не в горах Курдистана, а на берегу Женевского озера), но попытки влияния на племена, предпринимавшиеся Лондоном, Багдадом и Анкарой, вызывали немалые волнения в Южном Курдистане.

Поначалу ситуация для англичан была непростой. Сказывались и отголоски послевоенного подъема курдского движения против британской колонизации, и влияние турецкой агитации. Англичане пытались противодействовать, организуя контрдемонстрации и притесняя курдских вождей, отказывавшихся подписать петиции против присоединения Мосула к Турции¹³⁵. Но вскоре настроение иракских курдов начало меняться. Кровавое усмирение восстания шейха Саида в соседней Турции произвело на курдов Ирака должное впечатление, сделали свое дело и курдские беженцы из Турции. Преследуя курдских повстанцев, на территорию Мосульского вилайета проникали отдельные отряды турецких войск, продолжая и там свои карательные операции и дестабилизируя обстановку. Так, в июне 1925 г. на территорию Барзана и Зибара проникли один батальон и одна рота турок с четырьмя пулеметами. Между ними и отрядом сына Абдул-Кадыра — сейида Абдуллы и брата сейида Таха — шейха Муслиха произошел бой, в ходе которого турки понесли большие потери. Сейид Таха и британские власти решили использовать этот эпизод для широкой агитации за решение мосульского спора в пользу Англии; самому Абдулле было предложено убежище¹³⁶.

Британская администрация, однако, отказалась от активного использования Абдуллы для отпора туркам. Верховный комиссар, правда, удостоил его приемом, но ограничился разрешением предоставить ему и прибывшим вместе с ним 700 беженцам убежище в районе Равандуза, при этом без права предпринимать какие-либо действия на турецкой границе, чтобы не провоцировать турок¹³⁷. Англичане явно опасались, что деятельность популярного Абдуллы будет способствовать активизации курдского движения в Ираке, усилит влияние самовольной курдской верхушки в Мосульском вилайете.

После кратковременного затишья с весны 1926 г. в Южном Курдистане вновь стало беспокойно, что, видимо, было вызвано близостью урегулирования мосульской проблемы и реакцией иракских курдов на эксцессы, чинимые карателями над их собратьями в Турции. Свыше 1 тыс. курдов из племени гоян вопреки запрету иракских властей намеревались перейти турецкую границу и принять участие в антитурецкой борьбе. Впервые после мировой войны 1914—1918 гг. заявил

о себе влиятельный и весьма почитаемый всеми курдами клан Барзани. Шейх Ахмед Барзани выразил готовность принять участие в войне против турок, но при условии согласия иракских (т.е. британских) властей¹³⁸.

Этими настроениями курдских племен, обитавших в турецко-иракском пограничье, были сильно встревожены британские власти в Ираке. Любая политическая активность иракских курдов, даже если она была направлена против Турции, внушала подозрения, ибо поднимала курдский вопрос на ближневосточный региональный уровень, что было чревато непредсказуемыми осложнениями и, в частности, могло поставить под сомнение только что достигнутое соглашение о Мосуле. Британский административный инспектор в Мосуле Р.Ф.Джордин так обрисовал ситуацию: следует удалить с северной границы всех курдских вождей, настроенных против Турции (в том числе некоего Махди, который хочет перейти в Сирию), а также курдских офицеров, служащих в иракской армии. По мнению Джордина, курдское движение, поскольку оно касается улучшения положения курдов в Ираке, «безвредно», ибо Ирак должен быть государством «и для курдов». Сепаратистские же тенденции в движении иракских курдов и попытки его воздействия на турецких курдов противоречат интересам Британии и Ирака¹³⁹.

В таком же духе были составлены и последующие донесения Джордина. Он сообщал о контактах Ахмеда Барзани и шейха Сюто из Орамара с турецкими офицерами и с тревогой писал о проблеме курдских беженцев из Турции, выразив при этом странное мнение, будто турки вряд ли смогут удержать «страну к востоку от Диярбакыра и Вана» и поэтому следует попросить их уступить Ираку часть этой территории. По мнению Джордина, договор с Турцией о Мосуле позволит разъединить иракских и турецких курдов, прервать традиционные связи между ними. Курдских агитаторов лучше держать в Багдаде, «на глазах». Курдское движение в Ираке, продолжал он, не так опасно, как кажется в «главной квартире» в Багдаде, поскольку курды связывают свою судьбу с Ираком в той мере, в какой они отдаляются от восстаний в Турции¹⁴⁰.

Сигналы, поступавшие в Багдад от Р.Ф.Джордина и других британских функционеров в Северном Ираке относительно необходимости создания чего-то вроде «санитарного кордона» между иракскими и турецкими курдами, находили там полное понимание. Британский советник иракского МВД писал Верховному комиссару, что активность курдских агитаторов «крайне нежелательна и потенциально опасна». Он считал желательным их удаление из лив Мосул и Эрбиль, но предупреждал, что сделать это очень трудно и необходимо проявлять осторожность, особенно в отношении курдских офицеров. Отметив, что

англичане «не получали жалоб от турецкого правительства, что Ирак становится центром антитурецкой деятельности», он подчеркивал необходимость сохранить «дух и букву» заключенного 5 июня 1926 г. договора между Англией, Ираком и Турцией. Курдские экстремисты, утверждал английский советник, «действуют прямо против турок» и подозрительно относятся к политике Ирака. Следует убедить их «не отождествлять себя» с курдскими повстанцами в Турции, с которой Ирак не желает столкновений¹⁴¹.

Донесения в Багдад с мест показывают, что у властей подмандатной территории были все основания для беспокойства. Курдские вожди Ирака, Сирии, Турции и Ирана донимали их просьбами о переселении отдельных лиц или целых племен в Ирак или из Ирака. Мотивы у просивших были разные, от чисто личных до явно политических, но в любом случае вызывали подозрения, ибо обстановка в регионе была слишком накалена. Так, иракские власти воспрепятствовали переселению турецких езидов во главе с Шамседдин-агой, не желая осложнений с Турцией¹⁴². Но чаще властям приходилось решать проблему выдворения самовольных беженцев, не поладивших с властями покидаемой страны. Так было с братом шейха Саида шейхом Махди, которого выслали в Иран через Ханекин. Пришлось даже определить ему маршрут, чтобы на пути следования он миновал курдские районы и был таким образом лишен возможности вести «националистическую пропаганду»¹⁴³.

Несмотря на все принимавшиеся англо-иракскими властями меры надзора, границы Ирака с Турцией, Ираном и Сирией оставались, как всегда, легко проницаемыми для курдов, в том числе и тех, которые вели вооруженную борьбу. Кадир Султан с иракской территории совершал нападения на турецкие отряды в пограничных районах Турции; бойцы Симко переходили из Ирана в Ирак; несколько отрядов, предводительствуемых Хаджо и Шакибом, продвинулись с иракской территории в глубь Турции до Мидьята¹⁴⁴.

Итак, за трехлетний период, прошедший от Лозаннского до англо-иракско-турецкого договора, определившего судьбу Мосула, в Иракском Курдистане сложилась достаточно сложная и неоднозначная ситуация. С одной стороны, британской администрации и подчиненным ей иракским властям удалось сломить курдское сопротивление мандатному режиму, погасить основные очаги восстаний племен, словом — стабилизировать положение. С другой стороны, в Лондоне и Багдаде поняли, что при помощи одного лишь кнута курдский вопрос в стране не решить, необходим и пряник, иначе нового обострения не избежать. Уступки курдам были необходимы и из-за внешнеполитических соображений: переговоры о Мосуле приближались к завершающей стадии, поэтому Лондону надо было показать, что он всерьез за-

нимается приготовлением народа подмандатного Ирака (и не только арабов, но и курдов) к самоуправлению. Поэтому власти мандата сделали вид, что выполняют рекомендации комиссии Лиги Наций по мосульскому спору и в той части, которая касается курдов: их права иметь собственную администрацию на муниципальном уровне, своих судей, учителей, вести обучение и делопроизводство на курдском языке и т.п.¹⁴⁵.

Хотя эти послабления, или, как пишет Лонгригг, «разумные» уступки, далеко не дотягивали до тех требований, за которые проливали кровь иракские курды, они принесли англичанам и королевскому правительству Ирака свои плоды. Курдское движение в стране временно пошло на спад, многие курды поступили на гражданскую и военную службу. В стране, в том числе в северной ее части, началось поощряемое мандатными властями хозяйственное оживление, проводились железные и шоссейные дороги (в том числе имеющая важное стратегическое и экономическое значение шоссейная дорога Эрбиль — Равандуз — иранская граница — оз. Урмия, заинтересованность в которой проявило и британское представительство в Иране)¹⁴⁶, строились линии связи и т.п. «Надежда на их (курдов. — М.Л.) полную интеграцию в иракском государстве перестала считаться невозможной», — писал Лонгригг¹⁴⁷.

Конечно, существенного сдвига в положении иракских курдов не произошло. Они боролись за национальное освобождение и самоопределение, интеграция в иракском государстве их не устраивала, что бы ни говорили Лонгригг и другие английские представители. Да и сделанные уступки были явно недостаточными, а многие из них так и не были реализованы. И все же и в экономическом, и в культурном, и даже в некоторой степени в политическом отношении курды Ирака после Первой мировой войны оказались в сравнительно лучшей ситуации, чем их соплеменники в других частях разделенного Курдистана. Главное, иракские курды первыми добились признания (как внутреннего, так и отчасти международного) своего права на развитие некоторых сторон национальной жизни, хотя бы в области образования и внутреннего самоуправления, а также политических свобод. Таким образом, борьбу за национальную идентификацию и самоопределение, развернувшуюся во всем Курдистане в новейшее время, иракские курды начали с лучших стартовых позиций, чем их соплеменники в тех его частях, где эти права не признавались и не признаются.

Обострение курдского вопроса в Турции и Ираке в послелозаннский период непосредственно коснулось и Сирии, северо-восточные и северные районы которой также были заселены по большей части курдами. Сирийский Курдистан и в географическом, и в историческом отношении был прямым продолжением юго-восточной части Турец-

кого Курдистана (историческая область Бохтан), и сирийские курды долго не могли привыкнуть к тому, что после крушения Османской империи они очутились в другой стране, к тому же подпавшей под чужеземное (французское) господство. Они не признавали новоустановленные границы и чувствовали свою причастность к событиям, происходившим на севере и востоке от них. Да и сами эти искусственные границы, подчас разрезавшие родственные племена, были непрочны и нередко подвергались сомнению, даже на международном уровне. Так, сирийско-иракская граница в Джебель-Синджаре, установленная Великобританией и Францией в 1920 г., разрезала езидские племена на две части. В 1923 г. французский Верховный комиссар в Сирии генерал Гуро согласился, чтобы Ирак временно управлял всем Синджаром до Хатунии, а Сирия взамен — территорией до Абу-Кемаля на Евфрате. Однако французские власти на местах не считались с этим соглашением, что, естественно, вносило сумятицу и волновало езидские племена¹⁴⁸.

Большой переполох в иракско-сирийско-турецком пограничье вызвало восстание племени хаверки (харки) в марте 1926 г. во главе с Хаджо. К нему примкнули племена джавала, кочарян, даккори, дакшури, шитиян, шернак, бохтан и ремекан. Восстание охватило обширный район вдоль турецко-сирийской границы в окрестностях Амуды-Нусайбина, сопредельные территории Ирака, Сирии и Турции и грозило распространиться на всю Джазиру, т.е. междуречье Тигра и Евфрата. Окрестные племена, в том числе из могущественной конфедерации милли, выражали Хаджо сочувствие, а иногда и прямо поддерживали его. Главной мишенью повстанцев были турецкие посты, напали они и непосредственно на Нусайбин, убив 60 турок и захватив богатые трофеи. Сын Хаджо пошел даже на Мидьят¹⁴⁹.

Против Хаджо и примкнувших к нему племен солидарно выступили турки (основная сила, использовавшая и авиацию), британские и французские власти в Ираке и Сирии, препятствовавшие оказанию помощи повстанцам со стороны «своих» курдов. Английские источники утверждали, что французы даже разрешили турецким войскам преследовать отряды Хаджо на территории Сирии (французы это отрицали). После того как Хаджо получил отпор, англичане разрешили ему перейти в Ирак при условии поселения в Багдаде и сдачи оружия¹⁵⁰.

Хаджо, однако, недолго пробыл в Ираке и летом 1926 г. вновь вернулся в родные места Турции, организовав нападения в окрестностях Нусайбина, Мидьята, Джизре и Мардина. Для подавления этого выступления турки использовали не только войска, но и личного врага Хаджо — Сару-хана (из того же племени хаверки), который незадолго до этих событий бежал в Сирию, а теперь был прощен и использован в турецких интересах. Хаджо снова ушел в Ирак и был поселен в Мо-

суле, откуда пытался установить контакты со штабом французских войск в Нусайбине¹⁵¹.

Видимо, у оппозиционно настроенных курдских вождей Турции и Ирака были определенные расчеты на помощь французских хозяев Сирии, подогревавшиеся общеизвестным антагонизмом между Великобританией и Францией по мосульскому и иным ближневосточным вопросам. Об этих надеждах говорит, например, прибытие в начале ноября 1926 г. в Алеппо из Турции двух курдских делегаций (одна из них во главе с Амин-беем) с петицией к французским военным властям в Сирии от вождей курдских племен Вана. В ней содержалась просьба о поставках оружия и снаряжения для борьбы против Турции. Петиционеры заявили о готовности обратиться в случае отказа... к большевикам. Эта угроза, как и само обращение к Франции, была, конечно, наивной, но характерной¹⁵².

Таким образом, курдская тема стала одной из проблем внутри- и внешнеполитической жизни еще одной арабской страны — Сирии.

Волнения в Иранском Курдистане

Если Турции, Ираку и Сирии курдская проблема досталась в наследство от Османской империи и потому, особенно в первые годы после ее распада, в положении курдов и постановке курдского вопроса здесь было много общего, то в Иране эта проблема всегда отличалась относительным своеобразием. Вместе с тем различия были не столь уж велики, а главное, не имели принципиального характера, особенно в положении иранских и турецких курдов. Ведь Турция и Иран после Первой мировой войны оказались в сходных исторических условиях. После нескольких лет послевоенной смуты здесь при всех имевшихся различиях установились типологически сходные авторитарные режимы, нацеленные на социальную, культурную и политическую модернизацию, но при сохранении строгой централизации государственной системы, не допускавшей появления национального сепаратизма даже в виде умеренной автономизации. Отсюда — резкое противостояние шовинизма господствующих наций национализму угнетаемых наций. В Турции в числе последних были в основном курды, в Иране кроме курдов также азербайджанцы, арабы, белуджи, туркмены. Именно ярко выраженная многонациональность Ирана наряду со сравнительно низким уровнем его экономического и социально-политического развития составляет специфику изучения национального, в данном случае курдского вопроса в этой древней стране.

Как уже неоднократно отмечалось в литературе¹⁵³, после Первой мировой войны Иран был поражен глубоким и всесторонним кризисом, приведшим к перевороту 3 хута (21 февраля) 1921 г. В стране

в эти годы резко усилились дезинтеграционные процессы, выразившиеся в сепаратистских движениях курдских, лурских, бахтиарских, туркменских, арабских племен-этносов. К середине 1923 г. эти движения были в основном подавлены, но осенью того же года вновь наметилось их оживление. Как раз в это время Реза-хан стал премьер-министром, монарх Ахмед-шах был фактически лишен власти и выслан из страны, государственный кризис вступил в свою завершающую стадию. В декабре 1925 г. Реза-хан уже и формально захватил шахский трон и провозгласил новую династию Пехлеви, при этом искоренение этноплеменного сепаратизма и борьбу за централизацию государства он поставил во главу угла своей внутренней политики.

Удар, нанесенный им в бытность военным министром и премьер-министром племенному сепаратизму, был сильным, но не смертельным. Племенная верхушка вела себя своевольно, демонстрировала пренебрежение к центральной власти и не платила в казну налогов. Как писал В.П.Осетров, обзревая внутреннее положение Персии в 1923–1924 гг., в стране можно было видеть «отдельные акты персидской феодальной драмы, талантливо режиссируемой современным политическим импресарио из Лондона»¹⁵⁴.

Подобные бездоказательные утверждения насчет английской «режиссуры», как уже отмечалось¹⁵⁵, были характерны для советской литературы 20-х годов. Как писал М.Г.Галкович, в Персии восстания курдов в пограничных с СССР районах происходили «не без помощи англичан»¹⁵⁶. Эта версия поддерживалась и официальными кругами Турции. Турецкий министр иностранных дел Шюкрю Кая в беседе с советским полпредом Я.З.Сурицем утверждал, что активизация Симко, перешедшего с турецкой территории на персидскую, была «делом рук англичан». «Англичане, — продолжал министр, — готовят большую акцию в Курдистане с целью окружить шейха Махмуда», что представляет угрозу и Турции. Суриц был готов согласиться с доводами своего собеседника, говоря об активности англичан в Персии и «связанной с проникновением англичан в Курдистан опасности», грозящей Персии¹⁵⁷.

Еще раз отметим, что заинтересованность англичан во внутриперсидской смуте и в сохранении своего влияния на племена несомненна, но несомненно и то, что Лондон к середине 20-х годов вынужденно отошел от прежней политики прямого действия в Иране, заменив ее условной поддержкой реальной власти режима Реза-хана при оказании на него постоянного давления с целью защиты британских имперских интересов в стране и регионе. Поэтому англичане не возражали против подавления силами иранской армии и полиции сепаратистских выступлений курдских и иных племен при условии, что не будут затронуты британские позиции на иракской границе и в нефтеносных районах, прилегающих к Персидскому заливу.

Итак, новый подъем сепаратистских выступлений племен, в первую очередь курдских и родственных им, начавшийся в Персии со второй половины 1923 г., был вызван не столько подстрекательством англичан, сколько внутренними причинами, главной среди которых было усиление централизаторской политики режима Реза-хана, проводившейся насильственными методами¹⁵⁸. Это не противоречит тому, что англичане пристально следили за тем, что происходило на этноплеменных окраинах Ирана, и вели там активную агентурно-разведывательную деятельность¹⁵⁹.

С начала 1924 г. внимание Тегерана было приковано к Лурестану, где не прекращались антиправительственные выступления родственных курдам лурских племен. В феврале правительственные войска одержали победу, захватив главный город Лурестана Хорремабад, причем луры понесли большие потери. Победители обрушили на луров массовые репрессии, несколько вождей были казнены, с полной нагрузкой работали военные суды¹⁶⁰.

Однако луры не были сломлены, и в мае 1924 г. восстание возобновилось. Войска Реза-хана понесли большие потери и были вынуждены оставить Хорремабад. В Лурестане возобновились тяжелые бои, против луров впервые применили авиацию, после чего правительственные войска в очередной раз заняли Хорремабад. В конце концов повстанцы были разбиты. Район боев в сентябре 1924 г. посетил сам Реза-хан¹⁶¹.

Во второй половине 1924 г. вновь дал о себе знать Симко. Прошел слух (видимо, необоснованный), что он стал выступать за оставление Мосула в составе Турции. Скорее всего, возникновение этого слуха было связано с традиционной тактикой этого курдского вождя одной ногой стоять в Турции, другой — в Иране. Как раз в это время осложнилась обстановка на турецко-иранской границе. Еще весной 1924 г. крупное и сильное племя пишдер (15 тыс. человек) перешло из Турции в Иран. Тегеран, проводя политику укрепления порядка на границе (которого не было никогда), старался этому воспрепятствовать, пишдер разоружали, обложили их поборами и т.п. Против них были брошены персидские казаки и отряды курдов из племен, враждебных пишдер. В результате пишдер были отброшены на турецкую территорию.

Из этой обычной пограничной смуты Симко попытался извлечь для себя выгоду. Напав на Мераге и Миандоаб, он потребовал присоединения к своим владениям Урмии, Салмаса и Хоя. Персидские власти, во главе которых стоял командующий военными силами в Азербайджане Абдулла-хан, снарядили против Симко карательную экспедицию и одновременно распустили слухи, что все это — козни англичан, призвали базары Иранского Курдистана и Азербайджана бойкотировать английские товары и захватили несколько заложников из курдской знати¹⁶².

Местными силами, однако, справиться с Симко не удалось, и за дело взялся сам Реза-хан. Для борьбы с непокорным курдским вождем правительство заняло у Шахиншахского банка 500 тыс. туманов. 13 и 14 августа 1924 г. правительственные войска под командованием Реза-хана нанесли Симко решающее поражение, выбив его из его резиденции Чехрик-кала. Симко потерял 3 тыс. человек, правительственные войска — 1 тыс. Последние захватили богатые трофеи¹⁶³. Но покончить с Симко Тегеран так и не смог. Бои продолжались до конца 1924 г. Только в декабре Симко и Абдулла-хан заключили соглашение о мире и о переселении первого в Персию, чтобы он был, так сказать, на глазах¹⁶⁴.

Антиправительственные выступления происходили и в других местах расселения курдов. Вождь кельхоров Сердар Рашид, проживавший под надзором в Тегеране, бежал на юг и вновь начал вооружать племена. Здесь, близ Керманшаха образовался очаг сопротивления новой власти в Тегеране. В литературе говорили даже о «федерации» арабов, части бахтиар и луров во главе с шейхом Мохаммеры (Хорремшехра) Хазалем, выступавшей против республиканского движения в Тегеране, за «охрану монархии и незыблемость основ ислама»¹⁶⁵. Конечно, формально никакой федерации не было, но антиправительственный фронт племен был налицо. К нему и примкнул Сердар Рашид. Шейх Хазаль всячески стремился сорвать попытки правительства натравить курдов на арабов и привлечь курдов на свою сторону. В своем послании одному курдскому вождю он писал: «Версальская конференция гарантировала независимость Курдистана. Я воюю ради вашей независимости». Хазаль напоминал курдам, что они — единоверцы с ним (сунниты). Широко использовались и антианглийские лозунги. Сторонник Хазаль вождь харки Хаджи-ага говорил: «Англичане хотят взять под свое владычество Курдистан. Того же хотят и турки. А Персия, если бы была достаточно сильна, совершенно уничтожила бы все наши надежды на независимость»¹⁶⁶.

Военные экспедиции, предпринимавшиеся для подавления племенного сепаратизма, проводились под флагом разоружения племен и сопровождались мероприятиями экономического и политического характера. Они начались уже в 1923 г. Правительство приступило к строительству дорог и развитию средств связи на территориях обитания племен. Одновременно в начале 1924 г. в юго-западных провинциях Ирана проводились выборы в меджлис пятого созыва, призванные укрепить влияние Тегерана на феодально-помещичью верхушку. Советский консул в Керманшахе писал: «Выборы в Курдистане, Луристане и Хамадане были намечены и проведены руководящими группами крупных помещиков-реакционеров в блоке с военными, которым не пришлось бороться за своих кандидатов просто потому, что у них не было сколько-нибудь серьезных противников». В меджлис,

по его словам, были избраны некоторые удобные правительству вожди крупнейших курдских племен (зенгене, кельхор и др.), которые владели десятками селений и делились своими огромными доходами с персидскими генералами и чиновниками (эмир Колль, его дядя Салар Ашраф, эмир Махсус и др.)¹⁶⁷. Использовался и такой испытанный прием, как разжигание межплеменной розни, благо в Западном и Юго-Западном Иране для этого была благодатная почва: проживание на общих или смежных территориях племен различной этнической (тюркской, иранской, арабской), языковой и религиозной принадлежности¹⁶⁸.

И все же этими типично восточными методами правительству Реза-хана не удавалось решить курдскую и другие этноплеменные проблемы. Луры были разбиты, но их вождь Пошт-е Куха, сторонник шейха Хазая, бежал в Ирак и уже оттуда просил Реза-хана о помиловании. С такой же просьбой обратился к иранскому премьеру и Сердар Рашид. А шейх Махмуд Барзанджи, у которого эти вожди, видимо, прятались от реза-хановских карателей, направил иранскому меджлису оригинальную телеграмму с просьбой освободить курдский народ от британского и арабского владычества¹⁶⁹.

Трудно судить, сколько правды во всех этих сообщениях, но несомненно, что до окончательной победы над курдами и другими племенами Юго-Запада Тегерану было далеко. В 1925 г. в регионе царило относительное затишье, а в следующем году опять началось повстанческое движение.

Весной 1926 г. вновь вспыхнуло восстание в Лурестане (племена папи-захре, байрамову, хуршивенд, мадхуни). Причина восстания — продовольственные трудности, вызванные неурожаем. Восстание было локальным и вскоре утихло¹⁷⁰. Летом 1926 г. на арене Иранского Курдистана вновь появился яркий фигурант всех смут, начиная с эпохи революции 1905—1911 гг., старший дядя только что низложенного шаха Ахмеда — Салар од-Доуле¹⁷¹. Он поднял курдов Керманшаха под знаменем восстановления на иранском троне Каджаров и быстро занял города Сердешт и Сенне (Сенендедж).

Вскоре под знамена Салара собрался весь цвет курдской верхушки Юго-Западного Ирана и сопредельных районов Ирака, был создан курдский комитет для совместных действий на персидской территории. В его состав входили: из Ирака — шейх Махмуд Барзанджи, Шариф-бей, Зия эд-дин-бей, Кемаль-бей, Рамзи-бей, из Ирана — в основном вожди Керманшахского района: Джафар Султан, Махмуд-хан Дизли, Хусейн-хан Тахт, Амир Махсуд, Мамед Малех-хан, Абдуррахман-хан, Кей Хосров-хан, Джахангир-хан, Багир-хан, Омар-хан Ильхани, Хабибулла Расул-ага, Абдул-Кадыр-хан, Симко и Сердар Дженг. Начались бои с правительственными войсками на широком фронте от Пошт-е Куха в Лурестане до Центрального (Иранского) Азербайджа-

на. Направлением главного удара повстанцев стало шоссе Багдад—Хамадан с прицелом на Керманшах, причем последний несколько раз был под угрозой захвата повстанцами. Наблюдатели отмечали «хорошую и умелую подготовку» к восстанию, причиной которого называли ненависть к режиму, тяжелое экономическое положение и стремление создать курдское национальное государство на персидской территории. Имела хождение и версия о поддержке повстанцев британскими колониальными властями в Ираке и о связях многих руководителей восстания с английскими резидентами¹⁷².

Надо сказать, что сообщения прессы о намерении повстанцев основать курдское государство на территории Ирана и о прямой английской инспирации движения курдов не находят документального подтверждения и вряд ли правдоподобны по существу. Создание курдской государственности в какой бы то ни было форме как на территории Ближнего Востока вообще, так и в любой из стран региона в то время отнюдь не соответствовало политике Лондона, и это показала уже Лозанна. Что касается Ирана, то после восшествия Резы на шахский трон англичане больше всего были заинтересованы в том, чтобы найти с ним общий язык исходя из своих имперских интересов (включая в первую очередь нефтяные).

Другое дело Турция. Она следовала традиционной еще с султанских времен политике использования курдов для подкрепления своих территориальных притязаний в турецко-иранском пограничье. И действительно, в начале сентября 1926 г. выступили племена пишдер, занявшие пограничный Сердешт, к ним присоединились старые союзники Симко — мамаш и мангур¹⁷³. Впрочем, дальнейшего развития курдское движение на юго-западе Ирана не получило. Салар, как и прежде, показал свою полную неспособность осуществлять эффективное руководство. «Полунормальный, выживший из ума старик, субсидируемый в своих авантюрах английским правительством» — такова была его репутация (может быть, без достаточных оснований в части английских субсидий) в глазах многих курдов. Еще менее располагали к его поддержке призывы к восстановлению династии Каджаров и до-революционных порядков. В результате уже в сентябре 1926 г. Салар покинул восставших, после чего очутился в Ираке, где был интернирован англичанами в Эрбиле¹⁷⁴. Вскоре персидские власти с большим трудом подавили параллельно развивавшееся восстание Джафар Султана, который, как и некоторые другие курдские вожди, также бежал в Ирак¹⁷⁵, где всех их ожидал строгий надзор англичан.

Таким образом, англичане были непосредственно вовлечены в описываемую ситуацию, но не на стороне иранских курдов, как думали многие современники, а как раз наоборот. Для Лондона приоритетное значение имели интересы Англо-персидской нефтяной компа-

нии, а они могли быть гарантированы только при установлении взаимопонимания с новым шахом. В печати появились сообщения, что за отказ от поддержки Салара Британии была предоставлена концессия «на западе нефтеносной земли» — по обе стороны ирано-иракской границы от Ханекина до Мандали. Кстати, инцидент с Саларом вскоре был исчерпан, и ему разрешили вернуться в Тегеран¹⁷⁶.

Убедительных доказательств наличия сговора между шахом и британцами нет, равно как нет фактов прямого подстрекательства курдов со стороны англичан. Но есть достоверные сведения о взаимном интересе шахских властей и британской администрации в Ираке по борьбе против курдского движения в Иране и о совместных действиях против этой угрозы.

В октябре 1926 г. английское посольство в Тегеране обсудило с британским Верховным комиссаром в Ираке проблему обеспечения нейтралитета Ирака в связи с курдским восстанием. Было отмечено, что шах встревожен этими событиями и просит помощи со стороны Ирака. Просто нейтралитет Ирака его не устраивает, и он хочет, чтобы иракское правительство заняло более дружественную позицию¹⁷⁷. Месяц спустя произошла встреча британского посланника с шахом, на которой стороны пришли к полному согласию по курдскому вопросу: британская сторона «отказалась» от Салара, шах согласился признать Ирак¹⁷⁸.

Таким образом, прямое вовлечение Англии в племенную смуту во главе с Саларом закончилось обоюдовыгодной сделкой между шахским правительством и британскими властями, и с Саларом было покончено, на этот раз навсегда.

Определенный интерес проявили англичане и к новому выступлению Симко, произошедшему в это же время. В мае 1925 г. британский консул в Тебризе Уорелл посетил ряд пунктов на северо-западе Ирана (Джульфу, Хой, Салмас, Урмию), в районе, где орудовал Симко. Есть косвенные сведения о том, что англичане были причастны к разжиганию вражды между Симко и другими вождями пограничной полосы, что привело осенью 1926 г. к провалу его выступления и к бегству в Ирак (по другим сведениям, в Турцию)¹⁷⁹. Все это говорит о том, что в конфликте между Тегераном и курдскими (как и иными) племенами англичане были на стороне первого.

В период становления и стабилизации режима Реза-шаха курды дали о себе знать и в другом конфликтном регионе Ирана — Хорасане, где обитали крупные туркменское и курдское меньшинства. Здесь начался «второй акт» туркмено-курдского восстания, впервые вспыхнувшего в 1920—1921 гг.¹⁸⁰. Курдские племена шаделлу и зафаранлу, населявшие полунезависимые Боджнурдское, Кучанское и Ширванское ханства на северо-востоке Ирана, ответили всеобщим возмуще-

нием на политику централизации и иранизации, проводившуюся с конца 1923 г. правительством Реза-хана и сопровождавшуюся произволом и насилиями персидских чиновников, грубо вмешивавшихся в традиционные земельные отношения, увеличением налогов и поборов и т.п.

Подавление восстания было для Тегерана трудной проблемой. Курды действовали вместе с туркменами, многие из которых требовали воссоединения эфемерной Туркменской республики, провозглашенной в мае 1924 г. во главе с джафарбайским вождем Осман-ахунем в ауле Амин-Чали, с Советской Туркменией. Курды и туркмены провели совместно ряд удачных операций, в том числе атаки на Астрабад (Горган) и т.д.¹⁸¹. Власти пытались внести раскол между восставшими курдами и туркменами и на некоторое время перетянули на свою сторону наиболее влиятельного курдского лидера — Моаззеза (Азизоллахан Сердар Моаззез), губернатора Боджнурда. В результате Тегеран получил передышку, которую использовал для перегруппировки и укрепления карательных войск и для разжигания вражды между шаделлу (их вождем был Моаззез) и зафаранлу Кучана и Ширвана. Это позволило правительственным силам переломить ситуацию в свою пользу. В июле 1925 г. в Мешхеде была казнена большая группа мятежников во главе с Моаззезом, к декабрю 1925 г. повстанцам было нанесено решающее поражение, к октябрю 1926 г. были подавлены последние очаги сопротивления (хотя отдельные выступления продолжались до лета 1927 г.)¹⁸².

Выступление хорасанских курдов, обитавших вне собственно курдского региона, было оторвано от общекурдского национального движения, лишено национальной мотивации и поэтому не может быть прямо названо составной частью курдского вопроса. Однако события в хорасанском Курдистане были важной составной частью всего этноплеменного вопроса в Иране и в таком качестве оказывали на курдскую проблему в этой стране и за ее пределами известное влияние. В целом же начальный период правления Реза-шаха ознаменовался резким обострением ситуации во всех населенных курдами районах страны. До ее смягчения было далеко.

Мосульский вопрос

Лозаннская конференция, похоронившая Османскую империю, не смогла юридически оформить судьбу одной из самых ценных частей ее наследства, важной в экономическом (нефть) и в геостратегическом отношении, — Мосульского вилайета, находившегося на стыке четырех стран. Формально определение статуса Мосула было передано на усмотрение Лиги Наций, фактически же весь

вилает, оккупированный англо-индийскими войсками в последние дни Первой мировой войны, был колониальным владением Великобритании как составная часть ее подмандатной территории — Ирака. Ликвидировать противоречие между формальной и фактической сторонами дела можно было только в пользу Англии и контролируемого ею Ирака, а не другого претендента на Мосул — Турции, по следующим трем причинам.

Во-первых, Англия уже владела Мосулом и, обладая на Ближнем Востоке превосходящей военной силой, не собиралась никому уступать этот богатый нефтью район. Во-вторых, Турция, истощенная многолетними войнами и остро нуждающаяся в передышке и реконструкции, не имела ни военных, ни политических возможностей для подкрепления своих притязаний. В-третьих, вес и влияние Великобритании на международной арене не позволяли Турции с ней конкурировать; в Лиге Наций Англия и Франция были полными хозяевами. Поэтому борьба за Мосул была Турцией заранее проиграна. Но этот конфликт, продолжавшийся три года, непосредственно затронул различные силы и на международном уровне, и главным образом на местном. Поскольку же он касался территории, расположенной в самом сердце Курдистана, то имел непосредственное отношение к курдской проблеме, оказав большое влияние на дальнейшую судьбу курдского народа. Как правильно заметил когда-то В.А.Гурко-Кряжин, «мосульская проблема составляет... часть огромной курдской проблемы, которая в ближайшее время будет играть решающую роль в политической жизни Среднего Востока»¹⁸³.

Внешняя дипломатическая сторона мосульского конфликта изучена достаточно полно. Поэтому, напомнив об основных вехах дипломатической схватки за Мосул, следует присмотреться к политической мотивации действий заинтересованных сторон и к той роли, которую играл в ней курдский вопрос.

Лозаннская конференция обязала Лигу Наций через 9 месяцев вернуться к рассмотрению мосульского вопроса, иными словами — к установлению границы между Турцией и Ираком. 19 апреля — 5 июня 1924 г. этот вопрос обсуждала англо-турецкая конференция в Стамбуле, окончившаяся безрезультатно. 10 августа 1924 г. Лига Наций высказалась за проведение границы по так называемой Брюссельской линии, обозначавшей границу по фактическому состоянию на 24 июля 1923 г., дню подписания Лозаннского договора. Турция апеллировала к Гаагскому трибуналу, но безуспешно. 30 сентября 1924 г. Совет Лиги Наций для изучения вопроса о «границах Ирака» образовал комиссию в составе бывшего премьер-министра Венгрии графа Телеки, шведского дипломата Е. аф Вирсена и бельгийского полковника А.Паулиса. 16 июля 1925 г. доклад, неблагоприятный для Турции, был

подписан, а 25 октября заслушан в Лиге Наций; Мосул было рекомендовано оставить за Ираком при условии сохранения мандата Великобритании над страной на 25 лет. Лига Наций оговаривала и курдский вопрос. В решении Совета Лиги от 16 декабря 1925 г. говорилось: «Британское правительство приглашается в качестве державы-мандатария предоставить гарантии местного самоуправления курдскому населению, о котором трактуется в докладе Комиссии по обследованию, каковые мероприятия были рекомендованы этой комиссией в ее заключительных выводах»¹⁸⁴. На рассмотрение Совета ставились и административные меры, которые следовало предпринять для проведения этих рекомендаций в жизнь. 11 марта 1926 г. Совет Лиги Наций окончательно установил «Брюссельскую линию» как границу между Мосульским вилайетом Ирака и Турцией, 5 июня того же года был заключен Анкарский договор между Англией, Ираком и Турцией об установлении турецко-иракской границы.

Таким образом, дипломатическая битва за Мосул, как и следовало ожидать, была Турцией проиграна¹⁸⁵. Перипетии этой битвы принадлежат истории дипломатии, но ее содержание представляет немалый познавательный интерес.

Современники, по понятным причинам лишённые доступа к секретным тогда документам своих внешнеполитических ведомств, высказали немало разнообразных предположений о подлинных мотивах тех или иных действий заинтересованных сторон в борьбе за Мосул в послелозаннский период и о возможных последствиях принятых в Анкаре в 1926 г. решений. Многие из этих суждений имели конъюнктурный или спекулятивный характер, но были и прозорливые мнения, содержавшие если и не всю истину, то значительную ее часть.

В числе первых отметим прежде всего следующие высказывания В.А.Гурко-Кряжина: «Заветной целью Англии, несомненно, является создание буферного курдского государства за счет территорий Турции, Персии и Ирака» для создания угрозы Турции и СССР. И дальше: «Оккупировав весь Ирак, Англия устроила несколько опытов превращения Мосульского района в курдский Пьемонт. Все эти попытки окончились пока крахом благодаря племенному раздроблению курдов и феодальной вражде, разделяющей их вождей». Это типичный для советских обозревателей 20-х годов постулат, взращенный популярной в то время англофобией и не подкрепленный никакими доказательствами. В действительности, как уже говорилось и как еще будет показано дальше, ни в Ираке, ни в Турции англичане не ставили на курдов и использовали курдскую карту весьма осторожно и умеренно. Казалось, не оправдался и следующий прогноз В.А.Гурко-Кряжина: «Постановление Лиги Наций (о Мосуле. — *М.Л.*) имеет в сущности чисто бумажное значение и не может ликвидировать мосульский кон-

фликт. Скрещение в этом районе интернациональных нефтяных интересов, чисто стратегических факторов, имеющих огромное значение для Турции, Ирака и Англии, и, наконец, сложнейших национальных проблем, из которых первенствующее место принадлежит курдской, заставляет думать, что, несмотря ни на что, этот район будет ближайшим поводом грядущих кровавых столкновений на Ближнем Востоке»¹⁸⁶. Но здесь автор был неправ лишь частично, на ближайшую перспективу, в дальнейшем же Мосул действительно оказался одной из горячих точек Ближнего Востока.

В литературе, посвященной мосульской проблеме, делались попытки выделить те или иные грани конфликта, поставить их на первое место. Авторы одной из первых капитальных советских монографий по нефтяному вопросу В.Б.Бронштейн и В.Г.Розенблюм писали: «Сложность мосульской проблемы объясняется тончайшим переплетением в ней ряда экономических, политических противоречий с целым комплексом национальных проблем, связанных с разрешением арабского и курдского вопросов. Мосул — „Гибралтар Ближнего Востока“»¹⁸⁷. По мнению этих и других авторов, прежде всего следовало определить международно-политический статус главного в то время хранилища иракской нефти — Мосульского вилайета, ибо без этого претенденты на ценнейший приз всего ближневосточного региона, нефтяные поля Киркука—Мосула, не могли ни договориться о своей доле участия, ни тем более рисковать капиталами, необходимыми для организации добычи и транспортировки иракской нефти. Немецкий обозреватель Х.Штюрмер писал в разгар мосульского кризиса: «Англо-турецкий „мосульский“ вопрос является для Англии в первую очередь вопросом, связанным с арабской политикой Англии, и лишь во вторую очередь вопросом нефтяным». Автор был уверен, что потеря Турцией почти всего Мосульского вилайета неизбежна, вопрос лишь в компенсации¹⁸⁸. Между прочим, по мнению Х.Штюрмера, именно политическая неопределенность вокруг мосульского вопроса сдерживала активность американского бизнеса, одного из главных претендентов на мосульскую нефть: «Бесплодность честеровского концессионного проекта¹⁸⁹ ... ясно показывает, насколько сдержанно оценивают американские финансовые круги неблагонадежную в политическом отношении сферу на Ближнем Востоке. Помимо того, совершенно неудовлетворительное, с американской точки зрения, разрешение вопроса об этнических и религиозных меньшинствах в Турции... несомненно оказывает отрицательное влияние на американское общественное мнение»¹⁹⁰.

Итак, уже тогда для США этнополитический фактор в международных конфликтах приобретал если не приоритетное, то весьма существенное значение. Однако непосредственного участия в диплома-

тической схватке за Мосул США не принимали, во-первых, вследствие своей изоляционистской позиции вообще, во-вторых, поскольку их вполне устраивал курс Великобритании на включение Мосула в состав подвластного ей Иракского королевства, что гарантировало столь желанную для нефтяного бизнеса политическую стабильность в регионе. Примерно такой же была позиция Франции, отказавшейся от притязаний на Мосул, но также надеявшейся получить доступ к мосульской нефти. Таким образом, Великобритания могла не бояться вмешательства других держав, когда успешно отбивала попытки Турции вернуть себе Мосул.

Хотя у Лондона в противостоянии с Турцией из-за Мосула все козыри были на руках, англичанам приходилось преодолевать немалые трудности. Их основным источником была не столько контригра Турции, сколько неустойчивое положение в самой подмандатной стране — Ираке. Значительная часть иракского общества с самого начала британской оккупации относилась к новоявленным колонизаторам враждебно, а насажденный ими режим королевской хашимитской династии считала нелегитимным, опирающимся на узкий слой заведомых прислужников Англии, поддерживаемых и оплачиваемых ею. Типичным представителем таковых был генерал Нури Саид, в течение 40 лет прямого или косвенного британского господства в стране занимавший ключевые посты в правительстве. Весь этот период англичане сидели в Ираке как на вулкане, который часто просыпался. Поэтому любой внешнеполитический шаг, касающийся Ирака, Лондону приходилось сверять с насущными потребностями своей внутренней политики в стране. Это касалось и мосульского вопроса.

Арабские националистические круги Ирака как проанглийской, так и патриотической ориентации, конечно же, хотели сохранить Мосульский вилайет в составе государства, и этот момент англичане использовали, чтобы протащить через Учредительное собрание кабальный англо-иракский договор 1922 г., повязав его «мосульским узлом». Английские власти шантажировали арабов отказом отстаивать перед турками право Ирака на Мосул, если Учредительное собрание не утвердит договор¹⁹¹. 10 июня 1924 г. он был утвержден всего 36 депутатами (немногим более половины всего состава парламента) при условии обязательства правительства немедленно приступить к его пересмотру (!) и аннулировать его в случае неприсоединения Мосульского вилайета к Ираку¹⁹².

Нельзя не отметить, что при всей значимости внутрииракского арабского фактора имперские интересы Великобритании в подходе к мосульской проблеме имели приоритетное значение. Дипломатический корреспондент британской газеты «Санди таймс» Крауфорд Прайс писал 18 мая 1924 г., что кроме обязательств защитить «арабских со-

юзников» «имеются соображения первоклассного политического значения. Горы Равандуза, которые составляют северную границу Мосульского вилайета, являются водоразделом между сферами сухопутной и морской державы, — говоря яснее, нормальной границей между русской и английской деятельностью. Сохранение провинции в дружественных руках является, далее, существенным для безопасности развития и сохранения наших имперских воздушных путей в Индии. Наконец, там имеется нефть — аргумент, на котором я до сих пор не останавливался, так как его значение постоянно преувеличивалось. Окажутся ли нефтяные залежи коммерчески доходными, остается еще убедиться. Конечно, дипломатия не может не признавать их значение, но недостаточно намекать на то, что присутствие этого ценного продукта является единственным или главным мотивом британской оппозиции Турции».

Проблема Мосула, как и любой другой важный для Британской империи внешнеполитический вопрос, не вызвала серьезных разногласий в ее правящем истеблишменте. Лишь консервативная оппозиция (бывший премьер-министр Г.Асквит, газета «Таймс» и близкие к ней круги) выражала опасения, что притязания на «линию гор Северного Курдистана» — «предварительный этап» для продвижения к Кавказу и Черному морю, а это чревато опасным риском¹⁹³. Но дальше подобных вялых опасений дело не пошло. Правда, часть либеральной прессы и газетный трест лорда Бивербрука (за которыми стояли круги, заинтересованные в бывшей «турецкой» нефти) приоритетное место отводили именно нефтяному вопросу, что сказалось на переговорах с турками, но победила имперская линия министерства колоний (так называемая англо-индийская школа), возглавляемая лордом Эмери¹⁹⁴.

Итак, главная задача Лондона заключалась в том, чтобы сохранить под британским контролем одно из ценнейших приобретений Первой мировой войны — важный в геополитическом, геостратегическом и экономическом отношении Мосульский регион. Заметим, что претендовавшая на него Турция использовала кроме исторических в основном этнические аргументы, т.е. проживание однородного массива курдского населения по обе стороны фактической границы между Юго-Восточной Анатолией и Ираком. Турецкий представитель в Женеве Али Фетхи-бей в интервью от 7 сентября 1924 г. заявил, что курды составляют большинство в Мосуле и что «этнический состав Мосула тот же, что и в Турции, где курды пользуются одинаковыми с турками правами»¹⁹⁵.

Спор из-за Мосула сопровождался взаимными территориальными претензиями, подкрепляемыми конкретными действиями на месте конфликта. Турки, мечтавшие вернуть вилайет, продолжали начавшуюся вскоре после окончания Первой мировой войны агентурно-подрыв-

ную работу среди курдских племен и местного тюркского населения (туркмен, или туркоманов). Англичане не прочь были захватить стратегически важные территории севернее разграничительной линии. Их целью было присоединение к Мосульской ливе трех каз санджака Хакяри, являвшихся «тактическим центром английской деятельности в мосульском вопросе», для чего провоцировались соответствующие инциденты. В парижском «Журналь де деба» говорилось 23 сентября 1924 г. в связи с требованием британского представителя на Стамбульской конференции отрезать от Турции «добрую половину» Хакяри: «Горный выступ, требуемый Англией, может превратиться в укрепленный лагерь, откуда Англия будет властвовать над областью Вана, Диарбекира, Урмии и над всеми проходами и путями, ведущими в Армению, на Кавказ, в Персию (курсив Ирандуста. — М.Л.)». По словам источника, англичане даже предъявили туркам ультиматум с требованием в 48 часов очистить эти казы, но турки проявили выдержку и не поддались на угрозы¹⁹⁶.

Территориальные притязания с обеих сторон подкреплялись военной силой, но делалось это, по понятным причинам, не прямо, а как бы исподволь, партизанскими действиями, чаще всего исполнявшимися чужими руками. Турки инспирировали антианглийские выступления курдских племен в Северном Ираке, помогая им деньгами и оружием. Англичане выдвигали вперед ассирийские дружины «леви», поддерживая их даже авиацией и прельщая ассирийцев возвращением на «историческую родину», в Хакяри, откуда они были изгнаны во время Первой мировой войны. Поговаривали даже о намерении Англии создать нечто вроде ассирийского «буфера» между Турцией и Ираком¹⁹⁷. Однако ничего особо существенного из этих дополнительных мероприятий Анкары и Лондона не вышло. Курдское движение в Северном Ираке явно шло на спад; кроме того, не только турецкие, но и иракские курды в общем враждебно относились к Турции и не желали лить воду на ее мельницу. Жестокое подавление курдских восстаний в Турции отвратило многих вождей иракских курдов от Анкары, что, кстати говоря, было учтено комиссией Лиги Наций по мосульскому вопросу¹⁹⁸. Лондон же отнюдь не стремился, вопреки прогнозам, как уже отмечалось, большинства советских авторов¹⁹⁹, поддерживать курдский национализм где бы то ни было, в том числе и в Турции. Не было у англичан и сколько-нибудь серьезного намерения поднимать ассирийский вопрос, который интересовал их исключительно утилитарно²⁰⁰.

Таким образом, внутренняя ситуация в Северном Ираке и на турецко-иракской линии разграничения не могла оказать решающего влияния на исход мосульского конфликта. Она была только фоном, на котором разворачивалась борьба за установление контроля в этногео-

графическом Курдистане. В этой схватке и Лондон, и Анкара имели свои планы и свои подходы.

Каждая сторона была полна подозрений в отношении намерений другой касательно курдов и Курдистана. Турки считали, что англичане по-прежнему следуют курсу Версаля и Севра, собираясь на территории Ирака, Турции и, «возможно», Ирана «выделить независимое курдское государство под властью британской короны». На самом деле, как известно, во-первых, эта идея поддерживалась Лондоном в сильно усеченном виде (Курдистан без его иракской и иранской частей), во-вторых, вскоре после Севра она была отставлена как нереальная. Правда, среди британских колониальных деятелей еще оставались ее сторонники (например, Э.Сон), но победили их противники в лице одного из руководителей британской ближневосточной политики Перси Кокса и его влиятельных единомышленников. Жупел «независимого» Курдистана если порой и возникал, то только в служебных, пропагандистских целях. По словам английского автора Дж.Ленчовски, «поддержка курдских требований использовалась как оружие против непокорных турецких националистов». Конечно, негативное отношение Лондона к курдской независимости было хорошо известно Анкаре, но невозможно было отрицать наличие курдской карты, хотя и не козырной, в английской колоде. Это позволяло туркам обвинять англичан «в заговоре с целью подорвать политическую и территориальную целостность Турции»²⁰¹. Таким образом, курдская карта в руках британской дипломатии была оружием обоюдоострым.

Действительно, британской дипломатии использовать «курдские» аргументы в спорах с турками было нелегко. С одной стороны, у нее руки были связаны обещаниями, данными в Лозанне и до того, соблюдать национальные права иракских курдов, содействовать их развитию и т.п., хотя эти обещания были высказаны в самой неопределенной и необязательной форме. С другой стороны, любой жест в этом направлении вызывал резкое неприятие со стороны турок и затруднял переговоры по Мосульскому урегулированию, в скорейшем и успешном завершении которых Лондон безусловно был заинтересован²⁰². Из Форин Офис писали в английское посольство в Стамбуле, что правительство Великобритании не может уклониться от предоставления некоторых прав иракским курдам, иначе Совет Лиги Наций может по рекомендации комиссии отдать спорные территории (т.е. Мосульский вилайет) Турции. В интересах правительства, наставляли далее посла, уменьшить численность курдов как беспокойного элемента под иракским управлением, но удержание Мосульского вилайета, значительную часть которого составляют курдские районы, — *sine qua non* для существования иракского государства. Было бы полезно для англо-турецких отношений рассеять турецкие опасения насчет

«квазиавтономного Курдистана» на ее границе. Лишить курдов Ирака тех автономных прав, которые им предоставлены, уже невозможно, но туркам надо ясно сказать, что у англичан нет никакого намерения создать в Ираке курдское автономное государство.

Как видно, инструкция была достаточно противоречивой, но давала англичанам немало простора для маневра во время контактов с турками. Поэтому британским представителям в Турции и Ираке удалось повлиять в нужном для себя направлении на работу трехсторонней комиссии Лиги Наций и нейтрализовать турецкие интриги, умело играя на усилившихся в связи с расправами в Турецком Курдистане антитурецких настроениях среди иракских курдов²⁰³.

Турецкая сторона, противопоставляя британской свои аргументы, принижала или вовсе отрицала самостоятельное значение курдской проблемы. Исмет-паша в конце 1923 г., когда англо-турецкий спор только набирал обороты, заявил, что курды, согласно «Национальному обету», входят в «мусульманское большинство», «турки и курды образуют одну нацию и должны рассматриваться как единый элемент». Этим следует руководствоваться при переговорах о Мосуле²⁰⁴. Премьер-министр Рауф-бей говорил в 1924 г. А.Тойнби, что Мосул нужен Турции не с экономической или стратегической точки зрения, но только с политической в связи с курдским вопросом, который следует рассматривать исключительно как территориальный; по его словам, даже Севр отдавал северную часть Курдистана Турции²⁰⁵. По мнению Тойнби, неблагоприятный для Турции ход обсуждения мосульской проблемы в Лиге Наций и проведение «Брюссельской линии» объясняются тем, что турецкая сторона, в отличие от английской, отказалась дать заверения, что на спорной территории в случае передачи ее Турции будет обеспечено самоуправление курдов и будут уважаться их национальные права²⁰⁶. Во время долгих переговоров турецкая сторона все время как бы оглядывалась на ситуацию в своей части Курдистана, полагая, что после подавления восстаний она сможет применить силу для захвата Мосула, и не принимая в расчет, как это примут иракские курды²⁰⁷.

Последние же в своем подавляющем большинстве вовсе не мечтали о возвращении турецкой власти. Как показали отчеты о работе комиссии Лиги Наций, даже те племена, которые были распропагандированы турками, добивались независимости, а не возобновления турецкого господства. Материалы, собранные комиссией, в своем большинстве говорят о враждебном отношении иракских курдов к туркам. Конечно же, англичане при обсуждении мосульского вопроса в Лиге Наций этим воспользовались, пообещав предоставить курдам Мосульского вилайета местную административную автономию (хотя и не собираясь исполнить это обещание)²⁰⁸.

Поэтому турецким делегатам в Лиге Наций было нелегко поднимать курдскую тему в обоснование своих притязаний на Мосул, и они предпочитали налегать на свою заинтересованность в нефти и в других богатствах вилайета. Проявляя большую настойчивость, турки требовали признания своих прав на участие в судьбе Северного Ирака и даже показывали готовность применить военную силу, но эта угроза повисла в воздухе. Как писал «Нир Ист», «турки беспокоятся, что часть Курдистана останется за пределами Турции, но они ничего не предприняли по отношению к своим курдам и безразличны к тому, что случится с остальными курдами». В результате, отмечалось в журнале, Мосул останется за Англией, а на войну турки не пойдут²⁰⁹.

Для Лондона сложность переговоров с Анкарой по Мосулу состояла не в том, чтобы защитить вилайет от турецких посягательств и установить прочный и долговременный контроль Британии над ним (это и так было более или менее обеспечено), а в том, чтобы не сделать мосульский вопрос, как писал Р.Линдсей, «камнем преткновения на пути к англо-турецкой дружбе». Ведь Турция была для Англии ключевой страной на Ближнем Востоке, без восстановления и укрепления отношений с которой нечего было и думать о надежной защите британских интересов в Восточном Средиземноморье и сопредельных регионах. Создание в Ираке нечто вроде «курдского национального очага» было «прямой угрозой самой сердцевине турецкой политики», но это может «нанести тяжелый удар прямо в цель». Возможно, продолжал Р.Линдсей, английское правительство «непоправимо скомпрометировало себя поощрением национализма в Южном Курдистане». Если еще нет, надо, чтобы Лига Наций не принуждала мандатария к каким-либо обязательствам на этот счет.

Остин Чемберлен поддержал посла и расставил все точки над *i*. Трудность он видел лишь в том, чтобы отменить те права, которые уже предоставлены иракским курдам и о которых министр колоний Л.С.Эмери уже объявил в своих декларациях Лиге Наций от 3 и 4 сентября 1925 г. Видимо, эти трудности Чемберлен считал легкопреодолимыми, ибо он заверил посла, что у британского правительства нет намерений возродить политику, объявленную в Севре²¹⁰.

Аргументы, высказанные английской стороной, не развеяли подозрений турок, затруднявших переговоры. 23 октября 1925 г. появился меморандум Форин Офис, излагавший существо спора. В политике Кемаля, говорилось в нем, видны два соображения: 1) второстепенное — престиж; 2) более важное — вопрос о Курдистане. Кемалистская политика сводится к ассимиляции курдского населения в новом турецком государстве. Политика Великобритании в Ираке стремится водворить «начала автономии среди иракских курдов». Это усиливает сопротивление турецких курдов процессу ассимиляции и их тягу

«к объединению со своим полунезависимым братом в Ираке». Отсюда — заинтересованность Турции в гарантировании иракской границы. Однако трудно сказать, как это сделать, не предавая «неоспоримые права курдов к национальному развитию и к конечной цели — независимости».

Меморандум содержал следующие основы для компромисса в споре: а) гарантии против опасности потери Турцией Курдистана; это сделать трудно, но вопрос подлежит обсуждению; б) уступки, которые помогли бы Кемалю «спасти лицо», получив политические компенсации. Назывались факторы, которые могут помешать турецкой агрессии в Ираке: Турецкий Курдистан как еще не умиротворенный тыл и уязвимые коммуникации через районы, населенные арабами, курдами, христианами и туркоманами²¹¹.

Таким образом, в британском внешнеполитическом ведомстве вовсе не были заинтересованы в решении собственно курдского вопроса как главной составной части вопроса мосульского. Там по-настоящему были озабочены укреплением разрушенных войной и интервенцией англо-турецких отношений, а в курдах видели лишь средство, могущее способствовать или помешать этим отношениям. Национальные интересы самих курдов совсем не принимались во внимание. Об этом говорят и последующие переговоры по мосульской проблеме, предшествовавшие подписанию Анкарского договора.

В ноябре 1925 г. Р.Линдсей посетил Анкару²¹², где имел встречу с премьер-министром Исмет-пашой. В результате беседы с ним Линдсей пришел к выводу, что военное вмешательство Турции в конфликт исключено. Исмет заявил, что курдский вопрос является «самой важной частью пограничных трудностей и представляет подлинную угрозу безопасности Турции». По его мнению, чем больше курдов будут включены в Ирак, тем больше затруднений испытает Турция в своих восточных вилайетах²¹³. Из Лондона послу сообщали, что Англия не собирается устраивать в Ираке «ничего похожего на курдский гомруль», а желает только, чтобы курды пользовались родным языком и имели свою администрацию²¹⁴. Линдсей в ответ на это выразил мнение, что метод убеждения турок в правильности действий британской администрации в Иракском Курдистане малоэффективен. «Курдские трудности Анкары будут облегчены, как только курды потеряют надежду получить помощь с юга», но это маловероятно²¹⁵.

В конце января 1926 г. Р.Линдсей вновь посетил Анкару, где встречался с премьер-министром и министром иностранных дел. Последний сказал, что самый главный вопрос — обеспечение безопасности из-за «курдской ситуации». С персидскими курдами нет трудностей, но с переходом курдов под власть «третьей державы» (т.е. фактически Англии) трудности возрастают. Иракские курды могут захотеть воссо-

единиться с турецкими. Премьер Исмет-паша высказался в неопределенно-общей форме: курдский вопрос подчинен территориальным и пограничным вопросам²¹⁶.

В меморандуме от 8 февраля 1926 г. Рональд Линдсей сделал следующий вывод относительно своих бесед с турецкими руководителями. По их мнению, заявил он, «курды представляют огромную опасность для идеалов Турецкой республики». Взяв курс на секуляризацию и модернизацию, турецкие власти стремятся к подавлению всех симптомов курдского национализма. Турция потому стремится к присоединению Мосула, чтобы иракские курды не подпали под власть Британии, «вдохновленной... либеральными принципами», что губительно отразилось бы на ситуации в Турецком Курдистане. Однако затруднения с курдами не должны служить препятствием для межправительственных соглашений между Турцией и Ираком²¹⁷.

Итак, переговоры Р.Линдсея в Анкаре показали Лондону, что именно ситуация с курдами является главной причиной притязаний Турции на возвращение ей Мосула, но в то же время турки не в состоянии ничего сделать, чтобы изменить сложившуюся реальность, т.е. отобрать у Великобритании завоеванное. Стало ясно, что Турция неизбежно будет вынуждена уступить. Так оно и произошло.

Переговоры по мосульскому вопросу затронули и другие важные сюжеты тогдашней ближневосточной политики, причем и в них лейтмотивом была курдская тема. Великобритания, чьи позиции в середине 20-х годов и в Турции, и в Иране были под угрозой, старалась обострить турецко-иранские отношения, используя постоянный пограничный конфликт в зоне курдских племен и мосульский вопрос. В первом случае англичане распускали слухи об агрессивных намерениях Турции в пограничной полосе Ирана, во втором — стараясь привлечь на свою сторону Иран, убеждали его, что Турция, захватив Мосул, будет стремиться к присоединению Восточного Курдистана, поэтому для Ирана выгодно оставление Мосула в составе Ирака²¹⁸.

Турецкое правительство, со своей стороны, искало сочувствия и помощи со стороны дружественной в ту пору державы — Советского Союза. Премьер-министр Али Фетхи-бей в беседе с советским полпредом Я.З.Сурицем еще в начале января 1925 г. называл поездку Реза-хана в Багдад «ударом в спину Турции» и просил демарша со стороны СССР (в чем ему было отказано). «Персидские власти, — жаловался Фетхи, — помогают англичанам, борясь с дружественными турецкому правительству курдскими вождями». У Я.З.Сурица сложилось впечатление о растерянности Фетхи и министра иностранных дел Шюкрю Кая в связи с работой мосульской комиссии, которая опрокинула «какие-то иллюзии». Через несколько дней Кая, заявив, что персидское правительство находится в руках англичан, отметил: «Ввиду

тесной связи курдского вопроса с Мосульской проблемой я допускаю вполне, что англичане приманили персидское правительство, вообще склонное к мегаломании, обещаниями компенсации того типа, о котором персы так настойчиво говорили во время выработки Севрского договора. Тогда они претендовали на турецкую территорию до Урфы и Диярбакыра включительно». В связи с этим Кая попросил поддержки у советского правительства²¹⁹.

После представления доклада комиссии Лиги Наций, подписанного 16 июля 1925 г., турецкое правительство попыталось заручиться поддержкой СССР, чтобы изменить некоторые его положения по территориальному вопросу в свою пользу. В начале августа 1925 г. турецкий министр иностранных дел опротестовал решение комиссии отдать Киркук и Сулейманию Ираку, назвав его «абсолютно неприемлемым», поскольку для Турции во главе угла стоит «стратегический момент»: «Турция больше нуждается в надежной стратегической границе, чем наоборот». Министр умолчал, что экономический момент (нефть Киркука) все же играл не меньшую роль, чем стратегический. Одновременно была сделана неуклюжая попытка противопоставить Багдад Лондону. Кая заявил: «Если же речь идет об Ираке, то пусть Англия устранился, а Турция и Ирак сумеют сами договориться между собой». Кая даже предложил поставить на плебисцит вопрос о британском мандате на Ирак и его сроках²²⁰. Разумеется, это был совершенно нереальный план.

Неизбежность отказа от Мосульского вилайета в конце концов вынужден был признать и сам Кемаль. В конце апреля 1926 г. он сказал Я.З.Сурицу о готовности пойти на компромисс с Р.Линдсеем, но в действительности это была сдача позиции, которую Турция уже была не в состоянии защищать. Турецкий президент оправдывал свое отступление незначительностью территориальных уступок (!) и вообще малой заинтересованностью в предстоящем соглашении, которое, по его мнению, сохранит угрозу Турции. «Я предпочел бы иметь дело непосредственно с Ираком и готов был бы отказаться в случае ухода Англии от наших прав на Мосул», — заявил Кемаль. В то же время он выразил недвусмысленное желание компенсировать дипломатическое поражение Турции в споре с Великобританией выгодами военно-политического сближения с СССР, предложив заключить с ним военный союз. Он с одобрением высказался о восточной политике СССР («акцентирование восточной ориентации является наиболее правильной тактикой по отношению к империалистам»). А «пока нам приходится маневрировать и идти на компромисс», но не вразрез с дружбой с СССР. «Моим присутствием сегодня на вашем вечере в момент переговоров с Линдсеем я хотел отчетливо это подчеркнуть», — сказал в заключение Кемаль²²¹.

В общем, Турция прекратила безнадежную борьбу за возвращение Мосула. То, к чему предпосылки были созданы еще летом 1924 г. и что фактически стало неизбежным весной 1925 г., свершилось. «Турция в течение нескольких лет находилась в дипломатическом окружении и не могла ничего сделать, не найдя сильного союзника, который был бы готов ради нее вступить в войну с Великобританией», — писал Карл Гофман²²². Попытка Кемала на исходе конфликта получить компенсацию в виде дальнейшего сближения с Советским Союзом и «подключения» его к своей дипломатической игре оказалась безуспешной: Москва отстранилась от вмешательства в англо-турецкий спор, не симпатизируя ни турецкому национализму, ни тем более британскому империализму как по идеологическим, так и по политическим соображениям.

Таким образом, турецкая дипломатия потерпела поражение. Но это было поражение особого рода, так сказать, заранее predetermined. При этом сама Турция фактически ничего не потеряла из того, что она имела к моменту подписания Лозаннского мирного договора, а отсутствие приобретений естественно вытекало из ее военного поражения во время Первой мировой войны. Один советский автор писал в те дни, что соглашение о Мосуле является «актом частичного отказа» от программы «Национального обета», но не является «гнилым компромиссом», не угрожает экономической и политической самостоятельности республики²²³.

Великобритания, несомненно, могла праздновать победу, которая, надо признать, досталась ей малой кровью. Притязания Турции были отвергнуты, британские позиции на Арабском Востоке вообще, а в Ираке и Южном Курдистане в частности укреплены. Словом, был ликвидирован последний неурегулированный территориальный конфликт, оставшийся на Ближнем Востоке от Первой мировой войны²²⁴. Доволен был и народившийся и взлелеянный британцами арабский истеблишмент Ирака — от королевского двора до арабских националистических кругов, естественно, горой стоявших за «Иракский Мосул» и в этом вопросе солидарных с мандатарием.

Кто безусловно проиграл, так это курды. Как писал Ф.П.Грейвс, соглашение о Мосуле «положило конец всякой идее об автономном или независимом Курдистане» («которая, по всей вероятности, умерла молодой и никем не оплакиваемой»)²²⁵. Англо-иракско-турецкое соглашение от 5 июня 1926 г. окончательно оформило и юридически закрепило новый раздел Курдистана. Это был черный день в истории курдского народа. Ряд положений договора имел прямо антикурдский характер. Пограничная стража должна была препятствовать переходу племен из одной страны в другую и вообще всяким сношениям «вождей, шейхов и других членов племен с соотечественниками в другом госу-

дарстве» (ст. 12). Запрещалась пропаганда, направленная против другого государства (под которой турки подразумевали английскую пропаганду среди турецких курдов)²²⁶.

Таким образом, разделенность курдского народа не только усугубилась, но получила, можно сказать, международно-правовой статус. Уже который раз в своей истории курды стали жертвой непреодолимой силы.

Глава III

ПОДЪЕМ

КУРДСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

«Хойбун»

Поражение восстаний в Турецком, Иранском и Иракском Курдистане в середине 20-х годов побудило курдских лидеров — руководителей возникших главным образом на территории Турции националистических организаций — существенным образом перестроить свою работу. Локальные выступления, подобные восстаниям под руководством шейха Саида, Симко или шейха Махмуда Барзанджи, показали свою несостоятельность. Стала ясной необходимость создания общекурдской политической организации, способной объединить разрозненные очаги национального сопротивления, существовавшие в разделенном Курдистане, и возглавить борьбу за курдскую государственность. Почин в этом деле принадлежал виднейшим лидерам курдских националистических организаций Турции, наиболее подготовленным к этой работе и обладавшим необходимыми связями как в самом курдском обществе, так и за его пределами на Ближнем Востоке и в Европе. Результатом их деятельности стало создание в 1927 г. на территории Сирии и Ливана, принадлежавших Франции, курдского национального комитета «Хойбун» («Независимость»).

Сведения о точной дате и конкретном месте этого события в литературе довольно разноречивы. По данным английской разведки, подготовительная работа началась в феврале 1927 г., когда Бейрут посетили две курдские делегации, которые обсудили с проживавшими там членами одного из самых влиятельных и почитаемых в Курдистане семейства Бадрханов возможность создания курдского государства и проведения по этому вопросу переговоров с... большевиками¹. Шли разговоры и о поисках союзников среди местного населения, при этом особая роль отводилась ассирийцам.

Большинство источников согласно в том, что «Хойбун» был основан в октябре 1927 г. (по утверждению французского эксперта по курдскому вопросу Люсьена Рамбу — 5 октября)² в селении Бихомдун в Ливане, где собрался первый конгресс «Хойбуна»³. В состав комитета вошли следующие курдские националистические организа-

ции Турции: «Курдистан Таали», «Курд Тешкиляти Ичтимайи джемieti», «Курд миллет фыркасы», «Комитет курдской независимости». 28 октября 1927 г. «Хойбун» провозгласил независимость Курдистана в соответствии с Севрским договором и одновременно — войну Турции. Селение Курд-Ава на Агрыдаге было объявлено временной столицей Курдистана, Диярбакыр — постоянной. По отношению к Персии, Армении, Ираку и Сирии были декларированы дружественные намерения.

В Исполнительный комитет «Хойбуна» (он же — правительство Курдистана) вошли Сурейя, Желадет и Камран Бадрханы, Мемдух Селим-бей, Шахин-бей и другие видные курдские деятели. Главнокомандующим курдской армии стал Ихсан Нури-паша, который и был фактическим лидером «Хойбуна», а главой гражданской администрации — Ибрагим-паша Хаски из Телло, впоследствии сменивший Ихсана Нури на посту главнокомандующего. На одной из вершин Агрыдага был поднят курдский национальный флаг⁴.

«Хойбун» принял политическую платформу — план действий на ближайшее время. В изложении О.Л.Вильчевского⁵ он выглядел так: 1) роспуск всех существующих партий, обществ и организаций и вхождение их в «Хойбун»; 2) борьба против Турции до признания ею прав курдов на их земли; 3) подготовка к всеобщему восстанию, для чего следует назначить нового руководителя, реорганизовать все силы курдских повстанцев по военному образцу и вооружить их, создать общий повстанческий центр; 4) установление связей с иранским правительством и иранскими партиями; 5) установление связей с правительствами Ирака и Сирии, закрепление завоеванных курдами в этих странах прав установлением договорных отношений с местными курдскими правительствами и декларирование отсутствия со стороны курдов дополнительных претензий к этим государствам.

Такова была политическая программа «Хойбуна» в момент его рождения. Несомненно, что в практической плоскости она была построена на песке. В то время еще не созрели ни политические, ни социальные, ни юридические предпосылки для успешной борьбы за независимый Курдистан даже на территории одной Турции. Об Иранском Курдистане вообще редко упоминали, нереально было получить автономию и курдам Ирака и Сирии. Курдские националисты — организаторы «Хойбуна» явно были заражены прожектерством и авантюризмом. «Хойбун» не обладал никакими средствами, которые позволили бы ему создать организационные структуры, пригодные для осуществления его широковещательных планов. На деле это было временное объединение курдских националистов Турции и диаспоры, способное решать сравнительно ограниченные задачи по организации вооруженных выступлений турецких курдов и пропаганде «курдского дела» на Западе.

Однако не следует и преуменьшать значение этого события. Во-первых, оно способствовало консолидации сил курдского сопротивления, прежде всего в Турции, существенному сокращению междоусобицы и политического партикуляризма. «Хойбун» на некоторое время стал центром, вокруг которого объединились курдские патриоты Турции и сопредельных стран. Во-вторых, курдским националистам удалось создать на территории Сирии и Ливана прочную базу, с которой, пользуясь сравнительно либеральной политикой французских мандатных властей в курдском вопросе, они развернули активную организаторскую и пропагандистскую деятельность (комитет «Хойбун» вскоре после своего основания переехал в Сирию). В-третьих, курдские националисты обзавелись новыми и весьма важными для них внешними связями, в частности, у колыбели «Хойбуна» стояла самая влиятельная армянская зарубежная националистическая организация — партия «Дашнакцутюн» («Союз»). В первом конгрессе «Хойбуна» принял участие лидер дашнаков В.Папазян. Как утверждал Касемлу, «Хойбун» находился под прямым влиянием дашнаков, которые оказывали ему «политическую, организационную и материальную поддержку»⁶. Сразу же был установлен тесный контакт «Хойбуна» с военным отделом «Дашнакцутюна», который выделил для связи Рубен-пашу.

«Дашнакцутюн» был и одним из источников финансирования «Хойбуна», вернее сказать — посредником, ибо сами дашнаки немалые средства получали от Франции. Хойбуновцы получали средства от французских спецслужб и напрямую (из Бюро секретной службы осведомления и от Главной квартиры французских войск в Сирии, где их курировал капитан Рондо). Кроме того, «Хойбун» быстро обзавелся собственными источниками финансирования от состоятельных курдских эмигрантов в США и в других странах Запада. Сразу же после основания комитета было собрано более 1 млн. долл.⁷. Имея штаб-квартиру в Сирии, «Хойбун» основал филиалы и отделения во многих других странах, прежде всего в Турции, но также в Западной Европе и даже в США⁸.

Создание комитета «Хойбун» стало этапом в истории курдского национализма, который вышел, можно сказать, из узких страновых рамок на международную арену, обзаведясь и региональными, и более широкими связями. Его программные установки имели свои особенности, отличавшиеся от целей его предшественников и отвечавшие интересам тех сил, от которых «Хойбун» получал помощь и поддержку. Так, «Хойбун» гласно проявлял крайний национализм, агитируя уже не за «независимый», а за «великий» Курдистан, т.е. за объединение всех курдов в одном государстве. Крайними националистическими лозунгами был полон, в частности, главный печатный орган «Хойбуна» журнал «Хавар» («Призыв»). Вместе с тем, считаясь с интере-

сами дашнаков, французов и отчасти англичан, «Хойбун» старался умерить свою активность в Сирии и в Ираке, а в какой-то мере и в Иране, сосредоточив почти всю деятельность в Турции⁹. Таким образом, на деле «Хойбун» стал организатором национального движения именно турецких курдов, поставив перед собой задачу извлечь уроки из предыдущих поражений и подготовить новое выступление. План создания единого курдского государства территориально вряд ли выходил за пределы Турции и, может быть, турецко-иранской пограничной полосы.

Тесная связь «Хойбуна» с Францией и некоторыми другими западными державами (непосредственная и через «Дашнакцутюн») двояко сказалась и на репутации комитета, и на его практической деятельности.

С одной стороны, «Хойбун» много сделал для интернационализации курдского вопроса и ознакомления общественного мнения Запада с правдой о положении курдов, стал центром притяжения немногочисленной курдской интеллигенции и организовал на территории Сирии и Ливана базу для развития курдской культуры и образования. Члены «Хойбуна» разработали и внедрили курдский алфавит на латинской графике, что имело большое культурное значение, наладили издание курдских газет, журналов, учебников, просветительской и художественной литературы. Положительное влияние такой деятельности комитета на курдское общество, остро нуждавшееся в культурном развитии, сказывается до сих пор.

С другой стороны, прозападная ориентация «Хойбуна» неизбежно породила для него серьезные проблемы. Сразу возникло подозрение в его ангажированности, стали распространяться слухи (особенно в Турции), будто курдские националисты и возбуждаемые ими повстанцы действуют исключительно по иностранной, преимущественно английской инспирации. Появились даже сообщения, что курдскими повстанцами в действительности командует знаменитый полковник Лоуренс, действующий через турецких эмигрантов. Разумеется, никаких конкретных доказательств не приводилось¹⁰.

Таким образом, «Хойбун» отнюдь не являлся массовой общекурдской партией (да и партией вообще), глубоко внедрившейся в курдское общество и пользовавшейся прочным политическим влиянием во всех частях разделенного Курдистана. Это был именно «комитет», расположенный вне пределов этнического Курдистана, хотя и вблизи него, и состоявший из сравнительно узкого круга лиц, в основном очень высокого происхождения и весьма авторитетных у курдов, но постоянно проживавших в ближней или дальней эмиграции. Практически они пользовались влиянием только среди турецких и сирийских курдов, действуя через свою главным образом нелегальную агентуру.

За рубежом, на Западе, работа комитета ограничивалась пропагандистской и культурно-просветительской сферой, значение которой, конечно же, не следует недооценивать. В Советском Союзе на «Хойбун» смотрели резко враждебно, считая его сторонников империалистической агентурой, связанной с антисоветской партией дашнаков. Это, разумеется, было далеко от объективной оценки деятельности «Хойбуна» в контексте конкретной исторической ситуации. Ведь сближение курдского и армянского националистических движений после многих десятилетий отчужденности и вражды нельзя не признать здоровой тенденцией, наносящей удар по шовинистической традиции. Да и помощь со стороны той или иной западной колониальной державы, независимо от корыстных расчетов помогающей стороны, может, как это часто бывало в истории, способствовать росту национально-освободительного движения, в том числе и курдского.

Итак, основание «Хойбуна» ознаменовало наступление такого этапа в развитии курдского национализма, когда произошла определенная смена вех и был взят курс на сотрудничество со странами Запада, в том числе и через ориентирующийся на них «Дашнакцутюн». Ближайшее будущее должно было показать, плодотворен ли этот курс и насколько «Хойбун» организационно и политически готов к выполнению вставших перед ним задач в новых условиях.

Довольно скоро выяснилось, что «Хойбун» не был той организацией, которая могла возглавить курдское движение на новом этапе. Однако это стало очевидным не сразу. Более того, ситуация в Курдистане, особенно в его турецкой части, давала курдским националистам немалые основания для оптимизма. Подавление восстания шейха Саида не сломало волю турецких курдов к сопротивлению. Восточные вилайеты находились в состоянии глухого брожения, часто выливавшегося в открытые антиправительственные выступления.

Вместе с тем после 1925 г. освободительное движение турецких курдов вступило в новый этап. Оно в значительной мере утратило религиозные лозунги и руководствовалось в основном националистическими мотивами. Широко велась агитация за независимость всего Курдистана, включая его иранские, иракские и сирийские части. Этим занимались не только члены «Хойбуна», но и многие вожди племен, использовавшие связи со своими соплеменниками по другую сторону границы. Например, сын шейха Саида, Салахеддин, бежал в Ирак, где проходил обучение в военной школе, установил контакт с англичанами, получил от них финансовую помощь и вступил в «Ассоциацию (Общество) друзей курдов» (или «Общество друзей Курдистана») в Ираке. Вернувшись в Турцию по амнистии, он основал в Эрзуруме «Ассоциацию (Общество) Северного Курдистана», но вскоре очутился в тюрьме. Эта организация, имевшая филиалы в Дамаске и Халебе, распространяла

по всему Курдистану прокламации о необходимости создания армяно-курдского государства¹¹. Имеется много свидетельств о совместных действиях курдских и армянских националистов (в частности, в турецко-сирийском пограничье), об их взаимопомощи¹².

Нарастание напряженности в курдских вилайетах побудило турецкое правительство принять ответные меры, сводившиеся в основном к продолжению прежнего карательного курса. Так, в марте 1927 г. был продлен на два года «Закон об охране порядка», вводивший по существу осадное положение на востоке Турции. Поэтому одновременная отмена «судов независимости» была чистой формальностью. В июне того же года был принят закон о переселении «по административным, военным и общественным соображениям» неблагонадежных, по мнению властей, курдов из восточных вилайетов в западные. Это вылилось в массовую депортацию, которой за несколько лет, по курдским источникам, подверглось до 1 млн. человек¹³. В конце ноября 1927 г. в самых мятежных вилайетах востока Турции (Элязыг, Урфа, Битлис, Хакяри, Диярбакыр, Сиирт, Мардин и Ван) была учреждена специальная административная зона, так называемая Первая генеральная инспекция, на территории которой полицейский надзор над курдским населением сопровождался широким применением репрессивных методов.

В то же время власти были заинтересованы в том, чтобы смягчить напряженность и стабилизировать обстановку на востоке страны. С этой целью была провозглашена амнистия, декларированы мероприятия по улучшению экономических и социальных условий жизни в курдских вилайетах, проведению там насущных реформ. Громогласно заявлялось, что с открытым проявлением недовольства курдов и их вооруженным сопротивлением покончено, осталась лишь проблема «бандитизма». Некоторая часть насильственно переселенных курдов была возвращена назад¹⁴.

Власти пытались договориться с курдской верхушкой, внести раскол в ее ряды. Была даже сделана попытка договориться с «Хойбуном». Ихсану Нури посулили прощение и пост военного атташе в одном из посольств, но он на это не пошел¹⁵. Одновременно разжигалась вражда к курдам-заза, обитателям постоянно беспокойного Дерсима.

Однако надеждам Анкары на скорое умиротворение Турецкого Курдистана не суждено было сбыться. Курды решительно отвергали официально проводимый курс на непризнание их национальной идентичности и последующее отуречивание, т.е. ассимиляцию, — центральный постулат кемализма по национальному вопросу, объявляющий всех граждан государства турками. И эту главную причину национального конфликта на востоке страны не могли устранить никакие полумеры и маневры властей. Непрекращавшиеся репрессии толь-

ко подливали масло в огонь. Что касается обещанных реформ и улучшений в социальной и экономической области, то они или оставались на бумаге, или проводились крайне медленно и непоследовательно, так что результаты были ничтожными (и то только в интересах имущих слоев). К тому же на экономическом положении курдского населения восточных вилайетов губительно сказался недород, поразивший их три года подряд, а также последствия мирового аграрного кризиса как составной части «великой депрессии» конца 20-х — начала 30-х годов, особенно болезненно отразившейся на слаборазвитых странах¹⁶. Таким образом, причины, которые порождали периодически повторявшиеся вооруженные выступления боровшегося за национальное освобождение народа, устранить не удалось.

Новые столкновения между курдскими повстанцами и турецкими правительственными войсками были отмечены весной 1927 г. Они имели спорадический характер и на первых порах не принесли успеха ни одной из сторон. В 1928 — первой половине 1929 г. турки постепенно вытеснили курдов из основных повстанческих районов, но до полного успеха было далеко. Курдам же удалось в седловине между Большим и Малым Араратом (район, называемый Кире) создать мощную базу для организации нового восстания, известного под названием Араратского, или Хойбуновского. 12 июня 1929 г. здесь развернулись интенсивные военные действия¹⁷. В журнале «Ярын» (Стамбул) появилось воззвание курдских вождей к своему народу. В нем говорилось, что курды — «великая нация», содержался призыв к освобождению от турецкого ига и к созданию свободного независимого курдского государства «между Персией и Ираком»¹⁸. Началась, по словам А.Сафрастяна, «Вторая курдская революционная война», более подробному описанию которой посвящен следующий раздел.

Вскоре после своего создания комитет «Хойбун» развернул активную работу по объединению всех курдов вокруг идеи независимого Курдистана. Считалось, что во главе этого дела стояли Бадрханиды¹⁹ (председатель комитета Джеладет и др.), но в действительности их роль была скорее символической. Комитет фактически был лишь идейным центром курдского национализма и в какой-то мере штабом национального движения. В него входило всего около 100 человек. Вся же конкретная организационная деятельность проводилась эмиссарами комитета, представителями местной племенной верхушки, выполнявшими определенные задания в данной местности.

Документы британских служб в Ираке содержат важные сведения о деятельности эмиссаров «Хойбуна» в разных частях Курдистана, в первую очередь в арабских. Так, некий Амин-эфенди Бероски, секретарь шейха Саида и соратник его сына Али Ризы, находившийся под надзором иракской полиции и обосновавшийся в Эрбиле, пропаганди-

ровал идею «независимого Курдистана под британским протекторатом», совершил поездку в Тегеран и пытался попасть в Сирию (куда его не пустили). Были подозрения, что он провокатор и турецкий агент, но, кажется, неосновательные²⁰. В Эрбиле проживал также Фахми ибн Биляль (он же Лиджели Фахми), тоже участник восстания шейха Саида и сторонник Англии, считавший ее единственным защитником курдов в Турции. Он был членом нескольких курдских обществ, в том числе и «Хойбуна». Этот Фахми сообщил ряд интересных сведений о планах «Хойбуна» в то время. Его главной заботой было изыскание средств для своей деятельности. Одним из доселе неизвестных источников была некая организация International Minority Movement of Odessa (так в источнике. — М.Л.), созданная, возможно, Коминтерном и ОГПУ. Она предоставила «Хойбуну» некоторую сумму при условии, что курды займут антианглийскую позицию. В соответствии с договоренностью «Хойбун» решил отправить во все районы Курдистана своих представителей с заданием агитировать против англичан и поднимать курдов на антиимпериалистическую борьбу, сообщив об этом упомянутой организации в надежде на новые субсидии.

В источниках и литературе нет указаний, получили ли контакты «Хойбуна» с большевиками продолжение. Несомненно только, что единомыслия в этом вопросе в самом комитете не было. Фахми и некоторые другие «интеллектуалы» из «Хойбуна» возражали против антианглийского курса, считая его «плохой политикой». Напротив, они были за английский протекторат над независимым Курдистаном, считая, что в любом случае англичане лучше турок. Эмиссары из Ирака были отправлены только в Малатью и Дерсим с неизвестно какими инструкциями²¹.

Как говорилось, между «Хойбуном» и «Дашнакцутюном», причастным к его созданию, с самого начала установилось тесное взаимодействие. Оно продолжалось и в дальнейшем. «Хойбун» даже называли «курдо-армянским обществом». Армянские и курдские функционеры, работавшие в отделениях «Хойбуна», издавали совместные брошюры и буклеты, публиковали статьи в арабской прессе²². Однако имеются свидетельства и о непреодоленном недоверии между армянами и курдами как в самом «Хойбуне», так и в других организациях. Например, ряд влиятельных курдов, шейхи и вожди племен в опубликованном в газете «Аш-Шааб» (Дамаск) письме, содержащем приглашение «благородной арабской нации помочь курдам в борьбе за независимый Курдистан», писали: «Мы, лидеры курдской революции, заявляем, что не участвовали в соглашении с „Дашнакцутюном“, который обманет курдов и сделает их орудием борьбы с турками с целью основания „армянского фатерлянда“, где курды будут рабами». Вообще влияние «Хойбуна» среди активистов курдского движения было

далеко не преобладающим. Оставались разногласия и по тактике борьбы, и в области внешнеполитической ориентации. Среди курдских националистов были и франкофилы, и англофилы, и сторонники установления связей с СССР и Италией²³.

Хотя ближайшими союзниками «Хойбуна» оставались все же дашнаки, с курдским комитетом сотрудничали и другие оппозиционные силы на Ближнем Востоке и в Европе, в том числе турецкие монархисты и даже осевшие главным образом в Париже российские белогвардейские организации²⁴.

Главная база «Хойбуна» находилась в Сирии (с центром в Халебе), он имел некоторые позиции в Ираке, но не арабские части Курдистана были первой целью курдских националистов — ведь он и уповал именно на помощь хозяйничавших там Франции и Великобритании. Все помыслы комитета были обращены на Турецкий Курдистан, который должен был стать основным плацдармом всеобщего курдского восстания. Борьба за независимость курдских частей Ирана, а тем более Ирака и Сирии оставалась более отдаленной задачей. Для Турции же планы «Хойбуна», естественно, не были секретом и вызывали большую тревогу. Анкара обвиняла британское консульство в Халебе и некоторых курдских вождей Северного Ирака (в том числе известного сейида Таха) в помощи панкурдистам (так называли членов «Хойбуна»), которые вроде бы провели в Равандузе (т.е. на иракской территории) свою конференцию²⁵.

Точностью эти сведения не отличались. По данным британской разведки, панкурдисты действительно установили контакты с некоторыми курдскими вождями в Турции (Хаджо, Наифом и др.), пытались договориться о засылке чет в Турцию, о подготовке восстания в Сасуне и т.п. Но в самом Ираке их успехи были невелики, хотя некоторые вожди (например, Хуршид-эфенди) приветствовали сближение с армянами. Тот же сейид Таха в панкурдистах видел «только беженцев без всяких позиций или авторитета»²⁶ и отказывался иметь дело с «Хойбуном»; он был сторонником эволюционного пути решения курдской проблемы, т.е. постепенного улучшения положения курдов в области просвещения, здравоохранения и т.п., иными словами, полностью солидаризировался с курсом мандатных властей.

Что касается позиции этих властей по отношению к «Хойбуну», то она выглядит достаточно неопределенной. Конечно, британская администрация в Ираке поддерживала связь с курдскими националистами, с тем чтобы контролировать их деятельность. Однако после мосульского урегулирования Лондон был заинтересован в улучшении своих отношений с Анкарой и не хотел превращать курдский вопрос в камень преткновения. Великобритания вообще была против укрепления и расширения курдского национального движения как потенциальной угрозы

своим имперским позициям на Ближнем Востоке, в первую очередь в Ираке и Иране. Она терпела, а то и поощряла панкурдистов только как орудие возможного давления на Турцию и Сирию, но не более того. Эта двойственная позиция приносила британским властям в Ираке немало затруднений. Во всяком случае, за деятельностью «Хойбуна» они внимательно следили, что отражено в имеющейся документации.

Одним словом, в Ираке сторонников «Хойбуна» если не преследовали, то и ходу им не давали. В ответ на протесты турецкого правительства по поводу выдачи въездных и транзитных виз активным деятелям комитета иракские власти составили список лиц из числа «курдо-армянских националистов», которым должно быть отказано в визах, среди них были девять членов семейства Бадрхан, Ихсан Нури-паша и др. (всего 56 курдских и армянских имен). Был запрещен ввоз в Ирак брошюры «Хойбуна» «Резня курдов в Турции», о чем иракское правительство поспешило уведомить Турцию²⁷. Установили строгую слежку за всеми передвижениями и источниками финансирования функционеров комитета на территории Ирака. По мнению британской агентуры, ориентация панкурдистов была неустойчивая и переменчивая, при этом у разных лидеров — разная, зависевшая от источников финансирования. Основные средства шли от дашнаков, а те получали их от турецких «легитимистов» и русских белогвардейцев. Это давало англичанам основание говорить о «курдо-армянском националистическом движении». В Ираке главным агентом «Хойбуна» был Шукри Мехмед. Районами наибольшей активности были восток Сирии, где сконцентрировались курдские и армянские беженцы, и район Ара-рат–Баязид–Маку. Но в Персидском Курдистане «Хойбун» не имел заметной поддержки именно из-за его связей с армянами²⁸.

Вряд ли все эти сведения заслуживают безусловного доверия, но несомненно, что деятельность «Хойбуна» вызывала пристальное внимание и немалую обеспокоенность в западных столицах. Французские власти в Сирии собирались распустить комитет «Хойбун» в Халебе. Форин Офис выразил тревогу в связи с «антикемалистскими интригами» курдов в Ираке и просил дополнительную информацию. Особый интерес проявляли на Западе к курдо-армянским отношениям, видя в них источник непредвиденных осложнений. Г.Доббс успокаивал Форин Офис, сообщая, что между Папазяном (главой дашнаков) и курдами Северного Ирака нет никакого взаимопонимания и отношения между ними покоятся только на материальном интересе: «Хойбун» нуждается в деньгах, которыми богатые армяне снабжают дашнаков²⁹.

Интересные сведения о зарубежной деятельности «Хойбуна» сообщил британский консул в Детройте Дж.Камерон, получивший их от своих информаторов, известных полковнику Т.Э.Лоуренсу и некоторым офицерам из штаба генерала Алленби. По его словам, один из

руководителей «Хойбуна» Сурея Бадрхан семь месяцев провел в США, где собирал средства для курдов и общался с представителем Комитета помощи Армении Григором Вартаняном, очевидно, связанным с ОГПУ и прибывшим из Еревана. По пути в Америку Сурея Бадрхан был принят в Риме Муссолини, который обещал ему помощь. В Нью-Йорке советский представитель устроил Камерону встречу с Сурейей. Затем Сурея намеревался посетить Англию и Грецию. Американские курды согласились собирать на нужды «Хойбуна» по 1 доллару в неделю с каждого (!). Сурея, со своей стороны, обещал поднять на борьбу 150 тыс. курдов. Примечательно, что британские власти в Ираке распорядились не давать Сурейе и Вартаняну визу на въезд в страну³⁰.

Таким образом, основание «Хойбуна» и его первые шаги привлекли внимание правительств западных государств, имевших интересы в курдском вопросе. В то же время ни Англия, ни Франция, ни другие державы (включая СССР) не выразили готовность оказать комитету действенную поддержку, рассматривая его как некую резервную силу, могущую при определенных благоприятных условиях стать полезной. Иными словами, отношение Европы к «Хойбуну», как и ко всему курдскому национальному движению, было сугубо прагматичным.

Период до 1930 г., когда вспыхнуло Араратское восстание (о его предпосылках, ходе и последствиях будет подробно рассказано в следующем разделе этой главы), можно считать подготовительным в недолгой деятельности «Хойбуна». Комитет принял непосредственное участие в подготовке и организации повстанческого движения, все время действуя в тесном контакте с «Дашнакцутюном». Дашнаки же еще в 1925 г. взяли курс на непосредственное участие в вооруженной борьбе курдов. На XI съезде «Дашнакцутюна» в апреле 1929 г. было заявлено: «Съезд особенно приветствует восстание курдов против турок. Съезд считает, что это движение необходимо для разрешения армянского и курдского вопроса и приглашает внимание и сочувствие (так в тексте. — М.Л.) сознательного армянства к этой несравненной и героической борьбе». Дашнаки выдвинули даже идею расовой солидарности, призвав к созданию «арийской» федерации из персов, армян, курдов и других индоевропейских народов против турок³¹. Планировался созыв в сентябре 1929 г. в Ливане совместной конференции «Хойбуна» и «Дашнакцутюна», на которой предполагалось определить будущую политику «курдо-армянского движения». Однако никаких сведений о том, состоялась ли эта конференция, не удалось обнаружить³².

Поддержка армянами панкурдистов продолжалась и в дальнейшем. ЦК египетских дашнаков в феврале 1931 г. выпустил обращение, в котором говорилось: «Курд — наш сосед, живет на одной с нами территории и родственен нам по крови...»³³. Но поддержка эта была условной

и географически ограничивалась одной лишь Турцией, в пределах которой, по мнению дашнаков, и должно было развиваться курдское движение за независимость; в Иране, Ираке и Сирии, считали дашнаки, курды должны довольствоваться местным самоуправлением.

Таким образом, со стороны «Дашнакцутюна» альянс с «Хойбуном» имел условный и в политическом смысле корыстный характер. Это, конечно, не было секретом для курдских националистов и не способствовало прочности, а главное, действительности курдо-армянского союза. К тому же и среди дашнаков по курдскому вопросу не было единства. Левая часть дашнакского движения питала недоверие к панкурдистам. Так, орган левых дашнаков «Арач» писал в номере от 5 февраля 1931 г.: «Наша группа должна вести решительную борьбу с личной корыстной и авантюристической политикой дашнакских вождей. Мы ни в коем случае не должны помогать организованному чужой рукой курдскому движению. Из различных источников выясняется, что последнее курдское движение организовано англичанами»³⁴.

Поэтому в конечном счете союз с дашнаками не принес существенной пользы Араратскому восстанию, особенно в материальном и военном отношении; дело ограничилось пропагандой и моральной стимуляцией, игравшими второстепенную роль. Как всегда, судьба восстания оказалась в руках вождей местных племен. «Хойбун» пытался играть роль организующего центра восстания, однако в самом Курдистане он не имел для этого соответствующей базы. Эрзурумский комитет, претендовавший на эту роль, в сентябре 1929 г. был разгромлен властями, его члены были арестованы и высланы³⁵. Инструкции и агитация шли извне, через эмиссаров «Хойбуна», направлявшихся главным образом из Сирии и Ливана. Одним из них был, например, известный курдский вождь конфедерации хайдера Кёр Хусейн-паша, направленный из Сирии в Иракский Курдистан к шейху Ахмеду Барзани, а оттуда в Пиран, один из центров курдского движения в Турции, к Нух-бею. Затем он направился в Персию, но по дороге в окрестностях Сасуна был убит при невыясненных обстоятельствах. По одной версии, с ним расправились люди Нух-бея, а те, в свою очередь, были убиты по приказу Ахмеда Барзани, по другой — покушение было организовано последним по подстрекательству турок; вскоре погиб и сам Нух-бей, слишком много знавший об обстоятельствах этого дела³⁶.

Лидеры «Хойбуна» всячески старались подчеркнуть свою руководящую роль в организации и проведении курдского восстания, показать свое влияние и всеведение, особенно в глазах Запада. Один из них, Сурейя Бадрхан, в своем письме Верховному комиссару Великобритании в Ираке Клейтону утверждал, что «Хойбун» имеет агентов во всех племенах и раздувает дух сопротивления среди всех турецких курдов, ведет большую агитационную работу во всех турецких про-

винциях, особенно среди высланных курдских интеллектуалов и вождей племен. По его словам, попытки турецких властей подорвать влияние «Хойбуна», применяя «метод пряника», потерпели крах и возвращающиеся из ссылки вожди в своем большинстве примыкали к «Хойбуну». Съезд «Хойбуна» решил создать постоянный орган — Центральный комитет (значит, его не существовало!). Были созданы центры панкурдистов в больших городах Курдистана и среди племен. По утверждению Сурейи, «Хойбун» не собирался поднимать всеобщее восстание, пока ограничиваясь созданием центров вооруженного сопротивления в Арарате, Сасуне и Дерсиме³⁷.

Похоже, что лидер «Хойбуна» набивал себе цену. На деле националисты вовсе не были хозяевами положения в Турецком Курдистане, не говоря уже о сопредельных областях, как они пытались это представить в надежде на западную помощь. Зато по части широковещательных и авантюрных планов они не имели себе равных. Пресса и информационные агентства много писали о намерении панкурдистов бороться за государство, состоящее из Турецкого и Иранского Курдистана, Турецкой Армении до Черного моря с последующим включением в него части Закавказья (советских Армении и Азербайджана)³⁸. Даже если сделать скидку на неизбежные преувеличения и прямые искажения, допускавшиеся курдофобски настроенной турецкой и персидской прессой, совершенно очевидна нереальность стратегических планов «Хойбуна».

О непосредственном участии «Хойбуна» в Араратском восстании сохранилось сравнительно немного достоверных сведений. Так, иранская газета «Тебриз» писала в начале сентября 1930 г. о том, что «Хойбун» послал отряд в 500 всадников на помощь курдам Муша при нападении на Битлис. Город на время оказался в руках повстанцев. Ихсан Нури-паша в это же время отправил из Бейрута в район Арарата своих людей с деньгами и способствовал установлению контактов курдов Арарата с ассирийцами Мосула; часть последних примкнула к восстанию³⁹. В разгар восстания, когда турки стали брать верх, посланцы «Хойбуна» призывали курдов продолжать сопротивление: «Падение Арарата будет означать конец курдской нации и приведет к ее полному уничтожению», — заявляли они⁴⁰.

Уже говорилось, что при создании «Хойбуна» была сделана претенциозная попытка, так сказать, явочным порядком приступить к оформлению органов власти проектируемого курдского государства. Однако обнаружить признаки каких-либо достижений на этом пути не удастся, во всяком случае в доступных источниках и литературе. Разве что до Тегерана дошли ничем не подтвержденные слухи о существовании в районе Арарата курдского правительства даже с министерством иностранных дел⁴¹. Разумеется, каких-либо следов деятельности

этого правительства не сохранилось. К этому можно лишь добавить сообщение о приезде в Тегеран дашнака Рубен-паши, отрекомендовавшегося «военным министром Армении в 1914 г.» (!), с секретным предложением об оказании британским и персидским правительствами поддержки араратским курдам через Ирак. Военный атташе Великобритании в Турции подполковник Перси Додд, сообщивший об этом, счел подобное предложение смехотворным и вызванным происками Советов, помогавших туркам подавить курдское движение с целью мирного проникновения на южный берег Каспия и далее на юг, вплоть до Ирака⁴².

По мере того как близилось окончательное поражение Араратского восстания, все более падало политическое влияние «Хойбуна». Он был бессилён предотвратить надвигающийся крах. Появились сообщения о разногласиях между повстанцами и «Хойбуном». Ихсана Нури многие посчитали дезертиром, покинувшим поле боя в конце 1930 г., в самый критический момент. Его авторитет сильно упал, и «Хойбун» предложил повстанцам выбрать другого вождя. Выбор пал на некоего Фарзанде (Фарканде), а начальником штаба стал его сын Ибрагим. С помощью этой замены укрепить руководство восстанием не удалось. Провалились и попытки курдских националистов (Ибрагима-паши Хаски) добиться от Анкары каких-нибудь уступок. На выручку «Хойбуну» поспешили дашнаки, имевшие сильную базу в Тебризе. Их эмиссары играли роль «почтальонов» между руководством «Хойбуна» и араратскими курдами. Некоторые из этих посланцев были заподозрены в связях с ОГПУ, что нанесло значительный ущерб «курдо-армянской Антанте». Персидские власти, со своей стороны, скоро пресекли эту деятельность⁴³.

В начале 1931 г. в Бейрут прибыли сын Салахеддина Осман Фуад и сын последнего османского халифа Абдул-Меджида Ахмед Тевфик, проживавшие в эмиграции соответственно во Франции и Австрии и связанные с «Хойбуном». Прошел слух, что их приезд был связан с планировавшимся весной 1931 г. всеобщим восстанием курдов и что они установили тесные контакты с курдскими националистическими организациями Турецкого, Иранского, Иракского и Сирийского Курдистана. Делались предположения, что они близки к клерикальным кругам Турции, готовившим так называемое халифатское восстание. Достоверность всех этих слухов вызывает сомнение, но само их появление симптоматично⁴⁴.

Таким образом, «Хойбун» так и не стал подлинным руководителем восстания араратских курдов ни с военной, ни с политической точки зрения, несмотря на всемерную помощь со стороны дашнаков. В этом восстании, как и во всех предыдущих, возобладало стихийное начало, что и предопределило его поражение.

Потерпев явную неудачу на турецком плацдарме национальной борьбы, «Хойбун» не сложил оружия. Его функционеры удвоили усилия по завоеванию позиций в других частях Курдистана, находившихся под прямым управлением или косвенным влиянием Великобритании и Франции. Следовательно, их заинтересованность в укреплении связей с англичанами и французами с целью получения от них помощи (в чем хойбуновцы действовали солидарно с дашнаками) еще более возросла. Но действовать они начали загодя, когда восстание в районе Арарата еще не достигло своего пика.

Сначала отделение «Хойбуна» появилось в Мосуле. Там же был создан комитет «Реджнун», по некоторым сведениям, ориентированный на Англию. О его деятельности мало что известно, кроме того что его возглавляли представители некогда знаменитой династии Бабанов, которые якобы собирались «округлить» Месопотамию за счет курдских вилайетов Турции⁴⁵. В начале июля 1929 г. Багдад посетил Сурейя Бадрхан, имевший в кармане письмо на французском языке к новому Верховному комиссару Англии в Ираке Дж.Клейтону, датированное 30 июня 1929 г. В нем говорилось, что Месопотамия включает в себя «курдское отечество», является центром британской политики в курдском вопросе и «местом наблюдения над Курдистаном, оккупированным турками». «Хойбун» надеется, продолжал Сурейя, что Англия будет следовать курсу Севра, «никогда не разочаруется» в курдском вопросе. Мои друзья и я верим, писал далее Сурейя, что «существует в принципе» определенная политика Англии в Курдистане. «Самое важное слово в решениях по курдскому вопросу скажет Великобритания»⁴⁶.

Сурейе в Багдаде были не рады. Его сочли «беспокойным человеком», с которым у Интеллидженс сервис будет много хлопот. Его информация о положении в Турции не заслуживала доверия британских колониальных чиновников, знавших, что борьба правительственных сил с курдским восстанием проходит гораздо успешнее, чем это хочет представить Сурейя. Продолжение же восстания противоречило интересам Великобритании⁴⁷.

Тем не менее «Хойбун», несмотря на противодействие со стороны британской администрации, настойчиво искал союзников в Ираке. Езидский вождь Измаил-бек из Равандуза, поддерживавший связи с французской администрацией в Сирии и с отделениями «Хойбуна» в Америке, сблизился с Бадрханидами и обратился к шейху Ахмеду Барзани с просьбой о поддержке «курдской националистической программы». Шейх Ахмед не очень охотно, но все же обещал свою помощь. В Иракском Курдистане распространялись антитурецкие воззвания с призывами к курдским вождям покончить хотя бы на два года с междоусобицами⁴⁸. Солидарно с курдами агитировали в Ираке и дашнаки. Наи-

более рьяным из них — Сами-бею и Рубену Дерминазьяну — иракские власти пытались закрыть въезд в страну⁴⁹.

Весной 1931 г. деятели «Хойбуна» Тевфик Вахби-бей и Юсуф Малик установили из Халеба связь с курдскими вождями, проживавшими в Багдаде. Их убеждали присоединиться к «Хойбуну». Была организована встреча с сыном шейха Махмуда Барзанджи Кадиром, на которой обсуждалось обращение («мазбата») к Лиге Наций и Верховному комиссару Великобритании в Ираке с призывом гарантировать национальные права курдов в суверенном Ираке. Текст обращения был передан по радио в северные ливы Ирака⁵⁰.

Видимо, тесную связь с «Хойбуном» имело действовавшее в Багдаде и Хилле курдское общество «Комели пиштевани курдан» («Общество поддержки курдов»), пользовавшееся покровительством шейха Махмуда Барзанджи. Из его членов шейх Махмуд хотел сформировать отдельную курдскую делегацию в Женеву для предстоящих переговоров с Лигой Наций о ликвидации британского мандата и предоставлении Ираку формально полного суверенитета. Делегацию должен был возглавлять Шариф-паша; она установила контакт с шейхом Ахмедом Барзани⁵¹.

Это общество широко распространяло листовки («маншур»), в которых опровергались слухи, будто курдское движение инспирировано иностранной державой, содержались призывы к Англии, чтобы она выполняла решения Лиги Наций о правах курдов в Ираке, правящие круги Турции и арабских стран обвинялись в стремлении разрушить курдскую нацию, а жителей Сулеймании призывали к бойкоту организованных правительством выборов. Листовки расписывали успехи курдских повстанцев в Турции и утверждали, что курды вскоре захватят вилайеты Эрзурум, Ван, Битлис и Диярбакыр⁵².

С середины 1930 г. в Ираке и других странах Ближнего Востока стал распространяться основанный в Бейруте Бадрханидами журнал «L'Orient» («Восток») на курдском, французском и английском языках, занимавшийся «пропагандой среди курдов и армян в пользу их сотрудничества с целью достижения независимости Курдистана и Армении». Любопытно, что 1 млн. долл. на издание журнала дал некий русский эмигрант Рыков, женатый на богатой американке и пользовавшийся симпатиями дашнаков. Вообще дашнакская пропаганда из политических соображений всячески афишировала свою тесную связь с курдскими националистами, оперировавшими на территории Ирака, и без весомых оснований (по словам выходившей в Париже армянской газеты «Ереван») утверждала, что Араратским восстанием руководили из Южного Курдистана. Мосул и Равандуз были главными центрами курдской агитации, англичане якобы через посредство полковника Лоуренса поощряли курдское движение, а целью хойбунов-

цев было задержать турецкие войска в районе Диярбакыра–Нусайбина⁵³. Доказательствами газета себя не утруждала.

«Хойбун», особенно во время Араратского восстания, стремился укрепить свое влияние и среди курдского населения Ирана, имея в виду как чисто военные цели (помощь повстанцам на полях сражений в районе горы Арарат), так и более далекие политические (объединение Турецкого и Иранского Курдистана). Однако работать в Иране курдским националистам было труднее, чем в Ираке, где они могли пользоваться относительной свободой действий благодаря тому, что и англичане, и арабские верхи, исходя из собственных интересов, манипулировали курдским движением и порой даже временно мирились с ним. Тегеран же, как и Анкара, относился к политическим амбициям панкурдистов категорически враждебно, как к главной опасности для целостности государства.

Влиятельный в ту пору министр двора шахского правительства Теймурташ в беседе с английским посланником в Тегеране Р.Клайвом так изобразил ситуацию. По словам Клайва, Теймурташ не смог скрыть страх перед курдским движением, стремившимся воплотить в жизнь идею объединенного независимого Курдистана в сочетании с независимой Арменией. Министр выразил надежду, что персидских курдов удастся удержать от решительных действий в этом направлении, но посетовал на Турцию, чья политика по отношению к курдам «всегда была источником страха для персидского правительства» (он имел в виду слухи о создании в районе Арарата так называемого курдского правительства с министром иностранных дел). Теймурташ выразил недовольство политикой британских властей в Ираке, якобы с симпатией относящихся к движению за «независимый Курдистан»; по его мнению, шейх Махмуд Барзанджи связан с лидерами этого движения. Кроме того, Теймурташ попросил разъяснений по поводу сообщений турецкой и иракской прессы о присутствии Лоуренса в Курдистане. (Клайв опроверг эти слухи.) Наконец, Теймурташ проявил особый интерес к взаимоотношениям дашнаков и «Хойбуна» с мусаватистами, борцами за независимый и объединенный Азербайджан, штаб-квартира которых находилась в Стамбуле⁵⁴.

По запросу Р.Клайва из Багдада пришел успокоительный ответ. Суть его состояла в том, что, согласно Мосульскому урегулированию, британское правительство приняло на себя обязательства относительно предоставления курдам Ирака определенных прав, в том числе в области пользования родным языком и т.п. Вместе с тем британские власти стараются не допустить превращения Ирака в «центр курдских националистических интриг». Подозрения министра двора о поддержке Англией движения за независимый Курдистан совершенно неосновательны, отвечали из Багдада⁵⁵.

Таким образом, ни в Ираке, ни в Иране, ни тем более, по понятным причинам, в Турции «Хойбуну» не удалось укорениться и завоевать сколько-нибудь прочные позиции. Иное дело Сирия. Здесь курдские националисты чувствовали себя куда более комфортно, ибо в Сирии курдский вопрос стоял не так остро, как в других странах, где жили курды. Различие было не в том, что сирийские курды проявляли равнодушие к национальным идеям, а в том, что курдское движение в Сирии в силу исторических и географических причин не преследовало сепаратистских, дезинтегрирующих целей. Сирийские курды не требовали ни автономии, ни тем более государственности, а лишь добились признания своих национальных прав и выражали естественную солидарность с борьбой своих закордонных сородичей.

Французские колониальные власти, подавляя антиимпериалистическое движение в Сирии и Ливане, естественно, не делали различий между курдами и арабами. Когда же сирийские курды выражали солидарность с национальной борьбой в других частях Курдистана и оказывали ей поддержку, Париж и французская администрация мандатной территории проводили особую политику. Они были не прочь использовать курдское движение в интересах своей ближневосточной политики для оказания давления на Турцию и подвластный Англии Ирак. Поэтому французы сквозь пальцы смотрели на активную деятельность курдских националистов на сирийской территории, порой даже поощряя ее. Известную роль играло давление со стороны многочисленной и влиятельной армянской диаспоры во Франции, приветствовавшей сближение армянских и курдских националистов.

Весной 1930 г., в разгар Араратского восстания, французы позволили сыновьям Джамиль-паши, Ибрагим-паше и Ходжо-ага, создать отделение «Хойбуна» в главном курдском центре на северо-востоке Сирии — Камышлы. Здесь комитет основал свою штаб-квартиру, осуществлявшую регулярную связь с курдскими вождями Северного Ирака (сзидами, Измаилом Хаккы Шавайсом, Сами-беем, Шукри Мухаммедом, Махмудом Барзанджи и др.)⁵⁶.

Следствием благосклонного отношения французов к активности «Хойбуна» была напряженность на турецко-сирийской границе и в англо-французских отношениях. Со всех сторон сыпались взаимные обвинения. Профранцузские круги утверждали, что инициатором курдского восстания в Турции был вездесущий полковник Лоуренс, якобы находившийся на турецко-сирийской границе. Арабская пресса писала, что ставка Лоуренса находится на несколько сот километров севернее, в Маку. Опровержениям англичан не верили. Турки держали между Севереком и Диярбакыром трехтысячный воинский контингент на случай проникновения курдских боевиков из Сирии. Французские власти, не желая обострять ситуацию, приказали курдским вождям отойти со сво-

ими отрядами в глубь страны. В то же время влиятельные лидеры армянской диаспоры в Сирии усиленно призывали к единению с курдами.

Поддерживая «Хойбун», французские власти в Сирии старались держать его активистов на коротком поводке. Наблюдатели отмечали, что курды Сирии проявляют «огромный интерес» к борьбе своих турецких собратьев за независимость, но французы готовы подавить любое движение такого рода, уделяя при этом особое внимание пропаганде. Кстати, ее любимым объектом были большевики, якобы поддерживавшие курдских повстанцев в Турции, что, как известно, было чистым вымыслом⁵⁷.

Плотно контролируя курдских националистов внутри Сирии, французы продолжали их поддерживать на внешней периферии сирийских границ. По данным иракской разведки, французская администрация в Сирии заключила с «Хойбуном» в Халебе соглашение о снабжении его оружием, снаряжением и деньгами (500 тыс. франков под французским контролем). «Хойбун» должен был организовать четыре для действий на турецкой территории и вести «интенсивную» просирийскую и профранцузскую пропаганду среди езидов за включение Синджара в Сирию. Французские власти наладили обучение арабских по национальности офицеров курдскому языку⁵⁸.

Итак, ни в одной из частей Курдистана «Хойбун» не смог создать такую структуру, которая оказала бы решающее влияние на политическую ситуацию в период подъема национального движения курдов на рубеже 20—30-х годов. Поэтому его роль в курдских восстаниях, в первую очередь в Турции, была относительно невелика. Враги курдской независимости, как местные, так и западные, смогли без особого труда справиться с его сторонниками. Только в Сирии последние получили возможность выступать открыто, но и там они фактически находились «под колпаком» французских властей.

Деятельность «Хойбуна» не оставила заметных следов и на международной арене. Ни в Лиге Наций, ни в других международных организациях его не брали в расчет. Державы, имевшие интересы в курдских делах, занимались панкурдистами только на уровне колониальных ведомств и спецслужб, не придавая им слишком серьезного значения. В СССР их и вовсе держали за английских и французских агентов, связанных с дашнакскими «контрреволюционерами». Некоторое внимание уделяли курдским националистам лишь маловлиятельные в ту пору гуманитарные и демократические круги Запада, больше всего Социалистический Интернационал, объединявший социал-демократические партии Запада.

Интересы курдского национального движения на международной арене представлял «Дашнакцутюн», являвшийся членом Социалистического Интернационала. Еще в 1925 г. дашнаки представили меморандум международному съезду по курдскому вопросу в Марселе⁵⁹.

С тех пор, особенно после создания «Хойбуна», они систематически поднимали этот вопрос на различных международных форумах, ратуя за независимый Курдистан. Например, в июле 1928 г. на съезде «Союза ассоциаций поддержки Лиги Наций» по инициативе дашнаков была принята весьма резкая резолюция о национальной политике Турции с призывом к Совету Лиги Наций о решительном вмешательстве⁶⁰.

После долгих проволочек «Дашнакцутюну» наконец удалось поставить курдский вопрос на сессии Исполкома Социалистического Интернационала, состоявшейся в Цюрихе в конце августа 1931 г. Председательствовавший на сессии де Брукер признался в некомпетентности по данной проблеме и благодарил «армянских товарищей» за информацию. Вместе с тем он выразил опасение, что курдский вопрос может стать «предметом международных осложнений между заинтересованными державами» и привести «к опасности войны на широких пространствах Ближнего Востока». В результате на сессии была признана невозможность эффективного вмешательства в пользу курдов через Лигу Наций. Предложение послать комиссию для расследования положения в Курдистане также не было принято. Сессия ограничилась принятием резолюции, осуждавшей «кровавое варварство» турецкого правительства по отношению к курдам (которое сравнивалось со зверствами, причинявшимися армянам) и нарушение иранской границы турецкими войсками, а также критиковавшей Лигу Наций за бездеятельность. Досталось и Коминтерну за действия его агентов среди курдов. На этом вопрос был исчерпан⁶¹.

Таким образом, «Хойбун» даже при поддержке «Дашнакцутюна» не смог защитить политические интересы курдского национального движения на международной арене. Это лишний раз свидетельствовало о внутренней слабости выступавших под его знаменем курдских националистов, продемонстрированной ими в период Араратского восстания. После поражения этого восстания «Хойбун» в политическом и организационном отношении быстро пришел в полный упадок и ушел с политической арены. Его функционеры в дальнейшем сосредоточились на культурно-просветительской работе, где они сделали немало полезного. История «Хойбуна» как организатора и руководителя курдского национально-освободительного движения оказалась краткой и малозначимой.

«Вторая курдская революционная война» (Араратское восстание)

Обозначаемое так в литературе повстанческое движение в Турции, развернувшееся в 1930–1931 гг. (его второе название связано с тем, что центр восстания находился в районе горы Арарат), в предыдущем разделе настоящей главы упоминалось только

в связи с деятельностью курдских националистов из «Хойбуна». Здесь же это историческое событие будет рассматриваться в свете внутренней и внешней политики Турции, а также действий других стран Ближнего Востока и Европы, которых эти события непосредственно затрагивали.

Подавление восстания шейха Саида, как мы уже говорили, имело далеко идущие последствия. Укрепился авторитарный кемалистский режим, усилились позиции военных в политической структуре страны, усугубились шовинистические тенденции в ее истеблишменте. Одновременно Анкара использовала консервативные лозунги вождей курдских повстанцев и их связи со сторонниками старотурецких традиций для того, чтобы ускорить проведение антифеодальных и антиклерикальных реформ. Что касается побежденных курдов, то они понесли, как уже отмечалось, огромные людские и материальные потери. В зоне восстания и в сопредельных районах, по некоторым данным, было разрушено 8 тыс. деревень и погибло более 15 тыс. только женщин и детей. Более полумиллиона «неблагонадежных» курдов было переселено в западные вилайеты Турции, количество беженцев и временных переселенцев не поддается учету⁶².

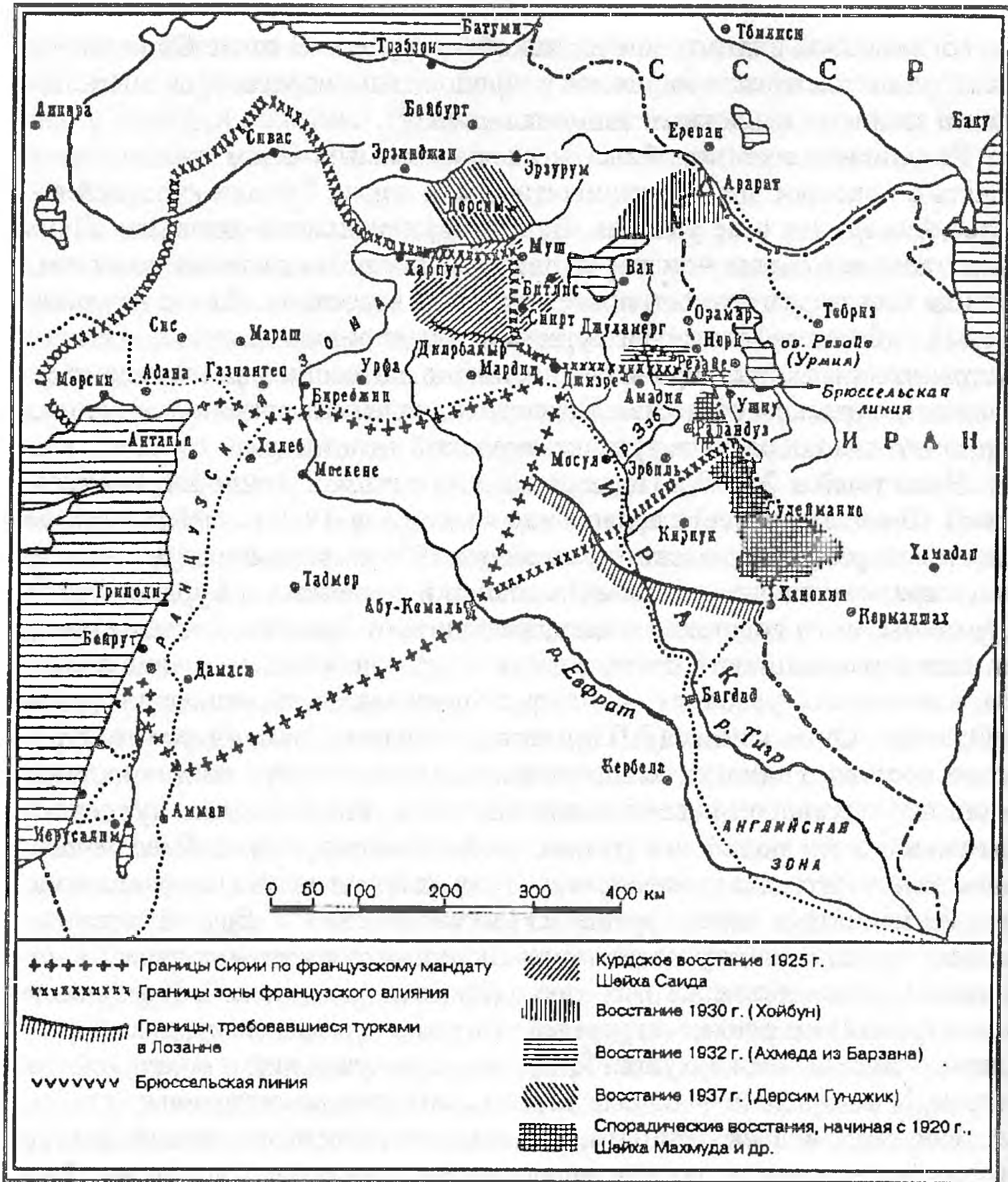
Учиненный усмирителями погром в охваченных восстанием вилайетах самым губительным образом повлиял на экономическое и политическое положение Турецкого Курдистана и в конечном счете оказал дестабилизирующее влияние на всю страну. Поняв это, кемалисты приняли меры, весьма характерные для их последовательно шовинистического курса в национальном (т.е. в основном в курдском) вопросе. Они отнюдь не собирались в чем-либо пойти навстречу национальным требованиям курдов, или, как у них было принято выражаться, идти на какие-либо уступки курдскому сепаратизму. Но обстановка диктовала необходимость маневрировать, дабы «выпустить пар», разрядить напряженность, сложившуюся на Востоке страны и чреватую внешнеполитическими осложнениями. Поэтому Анкара решила сделать несколько шагов назад и по примеру султанов и младотурок заручиться благорасположением хотя бы части курдской верхушки. В связи с этим широковещательная кампания против феодализма и клерикализма на Востоке была свернута, власти приостановили действие некоторых чрезвычайных законов в восточных вилайетах, отменили или заменили тюремным заключением ряд смертных приговоров. Нескольким сотням высланных в свое время знатных семейств было разрешено вернуться на прежнее место жительства, им были возвращены их имущество и привилегии. В сентябре 1928 г. близ Шейхан-Кёпрю (30 км от Баязида) состоялась встреча представителей правительства с Ихсаном Нури. Правительство предложило всеобщую амнистию повстанцам и личные блага для самого Ихсана Нури, но курды

не согласились, видимо, почуяв какой-то подвох. В итоге была объявлена лишь частичная амнистия и продолжены переговоры с некоторыми видными курдскими националистами⁶³.

Результаты всех подобных жестов и попыток были ничтожными. Снять с повестки дня внутривнутриполитической жизни Турции курдский вопрос Анкаре так и не удалось. Напротив, передышка оказалась очень короткой, и меньше чем через два года после подавления восстания шейха Саида разгорелось новое курдское восстание. Это и неудивительно, ибо правящие круги Турции не предприняли никаких попыток устранить глубинные причины, постоянно питавшие протестные настроения в курдском обществе. Более того, политика правительственных кругов только обостряла турецко-курдский антагонизм.

Известный в 20–30-х годах советский знаток Турции К.Г.Василевский (В-ий, Васильев) справедливо отмечал в 1930 г.: «Несмотря на жестокий разгром курдского восстания 1925 г., кемалисты до последнего времени являются весьма условными хозяевами в Курдистане»⁶⁴. Причины этого советские исследователи того времени, находившиеся в плену марксистских схем, видели в первую очередь в социально-экономических условиях, в которых пребывало тогдашнее курдское общество. Один из них (Б.Платонов) утверждал, например, что курдские восстания происходят из-за феодальной эксплуатации крестьянства и налогового пресса кемализма: «Противоречивость курдского движения и заключается в том, что *недовольство райята было использовано его же эксплуататорами* — курдскими шейхами-феодалами, подкрепленными англо-французским капиталом»⁶⁵. Другой исследователь видел причину недовольства курдского населения также в нежелании кемалистов всерьез ликвидировать феодализм в Курдистане и в стремлении решить аграрный вопрос в интересах курдской феодально-племенной верхушки⁶⁶. Такого рода суждений в советской литературе конца 20-х — начала 30-х годов было предостаточно.

Конечно, нельзя отрицать, что социально-экономический фактор играл определенную роль в национальном движении курдов как Турции, так и других ближневосточных стран, особенно когда речь идет о конкретных носителях социально-классового гнета (принадлежавших к господствующей нации и к коллаборационистской части курдских верхов). Однако в целом протестные настроения в курдском обществе выливались в политические (точнее, военно-политические) действия, направленные против системы национального гнета, который в Турции после подавления восстания 1925 г. не только не ослаб, но принял тотальный характер. Тот же процитированный автор, любитель крепких выражений, писал, что политика Анкары по отношению к курдам есть «жандармская, черносотенно-ассимиляторская политика удушения нацменьшинства, и она также играет колоссальную роль в курд-



Основные очаги курдских восстаний в 20–30-х годах XX в.
(Никитин В. Курды. М., 1964, с. 300)

ском движении»⁶⁷. Пожалуй, слово «также» здесь неуместно, ибо именно такая политика была первопричиной курдских волнений.

Сообщения о новых волнениях в Турецком Курдистане стали поступать в январе 1927 г. Правительственные войска усмиряли курдов в районах Дерсима и Харпута, возобновилась кампания по переселению мятежных племен из юго-восточных вилайетов к Черному морю и на запад, чтобы смешать их с местным некурдским населением⁶⁸. По представлению министерства внутренних дел ВНСТ в январе 1927 г.

приняло закон о насильственном переводе на оседлость 15 тыс. курдов в редконаселенные районы с предоставлением им земли вместо отобранной⁶⁹. Появились сведения, что с начала 1927 г. было выселено от 20 до 30 тыс. курдов, прокатилась новая волна арестов курдских вождей, главным образом религиозных лидеров. Британский посол в Турции Дж.Клерк летом 1927 г. писал О.Чемберлену, что депортации курдов из Восточной Анатолии напоминают массовые высылки армян в 1915 г.⁷⁰. При этом племена, которые самовольно возвращались на прежнее местожительство (например, гоян), подвергались жестоким репрессиям вплоть до массовых казней, заключений в тюрьмы и т.п.⁷¹.

Не удовлетворяясь уже принятыми мерами, турецкие власти готовились к проведению новой большой кампании по умиротворению курдов⁷². В декабре 1927 г. поверенный в делах Великобритании в Стамбуле Хор (Hoare) писал О.Чемберлену о положении в Турецком Курдистане: «Страна теперь терроризирована, но никогда не останется спокойной, если значительные военные силы будут выведены. Курды спрятали 90% своего оружия»⁷³. По словам британского консула в Трапезунде (Трабзоне) У.Метьюза, местные власти называют Курдистан «новой Македонией», а курдов — «мстительными и вероломными», и весной ожидают нового восстания⁷⁴.

Драконовские меры, принимавшиеся турецкими властями для умиротворения курдов, только провоцировали новые волнения. В мае 1927 г. вспыхнуло восстание в горах Сасуна во главе с Мухаммедом Али Юнусом; к вооруженным повстанцам присоединились сирийские курды. Восстание было подавлено только в июле силами двух батальонов, присланных из Диярбакыра. Одновременно поднялись битлисские племена, прервавшие связь Битлиса с Диярбакыром, а за ними — племена к северу от оз. Ван, руководимые Ядо-беем, сподвижником шейха Саида. Самые сильные бои шли в районе Игдыра-Баязида (Догубаязит), где во главе повстанцев был шейх Кадыр. Наиболее популярные лозунги повстанцев — «Долой шляпы, да здравствуют фески», «Долой правительство, угнетающее крестьян и всех неимущих»⁷⁵.

Подлинным же центром нараставшего на востоке Анатолии повстанческого движения курдов был, как говорилось, район высочайшей горы Турции — Арарат (Агрыдаг), включающий две вершины — Большой и Малый Арарат и Кире, седловину между ними. Это была весьма труднодоступная местность, образующая как бы естественную крепость и к тому же занимавшая исключительно важное, можно сказать ключевое, стратегическое положение на стыке границ Турции, Персии и СССР. Поэтому вооруженные выступления курдов в этом регионе всегда вызывали немалый международный резонанс. В литературе того времени часто термин «Араратское восстание» употребляли расшири-

тельно, распространяя на все волнения турецких (а иногда и иранских) курдов 1927–1932 гг. Араратское восстание 1927–1930 гг., писал английский знаток курдов полковник Эльфинстон, в сравнении с восстанием шейха Саида 1925 г. было «гораздо более серьезным», имело чисто политический, а не религиозный характер, являлось ответом на ассимиляторскую политику турецких властей, и на его подавление было брошено два турецких корпуса (IV и VI)⁷⁶. Впрочем, некоторые авторы называли Араратское восстание (иногда употребляют его турецкое название — Агрыдагское) прямым продолжением восстания шейха Саида, организованным на «конгрессе» неких небольших групп курдских националистов где-то в Агрыдаге⁷⁷.

Анкара, конечно, приняла предупредительные меры. В частности, были арестованы некоторые вожди (в том числе брат шейха Саида — Абдуррахман), обвиненные в подготовке нового восстания. Однако ни карательные действия властей, ни попытки сгладить их негативные последствия частичными уступками не могли предотвратить неизбежного.

Усмирения вооруженной силой неизбежно выливались в ожесточенные бои с курдами, насильственные переселения племен сеяли смуту и разорение, ломали складывавшиеся веками и устоявшиеся хозяйственные и социальные связи, приводили к обнищанию населения. Более того, внутренняя смута, нараставшая с каждым месяцем, неизбежно выплеснулась за границы Турции и породила проблемы в ее взаимоотношениях со своими восточными соседями. Да и заинтересованные в ближневосточных делах европейские державы не остались в стороне.

Уже с начала 1927 г. на турецко-персидской границе наблюдался рост напряженности, порожденной брожением среди пограничных племен. Множились случаи взаимных переходов границы турецкими и персидскими курдами, последние все чаще участвовали в боях против турецких карательных сил. Это вызывало обеспокоенность Анкары, пытавшейся, как обычно, возложить ответственность за инциденты на Англию, которая, естественно, резко возражала против подобных обвинений⁷⁸. Да и вряд ли турки всерьез верили в английское подстрекательство, подобные обвинения им были нужны в пропагандистских целях. По-настоящему Турцию беспокоила позиция Персии, которая всегда пыталась использовать смуты в Турецком Курдистане в своих интересах. В связи с этим Анкара предложила Тегерану совместно выступить против курдского движения⁷⁹.

Поскольку правительство Реза-шаха не откликнулось на этот призыв, напряженность на турецко-персидской границе продолжала нарастать. В начале июля 1927 г. турецкое правительство заявило, что не считает себя больше связанным подписанным 17 ноября 1913 г. Рос-

сией, Англией, Турцией и Персией протоколом, определявшим турецко-персидскую границу⁸⁰. Турки начали произвольно переставлять пограничные посты и знаки и вести пропаганду среди персидских курдов с провокационной целью натравить шахские власти на «своих» курдов и побудить их присоединиться к антикурдской политике Турции. Одновременно Анкара обвиняла Тегеран в организации вторжений вооруженных курдских отрядов на территорию Турции⁸¹.

Тегеран не оставался в долгу. Взаимные обвинения способствовали росту напряженности на границе и дальнейшему обострению полемики, в ходе которой нередко заявлялось о якобы существующем намерении Советов вторгнуться то ли в Турцию, то ли в Персию, но антисоветская тема использовалась больше для устрашения противной стороны и не получила заметного развития ввиду полной бездоказательности. Турецкие журналисты привычно метали стрелы и в сторону Англии, но также без фактических доказательств. Впрочем, не было нужды искать причины обострения турецко-персидских отношений на стороне: и у Турции, и у Персии было что предъявить друг другу в связи с тяжелой ситуацией на границе. Персия, по мнению турок, была виновна в организации нападений персидских курдов на турецкие пограничные заставы; Турцию персы подозревали в намерении с помощью курдов отодвинуть границу восточнее той линии, которая была определена конвенцией 1914 г. Как справедливо писал авторитетный английский журнал «Нир Ист энд Индия», подлинной причиной этих взаимных обвинений была неспособность обоих правительств «в общей форме» решить курдскую проблему⁸².

Газетная война сопровождалась непрекращающимися столкновениями на границе. Сообщения о них особенно часто поступали начиная с осени 1927 г. Инциденты происходили в районах Баязида, Арарата, Маку и во многих других местах. Было отмечено массовое спонтанное бегство турецких курдов в Персию и организованное добровольное переселение туда же целых племен. Время от времени давали о себе знать курдские повстанцы, действовавшие в глубине Турции, например в окрестностях Мардина. Ответные репрессии турецких властей только накаляли обстановку⁸³.

Беспорядки на турецко-персидской границе, вызванные, в частности, переселениями курдов, вели к дальнейшему ухудшению отношений между Анкарой и Тегераном. 1 октября 1927 г. Турция направила Персии ноту по поводу рейда персидских курдов-джелали на турецкую территорию, сопровождавшегося захватом нескольких турецких офицеров и солдат, а также оружия. Под угрозой разрыва дипломатических отношений Анкара потребовала в десятидневный срок вернуть пленных и оружие. Содержание ультиматума было доведено до сведения советского посольства⁸⁴.

Однако напряженность на границе не спадала. Спасавшиеся от депортаций турецкие курды переходили на персидскую территорию, объединялись с местными курдами и с боями прорывались обратно. Для отпора им турецкое командование выделило четыре полка из 9-й и 12-й дивизий. Тегеран направил в Анкару бывшего военного министра Форуги-хана (Мирза Мохаммед Али-хан Форуги Зока оль-Мольк) для обсуждения с турецким правительством ситуации на границе. Турки же начали распускать слухи, что смуту на границе раздували англичане, действовавшие из Багдада⁸⁵. Турецкая пресса, оправдывая подавление «курдских банд» в рамках «умиротворения и модернизации», как могла подливала масло в огонь. Основной поток обвинений шел в адрес Персии. Так, «Миллиет» обвиняла ее в покровительстве курдским повстанцам. Вместе с тем «Джумхуриет», допуская, что шахское правительство могло и не знать о всех событиях на границе, возлагала на него лишь ответственность за беспорядки на территории Персии, угрожавшие безопасности соседней Турции, и призывала к сотрудничеству обеих стран в борьбе против курдов⁸⁶.

Эти призывы находили благоприятные отклики и в Анкаре, и в Тегеране. Ухудшение отношений между Турцией и Персией, чем бы оно ни вызывалось, не соответствовало интересам обеих стран, находившихся на ранних стадиях модернизации и потому особенно уязвимых и изнутри, и извне. Впрочем, турецкое правительство пробовало в это время проводить по отношению к курдам политику не только кнута, но и пряника. В конце 1927 г. было объявлено о намерении возвратить в восточные вилайеты некоторые переселенные ранее племена. Комментируя такое решение, английский журнал писал, что нет ничего «глупее», чем «оголять» пограничные провинции от населения, и что турки поступают правильно, когда стараются сделать курдов лояльными, вместо того чтобы убивать или депортировать их⁸⁷.

Наряду с возвращением на прежнее местожительство депортированных ранее племен определенные поблажки были оказаны шеккакам и другим обитавшим по обе стороны границы курдским племенам, являвшимся источником вечного беспокойства для Анкары и Тегерана. Удалось временно умиротворить главного «возмутителя спокойствия» на границе — Симко, преследовавшегося шахскими войсками, которому вали вилайета Хакяри дал убежище. Помимо этого турецкое правительство обещало амнистировать всех курдских вождей, бежавших в Персию, Ирак и Сирию.

Были приняты и дипломатические меры, нашедшие понимание в Тегеране. Поначалу шах «питал большие подозрения в отношении курдского движения» в Турции как нацеленного против Персии. Но когда, как уверяет английский журнал, курдские лидеры убедили его, что их цель — только «безопасность курдов в Турции», он начал менять свои

взгляды и выразил готовность сотрудничать с турками с целью локализовать курдское движение турецкой территорией. В мае 1928 г. послом в Турции назначили Форути, что было расценено как знак улучшения отношений между двумя странами. Однако наблюдатели скептически относились к возможности сколько-нибудь значительного улучшения ситуации в зоне турецко-персидской границы, главным образом вследствие настроений, царивших среди курдских племен⁸⁸.

Действительно, в 1928 г., несмотря на провозглашенную амнистию, беспорядки на турецко-персидской границе продолжались. Курды отказывались сдавать оружие. Симко вновь появился в пограничной полосе, отбиваясь попеременно от турецких и персидских войск, преследовавших его. Из Персии на турецкую территорию по-прежнему проникали отряды курдов, которых турецкие власти пытались разоружить и интернировать⁸⁹.

Турки попытались использовать в своих интересах некоторых представителей курдской знати, согласившихся сотрудничать с ними. Так, «нотабль» из Эрзурума Мир Лива Хасан Тахсин-бей Шарафуддин был назначен турками «вали умуми» (верховным правителем) Курдистана. Турецкие власти хотели использовать его связи с шейхом Махмудом Барзанджи и с племенами мангур, мамаш, харки, хаймени, пишдер и отправить его в Персидский и Иракский Курдистан для обсуждения курдского вопроса в нужном для Турции направлении⁹⁰. Видимо, эта затея не получила дальнейшего развития.

Между тем переходы значительных групп курдов через турецко-персидскую, турецко-иракскую и турецко-сирийскую границы продолжались, причем движение шло в обе стороны. Эти нелегальные перемещения, особенно когда они касались видных курдских вождей (например, упоминавшегося уже Кёр Хусейна-паши), каждый раз служили поводом для межгосударственных конфликтов разных уровней, вплоть до высоких⁹¹. По-прежнему происходили и более серьезные инциденты, например переход ассирийцев из Ирака в Турцию в октябре 1928 г. и присоединение их к курдским повстанцам в районе Челемерика или крупное восстание джелали во главе с Халид-беем на турецко-персидской границе в то же время; для подавления последнего, в котором участвовали и армяне, были переброшены два батальона турецких войск и персидские подразделения⁹². Эти выступления курдов имели, однако, локальный характер и были без труда подавлены, что дало основание британскому консулу в Мерсине Р.Чепи сделать вывод: главные трудности в Курдистане позади, ибо «курдские кланы» не смогут противостоять туркофикации⁹³. Но жизнь скоро опровергла это пророчество.

Как уже говорилось, обострение курдского вопроса в Турции, начавшееся вскоре после победы кемалистской революции и основания

Турецкой республики и продолжавшееся почти без перерыва до конца 30-х годов, имело для страны негативные международные последствия. В Анкаре не без основания полагали, что все азиатские соседи Турции попытаются использовать беспорядки в Турецком Курдистане в своих целях. То, что двое из этих соседей — Ирак и Сирия — находились под эгидой западных колониальных держав, Англии и Франции, только усугубляло опасения; дипломатический конфликт из-за Мосульской проблемы достаточно показателен. Но и после Мосульского урегулирования Турция продолжала открыто подозревать Англию и, в меньшей степени, Францию в инспирации курдских выступлений. Несколько позже, 1 ноября 1930 г. на открытии четвертой сессии ВНСТ третьего созыва, президент Турции Мустафа Кемаль скажет: «Агрессивные происки, предпринимавшиеся в течение ряда лет за рубежом, привели в этом году к инцидентам в восточных вилайетах, нарушившим спокойствие наших соотечественников»⁹⁴.

Вряд ли эти подозрения имели реальную почву. Англичане, вероятно, не прочь были воспользоваться ситуацией, в которой очутилась Турция в связи с ростом курдского движения, но отнюдь не были заинтересованы в успехах и расширении курдского национального движения как потенциально угрожавшего их колониальным интересам на Ближнем Востоке. В Анкаре, очевидно, это понимали и бранили англичан больше из пропагандистских побуждений, дабы опорочить курдских повстанцев. Французов же можно было обвинить в связях с «Хойбуном», но не более того. С Парижем Анкара старалась поддерживать традиционно хорошие отношения и не ссориться из-за курдов. С «национальными» же властями в Ираке и Сирии турки могли не считаться, поскольку в Ираке они были целиком подчинены англичанам, а в Сирии их можно было отыскать разве что на муниципальном уровне.

Иное дело Персия и Советский Союз, также непосредственно граничившие с Турецким Курдистаном. Впрочем, северного соседа Турция могла особенно не опасаться. Отношения между СССР и Турцией в то время были вполне дружественными, и Москва отнюдь не стремилась подвергать их испытаниям какой-либо поддержкой (хотя бы в виде выражения внешнего сочувствия) мятежных курдов. Имевшиеся у турок известные опасения советского идеологического воздействия на курдов (а также возможного наличия в их среде советской агентуры) Москва всеми силами старалась развеять. Когда турецкий министр иностранных дел Тевфик Рушди в беседах с Г.В.Чичериным, происходивших в Одессе 12–13 ноября 1926 г., пытался прояснить вопрос о попытках «организации работы среди курдов со стороны лиц, принадлежащих к СССР», нарком категорически отверг эти подозрения. Со своей стороны, Тевфик Рушди уверял собеседника в полной безопасности советско-турецкой границы⁹⁵.

Таким образом, реальную угрозу в связи с событиями в Турецком Курдистане Анкара ощущала только из Персии. О настроениях, царивших на турецком Олимпе в связи с этим, поведал сам Гази — Мустафа Кемаль в разговоре с советским полпредом в Турции Я.З.Сурицем.

Несмотря на болезнь, турецкий руководитель приехал на прием в советское посольство по случаю 10-летия Октябрьской революции. Он имел долгую и весьма дружественную беседу с послом, в которой выражал большую симпатию к СССР, заявив, что, по существу, «он вовсе уж не так далек от идей Октябрьской революции, но действует медленнее и иными средствами», с учетом обстановки в Турции. Хотя он известен всему миру как националист, на самом же деле он ненавидит национализм и вынужден разжигать национальные чувства, так как «национализм все же более высокая ступень, чем религия». Далее Кемаль, по словам Сурица, «с необычайной откровенностью» говорил, что не считает внутреннее положение достаточно прочным, что его беспокоит положение в восточных вилайетах и нервируют постоянные набеги курдов с персидской территории. Кемаль резко критиковал политику Реза-шаха. Сам он «чужд территориальному фетишизму» и считает, что при контакте с СССР можно преодолеть «персидскую болячку». Аналогичную тему развивали в беседах с Я.З.Сурицем премьер-министр Исмет-паша и министр иностранных дел Тевфик Рушди⁹⁶.

Замысел президента Турции, как его поняли советские дипломаты, был ясен: заручиться поддержкой Советского Союза в обострившемся конфликте с Персией в курдистанском регионе. Конечно, СССР на это пойти не мог, хотя бы из желания сохранить добрососедские отношения с Персией⁹⁷. Позиция невмешательства, занятая Москвой, не исключала проведения некоторых активных мероприятий, когда события начинали угрожать безопасности кавказской границы советской державы.

В 1928 и в первой половине 1929 г. ситуация в Турецком Курдистане, казалось, несколько стабилизировалась. Турецкие власти управляли теми же репрессивными методами (судебные расправы, высылки и т.п.), чередуя их с показными либеральными жестами, рассчитанными на Европу. Все это подавалось как намерение цивилизовать курдское население в западном духе⁹⁸. Временно продолжалось и потепление в отношениях с Персией. Договор 1926 г. в июне 1928 г. был дополнен специальным протоколом, призванным урегулировать пограничные недоразумения⁹⁹.

Годовой отчет за 1928 г. британского посла в Турции Дж.Клерка О.Чемберлену был пронизан оптимистическим духом. «Курдский вопрос, главная внутренняя проблема правительства», по словам посла, более или менее в прошлом. Правительство взяло курс на примирение, военные власти удалены, назначен гражданский генеральный инспек-

тор Ибрагим Тали-бей со штаб-квартирой в Диярбакыре и с усиленными отрядами жандармерии. «Безвредные» курды возвращаются в восточные вилайеты, объявлена амнистия, братья шейха Саида подчинились правительству. Ибрагим Тали-бей смог беспрепятственно не только объехать южные курдские районы, но и проехать далеко на север от Вана и Битлиса. В конце осени он объявил программу строительства дорог. В общем, подытожил Дж.Клерк, меры по успокоению края имеют определенный успех¹⁰⁰.

Об успокоении (правда, кладбищенского типа) курдских провинций Турции писал и первый после восстания шейха Саида иностранец, посетивший в июне 1929 г. курдскую «глубинку» к востоку от Евфрата, — английский подполковник Александр Хелм. По его наблюдениям, спокойствие было обеспечено силой оружия. Турецкая армия сломила власть и подорвала богатство курдских вождей. Те из них, которые вернулись по амнистии, были разорены, Муш и Баязид — безлюдны, Диярбакыр, Сиирт, Битлис — в руинах. В крае царят голод, разбой и грабежи. Хотя провозглашены реформы и началось строительство дорог, в общем прогресс невелик. Конструктивных мер по развитию края предпринято очень мало.

А.Хелм делает следующий вывод: курдского движения в Турции больше не существует, влияние вождей пало, правительство добилось того, чего никогда не удавалось сделать султанам¹⁰¹. Таким образом, английский офицер в данном случае показал вопиющую некомпетентность (редкость для британских разведчиков). Для того чтобы опрокинуть все его прогнозы, потребовалось совсем немного времени.

Еще за год до этого «Нир Ист энд Индия», отмечая, что вопрос о будущем курдов «имеет жизненное значение для правительств Турции, Персии и Ирака», предупреждал о бесперспективности политики «поглощения» курдов, когда встанет вопрос о предоставлении им самоуправления. Журнал призывал к «амальгамации» курдов, но не к их «абсорбции». За этой замысловатой формулой стояла надежда, «что политика объединения без поглощения будет одинаково соблюдаться багдадским, тегеранским и анкарским правительствами по отношению к народу, сильные и слабые стороны которого только теперь удастся видеть в правильном освещении»¹⁰². Однако ни в одной из ближневосточных столиц, и прежде всего в Анкаре, не были склонны внимать этим благоразумным советам, что и послужило причиной дальнейшего обострения национального вопроса во всех частях Курдистана.

В Северо-Западном (Турецком) Курдистане первые признаки приближающейся бури появились в конце зимы 1928/29 г. Именно в это время турецкая пресса забила тревогу в связи с распространением курьезных, но симптоматичных слухов о появлении на восточной границе страны все того же легендарного полковника Лоуренса. Извест-

ный в то время турецкий журналист Юнус Нади-бей для предотвращения курдского восстания потребовал немедленного удаления Лоуренса из Курдистана¹⁰³. Как водится, никаких доказательств деятельности полковника Лоуренса среди курдов не было, но это был почти тот случай, про который говорят: «Нет дыма без огня». Разница лишь в том, что дым на самом деле был дымовой завесой, призванной скрыть истинную причину курдских волнений, объявить их виновником внешнюю силу, т.е. главного супостата Турции на Ближнем Востоке в то время — Англию. Но огонь-то был настоящий, и он с каждым месяцем разгорался на востоке Турции все сильнее.

В апреле 1929 г. произошли столкновения турецких войск с курдами на турецко-персидской границе, сопровождавшиеся взаимными обвинениями Тегерана и Анкары в подстрекательстве племен¹⁰⁴. В июне того же года выступил вождь лолан в районе Сиирта — Расул Мухаммед-ага. Теснимый турецкими войсками, он ушел в Сирию, где присоединился к Хаджо-аге и оттуда вместе с ним напал на турецкие части на Тигре¹⁰⁵. В течение 1929 г. в Хакяри были отмечены несколько серьезных восстаний, в которых участвовало до 5 тыс. курдов. Именно в этом году резко активизировались курдские организации за рубежом («Хойбун» и др.), которые на средства, полученные от благотворителей в США и в других западных странах, развернули широкую кампанию за курдскую независимость¹⁰⁶.

Зима 1929/30 г. прошла относительно спокойно; похоже, что противоборствующие стороны взяли паузу, чтобы набраться сил и определить дальнейшую тактику борьбы. По сведениям британской разведки, курдские националисты представили анкарскому правительству требования по созданию курдского государства в Восточной и Юго-Восточной Турции в составе вилайетов Диярбакыр, Харпут, Сивас, Эрзурум, Ван и ряда других на условиях очень широкой автономии, граничившей с конфедерацией. Смысл этих условий заключался в следующем:

курдское государство должно состоять в постоянном союзе с Турцией; это государство должно управляться курдским губернатором, назначаемым Турцией;

оно должно иметь собственный парламент и министров; без согласия обоих парламентов (Турции и Курдистана) нельзя объявлять войну никакому государству;

все доходы курдского государства должны расходоваться внутри него, и только излишки оставаться у центрального правительства;

должен быть изменен порядок набора на местную службу, за исключением военного времени.

Неприемлемость для Анкары таких условий решения курдского вопроса в Турции не вызывает сомнений, однако турецкая правящая верхушка не отмахнулась от них сразу, как следовало бы ожидать. Тот

же источник сообщает, что, по слухам, Мустафа Кемаль, Кязым Карабекир и некоторые другие турецкие лидеры были склонны принять эти требования, но премьер Исмет-паша выступил против¹⁰⁷.

Независимо от того, насколько правдивы и точны эти сведения, весьма вероятно, что у Анкары были серьезные колебания. Новый кризис в Турецком Курдистане назревал на фоне нараставших трудностей, которые начал испытывать кемалистский режим на рубеже 1920—1930-х годов в связи с мировым экономическим кризисом, затронувшим и Турцию, а также активизацией в стране правой оппозиции, опиравшейся на традиционалистские слои турецкого общества¹⁰⁸. Им противостояли сторонники умеренно либерального курса. Как писал один советский обозреватель, «в вопросе о меньшинствах он (Мустафа Кемаль. — *М.Л.*) выявил определенную двусмысленность, считая необходимым как-то урегулировать их положение, но в то же время не допуская и мысли, например, о частичной автономии». Напротив, крайние пантюркисты стояли на шовинистических и реваншистских позициях, убеждая Англию и Францию возвратить Турции районы Мосула и принадлежавшей тогда Сирии Александретты (Искендерона), и были готовы поступиться ради того же хорошими отношениями с СССР¹⁰⁹. Поэтому Кемалю и его окружению приходилось некоторое время лавировать, выражая готовность пойти на уступки в курдском вопросе. Однако вскоре, одолев оппозицию, кемалистский режим возвратился на изначально выбранную им стезю бескомпромиссного подавления курдского национального движения.

Провал «курса на общее успокоение»¹¹⁰ в Турецком Курдистане стал очевиден к весне 1930 г. Нарастанию политического кризиса в регионе способствовал экономический кризис, охвативший всю Турцию и в особенности ее самую слабую в экономическом отношении часть — курдский Восток, где возникли затруднения со сбытом традиционной продукции — масла, сыра, кож¹¹¹.

Начало Араратского восстания датируется концом февраля или началом марта 1930 г. Первые выступления произошли в Ване, Битлисе, Баязиде. Затем восстание распространилось на юг — в районы Диярбакыра и частично Бохтана. В Сиирте вновь дал о себе знать давний противник турок, активно выступавший против них еще накануне Первой мировой войны, Бешар Чато. Турки заманили его в ловушку, где он и погиб со своими тремя сыновьями.

Бои развернулись и в непосредственной близости от границы с СССР и Персией. Во главе повстанцев, которых первоначально насчитывалось от 3 до 5 тыс., был некий Халис, сын депортированного в Брусу (Бурсу) в 1927 г. шейха Абдул-Меджида. Повстанцы легко одолели выступившие против них турецкие войска. Турки на подавление восстания бросили из Эрзурума, Байбурта и Эрзинджана подкреп-

ления численностью до 15 тыс. (как писал источник, «слишком большие силы, чтобы расправиться с несколькими сотнями курдов»), но и их оказалось недостаточно¹¹².

Восстанию предшествовали попытки политического воздействия курдских националистов на турецкое правительство, предпринятые извне и изнутри. Курдские организации за границей выступили в газетах, главным образом в египетских, с рядом обращений к турецкому правительству, содержавших требования предоставления курдам политических прав. Аналогичные требования предъявили властям и «курдские революционеры», действовавшие в самой Турции. Анкара сделала вид, что рассматривает их, но на самом деле готовилась к подавлению вспыхнувшего восстания и принимала меры, чтобы не допустить совместных действий турецких курдов с их иракскими и персидскими соплеменниками¹¹³.

Предлогом для развертывания планируемых турецким правительством широкомасштабных репрессий против вновь поднявшихся на вооруженную борьбу курдов был проведенный в мае 1930 г. в Анкаре упоминавшийся процесс над сыном шейха Саида — Салахеддином, обвиненным в создании «Ассоциации Северного Курдистана» (или «Северной курдской лиги»). Ему инкриминировали связи с британскими представителями в Ираке (в частности, с британским комендантом Багдада Л.Гамильтоном, который, как утверждалось, дал ему 3 тыс. турецких лир), с антитурецкими организациями в Алеппо и Дамаске (имевшими отделение в Хынысе), обвинили в шпионаже. Были произведены многочисленные аресты (до 90 человек)¹¹⁴. На суде «Ассоциация Северного Курдистана» была представлена как главный организатор волнений курдов на турецко-персидской границе, а «Хойбун» — лишь как ее ответвление с центром в Эрзуруме во главе с Талхиоглу Сади. «Ассоциация» обвинялась в связи с антикемалистской оппозицией и с экстремистскими мусульманскими организациями («братьями-мусульманами» и др.)¹¹⁵.

Но самым весомым аргументом в развернувшейся в это время антикурдской пропаганде были, как и прежде, обвинения в английской инспирации, которыми была переполнена вся турецкая пресса. Англия подозревалась в намерении создать под своей эгидой в Северном Ираке независимое курдское государство (как раз в это время, 30 июня 1930 г., был подписан договор с Ираком о ликвидации в стране режима мандата), что будто бы и послужило «дурным примером» для турецких курдов¹¹⁶. Поощряя курдское движение в Турции, Лондон, по логике турецких пропагандистов, хотел предотвратить вмешательство турок в иракские дела.

В потоке разоблачительных обвинений в адрес Англии, высказываемых в Турции на разных уровнях, по-прежнему красной нитью

проходила тема вездесущего полковника Лоуренса, которому приписывали руководство всеобщим восстанием курдов. Его якобы видели в Каракёсе (Агры), и полиции в Эрзуруме было приказано наблюдать за ним. Информатор британского консула в Трабзоне У.Метьюза согласился с его доводами о смехотворности этого слуха, но заявил, что турки убеждены в присутствии Лоуренса если не в Курдистане, то где-то поблизости¹¹⁷. Турецкая газета на немецком языке «Тюркише пост» писала, что Лоуренса видели в Равандузе (Ирак), откуда он руководил восстанием в районе Арарата. Газета «Акшам» утверждала, что курдское движение вообще находится под влиянием Интеллидженс сервис, штаб которой расположен близ Мосула. В нем работают «турецкие предатели» — некий Кираз Хамди, д-р Шукри из Бейрута и др.¹¹⁸. Подобные рассказы охотно перепечатывала советская пресса, не упуская случая изобличить британских империалистов в подрывных действиях. Например, в ней можно было прочесть, что полковник Лоуренс под именем Хаджи Махмеда пребывает в Багдаде, где занимается врачеванием и предсказаниями о том, что скоро «кое-что начнется»; затем, что он появился в Маку (Северо-Восточный Курдистан, иранская территория) и т.д.¹¹⁹.

Конечно, все эти сведения, в изобилии поставляемые главным образом турецкой прессой, не имели под собой никакой фактической основы. Показательно, что серьезная литература и солидная пресса Запада их игнорировали или, в редких случаях, подавали только в качестве «слухов». Как уже говорилось, англичанам было невыгодно поддерживать курдское движение в Турции хотя бы потому, что это неминуемо (об этом ниже) осложнило бы для них вечно болезненную проблему взаимоотношений с иракскими курдами, оставшуюся остроактуальной и в переходный период отмены британского мандата в Ираке и становления в стране «национальной» по форме, но подчиненной Лондону по существу власти. Кроме того, Великобритания, будучи не силах восстановить свои прежние имперские позиции в Турции и Персии, была заинтересована в стабилизации и укреплении своих связей с правящими кругами этих государств, ставших на путь суверенного развития и видевших в этническом сепаратизме главную угрозу ему. Кстати, и в справке НКВД СССР по курдскому вопросу об Араратском восстании говорилось: «Каких-либо точных и определенных данных, позволяющих утверждать, что это дело рук Англии, пока нет»¹²⁰.

Сказанное не означает, что Лондон был безразличен к курдским движениям в указанных странах, в том числе и к вспыхнувшему в предгорье Арарата курдскому восстанию. Англия (как и некоторые другие имеющие на Ближнем Востоке интересы державы) начала видеть в курдском национальном движении в Турции и Персии расту-

щую политическую силу и, естественно, не желала, чтобы ее отношение к нему выглядело безразличным или, более того, враждебным. Но от демонстрации лояльности этому движению до таких активных политических действий, как подстрекательство и тем более прямая военная помощь и т.п., — дистанция огромного размера, которую англичане соблюдали. Отношение же Лондона к выступлениям иракских курдов, как будет показано дальше, по понятным причинам было гораздо менее отстраненным.

Между тем пока кемалистские пропагандисты искали виновных, курдское восстание на востоке Турции разгоралось все больше, захватывая значительную территорию, сопредельную с границами СССР и Персии. Журнал «Нир Ист энд Индиа» в аналитической статье, посвященной этому событию, предупреждал Анкару о серьезности сложившейся ситуации. Это не разбойные нападения отдельных банд курдов, как пытается представить дело турецкая пресса, а широкое восстание от Малого Арарата до озера Ван и далее до персидской границы, говорилось в статье. Обвинения персидского правительства в поддержке и вооружении курдов несостоятельны. Если восстание расширится, Турция рискует быть вовлеченной в серьезную ссору с Персией, что даст СССР возможность «ловить рыбку в мутной воде». «Корень зла», по мнению журнала, в режиме, установленном в Турецком Курдистане. Упор на «строгую дисциплину» там явно проигрывает в сравнении с политикой «laissez faire», проводимой в Персидском Курдистане, и с курсом на сотрудничество между арабами и курдами, взятым в северных ливах Ирака. Турки стоят перед выбором: или периодические курдские восстания (в которых турецкая пресса «глупо» обвиняет англичан или персов), или придется серьезно заняться курдской проблемой¹²¹.

Оставив на совести автора статьи упрощение и идеализацию ситуации в Персидском и Иракском Курдистане, следует признать, что здесь правильно названа, хотя и в завуалированном виде, основная причина постоянного конфликта в Турецком Курдистане, принявшего на рубеже 20–30-х годов XX в. наиболее острую форму. Однако в Анкаре вовсе не были склонны прислушиваться к подобного рода предостережениям и продолжали гнуть свою линию в курдском вопросе: никакого признания за курдами их национальных прав и беспощадное подавление их вооруженных выступлений.

В конце мая — начале июня 1930 г. наступил пик Араратского восстания. Сперва поднялась 150-тысячная конфедерация племен джелали, обитавших по обе стороны турецко-персидской границы. Говорили о планах создания единого курдского государства на базе Турецкого и Персидского Курдистана (населенные курдами земли Северного Ирака и Северной Сирии исключались), но разговоры об этом скоро затихли, ибо и курдским руководителям, и дашнакам было известно

отрицательное отношение Англии и Франции к этой идее. Восстание началось без какого-либо четкого политического лозунга, в нем, как это всегда водилось у курдов, доминировал стихийный протест, к тому же окрашенный в консервативные тона, что позволяло турецкой прессе и официальным кругам клеймить его как реакционное¹²².

Ареал восстания быстро расширялся. В Турции им были охвачены районы Большого и Малого Арарата, а также Баязида, на персидской стороне — Маку и его окрестности. К повстанцам-джелали присоединялись другие племена, в том числе такие многочисленные, как хайдеран, зиян и халикан. Среди вождей повстанцев упоминались Кёр Хусейн-паша, Демир-паша, Абдул Кадыр Абдаль; общее руководство осуществлял Ихсан Нури. Фактически к восстанию примкнуло значительное число персидских курдов. Усмиритель курдских восстаний в Персии генерал Хасан Арфа утверждал, что курдские повстанцы в Турции с помощью персидских курдов хотели захватить достаточно обширную и хорошо охраняемую территорию в Курдистане, с тем чтобы провозгласить его независимость и заручиться поддержкой некоторых сочувствующих держав и Лиги Наций. В июле 1930 г. курдское командование опубликовало воззвание, в котором призывало к освобождению от турецкого ига территории между Ираном и Ираком, которая «была обещана нам». Однако ни о каком курдском государстве в воззвании не говорилось, так что утверждение Арфы о провозглашении курдской независимости можно отнести к разряду слухов или домыслов. Что касается шахского правительства, то оно, что бы ни говорила Анкара в своих протестах Тегерану по поводу бесчисленных нарушений персидскими курдами турецкой границы, отнюдь не мирволило им, а напротив, оттеснило своих джелали к Малому Арарату, т.е. к границам Турции¹²³. Для этого персидское командование использовало враждебные курдам тюркские племена шахсевенов¹²⁴.

Есть основания полагать, что между Тегераном и Анкарой к началу Араратского восстания если не существовало, то налаживалось антикурдское соглашение. Еще в сентябре 1929 г. Реза-шах во время посещения Тебриза послал генерала Зафар-и Доуле на турецкую территорию, в район горы Арарат, где тот встретился с представителем Мустафы Кемалю. Было достигнуто соглашение о том, что в апреле 1930 г. соберется пограничная комиссия для улаживания спорных вопросов, касающихся разграничения и режима границы. Однако вспыхнувшее в марте 1930 г. курдское восстание в Турции сорвало эту договоренность. Турция, исходя из стратегических соображений, потребовала уступки ей восточной части горной системы Арарат, находившейся на территории Персии. Для турок было важно затруднить общение турецких курдов с персидскими и получить удобный выход к границе с СССР¹²⁵.

Пока исход восстания был неясен, Тегеран противостоял турецким притязаниям. Стараясь держать в узде своих курдов, персы были не прочь воспользоваться временными неудачами турецких карательных войск и оказать даже некоторую помощь курдским повстанцам оружием, припасами и т.п. Тем самым Персия готовила себе позиции для разрешения векового спора с Турцией по пограничному вопросу. Но по большому счету политика Тегерана в курдском вопросе не отличалась от политики Анкары или Багдада: она имела такой же антикурдский, шовинистический характер. Это в полной мере проявилось, когда Араратское восстание начало разрастаться и грозило принять общекурдский масштаб.

В середине июня 1930 г. в зоне восстания разразились наиболее ожесточенные бои. На подавление курдского мятежа были брошены два корпуса под командованием Салих-паши. Курды оказали упорное и на первых порах эффективное сопротивление. В сражении 21 июня отряд карателей под началом Субхи-паши попал в засаду и понес тяжелые потери. Курды захватили 1700 пленных, 60 пулеметов, 24 орудия, сбили 12 самолетов. Они распространили свои операции далеко на юг от основного очага восстания. Им оказывали помощь не только их соплеменники из Персии, но и некурдское население Восточной Анатолии, в том числе и оставшиеся там немногочисленные армяне¹²⁶.

Стойкость и героизм повстанцев, однако, не могли преодолеть неравенство в силах противоборствующих сторон. Хотя у курдов было некоторое численное превосходство, турки намного превосходили их в вооружении, а также в уровне командования и в обученности войск. В распоряжении Салих-паши было от 12 до 15 тыс. солдат (с жандармами) и авиация, которой курды мало что могли противопоставить. Их снаряжение было скудное, снабжение из Персии — весьма ограниченное. Тем не менее сломить курдов было нелегко.

По мнению турецкой прессы, Араратское восстание по своим размерам и продолжительности значительно превосходило восстание шейха Саида 1925 г.¹²⁷. С этим, пожалуй, можно было бы согласиться, хотя турецкая пресса освещала Араратское восстание крайне тенденциозно, преуменьшая, например, число карателей раз в десять. Нечего и говорить, что зачинщиками восстания турецкие газеты выставляли англичан, якобы действовавших руками иракской администрации, хотя фактических данных о том, что англичане имели отношение к восстанию турецких курдов, как всегда не имеется¹²⁸. Как мы уже говорили, Лондон был заинтересован в том, чтобы курдский вопрос разделял Персию и Турцию, препятствуя сближению этих ближневосточных государств на антизападной почве, но не до такой степени, когда могла бы возникнуть угроза победы курдского национального движения в одном из них или в обоих вместе. В этом Лондон был вполне

солидарен с Тегераном. Как сказал Теймурташ, «идея объединенного Курдистана — анафема для персидского правительства»¹²⁹.

Как и следовало ожидать, небольшая, строго дозированная и корыстная помощь, оказываемая из Персии, принесла мало пользы изнемогавшим в борьбе с турецкими карателями курдским повстанцам¹³⁰. Силы были неравны, и к осени 1930 г. основные очаги курдского восстания были подавлены. Курды потеряли до 3 тыс. убитыми, причем турецкие войска преследовали повстанцев и на персидской территории. Турки заплатили, однако, за эту победу немалую цену. Против восставших были брошены 12 полков VII, VIII и IX армейских корпусов, пограничная стража и 70 самолетов. Правда, эти части были недоукомплектованы, в полку числилось не более 700 штыков, и тем не менее турки имели военное превосходство над многочисленными, но плохо вооруженными, необученными и терпевшими недостаток во всем курдскими повстанцами. Как всегда, расправа носила жестокий характер. Было отмечено неоднократное применение химического оружия, хотя это было запрещено к тому времени международными соглашениями. По данным «Хойбуна», в ходе карательных акций было уничтожено до 660 деревень, сожжено свыше 15 тыс. жилищ, убито около 9 тыс. мирных жителей¹³¹. Есть основания полагать, что с учетом разоренных кочевий, уничтоженных стад и т.д. курды понесли куда большие потери. Источники «Хойбуна» утверждают, что курды потеряли 40 тыс. человек (это, вероятно, преувеличение). Продолжались массовые депортации курдского населения из района Арарата. Например, в район Бурсы было выслано племя халикан (400 семей — 2 тыс. человек, 40 тыс. голов скота). У.Метьюз писал из Трабзона, что, по его мнению, операция по подавлению волнений курдов Дерсима напоминала акцию против армян в 1915 г.¹³²

Турецкая пресса трубила о полной победе над курдами, но фанфары были преждевременными. Подавив основной очаг восстания, турки не смогли воспрепятствовать появлению новых «горячих точек» как в районе границ с СССР и Персией, так и, в особенности, на юге, вблизи границ с Ираком и Сирией. Наблюдатели отмечали невысокий моральный дух карательных войск и неизбежность новых вспышек в Курдистане, если к наступлению зимы не удастся справиться с восставшими (из-за климатических условий зимой активные военные действия в горах обычно прерывались)¹³³. Поэтому турки спешили расправиться с курдами до снегопадов и морозов. Однако те продолжали отчаянно сопротивляться, особенно в районе Башкале (к юго-востоку от Вана). Только в середине ноября 1930 г. операции в районе Агрыдага были прекращены, вернее всего из-за погодных условий. Но в Дерсиме продолжалась операция «подавления» (suppression)¹³⁴. Дипломаты в Анкаре сообщали, что турки, хотя они и принудили

к капитуляции часть повстанцев, оказались не в состоянии разбить главные силы курдов и планируют возобновить операции весной следующего года. Никто из руководителей восстания не был схвачен, Ихсану Нури удалось укрыться в Тегеране, и персидское правительство отказалось выдать его туркам¹³⁵.

Наблюдатели из Ирака и Турции предсказывали неизбежность возобновления повстанческого движения в Турецком Курдистане весной 1931 г. Все племена Диярбакыра, Мардина, Сиирта, Эрзурума, Эрзинджана, Битлиса выражали солидарность с повстанцами Арарата и готовность примкнуть к ним. Оптимистические прогнозы турецких военных и гражданских властей насчет того, что с курдами покончено, решительно отвергались¹³⁶.

И в самом деле, в марте 1931 г. поднялась новая волна повстанческого движения араратских курдов и их ближайших соседей. Ей предшествовало окончание процесса над Салахеддином, который получил десять с половиной лет тюрьмы (столь небольшой для турецкой юстиции того времени срок был обусловлен тем, что Салахеддину еще не исполнился 21 год)¹³⁷. Впрочем, хотя бои шли еще долго, в течение всего 1931 и частично 1932 г., движение явно шло на спад. Силы были слишком неравны. По словам О'Лири, энергичные действия, предпринятые Салих-пашой, были «фатальны» для курдских надежд на успех. Курды потерпели два «решительных» поражения, потеряли много молодых лидеров. Их ресурсы были истощены и в материальном, и в моральном отношении. Главной причиной поражения курдов английский дипломат считал отсутствие «согласованности» в движении из-за неоднородности племен. «Расовое самосознание необходимости борьбы за независимость», по его мнению, существовало только в теориях, пропагандируемых «Хойбуном» и дашнаками и воспринимаемых армянами и вестернизированными курдами. По его мнению, «мало связи между теми, кто пишет, и теми, кто сражается». Однако туркам, отмечал О'Лири, предстоит преодолеть в Курдистане большие трудности, и, возможно, наряду с репрессиями будут проводиться и умеренные действия¹³⁸.

Военные и социально-политические мероприятия, направленные на умиротворение Турецкого Курдистана, проводились Анкарой в 1931–1932 гг. настойчиво, но без ожидаемых результатов. Курды вынуждены были уступить силе, но не склонились перед ней. Курдское сопротивление продолжалось и часто давало о себе знать вспышками повстанческого движения. Например, в 1930–1932 гг. непрерывно продолжались волнения араратских курдов в районе деревни Патмос, где находилась ставка Ихсана Нури-паши, которого в июне 1931 г. в качестве верховного командующего заменил Ибрагим-паша. Курдский вождь Али Юнис из Бохтана находился в состоянии вооруженной борьбы против турецкого правительства с 1925 по 1935 г., активно выступая

против депортаций курдского населения¹³⁹. Осенью 1931 г. министр внутренних дел Турции Шюкрю Кая-бей и генеральный инспектор восточных вилайетов Ибрагим Тали-бей совершили инспекционную поездку по востоку страны. Особенную тревогу им внушила ситуация в вечно беспокойном Дерсиме, где как раз в это время против правительства выступили племена во главе с Махмуд-беем. Турецкая газета «Миллиет» назвала тогда Дерсим «частью отечества, которая входит в него, но находится за пределами закона»¹⁴⁰.

Почти в это же время Восточную Анатолию посетили двое служащих британского посольства в Анкаре — 1-й секретарь Робертс и 3-й секретарь Ревенсдейл. В своем отчете они красочно описали бедственное положение страны после карательных экспедиций турецкой армии против курдов. Наибольшее впечатление на них произвел экономический упадок края, в чем они видели источник всех смут и волнений среди курдов, вынужденных незаконными способами добывать себе пропитание. Английские наблюдатели пришли к выводу, что без решения экономических проблем, модификации социально-экономических условий жизни курдов, приобщения их к современной цивилизации умиротворение Турецкого Курдистана невозможно. При этом они отметили, что ускорился процесс туркофикации курдов, 60% которых уже предпочитают изъясняться по-турецки¹⁴¹.

Попытка провести некоторые социально-экономические реформы в курдских провинциях и «цивилизовать» местное население была предпринята Первой генеральной инспекцией, созданной Анкарой в конце 20-х годов и контролировавшей вилайеты Мардин, Урфа, Диярбакыр, Элязиз, Хакяри, Ван, Муш, Сиирт, Баязид. В задачу этой специально созданной для решения курдского вопроса административной структуры входили ликвидация господствовавшей здесь феодальной системы, проведение аграрной реформы, организация общественных работ, в том числе строительство дорог из Анкары в вилайеты Хакяри и Ван. Главное же — генеральной инспекции предписывалось эффективно бороться с курдским повстанческим движением, для чего была создана особая милиция¹⁴².

Ни с одной из перечисленных задач как верховная власть Турции, так и непосредственно генеральная инспекция не справились. Они не могли это сделать в принципе, ибо во главу угла была поставлена сугубо шовинистическая установка, причем в самой жесткой и непреклонной форме — непризнание курдской этнической идентичности, искоренение курдского национализма. Со своей стороны, турецкие курды не могли согласиться с уготованной им участью быть ассимилированными турками согласно принципам ортодоксального кемализма, стать якобы полноправными турецкими гражданами без всякого права на собственную национальную идентичность.

Таким образом, с одной стороны, неспособность кемалистского руководства пойти на радикальное изменение своего курса в курдском вопросе, а с другой — стойкое нежелание курдов мириться с таким положением вещей и сопротивление всякого рода маневрам и полумерам правительства заводили курдскую проблему в Турции в тупик, из которого обе противоборствующие силы не способны были найти выход. Впрочем, Анкара такую попытку сделала, прибегнув к привычным полицейско-административным методам.

14 июня 1931 г. был принят первый из серии антикурдских законов, по которому были ликвидированы все права племен, как принятые официально, так и существовавшие на основе обычаев, а также племенная структура и иерархия. Закон предусматривал создание трех зон расселения «нетурок». В зоне первой категории (Восточная Анатолия) не могли селиться никакие племена, роды и отдельные лица, «не приобщенные к турецкой культуре»; даже лица турецкого происхождения, забывшие турецкий язык, должны быть выселены из этой зоны или расселены таким образом, «чтобы они были окружены населением чисто турецкого происхождения». Из зоны третьей категории (Европейская Турция) нетурки выселялись по тем же соображениям. Наконец, в зоне второй категории (остальная территория страны) могли селиться племена и лица нетурецкого происхождения, выселенные из первой и третьей зон. Кроме того, закон предусматривал ряд мер экономического и административного характера: прокладку железной дороги через Харпут (Элязиз) до Дерсима (Тунджели), размещение специальных военных гарнизонов в «особо важных» районах Курдистана, учреждение специальных инспекторов¹⁴³.

В развитие принципов этого закона, имевшего довольно неконкретный характер, был принят закон от 5 мая 1932 г. о разделении страны на четыре зоны по принципу обитания в них курдов. Три из них создавались в собственно Курдистане, четвертая объявлялась запретной для проживания курдов «из соображений санитарных, материальных, культурных, политических, стратегических и сохранения порядка». Закон предусматривал ликвидацию власти, дарованной или традиционной, всех племенных вождей, ага, беев, шейхов. В собственность государства переходила вся недвижимость, являвшаяся собственностью племен, т.е. этих вождей. Она распределялась между поселенцами, нуждающимися в земле. В одной из зон министерство внутренних дел поселяло вождей с их семьями, уличенных в шпионаже и других неблагоприятных, с точки зрения властей, деяниях, иначе говоря, неблагонадежных благодаря своему влиянию. Запрещалось всем, «для кого материнским языком является любой другой, кроме турецкого», создавать новые поселения или кварталы в городах, образовывать группы ремесленников или предпринимателей; министерство внут-

ренных дел имело право ликвидировать их, если они существовали ранее. Кроме того, закон лишал иностранцев права селиться в деревнях, а в городах и поселках их число не должно было превышать 10%¹⁴⁴.

Этот закон, вводя для курдов своеобразную «черту оседлости», предназначен был разрушить традиционное курдское общество, нанести удар по курдскому нобилитету, лишив его экономического базиса и политического влияния, и тем самым обезглавить силы национального протеста. Курдское население Турции восприняло этот закон и другие подобные мероприятия власти как усугубление политики национального гнета и как могло сопротивлялось проведению их в жизнь, видя в них реальную угрозу своему существованию как нации. Тревога курдов возрастала еще и потому, что турецкие правящие круги не скрывали своих враждебных намерений по отношению к любым, даже элементарным, проявлениям курдской национальной жизни.

Премьер-министр Исмет-паша заявил в августе 1930 г. в Сивасе: «Только турецкой нации принадлежат расовые и этнические права в этой стране. Никакие другие элементы не имеют этого права». Генеральный секретарь Народно-республиканской партии Реджеп Пекер, ставя под сомнение существование курдской нации, поскольку это внушено только «чувствами и идеями», утверждал, что «не может претендовать на независимость нация, насчитывающая несколько сот тысяч или даже миллион»¹⁴⁵ (на самом деле курдов было раз в десять больше). Министр юстиции Махмуд Эсад на встрече со своими избирателями в Одемише выражений не выбирал (курсив источника): «Турок — единственный властитель, единственный хозяин этой страны. Те, кто не обладают чисто турецким происхождением, имеют только одно право в этой стране, *право быть слугами, право быть рабами!* Пусть знают эту истину и враги, и друзья, и даже горы»¹⁴⁶. В таком же духе высказывалась и проправительственная пресса (а другой в кемалистской Турции фактически не было). Ниже следует характерная тирада, которой разразилась официозная газета «Хакимьет-и миллие» в августе 1930 г. (перевод и курсив К.Г.Василевского): «Курды, которым наступили на горло на Агридаге (Арарате), защищаются, как дикие звери, чувствуящие себя в опасности. Две другие банды грабителей продвинулись с южной границы с лозунгом „независимого Курдистана“. Никто, конечно, не сомневается, что мы такое требование считаем со стороны этой орды, которая производит впечатление животных из басни, шуткой. Для такого народца, словарь которого состоит едва ли из 200 слов, для расы, которая следует за любым течением, лучшим уголком для административной автономии может явиться, например, Центральная Африка или одна из ее пустынь, населенных полулюдьми-полуобезьянами. Но Азия, эта колыбель древней цивилизации, не может допустить таких претензий. Стремление к независимости

рождается в результате больших и широких идейных движений. Полеты разума и сердца делают народ достойным независимости, для существ же первобытных, мозг и сердце которых тупы, независимость пригодна лишь для блуждания по лесам и горам; независимость, на которую они могут претендовать, может быть лишь свободой бродяг. Те, которые позволяют себе желать этого, заслуживают, во имя общей безопасности, быть раздавленными, и с ними, впрочем, так и поступают»¹⁴⁷. Подобной людоедской аргументацией, антинаучной и невежественной, были заполнены полосы многих турецких газет.

С трудом подавив Араратское восстание и другие выступления курдов, Анкара получила передышку, которая и на этот раз оказалась недолгой. Однако, как и всегда, обострение курдского вопроса в Турции на рубеже 20–30-х годов отразилось не только на внутреннем положении страны. Как уже отмечалось, в восстание, развернувшееся в Турецком Курдистане, оказались частично вовлечены и курды сопредельных с Турцией стран. Британские аналитики в «Нир Ист энд Индия» в самый разгар восстания констатировали, что оно «очень серьезно» именно по той причине, что на помощь повстанцам приходят курды Персии, Ирака и Сирии. Это, в частности, ведет к трениям между Анкарой и мандатными властями двух последних стран. Что же касается Персии, отмечалось в журнале, то ее правительство хочет «исправить» границу с Турцией. И хотя ни одна западная держава не поддерживает идею создания независимого курдского государства, Анкара весьма встревожена сложившейся ситуацией, тем более что курды сотрудничают с другими нетурецкими народами страны¹⁴⁸.

Действительно, в разгар восстания наибольшую угрозу для себя Анкара видела со стороны персидской границы. Причем угрожающими казались не только действия персидских курдов, оказывавших своим сородичам на турецкой территории помощь как непосредственно военную, так и путем снабжения их оружием, припасами и т.п., но и «недружественная» позиция персидского правительства, отказывавшегося признавать притязания турок на персидскую территорию в районе Арарата¹⁴⁹. Преследуя араратских повстанцев, турецкие войска углублялись на персидскую территорию, в воздушном пространстве Северо-Западной Персии действовала турецкая авиация¹⁵⁰. Эти инциденты вызвали энергичную перебранку по дипломатическим каналам с взаимными обвинениями. Турецкий посол в Тегеране Мемдух Шевкет-бей делал неоднократные представления персидскому правительству, турецкая пресса в унисон трубила об участии в восстании английских агентов, армян и турецких оппозиционеров¹⁵¹. Разумеется, не оставались в долгу и персидские дипломаты.

О кризисе в турецко-персидских отношениях во время курдского восстания говорила замена Мемдуха Шевкет-бея, обвиненного в не-

способности справиться с ситуацией, давним соратником Кемаля полковником Юсуф-беем. Последний поставил перед Тегераном вопрос об обмене территориями: за район, прилегающий к горе Арарат с востока, Персии была предложена территория, примыкающая к новостроенной Равандузской дороге, соединявшей Южный и Восточный Курдистан. На переговорах с персидским посланником в Анкаре турецкая сторона поставила персов перед альтернативой: или немедленное исправление границы на западных склонах Арарата, или турки присваивают себе право преследования курдов на персидской территории. До получения ответа турки продолжали осуществлять это «право» явочным порядком¹⁵².

Переговоры были продолжительными и нелегкими. Британские дипломаты в Персии не верили в возможность плодотворного сотрудничества между Турцией и Персией по курдскому вопросу. По их мнению, переговоры могли дать результаты только после окончательного подавления курдского восстания, чего обе стороны ожидали с нетерпением.

В начале сентября 1930 г., т.е. когда восстание пошло на спад, британский посланник в Тегеране Роберт Клайв встретился с отбывающим из персидской столицы Мемдухом Шевкетом и с Теймурташем. В беседе с турецким послом Клайва больше всего интересовало его мнение о действиях СССР в связи с Араратским восстанием. Мемдух Шевкет решительно отрицал какое-либо участие русских в курдских волнениях и вообще с большой симпатией отзывался о позиции СССР (хотя действия армян внушали ему некоторые опасения)¹⁵³. Теймурташ же говорил о больших различиях в подходах к курдской проблеме в политике Турции, Персии и Ирака. По его мнению, Турция держит курс на уничтожение курдов, что невозможно поддерживать, ибо нельзя уничтожить весь народ. Персидская политика — оставить все как есть и не «раздражать» курдов. Иракское же правительство, внимая советам Англии, проводит политику «поощрения» курдов в области языка, школ и т.п. и поднятия «стандарта жизни» у них, что может оказать «возбуждающее влияние» на турецких и персидских курдов. В связи с этим Теймурташ заявил, что он смотрит на будущее курдской проблемы с беспокойством: хотя Багдад против объединения Курдистана, его политика — первый шаг в этом направлении¹⁵⁴.

Такие взгляды влиятельнейшего в ту пору персидского сановника на курдский вопрос вряд ли способствовали достижению взаимопонимания с Анкарой по существующим проблемам, в том числе и пограничным.

В самом деле, турецко-персидские переговоры по пограничному вопросу шли примерно полтора года (до начала 1932 г.) и нередко сопровождались обострением отношений, грозившим их срывом. Ту-

рецкая сторона требовала исправления границы у восточных отрогов хребта Агрыдаг и грозила применением силы, начав концентрировать войска у Баязида. Персы были настроены примирительно, решительно возражая только против вторжения турецких войск на персидскую территорию и предлагая взамен, чтобы каждая армия проводила операции против курдов со своей стороны границы. Турки согласились при условии координации этих операций.

В августе 1930 г. в Маку на свое первое заседание собралась турецко-персидская пограничная комиссия. Председателем ее персидской части был Сардар Энтессор¹⁵⁵. Вскоре в работе комиссии обнаружился некоторый прогресс, состоявший в том, что Персия согласилась на небольшое исправление границы. Со своей стороны, Анкара, добившись к осени 1930 г. победы над курдскими повстанцами (хотя далеко еще не окончательной), выразила готовность к некоторому смягчению прежней непреклонной позиции в курдском вопросе. Появились слухи, что Фетхи-бей, смещенный в 1925 г. с поста премьера, снова может быть призван в правительство для выработки более «прогрессивной» политики в курдском вопросе. К концу 1930 г. Персия пошла на новые уступки Турции, согласившись отдать ей часть араратского массива в обмен на территории в южной части пограничной зоны. Вместе с тем не прекращались попытки Тегерана использовать антитурецки настроенные курдские племена Персии и укрывшихся на ее территории вождей турецких курдов (в том числе Ихсана Нури) для нажима на Анкару в пограничном споре¹⁵⁶.

На улаживание взаимных претензий и конфликтов в связи с инцидентами на границе ушел весь 1931 год. Наконец, турецкое правительство предложило Персии часть территории в районе Котура в обмен на зону в 13 милях южнее Малого Арарата. Турецкая пресса писала, что после принятия этого предложения пограничный вопрос между Турцией и Персией больше не будет существовать¹⁵⁷.

Дипломатические переговоры по территориальному вопросу между Турцией и Персией шли параллельно с решением оперативных задач по совместному подавлению курдского восстания. Тегеран был поставлен в известность, что турки намерены завершить операции против курдов к концу 1931 г. и просят персов пропустить курдских повстанцев в Персию, где из-за отсутствия высоких гор их легче будет окружить и разбить. Турки обещали препятствовать обратному возвращению курдов. Итак, антикурдский сговор Анкары и Тегерана стал фактом: сотрудничество в подавлении курдского сопротивления, изоляция турецких курдов от персидских и обмен территориями, облегчающий эти действия, составляли единый блок этого сговора¹⁵⁸.

В самом конце 1931 или в начале 1932 г. было достигнуто соглашение, согласно которому Персия уступала Турции территорию у Ма-

лого Арарата и гору Айбей, получив взамен участок на юге в ущелье Баджирге (вилайет Хакяри) на пути из Джуламерка (Чёлемерика) в Урмию (Резайе). Стороны договорились и об облегчении условий торговли на пути из Тебриза в Эрзурум и Трабзон¹⁵⁹. Кроме того, Турция уступила Персии часть издавна спорной территории в районе Котура (где находился стратегически важный перевал, проходимый зимой), и было решено образовать комиссию по разграничению¹⁶⁰.

Несмотря на достижение этого соглашения, трудности во взаимоотношениях между Турцией и Персией по пограничному и связанным с ним вопросам, видимо, не были преодолены до конца, о чем говорит подписание формального договора только 5 ноября 1932 г., т.е. почти через год после заключения фактических договоренностей. Статья 5 «договора о дружбе», как он назывался, предусматривала недопущение на территориях договаривающихся сторон «организаций или групп», которые нарушали бы «мир и безопасность» другой стороны, а также действий лиц, ведущих любыми средствами пропаганду против другой стороны. Остальные статьи предусматривали соблюдение принципов ненападения, нейтралитета и экономического сотрудничества¹⁶¹.

Заключение турецко-персидского договора 1932 г. не привлекло особого внимания на Западе, что служит косвенным доказательством его незаинтересованности в разжигании конфликта в Курдистане¹⁶². Зато Москва, судя по всему, была довольна. Заместитель наркома иностранных дел Л.М.Карахан писал полпреду СССР в Турции Я.З.Сурицу о том, что советские власти «вполне удовлетворены» турецко-персидскими переговорами о пограничных отношениях и поездкой в связи с этим турецкого министра иностранных дел Рюштю в Тегеран. Лучше всего, писал далее Карахан, разрешить спорные вопросы без нашего арбитража, чтобы не было предлога для обращения в Лигу Наций¹⁶³. Но, как явствует из документов, дело не обошлось без участия советской дипломатии, может быть косвенного. Рюштю сказал в беседе с Караханом в феврале 1932 г., что пограничное соглашение с Персией «не его успех, а наш общий успех, ибо успеху его миссии способствовала подготовка, проведенная нами». По словам Рюштю, он «максимально старался пойти навстречу персам». Для этого была сделана уступка в вопросе о Котуре, «который является единственным пунктом, действительно важным с военной точки зрения»¹⁶⁴. Итак, отношение СССР к бурным событиям в сопредельных советскому Закавказью районах Турецкого и Персидского Курдистана, приведшим к обострению турецко-персидских отношений, было продиктовано прежде всего заинтересованностью в сохранении мира и спокойствия на южных рубежах страны. Все прочие домыслы относительно поведения СССР в этом вопросе, исходившие от западных и отечественных аналитиков, диктовались исключительно пропагандистскими соображениями.

События в Турецком Курдистане в 1927–1932 гг. непосредственно затронули арабских соседей Турции, Ирак и Сирию, и в первую очередь курдское население этих стран. Сочувствие, открыто высказываемое иракскими и сирийскими курдами, попытки оказать помощь борьбе их турецких собратьев привели к частичной вовлеченности курдских племен Ирака и Сирии в повстанческое движение в Турецком Курдистане, что привело к напряженности во взаимоотношениях Анкары с Багдадом и Дамаском, где правили британские и французские мандатные власти.

Первый сигнал о назревавшем конфликте Турции с Ираком в связи с обострением курдского вопроса прозвучал в ноябре 1927 г., когда в британский МИД поступила памятная записка турецкого правительства относительно враждебных действий курдов с территории Ирака. Документ содержал обвинения в том, что из Амадии, Захо, Акры, Зибара, Дохука шла интенсивная пропаганда в пользу создания «ассоциации» для пробуждения курдского национализма и его экспансии на север, а также в потворстве антитурецким действиям армян и ассирийцев. О. Чемберлен ответил турецкому послу, что мандатные власти принимают меры в соответствии с решением Лиги Наций об автономии курдов в Ираке (сильное преувеличение!), но при этом никакие враждебные действия по отношению к Турции не допускаются¹⁶⁵.

В конце следующего, 1928 г. произошел инцидент на турецко-сирийской границе, вызванный нападениями вооруженных отрядов сирийских курдов. После переговоров конфликт был улажен, но напряженность на границе сохранялась. Собственно, у турок и французов не было друг к другу взаимных претензий по поводу прохождения пограничной линии, что отразилось в подписанном 29 июня 1929 г. франко-турецком соглашении о турецко-сирийской границе, предусматривавшем контроль над «кочевыми народностями», самовольно пересекавшими границу¹⁶⁶. Однако резкое недовольство Анкары вызвали нарушения границы сирийскими курдами, значительно учатившиеся по мере нарастания напряженности в Турецком Курдистане. Особенно досаждал туркам курдский вождь Хаджо (Осман-ага Заде Хаджо). В связи с этим турецкая пресса обрушилась с обвинениями против Франции в поощрении курдских «разбоев» с целью использования курдов (которым в Сирии жилось лучше, чем в Турции) в качестве буфера между обеими странами¹⁶⁷.

Эти обвинения были, скорее всего, надуманными. Париж не был заинтересован не только в раздувании курдского вопроса, но и (в отличие от Лондона) в его использовании в своей ближневосточной политике. По призыву французской колониальной администрации марионеточное сирийское правительство назначало курдских по национальности чиновников в населенные курдами районы, разрешало от-

крывать курдские школы (главным образом религиозные). Курды Джазиры (сильно арабизированные) лелеяли «надежду на автономию». Поэтому Сирия стала одним из очагов курдского национально-го движения и убежищем для курдских лидеров, высланных из Турции и обосновавшихся преимущественно в Дамаске и Бейруте. Сирию называли даже центром курдского национализма¹⁶⁸.

Разумеется, отношения между французской администрацией и курдскими националистами не были безоблачными. Дух курдского освободительного движения все больше проникал и в Сирию. Это стало особенно заметно на рубеже 20–30-х годов. У некоторых предводителей сирийских курдов (Бозан-бея из Араб-Пынара, Шахин-бея из Триполи и др.), а также у проживавших в Сирии и Ливане популярных курдских лидеров, братьев Джеляля и Сурейи Бадрханов, усилились антифранцузские настроения; Джеляль Бадрхан по требованию французских властей был даже лишен сирийского гражданства. Ширилась антитурецкая агитация, особенно среди пограничных с Турцией племен. Бадрханиды сформировали отряд из 200 боевиков в помощь турецким повстанцам, что вызвало очередные трения с турецкими властями. Однако в самой Сирии курдские националисты проявляли известную умеренность, проповедуя не независимость, а более реалистичный в условиях раздела Курдистана лозунг автономии¹⁶⁹.

В то же время влиятельные курдские вожди турецко-сирийского пограничья, в первую очередь главный из них — Хаджо, лелеяли собственные планы, и не столько патриотические — помочь своим турецким соплеменникам, сколько сугубо личные. Хаджо, желавший стать единовластным хозяином Верхней Джазиры, под давлением верховного комиссара Франции в Сирии обещал оставаться нейтральным. У Турции и Франции было обоюдное стремление к сближению для совместного отпора не только курдам, но и претензиям Англии на гегемонию в регионе. Обеим сторонам, как уже отмечалось, удалось наладить сотрудничество в работе комиссии по разграничению, начавшейся еще осенью 1927 г., а затем и завершить эту работу¹⁷⁰.

Между тем Хаджо, нарушив свое обещание, возобновил набеги на южные рубежи Турции. В августе 1930 г. он неоднократно вторгнулся на турецкую территорию с крупными отрядами всадников и выпустил манифест, в котором провозгласил себя борцом за независимость Курдистана. В самой Сирии (в Алеппо) образовался кружок турецких и курдских политэмигрантов клерикального толка, участников халифатского движения (Хасан Рида-паша, Риза Тевфик, владелец журнала «Догру йол» Джеляль Кадри, шейх ордена мевлеви Бакир Челеби и др.), которые развернули агитацию в поддержку Араратского восстания¹⁷¹. Однако нет никаких свидетельств о том, что французские власти в Сирии и Ливане имели какое-либо отношение ко всей этой

деятельности, противоречащей традиционной после Версаля и Лозанны дружественной политике Франции по отношению к Турции¹⁷².

Самым опасным сектором южной границы Турции оставался участок, смежный с Ираком. Именно здесь установился наиболее тесный контакт между мятежными турецкими и иракскими курдами, что внушало серьезные опасения и Анкаре, и британским хозяевам Багдада. Летом 1930 г. в этом районе возникла по-настоящему «горячая точка».

Курды, восставшие в июле 1930 г. в юго-восточной части Турции, в районе Башкале, разгромили турецкий отряд и перерезали дорогу между Башкале и Ванским вилайетом. Фактически граница между Турцией и Ираком была обнажена. Этим воспользовались приграничные курдские племена как с турецкой, так и с иракской стороны. Первым выступил с турецкой стороны Осман-ага с двухтысячным отрядом. Ему и другим курдским вождям удалось заключить соглашение с шейхом Ахмедом Барзани о совместных действиях против турецкого правительства. В ходе успешного рейда отрядов турецких и иракских курдов на Орамар погибли многие полицейские и гражданские чины из турецкой администрации¹⁷³. Повстанцы, к которым примкнули жители окрестных деревень и много бывших сторонников шейха Саида, осадили Башкале и убили местного каймакама. Британские и местные арабские власти Северного Ирака пытались локализовать конфликт, понуждая вождей Зибара, Амадии и Захо удерживать племена от вмешательства в турецкие дела, но безуспешно¹⁷⁴. Рейды отрядов иракских курдов на турецкую территорию совершались систематически. Так, в конце июля 1930 г. свыше 500 всадников шейха Хасана вторглись в вилайет Хакяри¹⁷⁵.

Последовали неизбежные международные осложнения, пожалуй, первые для только что получившего формальную независимость Ирака. Иракская миссия в Анкаре получила резкую ноту от турецкого правительства по поводу нападений харки и других курдских племен на турецкую границу. В ноте содержались обвинения в попустительстве курдским набегам в адрес иракского правительства. Примечательно, что первоначально турки обратились со своими протестами к британскому послу в Турции, но тот лукаво переадресовал их к Ираку¹⁷⁶. Британский верховный комиссар в Багдаде не оказался таким формалистом и прямо указал новой иракской администрации, что надо ответить туркам: иракское правительство не оказывало «никакой поддержки курдским движениям, направленным против турецкого правительства»; приняты меры контроля над пограничными племенами, но это нелегко исполнить; подавляются все попытки сепаратистского национализма курдов в Ираке¹⁷⁷.

И в самом деле, контроль над приграничными племенами давался англо-иракским властям нелегко. Стички между курдами и турецкими

войсками происходили непрерывно. Кроме упомянутых в июле—августе 1930 г. отмечены бои между сыновьями Сидо-аги и турецким отрядом. На помощь курдам шейх Ахмед Барзани два раза прислал по 100 бойцов. Турецкие погранвойска были вынуждены отойти в глубь турецкой территории¹⁷⁸.

Для урегулирования конфликтной ситуации на турецко-иракской границе в середине сентября 1930 г. в Анкару прибыл глава иракского правительства генерал Нури Саид. Во время его переговоров с премьер-министром Турции Исмет-пашой и министром иностранных дел Тевфиком Рушди те выразили серьезную озабоченность в связи с действиями шейха Ахмеда Барзани. Нури Саид попытался представить виновными самих турок, неспособных пресечь контакты между курдскими вождями Турции и Ирака. В ответ на это турки немедленно предложили организовать совместную карательную экспедицию турецких и иракских войск против шейха Ахмеда Барзани на территории Ирака. Иракский премьер попытался оттянуть решение этого вопроса, но затем решительно отверг этот вариант, дабы не создавать прецедента¹⁷⁹. Видимо, кроме констатации отрицательного отношения обеих сторон к курдскому движению, других результатов эта встреча не дала.

Между тем инциденты на границе продолжались. Иракские власти пытались удержать шейха Ахмеда Барзани от вмешательства в турецкие дела, указывая, что Ирак хочет быть в хороших отношениях с Турцией. Турки грозили Барзани ответными мерами¹⁸⁰. Шейх Ахмед, очутившись меж двух огней, пытался лавировать, выдавая себя за безвинную жертву интриг некоторых антитурецки настроенных курдских вождей. Однако дела говорили об обратном. Например, 22 августа 1930 г. 300 его последователей напали на одну турецкую деревню. Возникла проблема курдских беженцев, устремившихся на территорию Ирака, главным образом в район Барзана, что вызвало недовольство англичан¹⁸¹.

Видимо, у шейха Ахмеда Барзани не было уверенности, что ему удастся удержаться на позиции одновременного конфликта с Багдадом и Анкарой, поэтому он не скупился на оправдания, причем без особого успеха, ибо был не в ладах с логикой. По его словам, турки намереваются пересечь границу и истреблять курдов Ирака, в связи с чем он просит англичан о защите. Сам же он обещал защищать курдов Ирака от нападений турок. Мутесарриф Мосула пытался сдержать его, убеждая, что защита границы — прерогатива только правительства. Тем не менее попытки преследования турецкими войсками курдов на территории Ирака и защита последних бойцами Барзани продолжались¹⁸².

Турецкие власти через шейха Ахмеда предложили вождям курдских беженцев возвратиться в Турцию на условиях полного прощения. Но последние уже успели втянуться в антиправительственную борьбу

иракских курдов и стали объектом пристального внимания иракского правительства, потребовавшего от шейха Ахмеда Барзани их выдачи. Ему не оставалось ничего иного, как попросить курдских беженцев (всего до 1500 семейств) покинуть его владения¹⁸³.

Впрочем, вряд ли они спешили это исполнить, тем более что турки смогли установить с ними контакты, снабжали их оружием, различным снаряжением и деньгами, имея намерение использовать их в интересах своей политики в Ираке, в частности для давления на того же Ахмеда Барзани, что последнему сильно не понравилось¹⁸⁴.

Итак, несмотря на временное замирение, ситуация на турецко-иракской границе была неустойчивой. Это стало ее хроническим состоянием, ибо она определялась главным образом курдскими движениями на смежных территориях Турции и Ирака, где возникла зона постоянной нестабильности.

Глава IV

ОТСТУПЛЕНИЕ

В начале 30-х годов XX в. обозначился спад курдского национального движения. Восстания в Турции, Иране и Ираке потерпели поражение, а в Сирии курдское движение так и не успело набрать обороты. Перспектива даже частичного осуществления права курдов на самоопределение становилась все более отдаленной. О внутренних и внешних причинах этого частично уже говорилось. Напомним, что первые заключались прежде всего в слабости курдского национализма, оказавшегося неспособным добиться эффективного результата. Вторые определялись неблагоприятной для курдов международной обстановкой, в значительной мере диктовавшейся ближневосточной политикой Великобритании и Франции. Национальное самоопределение курдов было для этих стран абсолютно неприемлемо в основном из-за геополитических соображений. Советский Союз по ряду причин также не выступил в защиту курдов, несмотря на официально провозглашенный коммунистами лозунг национального самоопределения «вплоть до отделения». В результате, оказавшись без серьезных союзников, курдское национальное движение не имело никаких шансов на успех.

Сами курды, однако, не смирились с поражениями. Их борьба до конца 30-х годов протекала в условиях некоторой стабилизации правящих режимов в странах, разделивших Курдистан, и появления новых геополитических факторов, вызванных приближением военной грозы в Европе и во всем мире.

Арьергардные бои в Иракском Курдистане

Предпоследний британский Верховный комиссар в Ираке сэр Генри Доббс, выступая на заседании Королевского имперского общества 15 февраля 1933 г. с докладом, который назывался «Британская деятельность в Ираке и перспективы нового государства», произнес пророческие слова: «Курдский вопрос кажется почти

неразрешимым». Свой пессимизм он объяснял отсутствием ясной курдской политики у Ирака, Турции и Персии, а также взаимодействия между этими странами по курдскому вопросу. «Боюсь, что теперь слишком поздно, — посетовал сэр Генри, — курды будут подниматься, и иракская армия вряд ли справится с ними». Присутствовавший на этом заседании иракский посол в Великобритании Джафар-паша пытался развеять мрачные предчувствия Г.Доббса и уверял публику в способности правительства Ирака наладить отношения между различными «расами» в своей стране, особенно между арабами и курдами. «Я думаю, что курды в Ираке будут так же удовлетворены, как шотландцы в этой стране», — воскликнул он, но вряд ли кого-либо убедил¹.

Реальная ситуация в Иракском Курдистане отнюдь не соответствовала оптимизму посла. Подавляющее большинство иракских курдов враждебно восприняли ситуацию, возникшую в стране после обретения ею «независимости». В сущности, они были так же далеки от реализации своих национальных целей, как и после Первой мировой войны. В то же время политическое и социальное развитие курдского населения Ирака к началу 30-х годов сделало известный шаг вперед. Сказались опыт многолетней и фактически непрерывной освободительной борьбы и успехи капиталистического развития Ирака под британской опекой. Знаток национального вопроса в Ираке А.Хаурани отмечал, что племенные чувства у иракских курдов (которые частично арабизируются) раньше были выражены сильнее, чем национальные, и что теперь курды, которые «никогда не образовывали нацию и более того — национальное государство», испытывают влияние объединяющих факторов. К последним он относил рост курдского городского населения и появление курдской буржуазии, вытеснявшей еврейскую и христианскую и утрачивавшей племенные идеалы, на смену которым приходили национальные. К числу объединяющих факторов принадлежало и появление курдской интеллигенции, в значительной мере европеизированной. А.Хаурани указывал и на положительное влияние на иракских курдов либеральной политики Франции в курдском вопросе в Сирии, а также советской политики по отношению к «курдской автономии на Кавказе»².

Таким образом, в 30-е годы в Иракском Курдистане существовали условия для продолжения национальной борьбы. Надежды Багдада и Лондона на то, что с поражением шейха Ахмеда Барзани с курдскими волнениями надолго покончено, развеялись довольно скоро. Правительство объявило амнистию участникам восстания, но ею воспользовались далеко не все повстанцы. Правда, братья шейха Ахмеда Барзани, Мухаммед Садык и Молла Мустафа с сотней своих ближайших соратников сдались властям и разошлись по домам, да и сам шейх Ахмед, отпущенный из Турции и поселившийся в Багдаде, также изъ-

явил свою лояльность Багдаду³. Однако многие курдские бойцы сопротивления не сложили оружие и ушли в горы, откуда в течение долгого времени совершали партизанские вылазки, продолжив многовековую курдскую традицию партизанской войны. Среди них особенно большую известность приобрел шейх Халил Хошави, предводитель отряда барзанцев.

Долгое время Халил Хошави, установивший тесные связи с шейхом Ахмедом Барзани, избегал крупных операций. В августе 1935 г., накопив силы, он перешел к активным действиям, развернувшимся на турецко-иракской границе. Центром восстания был Зибар. Правительство Ирака объявило Халила Хошави, как водится, «бандитом» и бросило на подавление восстания значительные военно-полицейские соединения, которым оказали поддержку британские ВВС. Против повстанцев выступили и турецкие войска. В ходе карательной операции по преследованию партизан происходили многократные пересечения границы иракскими войсками в северном направлении, а турецкими — в южном. Причем это были не конфликтные, как прежде, а солидарные действия, поскольку и Ирак, и Турция (а за кулисами и Англия) равно были заинтересованы в скорейшей ликвидации продолжавшей угрожать им «курдской опасности». На стороне карателей был многократный перевес сил, курдские повстанцы были окружены, и в марте 1936 г. восстание было окончательно подавлено. Десятки повстанцев были заключены в тюрьмы или сосланы на юг Ирака, а сам шейх Халил Хошави казнен⁴.

Восстание Халила Хошави имело локальный характер и, несмотря на стойкость и самоотверженность барзанских повстанцев, не оказало существенного влияния на общую ситуацию в Иракском Курдистане. То же самое можно сказать о вспыхнувшем почти синхронно осенью 1935 г. восстании курдов-езидов в Джебель-Синджаре во главе с Даудом ад-Даудом, давним противником багдадского режима. Предлогом для выступления езидов послужила попытка распространить на них воинскую повинность, что было чуждо их традициям и религиозным убеждениям. В действительности подлинной причиной возмущения были сохранявшаяся нищета и произвол властей, которому всегда подвергались езиды как в Ираке, так и в некоторых других мусульманских странах. Сопротивление езидов продолжалось до конца 1935 г., когда они потерпели решительное поражение от намного превосходящих их правительственных войск. Несколько сот повстанцев, в том числе Рашо Колос, ближайший сторонник Дауда ад-Дауда, были захвачены в плен. Расправа с повстанцами-езидами была беспощадной, но приговоренному к смертной казни раненому Дауду ад-Дауду удалось скрыться в Сирии⁵.

После этого вооруженные конфликты в Южном Курдистане на несколько лет прекратились. Силы курдских повстанцев иссякли, их

боевой дух заметно упал, они были уже не в состоянии решиться на какие-либо активные выступления. Поражение курдского национального движения в Ираке было, однако, не абсолютным, а относительным и временным. Сам по себе курдский вопрос в стране отнюдь не был изжит или даже заметно смягчен. Напротив, отказ правящих кругов Ирака и стоящих за ними британцев хотя бы частично пойти навстречу справедливым национальным требованиям курдского меньшинства способствовал переходу его в постоянный фактор, самым негативным образом воздействовавший на состояние иракского общества, на политическое и социальное развитие страны.

Между тем постмандатный период в новейшей истории Ирака сопровождался почти непрерывной цепью внутренних кризисов, значительная часть которых прямо или косвенно была связана с ситуацией в Южном Курдистане и вокруг него. Первый из них ознаменовался кровавой провокацией, устроенной Лондоном и Багдадом против ассирийцев, активно выступивших в защиту своих национальных прав. 50 тыс. иракских ассирийцев (в том числе 10 тыс., состоявших в военных формированиях «леви»), как уже говорилось, враз оказались нежелательными резидентами в стране: надобность в их услугах отпала, поскольку охранные функции возлагались теперь уже на иракскую регулярную армию и полицию, находившиеся под командованием воспитанных и обученных англичанами офицеров. С ассирийцами, расселенными по всему Северному Ираку, надо было что-то делать. Они не остались безучастными к политическим переменам в стране и настойчиво требовали юридического признания за ними статуса меньшинства (*minority*), предполагавшего предоставление им известной доли самоопределения в виде культурно-национальной автономии или чего-либо близкого к этому. Ассирийский вопрос обсуждался в комиссии Лиги Наций по мандатам; была сформирована ассирийская делегация в Европе во главе с неким «принцем» Камбаром, которая добивалась от Лиги Наций создания ассирийской автономии в Ираке. Правда, эти хлопоты никаких результатов не принесли, но резонанс среди ассирийцев получился немалый.

Все это внушало большие опасения арабским шовинистам в Багдаде, руководимым из Лондона⁶. Волнения среди воинственных ассирийцев, мужская часть которых была поголовно вооружена в свое время самими англичанами, грозили существенно осложнить обстановку в одном из самых взрывоопасных районов Ирака, к тому же весьма уязвимом в геополитическом отношении. Здесь можно было бы ожидать новой вспышки курдского восстания после поражения шейха Ахмеда Барзани, что и произошло чуть позже, когда выступил Халил Хошави. Словом, в начале 1933 г. Лондон и Багдад пришли к солидарному мнению о необходимости избавиться от ассирийцев в Ираке.

Это было сделано самым коварным, провокационным и бесчеловечным способом. Не вдаваясь в детали, подробно изложенные и проанализированные в литературе, следует назвать первопричину и ближайшие последствия острейшего кризиса, разразившегося в Ираке летом 1933 г. в связи с резким обострением ассирийского вопроса, затронувшего и другие народы страны, в том числе курдов.

Особо следует отметить двусмысленную и провокационную роль Франции, которая, не желая аннулирования английского мандата в Ираке, что могло привести и к крушению ее мандата в Сирии, с одной стороны, настраивала ассирийцев против багдадских властей, с другой — враждебно относилась к движению национальных меньшинств на Ближнем Востоке⁷. Между Англией и Францией весной и в начале лета 1933 г. было заключено соглашение насчет иракских ассирийцев-несториан, согласно которому эти вечные скитальцы должны были в очередной раз (третий с 1915 г.) сменить страну обитания и переселиться в Сирию. Соглашаясь на это переселение, Париж преследовал свои интересы: воинственные ассирийцы призваны были служить противовесом арабскому и курдскому национальным движениям в Сирии, т.е. играть такую же роль, в которой они выступали в подмандатном Ираке. Однако французские власти в Сирии вскоре дали обратный ход, отказавшись принять уже вышедших к сирийской границе (по р. Тигр) ассирийских переселенцев.

Трудно сказать, по какой причине французы так поступили: на этот счет нет никаких прямых или косвенных свидетельств. Вернее всего предположить, что на Францию было оказано сильное давление со стороны Англии. Не исключена и самодеятельность французских мандатных властей, опасавшихся появления на сирийской территории беспокойного ассирийского элемента. Как бы то ни было, попытка ассирийцев, среди которых были боевые дружины бывших «леви», прорваться обратно на иракскую территорию вызвала отпор заранее стянутых к границе иракских правительственных войск. В результате был спровоцирован вооруженный конфликт между ассирийцами и иракской армией, который быстро перерос в кровавый погром всего ассирийского населения Северного Ирака, осуществленный военно-карательными силами багдадского правительства при участии некоторых арабских и курдских племен. В результате с ассирийцами-несторианами как относительно единой этнической общностью Ирака было фактически покончено, уцелевшие были обречены на дисперсное проживание, небольшое количество ассирийцев-несториан все же просочились в Сирию и другие сопредельные страны. Это был подлинный геноцид немногочисленного народа древней культуры, внесшего заметный вклад в историю и цивилизацию Западной Азии⁸.



Рис. 1. Шейх Махмуд Барзанджи (сидит слева) и его бойцы

Иллюстрации на вкладке воспроизводятся по изданиям:
рис. 1–7, 10 — Meiselas S. Kurdistan in the Shadow of History. N.Y., 1997;
рис. 8 — История Курдистана. М., 1999;
рис. 9 — Arfa H. Under Five Shahs. L., 1964



Рис. 2. Симко в Сулеймании

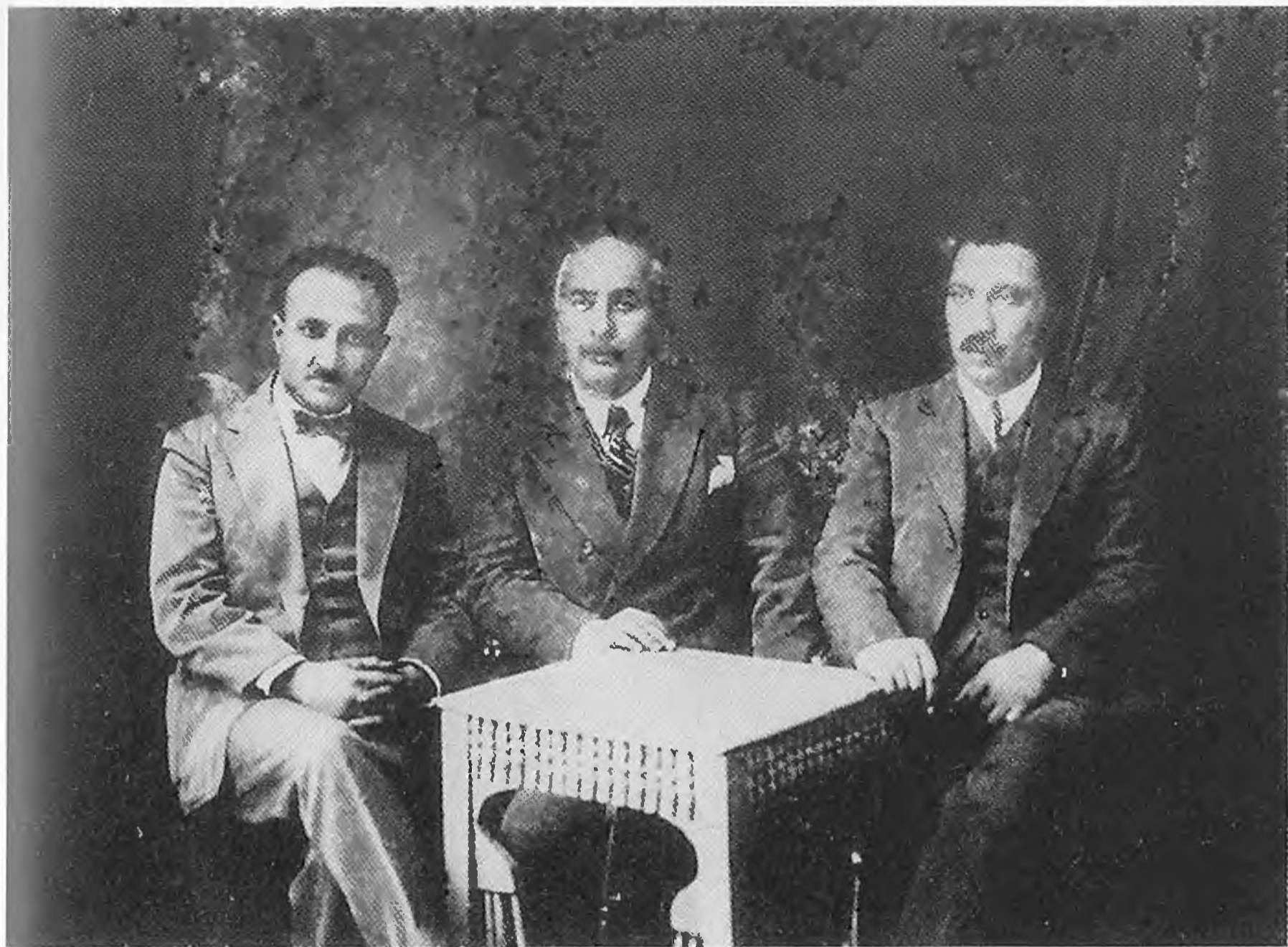


Рис. 3. Камран, Сурейя и Джеладет Бадрханы



Рис. 4. Вожди племени хормек — Карерли Мехмет-эфенди (слева) и Бертал Юртсевер (справа), шейх алеви из Малатьи — Доган Деде (в центре)



Рис. 5. Хаджи Тауфик (Пирамерд), курдский поэт и журналист



Рис. 6. Шейх Абдул Кадыр и Хапса Хан



Рис. 7. Кази Мохаммед в своем офисе



Рис. 8. Генерал Мустафа Барзани



*Рис. 9. Ататюрк (второй слева) и Реза-шах (справа)
во время встречи в Анкаре (1934)*



Рис. 10. Ядо-бей и Адо-ага — курдские командиры (Харпутский фронт)

Досталось не только ассирийцам-несториянам, составлявшим подавляющее большинство ассирийского народа. Жертвами резни стали ассирийцы яковиты и униаты — ассиро-халдейцы (сиро-халдеи), сравнительно немногочисленные и не принимавшие заметного участия в ассирийском национальном движении. Те из них, которым удалось спастись (по официальным данным, 4300 человек), бежали в основном в Сирию, главным образом в Джазиру, частично нелегально, частично благодаря попустительству французских властей, одно время благоволивших планам создания на границе с Турцией автономной христианской области (что вызывало тревогу «Хойбуна»), предназначенной стать буфером между сирийскими и турецкими курдами⁹. Но этим планам не суждено было осуществиться. В Сирии, как и в Ираке, ассирийцам всех конфессий не удалось получить право на полноценную национальную жизнь.

Таким бесчеловечным способом «решали» ассирийский вопрос в только что обретшем независимость Ираке. Непосредственными организаторами погромов были правящие круги страны, видевшие в разжигании этнического и религиозного шовинизма средство для сохранения и укрепления своего режима. Ассирийцы для этой цели были весьма удобной мишенью, позволявшей, во-первых, привлечь на сторону правительства арабских националистов, не простивших ассирийским «леви» участия в подавлении восстания 1920 г. и других выступлений, во-вторых, ослабить и дискредитировать курдское движение, натравливая курдов-мусульман на ассирийцев-христиан. Иными словами, погромы были направлены на подрыв позиций патриотических и демократических кругов и среди арабов, и среди курдов.

В Багдаде курдам отводили особую и двойную роль в операции по расправе с ассирийцами. Во-первых, на них пытались свалить основную вину за зверства, чинимые над ассирийским населением, с тем чтобы обелить иракское правительство и представить курдов в глазах мирового общественного мнения бандами разбойников и убийц. Эта попытка полностью провалилась. Все источники и свидетельства, в том числе и английского происхождения, неопровержимо доказывают, что погромы производились преимущественно силами иракской регулярной армии и жандармерии, отчасти также отрядами арабских племен (шаммар и др.), а курды участвовали лишь в единичных акциях¹⁰. Недаром иракская и английская печать организовали вокруг ассирийских погромов в Ираке летом 1933 г. нечто вроде заговора молчания, публикуя лишь немногие краткие и отрывочные сообщения.

Во-вторых, багдадские власти хотели использовать курдов против ассирийцев и напрямую, взяв себе в сообщники по карательным мероприятиям представителей курдской верхушки. Правительственными войсками, проводившими операцию против ассирийцев, командовал

генерал Бакр Сидки-бей, произведенный за этот «подвиг» в паши. Всячески афишировалось его курдское происхождение, хотя некоторые авторы это отрицают. При генерале, игравшем затем видную роль в политической жизни страны, был образован так называемый «комитет четырех» (Мухаммед Али Джавад, Али Галиб, Джамаль Джамиль и Мустафа Али), который «включал как арабские, так и курдские элементы» и предлагал объединить арабов и курдов в «сильную арабскую нацию». Однако между арабскими и курдскими националистами сохранялось сильное недоверие, и достигнуть политического альянса, конечно, не удалось. Немногочисленные курдские коллаборационисты в иракской политической элите погоды не делали¹¹.

Англия несла полную политическую и моральную ответственность за резкое обострение ассирийского вопроса в Ираке в середине 1933 г. Сам план переселения ассирийцев в Сирию был явно английского происхождения, ибо только Лондон мог вести ответственные переговоры с французскими властями в подмандатной стране. В сфере внешней (а в значительной степени и внутренней) политики дееспособность «независимого» Ирака была ограничена англо-иракским договором 1930 г. К трагедии ассирийцев была причастна и Франция, пытавшаяся использовать ассирийский вопрос в своих колониалистских интересах.

Итак, древнейшему народу, стоявшему у истоков мировой цивилизации, самым циничным и кровавым способом указали на тщетность его надежд добиться самоопределения. Как писал английский журнал, «автономия Ассирии... вне практической политики». Помещенные в этом журнале материалы по ассирийскому вопросу были выдержаны в весьма недоброжелательном тоне по отношению к ассирийцам. Если ассирийцы хотят получить покровительство и помощь Англии, назидательно говорилось в нем, они должны стать «лояльными и законопослушными гражданами нового иракского государства», а кто этого не хочет, тот должен покинуть страну¹². Вот такой циничный совет получили ассирийцы от своего прежнего покровителя, предавшего их в трудный час.

Следует подчеркнуть, что локальный по геополитическим меркам ассирийский кризис имел широкий международный резонанс, негативно отразившись не только на самих ассирийцах, но и на других его прямых и косвенных участниках. Прежде всего, была поставлена под сомнение способность суверенного Ирака решать насущные внутренние проблемы, в том числе важнейшую из них — национальную. Далее, серьезный ущерб на международной и ближневосточной арене был причинен престижу Великобритании, чей сателлит — Ирак, не успев получить из рук англичан независимость, стал вести себя по отношению к своим подданным столь варварским образом. Незавидно

выглядела Франция со своими беспринципными маневрами по отношению к ассирийским переселенцам. Осложнилось и положение курдов, лишившихся в лице ассирийцев потенциальных союзников в постоянном противостоянии правительственным военно-карательным силам.

Однако отрицательные последствия ассирийского кризиса для втянутых в него сторон (кроме самих ассирийцев) сказались не сразу. Багдад (открыто) и Лондон (скрытно), казалось, могли праздновать победу. Устранение ассирийской опасности помогло стабилизировать обстановку в одном из самых уязвимых изнутри и извне районов Ирака. Иракская армия доказала свою пригодность по крайней мере как карательная сила. Военно-политические позиции Англии в Ираке, подтвержденные договором 1930 г., были сохранены. Курдское движение пока активно себя не проявляло, а отдельные его вспышки без особого труда подавлялись.

Тем не менее Иракский Курдистан продолжал оставаться для Англии остроконфликтным регионом, откуда всегда можно было ожидать угрозы для британских имперских интересов. Ни в Лондоне, ни в Багдаде не строили иллюзий в отношении временного успокоения курдов и готовились к любым неожиданностям, которые не заставили себя ждать. Тревожные ожидания подогревались беспокойной обстановкой, сложившейся в иракских верхах вскоре после отмены мандата, когда различные политические группировки вступили в острую борьбу за власть. Один кабинет сменял другой, произошло несколько государственных переворотов. Нестабильность стала нормой политической жизни Ирака¹³. Важной составной частью этой нестабильности была и нерешенная курдская проблема.

С этим приходилось считаться Лондону в своих взаимоотношениях с Багдадом во второй половине 30-х годов. Советский автор того времени так характеризовал политику британцев в Ираке: «Английские империалисты преследовали цель, во-первых, напомнить иракскому правительству о существовании грозных курдов, чтобы этим влиять на него, и, во-вторых, доказать, что иракская армия неспособна справиться с таким восстанием и поэтому необходимо вмешательство Англии» (такое вмешательство, напомним, предусматривалось договором 1930 г.). Этот автор цитировал авторитетный британский востоковедный журнал «Journal of Royal Central Asian Society» (1933, № VII): «А что случится, если Багдад не в состоянии будет справиться с внутренними неурядицами и в результате английские коммуникации окажутся под угрозой? Едва ли можно предположить, что Англия потерпит угрозу в отношении своих коммуникаций с Востоком». Тот же журнал похвалялся, что за последние два года с помощью британских военно-воздушных сил были низложены два курдских вождя (очевидно, Махмуд Барзанджи и Ахмед Барзани)¹⁴.

Итак, несмотря на относительное затишье в Иракском Курдистане после подавления восстаний Халила Хошави и езидов, Лондон и его представители в Ираке продолжали внимательно и с немалой тревогой следить за ситуацией в этом важном регионе британских стратегических интересов. Характерное обсуждение состоялось в Королевском центральноазиатском обществе 3 апреля 1935 г. Линдфильд Сон, вдова крупного английского разведчика и знатока курдов майора Сона, в докладе «Путешествие в Курдистан» назвала Равандузскую дорогу «единственным реальным достижением прогресса, привнесенным правительством в Южный Курдистан». Выходит, других достойных упоминания достижений не было! Известный востоковед Перси Сайкс выступил на этом заседании с таким откровением: авиабомбежки курдских деревень — «самый гуманный способ обращения с преступниками, потому что они не убивают женщин и детей, но разрушают дома, делая таким образом невозможной нормальную жизнь». Надо сказать, что цинизм Сайкса вызвал протесты аудитории¹⁵.

Внутриполитическое положение в Ираке резко обострилось вследствие военного переворота 29 октября 1936 г., организованного начальником генерального штаба Бакром Сидки, и последовавшего вскоре (11 августа 1937 г.) убийства последнего вместе с командующим ВВС Мухаммедом Али Джавадом. Кризис в развитии страны продолжался вплоть до Второй мировой войны¹⁶. В Великобритании этими событиями были крайне встревожены еще и потому, что ждали нового взрыва в Курдистане, тем более что подозреваемого в «курдизме» (без особых оснований) Бакра Сидки уже не было. Говорили об угрозе военного переворота в Мосуле и о возможном вмешательстве Германии — ведь Бакр Сидки был женат на немке, подозреваемой в связях с Вильгельмштрассе (местонахождение германского МИДа в Берлине) и с гестапо.

Известные основания для такого рода утверждений были. Согласно недавно обнаруженным архивным материалам, переворот 1936 г. был совершен с ведома Германии. Германский посланник в Багдаде Фриц Гробба сообщал, что Бакр Сидки в связи с ожидавшимся нападением Ирана и для создания «независимого Курдистана» запросил у Германии в качестве военной помощи 18 зенитных орудий, 4 млн. германских марок, присылки германских военных экспертов под видом геологов. В числе последних предполагалось командировать в Ирак полковника генштаба Р.Хайнса (R.Heins)¹⁷.

Думается, что для подтверждения этих сведений требуется привлечение более широкого круга источников и литературы. Для гитлеровской дипломатии, как известно, было характерно беззастенчивое применение всякого рода авантюрных и провокационных методов. В данном случае, вероятно, речь может идти скорее о намерениях, нежели

о конкретных действиях. Однако несомненно, что внутривосточные перетасовки в Ираке давали широкие возможности для вмешательства всякого рода посторонних сил. В наступившем кризисе, писали в Англии, налицо «все элементы большой партии, которая разыгрывается на Среднем Востоке: панарабское движение, турки, курды, раздел Палестины и, естественно, также англичане». «В этой драме», отмечалось далее, несомненно, присутствует и курдский вопрос, хотя никаких доказательств, кроме курдского происхождения Бакра Сидки, нет. Во всяком случае, за пять лет после отмены мандата в Ираке шесть раз объявлялась мобилизация в связи с возможными выступлениями курдов¹⁸.

После 1935 г. крупных выступлений курдов не было, но Южный Курдистан по-прежнему представлял собой только временно потухший вулкан, каждый день готовый к извержению. Ожидая этого, Багдад и Лондон пытались принять предупредительные меры. В начале 1937 г. иракское правительство хотело ограничить некоторые традиционные вольности курдских племен, но из-за возникших в связи с этим волнений отказалось от своего намерения¹⁹. Был даже проект устройства в горах Курдистана летней столицы Ирака (так сказать, иракской Симлы), с тем чтобы теснее связать курдскую часть страны с арабской, подчеркнуть, что Курдистан «все же интегральная часть Ирака», и разработать планы экономического развития курдских земель, которые «остаются примитивной страной»²⁰. Особое внимание Багдад уделял управлению районом между Сулейманией и иранской границей, постоянным источником волнений с участием курдских племен. Туда совершил специальную поездку в сентябре 1938 г. премьер-министр Джамиль аль-Мадфай. Наряду с основанием полицейских и военных постов, проводкой телеграфных линий и т.п. власти старались наладить отношения с такими влиятельными курдскими вождями племен пишдер, как Аббас-ага и Бабакр-ага, которые враждовали между собой, но при этом реально контролировали ситуацию в беспокойном ирано-иракском пограничье²¹.

Итак, за 20 лет, прошедших после окончания Первой мировой войны, в решении курдской проблемы в Ираке не произошло сколько-нибудь заметных сдвигов, что делало неизбежными новые внутренние и международные конфликты в этом регионе.

Выступления курдов Сирии

Сирийские курды на арену самостоятельной политической борьбы вышли позже своих турецких, иракских и иранских соплеменников. В 20-е годы о них говорили главным образом в связи с инцидентами на турецко-сирийской границе, которую, как

другим данным — до 50 тыс.), жандармерия и полиция. Многие курдские вожди были схвачены и высланы в Анкару. Турецкие войска заняли все входы и выходы из ущелий. Широко использовалась авиация (отличилась летчица Сабиха Гёкчен, приемная дочь Ататюрка)⁴⁶.

Продолжавшиеся до сентября 1937 г. бои долго не давали преимущества ни одной из сторон. Курды, неся большие потери, оказывали стойкое сопротивление. Только пленив 5 сентября обманным путем Сеида Резу, власти смогли добиться перелома в войне. Однако их победа в летне-осенний сезон 1937 г. (зимой в горах боевые действия практически невозможны) была неокончательной.

10 ноября того же года в Элязыге состоялся суд над Сеидом Резой и его соратниками. 15 ноября по приговору суда семь (по курдским источникам, 11) курдских вождей, в том числе и Сеид Реза, были повешены, четверо подсудимых были приговорены к тюремному заключению на 30 лет, 33 — к другим срокам, 14 — оправданы⁴⁷. Обезглавив руководство восстания дерсимских курдов, турецкие власти не искоренили его причины, что делало неизбежным рецидив. Он и произошел в следующем, 1938 году, когда возобновились массовые нападения курдских отрядов на турецкие гарнизоны. Операции подразделений 3-й турецкой армии против курдских повстанцев Дерсима (вилайет Тунджели и сопредельные районы) продолжались до поздней осени 1938 г. Однако партизанские вылазки в горах происходили и позже. Только в середине 1939 г., по признанию министра внутренних дел Турции Фаиза Езтрака, там было собрано около 16 тыс. единиц различного оружия, в том числе и современного⁴⁸.

Итак, третье крупное курдское восстание в Турции в период между окончанием Первой мировой войны и началом Второй мировой войны было подавлено. Жертвы курдов были огромными (по разным данным, погибло от 40 до 70 тыс. человек)⁴⁹, Дерсим лежал в развалинах. 10 лет спустя редактор газеты «Сон поста» Осман Мете, посетив Дерсим, отмечал, что правительство не обращает никакого внимания на этот край; там можно встретить только сборщиков налогов и жандармов. Курдский автор Нури Дерсими в своей книге «Дерсим в истории Курдистана» писал: «Здесь нет ни промышленности, ни сельского хозяйства, ни торговли... ни врача, народ не знает слова „медицина“. Здесь нет дорог, соединяющих деревни»⁵⁰.

Хотя дерсимское восстание имело локальное распространение, оно вызвало широкие отклики и в курдской среде, и в Турции, и за рубежом. Среди иранских курдов были отмечены массовые протесты, сопровождавшиеся обвинениями турецких карателей в применении отравляющих газов. Протестовали и сирийские курды, предпринявшие неудачную попытку оказать помощь дерсимским повстанцам⁵¹. Влиятельные курдские «нотабли» из Киркука Имам Касым и Исмаил Хак-

кы обратились к западным державам и к иракскому правительству с просьбой выступить в защиту курдов Дерсима и образовать нейтральную комиссию для расследования зверств, чинимых там⁵².

Официальные круги Турции, правительство, парламент, официозная пресса единодушно характеризовали дерсимское восстание как реакционное выступление полудиких племен под руководством дербеев, ага и шейхов, направленное против прогрессивных реформ, которые имели целью приобщить курдов к благам цивилизации и культуры. Одновременно, вступая в явное противоречие с предыдущими утверждениями, власти и их пропагандистский аппарат старались преуменьшить размах этого восстания, представляя его в виде разрозненных вылазок бандитских шаяк, ликвидация которых не более чем полицейская операция⁵³. Наконец, в Турции применялся и такой излюбленный прием политической дискредитации курдского движения, как изображение его в виде агентурного, инспирируемого и поддерживаемого внешними силами. На этот раз роль таких сил предназначалась не англичанам (окончательно устаревший жупел турецкой пропаганды), а русским («Советы»).

Советская тема прозвучала отнюдь не случайно. Новые времена, новые песни... Именно в это время Турция начала отходить от курса на сохранение дружественных отношений с СССР и склоняться к политике балансирования между державами фашистской «оси» и англо-французским блоком. При этом германская и итальянская пропаганда воспользовалась удобным случаем, чтобы обвинить Москву в разжигании в Турции курдского сепаратизма, а турецкая пресса охотно подхватила эти нелепые измышления. Итальянцы писали, что «русское оружие и деньги» сыграли важную роль в восстании дерсимских курдов⁵⁴. А вот цитата из геббельсовского официоза «Фёлькишер беобахтер» (19 июня 1937 г.): «Курдское восстание инициировано Москвой... Это восстание задолго уже подготовлялось московскими агентами с целью создать затруднения для Турции. Причину этого следует искать в особенности в курсе турецкой политики по отношению к Москве, каковой курс, как это подчеркивают Советы со времени Монтрёской конференции, не соответствует интересам Советского Союза. Советы помогли главарям восстания бежать на территорию Советского Союза»⁵⁵. Слухи о поддержке Советским Союзом повстанцев в Дерсиме деньгами и оружием проникли и на страницы французской и английской прессы с явной целью склонить Турцию и Иран к сотрудничеству против курдского движения⁵⁶.

Версия о причастности СССР к восстанию в Дерсиме, как и ко всем предыдущим курдским движениям в Турции или в Иране, лишена всякого правдоподобия по указанным выше причинам. Несмотря на действительно наметившуюся в середине 30-х годов тенденцию к ох-

лаждению советско-турецких отношений⁵⁷, Москва по геополитическим мотивам всегда стремилась, как отмечалось, не участвовать в конфликтах на востоке Турции. И если этого не всегда удавалось избежать, то отнюдь не по вине советской стороны. Из советского посольства в Анкаре поступали сведения о недружественных действиях турецких властей в восточных вилайетах по отношению к советским гражданам, о препятствиях, чинимых советской торговле, и о многочисленных пограничных инцидентах, связанных с проникновением из Турции вооруженных лиц на советскую территорию. Но официальная Анкара открещивалась от подобных действий и даже осуждала за них провинциальные власти⁵⁸.

Показателен такой дипломатический эпизод. 23 декабря 1934 г. турецкое посольство направило в НКВД ноту по поводу состоявшейся еще в июле этого года в Ереване конференции курдологов СССР. О содержании ноты дает представление ответ наркома М.М.Литвинова, направленный турецкому послу Васыфу Чинару 2 января 1935 г. В Ереване, писал Литвинов, происходил не конгресс курдов с политическими целями, как указано в ноте, а научная конференция курдологов. На ней не затрагивались политические проблемы и не было выступлений по поводу «курдской независимости». Не было «ни малейшего намека, касающегося турецких курдов или Турецкой республики». На июль 1935 г., подчеркнул нарком, намечена курдологическая конференция в Баку с аналогичными целями⁵⁹.

Обвинения СССР в подстрекательстве курдов ввиду их бездоказательности были скептически встречены даже частью турецкой прессы, в своем большинстве склонной следовать официальной линии. Например, газета «Курун» в статье под названием «Анкара — Эривань», посвященной советско-турецкой дружбе и критикующей тех, кто желает видеть только «черное пятно» в отношениях с Арменией, писала 21 июля 1935 г. о статье в парижской «Тан»: «Описаны усилия, развивавшиеся правительством в Эривани, в целях создания курдской нации на его границах и учреждения в Эривани курдской школы. Все ли это ложь? Если это ложь, почему ее до сих пор не опровергли?»⁶⁰.

Как бы то ни было, фактов, свидетельствующих о «руке Москвы» в Дерсимском восстании, не обнаружено. Косвенным доказательством незаинтересованности СССР в этом событии служит почти полное молчание советской прессы о нем. Одно из немногих упоминаний, да и то постфактум, — в неоднократно цитированной работе Д.С.Завриева, и сделано это в типичном для советских исследователей того времени стиле, отражавшем отношение официальной Москвы к курдскому вопросу: «Курдские восстания, возглавляемые шейхами и используемые империалистами с целью ослабления антиимпериалистических сил (и поэтому объективно реакционные), являются одновременно

выражением протеста курдских масс против политики турецких националистов в курдских районах — политики национального угнетения, эксплуатации и отуречивания крупнейшего национального меньшинства в Турции»⁶¹. Ясно, что такой идейно-политический подход исключал какое-либо советское вмешательство в пользу турецких курдов.

Восстание турецких курдов во второй половине 30-х годов привлекло к себе определенное внимание на Западе, в первую очередь в Великобритании. Однако реакция эта была, в отличие от прежних времен, не столь оживленной и, можно сказать, несколько отстраненной; большой заинтересованности в этом событии не наблюдалось. Укреплению отношений с Анкарой западные демократии придавали гораздо больше значения, чем попыткам использовать курдское движение, как это было совсем недавно.

Например, «Нир Ист энд Индиа» посвятил восстанию всего три небольшие публикации. Его причину журнал усматривал в недовольстве курдов реформами кемалистского режима и желании сохранить племенной строй и феодальные порядки. Описывая жесткую и непримиримую реакцию турецкого правительства на выступление курдов Дерсима, одна из публикаций журнала под названием «Волнения в Восточной Турции» особенность нынешнего восстания видела в том, что турки не выдвигают обвинения в иностранном подстрекательстве. Иначе говоря, газетная шумиха, поднятая было второразрядной турецкой и отчасти западной прессой по поводу «руки Москвы» и т.п., серьезными аналитиками цитируемого журнала вовсе игнорировалась. Корень же конфликта усматривался в столкновении турецкого «прогресса» и курдской «реакции». «Старый порядок не может сосуществовать с новым... Курдская проблема для Турции не такая, какая она была в оттоманскую эпоху», говорилось в статье, и далее назывались причины этого: 1) Анкара ближе к месту волнений, чем Константинополь; 2) кемалисты не имеют времени, которое было у оттоманов, власти хотят провести реформы в течение жизни одного поколения. В следующей публикации перечисляются те мероприятия и реформы, против которых сражались курды: конфискация государством собственности племен, строительство дорог, мостов, школ и полицейских участков, реформа административного деления страны, конфискация оружия у племен и введение новой налоговой системы. После проведения новых коммуникаций с курдами будет покончено, заключает последняя перед началом Второй мировой войны публикация журнала по курдскому вопросу⁶².

Отклик влиятельного английского журнала на восстание турецких курдов весьма показателен. Во-первых, в нем, в отличие от реакции на предыдущие курдские восстания, нет и намека на какую-либо заинтересованность Великобритании или других европейских держав в курд-

ском вопросе. Во-вторых, очередной вооруженный конфликт в Восточной Анатолии освещается исключительно как противостояние прогрессивной и модернизирующейся Анкары с консервативными феодально-клерикальными восточными вилайетами; сочувствие Европы, конечно, на стороне первой. Такая реакция на курдские восстания парадоксально схожа с подходом тогдашних советских востоковедов, с той лишь довольно существенной разницей, что у последних почти всегда звучала критика в адрес турецких и иных шовинистов. Западные же аналитики, ориентируясь на предвоенную политику своих правительств, заинтересованных в привлечении на свою сторону ближневосточных государств, стали от нее воздерживаться. Таким образом, создавались объективные предпосылки для сближения на антикурдской основе между Лондоном и Парижем, с одной стороны, и Анкарой, Тегераном и Багдадом — с другой.

Иранский Курдистан: курс на ассимиляцию

Обзор положения в Курдистане в 30-е годы XX в. показывает, что во всех его частях продолжалась борьба курдов за свои национальные права, против произвола и угнетения. И хотя курдское движение явно шло по нисходящей, оно по-прежнему оставалось важнейшим фактором внутренней и международной жизни этого региона. Сохраняло оно и свои специфические черты в каждой из частей Курдистана, порожденные различными условиями существования курдского этноса в социально-экономическом, политическом и международном отношениях в странах, куда входили эти части.

В Турции, как мы знаем, ситуация была наиболее напряженной: непреклонный ассимиляционный курс правящих кругов, основанный на полном отрицании курдской национальности и ее прав, беспощадном подавлении курдского движения, вызывал резкую ответную реакцию курдского населения, но сила была на стороне правительства. В Ираке и Сирии курды очутились меж двух огней — британских и французских колонизаторов и доморощенных националистов — и не смогли найти правильную тактику и стратегию в переходный период обретения этими странами формального суверенитета и возникновения новой угрозы со стороны Турции и держав «оси». Особенно сильно проявился упадок курдского сопротивления в Персии (с 1935 г. — Иран).

«Курдистанский поход» шахской армии нанес феодально-племенной системе иранских курдов, как и других меньшинств Западного Ирана, тяжелый удар. Она была серьезно ослаблена и уже никогда не смогла восстановиться в прежнем виде. Прежде всего, были подорваны военно-политические позиции племенной верхушки, которая не

смогла организовать эффективное сопротивление регулярной армии, не сумела выработать идейную платформу зрелого национализма, которую можно было бы противопоставить официальному государственному централизму с его шовинистической и ассимиляторской сущностью. Сказался и экономический упадок Иранского Курдистана, неизбежно наступивший вследствие постепенного вытеснения традиционного социально-экономического базиса современными капиталистическими отношениями в их несовершенных при общей отсталости страны формах. Болезненно переживались и последствия мирового экономического кризиса. По этим причинам в 30-е годы здесь было гораздо спокойнее⁶³.

Лишь в отдельных курдских районах Ирана в 1938–1939 гг. отмечены крестьянские бунты, спровоцированные произволом местных властей и подавленные с большой жестокостью. Наиболее крупным из них было вспыхнувшее в 1939 г. восстание курдов Сердешта, против которых были брошены регулярные части иранской армии. Террор, который обрушили карательные органы правительства на курдское население страны, был совершенно не адекватен размерам этих sporadических выступлений и рассчитан главным образом на его устрашение, носил, можно сказать, предупредительный характер. Посланный шахом на усмирение курдов генерал Ахмади расстрелял и повесил до 10 тыс. человек, многие были брошены в тюрьмы⁶⁴.

Немалые беспокойства причиняли Тегерану «близкие родственники» и соседи курдов — бахтиары и луры, продолжавшие сопротивляться насильственной дотрайбализации. Зимой и весной 1933–1934 гг. были произведены многочисленные аресты среди бахтиарской знати, препятствовавшей прокладке дорог через Бахтиарию. Непокойно было и в Лурестане, где происходили инциденты в связи с похищениями иностранцев и т.п.⁶⁵. В конце 1934 г. было подавлено восстание в Бахтиарии. Его руководители сердар Фатих Мохаммед Реза-хан, его брат Асад-хан и семь других вождей были казнены, четверо посажены в тюрьму⁶⁶. Летом 1936 г. некоторые лурские племена были переведены на оседлость и их принудили заниматься хлопководством; это сопровождалось прокладкой шоссейных и железных дорог⁶⁷.

Хотя конфликты между курдскими и родственными им племенами и правительством принимали порой опасный оборот, превосходство всегда оставалось за Тегераном, которому без особого труда удавалось подавлять раздробленные выступления этих племен.

Отмеченные слабости в той или иной степени были присущи курдским движениям и в других странах Ближнего Востока, однако борьба курдов, а также луров и бахтиар Ирана за свою национальную идентичность и вытекающее из нее самоопределение всегда встречала одно специфическое препятствие, широко используемое властями: этни-

ческое (в том числе и языковое) и генеалогическое их родство с персами. Данное обстоятельство способствовало идеологическому и политическому давлению властей на курдское население с целью его ассимиляции, с тем чтобы полностью перекрыть пути для этого и других неперсидских, но ираноязычных народов Ирана к самостоятельной национальной жизни, особенно в политической сфере. И этот курс правительство Реза-шаха проводило жестко и непреклонно.

Началось с осуществленных насильственным путем административных мероприятий. Наиболее «неблагонадежные» племена были выселены из пограничных районов и расселены по разным провинциям, некоторые из них были полностью или частично переведены на оседлость. В законодательном порядке меджлисом в 1931–1932 гг. были приняты постановления о дополнительных ассигнованиях на заселение Лурестана, о передаче укреплений и построек, приготовленных для переходящих на оседлость луров, в их собственность, о разрешении передачи государственных имений в Лурестане племенам, переходящим на оседлость, и ряд других⁶⁸. Конечно, совсем ликвидировать племенную систему государству было не под силу, да и социально-экономические условия для этого еще не созрели, но существенно потеснить ее удалось.

Параллельно было развернуто идеологическое наступление, главным оружием которого стала паниранистская пропаганда. Например, газета «Сетаре» в мае 1933 г. писала, что «курды и луры являются наиболее чистокровными иранцами». В газете «Шефаг» в то же время отмечалось: «Иранское правительство и основной закон Ирана не делают никаких различий между национальностями, языками, религией и племенами, входящими в состав государства. Кроме того, и сами они не желают носить иного имени, кроме почетного имени иранца... Курды, луры, белуджи и прочие... племена являются чистыми иранцами с единым языком, различающимся лишь диалектами, встречающимися в тех или иных провинциях Ирана». Депутат меджлиса Эсфендиари заявил: «Курды считают себя настоящими иранцами, питают большую привязанность к иранской земле, ни о чем другом не думают, кроме как об Иране. Все племена и роды Ирана считают себя иранцами, детьми одной семьи». В связи с обсуждением в Лиге Наций вопроса о национальных меньшинствах «Сетаре» писала в сентябре 1934 г.: «В Иране, Турции, Франции, США вопрос о национальных меньшинствах не имеет никакого значения, поскольку национальные меньшинства в них пользуются всеми правами национального большинства и нет никакой надобности в установке специальных положений о национальных меньшинствах в этих странах»⁶⁹.

Проводившаяся официальным Тегераном политика насильственной ассимиляции курдов и других ираноязычных народов имела и оп-

ределенный международный аспект. Режим Реза-шаха, утвердившийся на волне национализма и ксенофобии как своеобразной реакции правоконсервативных слоев иранского общества на полуколониальное прошлое, очень болезненно реагировал на угрозу иностранного вмешательства, излюбленной формой которого, как известно, была «защита» национальных меньшинств. Отрицая особую этническую идентичность курдов, как и других неперсов общеиранского происхождения, Тегеран стремился не только погасить их национальное движение, но и затруднить вмешательство внешних сил.

В связи с этим примечателен комментарий американского посольства в Иране по поводу закрытия правительством лютеранской миссии в Мехабаде. Она была центром миссионерской деятельности протестантов среди курдов Ирана, Ирака и Турции. Предполагалось переместить миссию в «курдский Ирак», где были более благоприятные условия для ее деятельности. Посольство полагало, что вряд ли можно подозревать миссию в причастности к курдскому движению. Напротив, работа миссии способствовала углублению различий между курдами в странах проживания, что было на руку иранскому правительству. В то же время просветительская работа миссии создавала благоприятную почву для роста курдского национализма, чего более всего боялись в Тегеране⁷⁰.

Примечательно, что ассимиляторская работа правящих кругов Ирана шла параллельно с усилившейся перед новой мировой войной пропагандой держав «оси» в этой стране. В советском полпредстве в Тегеране видели признаки влияния фашистских государств на внутреннюю жизнь Ирана «в попытках насаждения доморощенной иранской расовой теории, доказывающей арийское превосходство иранского народа... в крутом зажиме национальных меньшинств, прежде всего армян, евреев»⁷¹.

Иранские курды как «арийцы» прямо не подвергались «крутому зажиму», но курс на их принудительную иранизацию обернулся покушением на их национальную идентичность, был направлен против коренных интересов курдского народа, против курдского национально-освободительного движения, которое потерпело только временное поражение. Иранские курды ждали своего часа, и он скоро наступил.

«Ближневосточная Антанта» и курдский вопрос

Двадцатилетний мир (а вернее, перемирие) между Первой и Второй мировыми войнами приближался к концу. Тень надвигавшейся катастрофы накрывала большую часть земного шара, в том числе и ближневосточный регион. Для его суверенных

и полусуверенных государств вопросы внешней безопасности выходили на первое место. Главным источником постоянной угрозы для нее оставалась напряженность в курдских районах. Курдское национальное движение порождало опасную нестабильность на пограничных территориях этих стран, что могло привести к их дезинтеграции и было чревато усилением вмешательства традиционных претендентов на монопольное или преобладающее влияние в регионе — Великобритании, Франции, Германии, СССР. И хотя, как было сказано, западные державы в основном враждебно относились к курдскому национальному движению, а Советский Союз — по меньшей мере отстраненно и никто из них не желал дезинтеграции ближневосточных государств, нескончаемые волнения курдов объективно создавали предлоги для иностранного вмешательства⁷². Поэтому ближневосточные государства, подавив основные очаги сопротивления курдов, спешили выработать общий курс в своей курдской политике, подведя под него соответствующий международно-правовой фундамент.

Это было трудное дело, потребовавшее нескольких лет. Ведь государства, в состав которых входил Курдистан, по многим параметрам отличались одно от другого, имели разный международный статус (не только фактический, но и юридический), разные интересы, разные экономические и военно-политические потенциалы, словом, разный вес во взаимоотношениях друг с другом и с внешним миром. Естественно, что и подходы к курдской и к другим представляющим взаимный интерес проблемам у них были разные.

Для Турции политика в курдском вопросе сводилась к сохранению в неприкосновенности системы подавления и запретов, дабы сделать невозможным любое проявление курдского национализма как в политической, так и в культурной области. В Иране при общей великодержавной и шовинистической направленности национальной политики резашаховского режима такой прямолинейный подход по отношению к курдскому населению был невозможен. Усилия властей были сосредоточены прежде всего на том, чтобы направить курдское движение в паниранское русло; при этом курдам в дозированном виде предоставлялась некоторая возможность для национального самовыражения. В Ираке курдам разрешалось «тихое житье» в местах их постоянного расселения под строгим контролем багдадской администрации и британского военного командования. Допускались небольшие поправки в области начального школьного образования и культуры, делались попытки привлечь на сторону правительства и королевского двора курдский нобилитет. Примерно такую же политику проводила французская колониальная администрация в Сирии, старавшаяся приручить курдскую верхушку и изолировать племена северных районов страны от их турецких собратьев.

При всем разнообразии подходов к курдам и курдскому движению в странах проживания этого народа была одна общая черта: безусловно враждебное отношение к курдскому национализму и к его стержневой идее — национальному самоопределению в любой форме, особенно к созданию объединенного Курдистана. На этой основе Анкара, Тегеран и Багдад быстро нашли общий язык.

Уже неоднократно говорилось о контактах между Турцией, Ираном и Ираком в связи с напряженной ситуацией на границах, одновременно служивших разделительными линиями между принадлежащими этим странам частями этнического Курдистана, которая постоянно возникала из-за курдских восстаний и порожденных ими инцидентов (переходы границы отрядами вооруженных повстанцев, уходящих от преследований или желающих оказать помощь своим соплеменникам, беженцы и т.д.). В этих контактах не участвовала Сирия, не являвшаяся тогда самостоятельным государством и представляемая на международной арене Францией, а Ирак выступал с ведома и под наблюдением Великобритании. Были достигнуты двусторонние договоренности и заключены частные соглашения. Дело шло к созданию региональной договорной системы, которая и была создана Саадабадским пактом от 8 июля 1937 г. между Турцией, Ираном, Ираком и Афганистаном. Его история довольно подробно исследована в литературе, в том числе российской⁷³. Дальнейшее изложение будет посвящено в основном «курдской составляющей» в подготовке и заключении этого пакта, которой уделялось недостаточное внимание.

Само по себе стремление стран «северного яруса» Западной Азии (Ближнего и Среднего Востока) к созданию системы коллективной безопасности было знаменем времени, порожденным новыми геополитическими реалиями рассматриваемой эпохи. Бывшие полуколонии — Турция, Иран и Афганистан — после Первой мировой войны обрели полный суверенитет и крайне болезненно воспринимали угрозу (реальную или мнимую) любого покушения на него, в первую очередь со стороны вчерашних поработителей. А такую угрозу эвентуально нельзя было исключить, в том числе и в связи с агрессивными планами и действиями в предгрозовые 30-е годы стран фашистской «оси». Руководители ближневосточных стран, может быть испытывая нечто вроде комплекса неполноценности, пытались следовать примеру западных демократий, создававших в то время (как выяснилось впоследствии, тщетно) систему международных договоров по обеспечению своей и региональной безопасности и предотвращения войны (пакт Келлога—Бриана, «Малая Антанта», «Балканская Антанта»). Таков был внешнеполитический курс Анкары, Тегерана и Кабула, а с начала 30-х годов, с момента обретения Ираком формальной независимости, — и Багдада.

Имея общую основу координации своей внешней политики, названные страны, разумеется, преследовали и собственные интересы, у каждой из них могли быть и были свои приоритеты. Афганистан и Иран, например, традиционно заботила ситуация как на западе Британской Индии (в зоне расселения пуштунских племен), так и в советской Центральной (Средней) Азии в период существования там басмаческого движения, Турцию и Иран — положение в Закавказье, Ирак — отношения с эмиратами Персидского залива, Саудовской Аравией и другими странами Арабского Востока. Однако наряду с геополитическими были и внутривосточные факторы, побуждавшие Турцию, Иран и Ирак двигаться навстречу друг другу. И прежде всего в связи с этим следует назвать подъем национального движения в принадлежащих им частях разделенного Курдистана, угрожавшего целостности этих государств. По той же причине тенденцию к сближению этих стран закулисно поддерживала игравшая основную роль на ближневосточной арене Великобритания, стремившаяся, кроме того, создать преграду для проникновения в регион Италии и Германии. Париж в данном случае был на стороне Лондона, поскольку также был встревожен агрессивными поползновениями стран «оси», в первую очередь Италии, в Восточном Средиземноморье.

Итак, курдский вопрос был одним из факторов формирования на Ближнем Востоке блока независимых государств, причем по значению далеко не последним для всех из них, за исключением, понятно, Афганистана. Опыт многочисленных курдских восстаний показал, что, несмотря на локальный характер отдельных выступлений и их несинхронность, они, как правило, вызывали широкие отклики во всем Курдистане и стимулировали новые проявления недовольства курдского населения своим положением. В связи с этим правящие круги Турции, Ирана и Ирака были готовы к созданию единой антикурдской платформы.

Идея заключения многостороннего пакта ближневосточных стран не случайно возникла и начала активно обсуждаться еще в конце 20-х годов, когда курдское национальное движение приближалось к своему пику. Впервые высказанная во время визита короля Афганистана Амануллы в Турцию и Персию летом 1928 г., она усиленно муссировалась во время последующих дипломатических контактов. В ноябре того же года Турция предложила Ираку заключить договор о дружбе. Современный исследователь этой проблемы В.А.Кузьмин справедливо заметил, что «борьба с освободительным движением курдских племен продемонстрировала определенную общность целей и интересов Турции, Ирана и Ирака». Заключение англо-иракского договора 1930 г., формально сделавшее Ирак субъектом международного права, еще более сблизило Анкару и Багдад именно на этой основе⁷⁴.

Одновременно укреплялись отношения между Турцией и Персией. Важным этапом в этом процессе было упоминавшееся соглашение 1932 г. о взаимном обмене территориями, целью которого не в последнюю очередь была борьба с курдским движением. В это же время шли переговоры о турецко-персидском железнодорожном проекте, предусматривавшем проведение линии из Персии к Черному морю, и о ряде других экономических соглашений, к которым был причастен и Ирак. В Англии ко всем этим проектам относились благосклонно. Участились разнообразные контакты между Ираком и Персией, особенно по усилению пограничного контроля⁷⁵.

Таким образом, уже на предварительной стадии контактов и переговоров между ближневосточными государствами о заключении регионального пакта курдский вопрос всегда оставался (явно или подспудно) в поле зрения заинтересованных сторон. Так было и в середине 30-х годов, когда, по мере устранения многочисленных препятствий, переговоры близились к завершению.

Важным событием стал государственный визит Реза-шаха в Турцию летом 1934 г. То был очередной шаг в сближении обоих государств, который дал один конкретный результат: оба правительства согласились сделать свои границы непроницаемыми для курдских «разбойников», ищущих убежище в соседних государствах⁷⁶. Затем последовали операции турецких пограничных войск против отдельных отрядов курдов, перемещавшихся вдоль турецко-иранской границы, сопровождавшиеся авиабомбежками деревень с курдскими беженцами⁷⁷. Аналогичные действия предпринимали турецкие войска на сирийской границе, а иракские при содействии англичан — на турецкой.

Вообще, если раньше Англия относилась к проектируемому пакту несколько подозрительно (отчасти из-за предполагавшегося одно время приглашения СССР присоединиться к нему), то со второй половины 1935 г. Лондон взирал на переговоры о его заключении, которые безусловно с ведома Великобритании вел в Анкаре министр иностранных дел Ирака Нури Саид, «благосклонным оком»⁷⁸. Причины того следующие: во-первых, выяснилось отрицательное отношение СССР к пакту⁷⁹; во-вторых, агрессия Италии против Эфиопии угрожала интересам Англии (и, конечно, Франции) в Средиземноморье, что повышало ценность ближневосточного пакта для западных демократий; в-третьих, временный спад курдского движения облегчал работу по разного рода дипломатическим комбинациям в регионе.

2 октября 1935 г. Иран, Турция и Ирак парафировали в Женеве проект договора «о дружбе и нейтралитете», через полтора месяца к ним присоединился и Афганистан. Однако до подписания договора дело еще не дошло. Хотя основные разногласия между сторонами были урегулированы, поддержка Великобритании и Франции обеспе-

чена, Германия в надежде укрепить свое влияние в ближневосточном регионе демонстрировала благожелательность, СССР, хоть и относился к договору с подозрениями, держался отстраненно, а возражениями Италии можно было пренебречь, общее напряженное состояние международных отношений в мире сказывалось и на политико-дипломатической ситуации в Западной Азии, делало создаваемые там конструкции уязвимыми и непрочными. На пути полного оформления «Ближневосточной Антанты» следовало преодолеть еще несколько препятствий.

Прежде всего оставались не до конца преодоленными давние разногласия между самими участниками пакта. Они касались, например, режима турецко-иранской и ирано-иракской границы. Только в апреле 1937 г. турецкая делегация подписала в Тегеране ряд соглашений, среди которых были: конвенция о поддержании безопасности в пограничной зоне для урегулирования пограничных конфликтов, прямо направленная «против курдского национально-освободительного движения»; конвенция о таможенной администрации и юридическом сотрудничестве, о телеграфной и телефонной связи; транспортно-тарифное соглашение. В июне того же года состоялся визит в Багдад миссии министерства иностранных дел Турции, устранившей некоторые разногласия между обеими странами. 29 июня было парафировано, а 4 июля подписано ирано-иракское соглашение об окончательном установлении границы по Шатт-эль-Арабу⁸⁰. Тем самым было устранено (как оказалось впоследствии, временно) одно из главных препятствий к сближению обеих стран: ведь еще за несколько месяцев до этого Иран выдвигал как неперемное условие подписания пакта урегулирование разногласий с Ираком по этому вопросу⁸¹.

Партнеры Ирака, кажется, считали эту страну наименее надежным членом проектируемого союза из-за ее внешнеполитической зависимости от Великобритании. По словам советника советского полпреда в Тегеране, посол Афганистана Ахмед-хан «потерял надежду» на заключение пакта четырех государств, поскольку Англия против него (что неверно), а Ирак не является самостоятельным фактором во внешней политике; по мнению посла, лучше было бы иметь «реальный пакт» в составе Турции, Ирана и Афганистана с обязательством взаимопомощи⁸². Багдад, со своей стороны, тяготился этой репутацией и стремился, особенно после прихода к власти военных-националистов, укрепить свои международные позиции, в первую очередь на Арабском Востоке. Были заключены договоры с Саудовской Аравией (в апреле 1936 г., еще до переворота Бакра Сидки), затем с Йеменом и другими арабскими странами. Англичане, несмотря на неровные отношения с Багдадом, поощряли Ирак к сближению с соседями, предназначая ему роль своеобразного «троянского коня», с помощью

которого они надеялись установить свой негласный контроль над формируемым блоком⁸³.

Таким образом, в течение года после парафирования пакта разногласия между его участниками были в значительной степени преодолены. Как изящно выразился «Нир Ист энд Индия», «было бы экстравагантно думать», что исчезнут подозрения между членами договора, но «всегда есть шанс, что корректные отношения могут развиваться в подлинно сердечные»⁸⁴. Уже после подписания пакта тот же журнал утверждал, что устранение препятствовавшего его подписанию пограничного спора между Ираком и Ираном было важнее, чем сам четырехсторонний пакт⁸⁵. Поскольку Иран уступил и конфликт был разрешен в пользу Ирака, ясно, что «без руки» Лондона здесь не обошлось. Несомненно и то, что по курдскому вопросу между Турцией, Ираном и Ираком царило полное единодушие, отраженное в тексте договора.

Другие затруднения при подписании пакта были внешнего происхождения и проистекали из взаимоотношений ближневосточных государств с Западом. Конференция по черноморским проливам, проходившая в Монтрё (Швейцария) в июне–июле 1936 г., выработавшая новую конвенцию об их режиме от 20 июля и принесшая при поддержке Великобритании наибольшие выгоды Турции, которая стала фактической хозяйкой Босфора и Дарданелл⁸⁶, именно по этой причине вызвала озабоченность у ее нечерноморских партнеров. Усиление Турции, поддерживаемой Великобританией, было чревато возвращением в регион турецкого гегемонизма, что настораживало ее ближневосточных союзников. Развеять подозрения было нелегко, тем более что турки сами давали поводы для подозрений. На то указывали реваншистские тенденции, начавшие, как говорилось, проявляться во внешней политике Турции и участвовавшие в пропаганде. Усилившиеся притязания на Александретту и призывы к возвращению Турции Мосула (прозвучавшие и на официальном уровне, например из уст генерального секретаря МИД Турции Нумана Менеменджиоглу)⁸⁷ настороженно воспринимались в Сирии и Ираке.

Хотя продвижение от парафирования к подписанию пакта шло не гладко, в конце концов объединительная тенденция перед лицом грозившей внешней опасности возобладала. 8 июля 1937 г. в Саадабадском дворце иранского шаха в Тегеране руководители внешнеполитических ведомств Ирана, Турции, Ирака и Афганистана подписали «договор о ненападении», известный как Саадабадский, или Ближневосточный, пакт⁸⁸. Сразу после подписания был создан и региональный исполнительный орган — Совет «Ближневосточной Антанты».

Итак, в преддверии Второй мировой войны «Ближневосточная Антанта» была все же создана, однако никакой политической роли сыграть не успела. Военная гроза разрушила все довоенные дипломатиче-

ские хитросплетения. Новую организацию постигла судьба всех других межвоенных блоков, пактов и всевозможных конструкций, оказавшихся бессильными предотвратить мировую катастрофу и в буквальном смысле списанных в архив истории.

Уже к последнему предвоенному лету 1939 г. выяснилось, что для Турции, например, приоритетными были отношения с Англией и Францией, а не с партнерами по Саадабадскому пакту. Временный поверенный в делах СССР в Иране Н.А.Карташев писал В.М.Молотову 27 августа 1939 г.: «Здесь не скрывают обиды на Турцию за присоединение ее к англо-французскому лагерю. Иранцы понимают, что с переходом Турции в лагерь англичан Саадабадский пакт, являющийся стержнем иранской внешней политики, потерял свою целеустремленность»⁸⁹. Впрочем, англичане в начале войны пытались вдохнуть жизнь в Саадабадский пакт и привлечь на свою сторону Турцию и Иран в качестве союзников, но безуспешно. «По настоянию англичан Сараджоглу (министр иностранных дел Турции. — *М.Л.*) немало поработал над тем, чтобы Саадабадский пакт был дополнен специальной военной конвенцией, обязующей афганцев и иранцев, не говоря уже об иракцах (и, разумеется, турках. — *М.Л.*), выступить в случае необходимости на стороне англо-французского союза». Но начальник турецкого генштаба маршал Февзи Чакмак был против, равно как и иранцы⁹⁰. Использовать «Ближневосточную Антанту» в интересах англо-французского блока так и не удалось.

Означает ли это, что Саадабадский пакт был совершенно бессодержательным документом, своего рода декларацией о намерениях, лишенной какой-либо практической перспективы? Думается, что нет. Привлекают внимание две важные особенности этого творения ближневосточной дипломатии предвоенного периода.

Во-первых, знаменателен сам факт его появления на свет. Это был первый многосторонний и признанный Лигой Наций внешнеполитический союз суверенных государств Востока в эпоху кризиса и начала распада колониальной системы. Неслучайно его часто именовали «Азиатским пактом». Заключение пакта было знаком того, что часть континента уже начинает выходить на самостоятельный путь государственной жизни. И пусть этот выход был отчасти инспирирован и поддержан Западом и вообще оказался малоуспешным по вполне объективным причинам, он положил начало процессу, который уже в наше время приносит вполне ощутимые плоды. Саадабад открыл новую главу в истории XX в., которую можно озаглавить так: «Внешняя политика и дипломатия освободившихся от колониальной зависимости государств Азии».

Во-вторых, пакт содержал в себе одно важное почти для всех его участников (кроме Афганистана) положение, которое если не юриди-

чески, то фактически сохраняет свое значение до сих пор. Оно было изложено в 7-й статье, которая гласила: «Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не допускать в пределах соответственных границ образования или деятельности вооруженных банд, объединений или организаций, стремящихся к ниспровержению установленных институтов, нарушению порядка или безопасности на границе или на любой другой территории другой Стороны или изменению конституционной системы в такой другой Стороне»⁹¹.

Мнение всех комментаторов Саадабадского договора относительно этой статьи единогласно: она имела в виду прежде всего курдов, а также, может быть, малочисленные группы политических эмигрантов. «Таймс» писала 11 ноября 1937 г.: «Азиатский пакт... должен помешать тому, чтобы курдский вопрос стал причиной споров между Турцией, Персией и Ираком, в которых имеется курдское население и которые имеют неприятности с этими волнующимися горцами»⁹². Саадабадский пакт — ответ на «курдскую угрозу», утверждает Р.Лякост⁹³. Пакт был направлен прямо против курдского движения, писал сочувствовавший курдскому делу английский публицист С.С.Гэвен⁹⁴. С такой оценкой были согласны и российские исследователи, специально изучавшие эту проблему⁹⁵.

Таким образом, 7-я статья Саадабадского договора была посвящена конкретной ближневосточной проблеме, жизненно важной для трех из четырех стран-участниц пакта, имманентной только для данного региона и потому слабо подверженной конъюнктурным воздействиям мировой и европейской политики. И если остальные статьи пакта по своему содержанию были достаточно тривиальны для такого рода дипломатических документов (воздержание от агрессии, нерушимость границ, взаимные консультации по международным вопросам, невмешательство во внутренние дела друг друга и т.п.) и с изменением внешних обстоятельств утратили свою действенность, как это и произошло в связи с разразившейся вскоре мировой войной, то 7-я статья, напротив, отнюдь не устарела и сохранила свою актуальность. Поэтому нельзя согласиться с Л.Рамбу, утверждавшим, что события Второй мировой войны лишили Саадабадский пакт его антикурдской направленности⁹⁶.

Договоренность о совместном противодействии курдскому национальному движению была, в сущности, единственным реальным и перспективным (в смысле долгожительства) результатом Саадабадского пакта. Она опиралась на давно сложившуюся практику борьбы с курдскими повстанцами в приграничных районах и служила интересам правящих элит Турции, Ирана и Ирака, непримиримых ко всякому проявлению курдского национализма. С ними были фактически солидарны Великобритания и Франция, которые надеялись сохранить свои позиции в Ираке и Сирии.

Итак, свою официальную задачу — создать в Западной Азии зону коллективной безопасности и выработать для Турции, Ирана, Ирака и Афганистана согласованный внешнеполитический курс — Саадабадский пакт и созданная им эфемерная «Ближневосточная Антанта» не выполнили. Они преуспели в другом: фактически заменили двусторонние частные соглашения по борьбе с курдскими волнениями общим трехсторонним (Афганистан, как отмечалось, в данном случае не в счет) антикурдским договором, подняв его на региональный и даже международный уровень. Этим и вошел Саадабадский пакт в историю.

Глава V

КУРДСКИЙ ВОПРОС ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В период Второй мировой войны на территории Западной Азии значительных военных действий не происходило, если не считать тридцатидневной акции британских вооруженных сил в Ираке в мае 1941 г., закончившейся свержением националистического и прогерманского правительства Рашида Али аль-Гайлани¹, и кратковременной кампании войск Англии и «Свободной Франции» летом 1941 г. в Сирии против вишистских сил генерала Денца². Бедствия войны, таким образом, в основном миновали этот регион, в том числе и ту его часть, где жили курды. Находясь под эгидой одной из сторон — победивших в войне Объединенных Наций, курдские земли избежали нового раздела или передела.

Сказанное, однако, не означает, что курдский вопрос находился где-то на задворках драматических событий этих лет. Ближний Восток имел ключевое геостратегическое значение для обеих противоборствующих сторон, будучи ближайшим тылом важнейших фронтов военных действий на юге СССР (с июня 1941 г.) и в Северной Африке. Нестабильность в Курдистане, могущая возникнуть из-за неизбежной в военной обстановке активизации курдских движений, была чревата серьезными последствиями и для СССР, и для его союзников. Поэтому курдский вопрос, хотя и относился в то время к проблемам, так сказать, второго ряда, занял свое место в истории Второй мировой войны.

До вступления СССР в войну

Державы фашистской «оси» в своих планах завоевания мирового господства отводили Ближнему и Среднему Востоку (Западной Азии) важнейшую роль, особенно после громких побед германского оружия в 1939 — первой половине 1941 г. Этот регион должен был стать плацдармом для развития германо-итальянской агрессии в направлении Северо-Восточной Африки и южной части Советского Союза, а также для рассечения имперских коммуникаций, связывавших Великобританию с ее владениями в Индийском и Тихом

океанах, и последующего соединения с Японией, третьим членом Антиконтинентального пакта. Кроме того, Ближний Восток с его нефтяными месторождениями мог стать потенциальным поставщиком остродефицитного и необходимого для ведения войны жидкого топлива, в котором так нуждались «третий рейх» и его союзники.

Не имея в регионе сколько-нибудь крепких экономических и военно-политических позиций, Гитлер и Муссолини делали ставку на поддержку того крыла местных националистов, которое было резко настроено против Англии и Франции и придерживалось экстремистских методов борьбы. На Арабском Востоке это были панарабисты крайнего толка и исламские клерикалы типа иерусалимского муфтия Амина аль-Хусейни — зоологического юдофоба, родственного по духу нацистам. Впрочем, ни в Палестине, ни в Сирии и Ливане они не обладали заметным влиянием. В двух последних странах «ось» больше надеялась на вишистские силы во главе с генералом Денцом, но они, как уже говорилось, потерпели поражение. И лишь в Ираке в апреле 1940 г. власть захватила группа военных националистов во главе с Рашидом Али аль-Гайлани, которая круто повернула на разрыв с Англией и на сближение с Германией и Италией.

Итак, над Ираком, а вместе с ним и над Южным Курдистаном нависла угроза быть втянутым в орбиту войны. И хотя о контактах немцев и итальянцев с местными курдскими вождями мало что известно, а через год англичане восстановили свой контроль над Ираком, а также над Сирией и Ливаном, где на правах их младшего партнера выступали голлисты, безопасность курдских районов этих стран отнюдь не была обеспечена. Берлин и Рим только отложили свое возвращение в регион до реализации более первоочередной задачи — плана «Барбаросса».

Если в арабских странах Ближнего Востока германо-итальянская экспансия была нацелена прежде всего против Великобритании (поверженная Франция была уже сброшена со счетов), то Иран интересовал берлинских стратегов не только из-за его контролируемых Англией нефтяных промыслов в районе Персидского залива, но и как плацдарм в предстоящей кампании против Советского Союза. Значительная часть наводнившей Иран в этот начальный период войны германской (а также итальянской) агентуры, интенсивно занимавшейся разведывательной и подрывной деятельностью, сосредоточилась на граничившем с советским Закавказьем северо-западе страны с преимущественно азербайджанским и курдским населением. Таким образом, опасность стать плацдармом для агрессии нависла и над Иранским Курдистаном.

В геополитическом отношении наиболее ценным союзником для «оси» на Ближнем Востоке была, конечно, Турция. Однако в этом

случае столь любимые заправилами «третьего рейха» методы прямого давления и подрывной деятельности не годились. Турцию следовало привлечь на сторону германо-итальянского блока другими способами, преимущественно дипломатическими, используя общность внешнеполитических целей и геостратегических интересов. Одним из них должен был стать заключенный за четыре дня до нападения Германии на СССР турецко-германский пакт «о дружбе и ненападении». Крупнейший знаток турецкой истории А.Ф.Миллер писал: «Для Гитлера этот пакт, обезопасивший балканский фланг фашистских войск, был последним звеном в подготовке войны против СССР. Для Турции же он означал открытое присоединение к антисоветской политике гитлеровской Германии»³.

Но балканским флангом дело не ограничивалось. По замыслу берлинских стратегов, прогнозируемые ими победы на Восточном фронте должны были привести к образованию нового фланга — кавказского, и здесь Турции отводилась главная роль. Поведение Турции накануне и в первые годы войны давало немцам основание оптимистически смотреть на возможность перетянуть ее на свою сторону. В стране со второй половины 30-х годов, особенно после смерти Кемалья Ататюрка в ноябре 1938 г., усилилось влияние правоконсервативных сил, крепились реваншистские настроения. Поглощение Александретты было первым сигналом. Военная слабость англо-французского блока, столь явно обнаружившаяся в 1940 г., в значительной степени обесценила в глазах Анкары англо-франко-турецкий договор о взаимопомощи от 19 октября 1939 г. Включение в систему «оси» стран Дунайского и Балканского регионов в 1940–1941 гг. приблизило войну вплотную к западным границам Турции. Она почувствовала себя в состоянии крайней опасности. Поэтому сигнал из Берлина был услышан и принят.

Итак, к моменту нападения Германии на СССР Турция, формально нейтральная, фактически была рядом с войной. Оставалось только ждать, «кто кого», и сделать выбор. Основное операционное направление по логике вещей (и это Берлин, несомненно, внушал Анкаре) было нацелено на восток и юго-восток. Следовательно, Восточная Анатолия, т.е. прежде всего Турецкий Курдистан, в очередной раз могла стать плацдармом крупномасштабных военных действий.

Таково было международное положение курдского региона Ближнего Востока в преддверии решающих схваток Второй мировой войны. Начиная с сентября 1939 г. и даже раньше все прямо или косвенно вовлеченные в орбиту войны стороны внимательно следили за ситуацией в данном регионе, которая могла оказать серьезное влияние на дальнейшее развитие конфликта. Об этом говорил опыт истории. Когда-то Кемаль Ататюрк сказал: «В будущей мировой войне, при прочих равных условиях, битву на Ближнем Востоке выиграет та сторона,

которая сумеет перетянуть на свою сторону курдов»⁴. Прозорливый турецкий лидер имел в виду не только ту ситуацию, которая была в эпоху Первой мировой войны, как может показаться на первый взгляд, но и смотрел далеко вперед.

Внутреннее положение во всех частях Курдистана во второй половине 1939 — первой половине 1941 г. было относительно спокойным, хотя это спокойствие было весьма условным, напоминая передышку перед новыми боями, прерываемую отдельными вспышками новых выступлений. В Турции еще долго проявлялись последствия Дерсимского восстания 1936—1938 гг. Как сообщала газета «Джумхуриет» 16 июня 1940 г., в мае—июне в районе Элязыга восстали несколько курдских племен (свыше 5 тыс. бойцов), против которых было брошено 25 тыс. карателей. Повстанцы требовали от властей отказаться от создания новых жандармских постов, прекратить строительство дорог и мостов, не создавать новых административных единиц в вилайете Тунджели, оставить племенам оружие и сохранить прежний порядок сбора налогов. Курды, по словам газеты, надеялись на помощь «одной иностранной державы» (явный намек на СССР, что было обычным для турецкой прессы того времени). Эти события, считала газета, были спровоцированы столкновениями на турецко-сирийской границе⁵.

Напряженную ситуацию в Турецком Курдистане характеризует запрет, введенный властями на посещение всего региона иностранными путешественниками. Французу Бальсану с трудом удалось добыть разрешение на посещение в 1939 г. района Вана, который был объявлен закрытой военной зоной⁶. В целом же в Турецком Курдистане после подавления всех «революционных войн» был установлен такой, по существу, тотально террористический режим, который делал на многие годы невозможным какое-либо проявление национальной жизни и тем более национального движения курдского населения.

В других частях Курдистана правящим кругам не удавалось подавить стремление народа к самовыражению как в политической, так и в культурной сферах, которое пытались использовать в своих интересах все фигуранты ближневосточной политики. О.Л.Вильчевский в своей уже упоминавшейся неопубликованной работе перечисляет (видимо, допуская ряд неточностей) курдские просветительские и политические организации, которые функционировали в Ираке с начала Второй мировой войны. Основными, по его мнению, были следующие:

1. Группа курдских общественных деятелей Ирака во главе с шейхом Махмудом Барзанджи. Она выпускала газеты «Банге-хакк» («Голос истины»), официальный орган шейха Махмуда, и «Жиин» («Жизнь»), которую редактировал известный курдский поэт Пирамерд (Хаджи Тауфик). Эта группа на первых порах занималась преимущественно культурно-просветительской деятельностью.

2. Близкая к этой группе и к «Хойбуну» организация, действовавшая в Киркуке и Равандузе, — «Джамиате Заре курманджи» («Общество „Голос курдов“») во главе с сейидом Хусейном Хусни Мукриани. Общество издавало журнал «Ронаки» («Светоч»), стояло за полную автономию курдов Ирака и за объединение их в будущем с курдами Турции и Ирана в одно государство. В этом обществе были сторонники и Англии, и Германии.

3. «Курдская лига» («Хива курд»), возникшая в 1939 г. Она включала в себя таких крупных феодалов, как Мамед Эмин Зеки-паша, глава джафов Мамед Тегир-паша, генерал Беха-эд-Дин Нури-паша. Выступала только за культурную автономию и в первое время не играла заметной роли.

4. «Прогрессивная группа», состоявшая из представителей молодежи и студентов.

5. Группа духовенства, объединявшая курдов и арабов. Ее взгляды выражал журнал «Ригае мусульмани» («Мусульманский путь»).

6. Езиды во главе со своим эмиром, требовавшие автономии Джебель-Синджара и присоединения к своему эмирату езидских племен Турции и Сирии. Они были близки к «Хойбуну».

Были и более мелкие объединения иракских курдов, не оставившие заметного следа в политической жизни Иракского Курдистана. С 1939 г. начал издаваться левый прогрессивный журнал «Гелавеж» («Утренняя звезда») ⁷.

Вообще в этот период иракские курды и их политические организации большой активности не проявляли. Во время правления антибританского правительства аль-Гайлани в 1940–1941 гг. они в основном держались в стороне. Только «Хива курд» оказала некоторую поддержку мятежу.

Пропаганда расистских идей среди иракских курдов хотя и имела успех у некоторых вождей и националистических лидеров, в целом не смогла расположить к себе влиятельные силы Иракского Курдистана. Немцы ограничились антианглийской пропагандой среди племен, но не поощряли их выступать против правительства, которое старались склонить к прогерманской ориентации. Поэтому иракские курды в целом оказались мало восприимчивы к германской агитации ⁸.

Более того, некоторые вожди решили воспользоваться смутой в стране для выступления против правительства аль-Гайлани. Шейх Махмуд Барзанджи перебрался из Багдада, где он тогда проживал ⁹, в Сулейманию и начал там готовить восстание, пытаясь заручиться поддержкой ага племен пишдер, но безуспешно. Те боялись его самого. Не нашел он общего языка и с курдскими националистами, которые, по словам Эльфинстона, отделяли себя от «личных амбиций людей типа шейха Махмуда» и предпочитали общество курдских интеллектуа-

лов — Амина Заки, Джамалья Бабана, Дауда-паши и других, лояльных тогда Лондону¹⁰. Очевидно, время харизматических курдских вождей типа шейха Махмуда уже прошло, наступила очередь других лидеров.

Одним из них являлся Мустафа Барзани. В начале Второй мировой войны он прибыл в Сулейманию, где совместно с членами «Хива курд» разрабатывал планы подготовки восстания в Барзани и в других местах. Одновременно он налаживал связи с другими курдскими лидерами, возможно и с шейхом Махмудом Барзанджи¹¹. Ирак был единственной страной, где у курдов сохранились структура и боевые силы национального сопротивления; они дали о себе знать очень скоро. Дабы предотвратить такое развитие событий, англичане во время конфронтации с аль-Гайлани заставили багдадское правительство пойти на ряд уступок курдам; в частности, некоторое их число было допущено в административные органы и в армию на офицерские должности. Английскими советниками был выдвинут даже проект создания в Ираке автономных курдских районов, оставшийся неосуществленным¹².

В целом же в период до нападения Германии на Советский Союз в Курдистане было относительно спокойно. Курдское национальное движение повсеместно переживало спад, причиной которого была не только невозможность быстро восстановить силы после предыдущих поражений. Немалое значение имела и внешнеполитическая ориентация курдских вождей и руководителей политических обществ и организаций в эти первые годы Второй мировой войны.

По мнению У.Г.Эльфинстона, с которым можно согласиться, большинство курдских националистов стояли за победу западных демократий, надеясь из их рук получить свободу и независимость, особенно если произойдет ожидаемое многими присоединение Турции к «оси»¹³. Но это был наивный расчет, который предполагал активную поддержку Англией и Францией курдского движения, что было невозможно, ибо только подорвало бы их позиции в Анкаре, Тегеране и Багдаде и, напротив, укрепило бы влияние в них Берлина и Рима.

Англичане и французы на самом деле стремились предотвратить выступления курдов, дабы избежать обострения внутривосточной ситуации в странах Ближнего Востока, что могло бы привести к непредсказуемым внешнеполитическим последствиям. В 1939 г. французский главнокомандующий в Сирии и Ливане генерал М.Вейган получил от находившихся там курдских лидеров, имевших влияние во всем Курдистане, обещание воздержаться от всех антитурецких акций, чтобы не вызвать недовольства Турции. Это обещание уже при участии англичан было подтверждено в 1941 г., когда Сирия и Ливан были оккупированы войсками Великобритании и «Свободной Франции», прогнавшими из этих стран вишистов. Курды надеялись, замечает Эльфинстон, на благодарность союзников, но, конечно, тщетно¹⁴.

Следует заметить, что в самой Сирии в районах сплошного обитания курдов взаимоотношения властей с ними складывались не так легко, как с лидерами курдских обществ, уютно обосновавшимися в Дамаске и Бейруте. Да и сами эти общества в значительной мере утратили свой былой авторитет и влияние. Это относится прежде всего к «Хойбуну», который показал свою неспособность организовать общекурдское сопротивление и имел некоторые позиции только на сирийской территории. Сирийские курды слушались прежде всего своих вождей и порой весьма остро реагировали на сумятицу, царившую в управлении Сирии в то время, когда после капитуляции Франции в июне 1940 г. Вейгана сменил ставленник режима Виши генерал Денц, а затем в июне 1941 г. страна была занята англо-голлистскими войсками. В это время отмечались волнения курдов Джазиры и езидов, недовольных приходом своих давних недругов — англичан¹⁵.

Итак, в Ираке и Сирии англичане и французы могли как-то влиять на ситуацию в курдских районах. В Иранском и Турецком же Курдистане их возможности в этом отношении были крайне ограничены, они оставались посторонними наблюдателями. Во всяком случае, нет никаких документальных свидетельств, подтверждающих или опровергающих наличие каких-либо связей между английской (равно как и германской) агентурой и курдами Турции и Ирана. Тем не менее эти и все другие части Курдистана находились в поле зрения как воюющих держав, так и готовившихся вступить в борьбу. И пусть в сложнейшей борьбе за политическое и экономическое влияние на страны Ближнего Востока, шедшей с осени 1939 до 22 июня 1941 г., курдский вопрос почти не фигурировал в качестве самостоятельного, он объективно (хотя чаще всего неявно) присутствовал во многих важных дипломатических контактах и переговорах. Об этом говорит анализ недавно изданных документов НКВД СССР.

В советско-турецких отношениях в то время порой возникала проблема улаживания пограничных инцидентов. Так, 20 февраля 1940 г. было опубликовано опровержение ТАСС на сообщение итальянского агентства «Стефани» из Стамбула о том, что «один советский отряд пересек турецкую границу на Кавказе», навстречу ему турки выслали свой отряд, но «сражения не было». В опровержении это сообщение было названо «плодом больной фантазии». Однако турецкий посол в Москве А.Х.Актай счел необходимым объясниться по этому поводу с В.М.Молотовым. В ходе встречи 2 марта 1940 г. А.Х.Актай выразил удовлетворение в связи с опровержением, сказав, что «такого рода „новости“» распространяются с целью омрачить советско-турецкие отношения». В.М.Молотов заметил, что турки сами создают поводы для возникновения таких слухов и должны были первые их опровергнуть. Одновременно он выразил озабоченность в связи с «много-

численными поездками Вейгана в Турцию и путешествиями членов турецкого правительства к советской границе, где они осматривают стратегические районы». А.Х.Актай пытался его успокоить¹⁶.

Ясно, что в Москве с беспокойством и подозрениями следили за положением в Восточной Анатолии, особенно в связи с резким ухудшением отношений с Францией и Англией после заключения пакта Молотова–Риббентропа и во время советско-финской войны. 3 июня 1940 г. В.М.Молотов объяснялся с А.Х.Актаем по поводу «концентрации» турецких войск в районах Карса и Эрзурума и «перемещения» частей Красной Армии в Закавказье¹⁷. Тень военных приготовлений надвигалась и на курдские территории. В июне 1940 г., т.е. сразу после разгрома Франции, в Турции была проведена частичная мобилизация, причем значительная часть войск концентрировалась в восточных вилайетах¹⁸.

Турецкое руководство было серьезно озабочено новой конфигурацией сил, сложившейся в Европе к середине 1940 г. и ставшей еще более угрожающей после захвата Германией и Италией Балкан к концу весны 1941 г. Серия договоров, заключенных в 20–30-х годах с Англией, Францией, Советским Союзом, в этой ситуации в значительной мере утратила свою практическую ценность для Турции. (Упомянутый договор с Германией от 18 июня 1941 г. ничуть не гарантировал Турции ее безопасность, ибо всего четыре дня спустя она могла убедиться, чего стоили гитлеровские гарантии в области международных отношений.) Сближение с Германией в условиях безудержного расширения ее агрессивных устремлений во все стороны могло привести Турцию в ту ловушку, в которой она уже очутилась в 1914 г., и вновь превратить ее в германского сателлита с непредсказуемыми, а возможно, и катастрофическими последствиями. Не был исключен и новый раздел Турции. Турецкий посол в Берлине Хюсрев Герере летом 1940 г. считал, что в случае победы Германии (в условиях действия тогдашнего советско-германского договора) «Турция будет сведена к категории малых азиатских государств, вроде Ирана, Ирака». Карс и Ардаган, полагал он, отойдут к СССР, Фракия — к Болгарии, проливы перейдут под совместное управление СССР, Германии, Италии и Турции¹⁹.

В сложившейся ситуации в Анкаре больше на Саадабадский пакт не рассчитывали. Полпред СССР в Афганистане К.А.Михайлов сообщал в апреле 1941 г. о беседе с послом Турции М.Ш.Эсендалем: «Я спросил посла, каковы его впечатления о возможной помощи туркам со стороны членов Саадабадского пакта? Турок ответил, как всегда: Саадабадский пакт Турция в настоящее время не рассматривает в качестве серьезной силы. Ни Иран, ни Афганистан, по мнению посла, не только не способны, но и не желают оказывать серьез-

ную помощь Турции в случае нападения на последнюю немцев (выделено в тексте. — *М.Л.*)»²⁰. Правда, в Тегеране выражали готовность прийти в случае необходимости на помощь Турции, но не в рамках Саадабадского пакта. По словам германского посланника в Иране Э.Эттеля, «шах держится за нейтралитет, не будет инициатором и соучастником превращения Саадабадской конвенции в военный союз. В случае нападения на Иран с чьей-либо стороны шах присоединится к Турции, а потом примкнет к союзникам»²¹.

Что касается фактического гаранта Саадабадского пакта — Великобритании, то она к 1941 г. также разуверилась в нем. Британский посол в Анкаре Х.М.Нэтчбулл-Хьюгессен уверял, что он «не знаком с текстом Саадабадского пакта, но допускает возможность, что Турция окажется в таком затруднительном положении» (т.е. обязанности помогать и Ираку по Тегеранскому пакту, и Великобритании — по Анкарскому)²². Таким образом, к середине 1941 г. Саадабадский пакт можно было считать почти полностью обесцененным, за исключением тех его положений, которые прямо или косвенно касались курдского вопроса.

К этому вопросу имела прямое отношение и та комбинация, которая возникла было в критические месяцы конца весны и середины лета 1940 г., когда под ударами германских танковых клиньев рушилась англо-французская оборона в Западной Европе. Неясна была судьба Сирии и Ливана, и в экспансионистски настроенных кругах Турции заговорили о захвате части этих стран и, возможно, Ирака. Весьма вероятно, что эта идея исходила из Берлина и Рима с целью привязать Турцию к «оси». По информации итальянского посла в Турции Оттавио де Пеппо, турецкие представители в Дамаске, Бейруте и Хайфе Асым Гюндюз и Февзи Чакмак предлагали договориться о занятии Турцией Алеппо «и, возможно, и Джизре». Англичане, полагал посол, планируя создать арабское государство «из частей Сирии, Палестины, Трансиордании и, возможно, Ирака», отдадут Турции эти области. Нури Саид, посетивший в конце июня — начале июля 1940 г. Анкару, был обеспокоен тем, что Турция оккупирует Сирию и совместно с Ираном разделит Ирак²³. Газета «Националь-цайтунг» 11 ноября 1940 г. цитировала германского посла в Турции Франца фон Папена: «Турция очень интересуется Сирией»²⁴.

Таковы были черновые наброски нового раздела арабской части Ближнего Востока, возникшие в обстановке военного поражения англо-французов в середине 1940 г. и непосредственно касавшиеся судьбы Юго-Западного и Южного Курдистана. Неясны мера достоверности этих проектов и место их происхождения, но несомненно, что это тот случай, когда дыма без огня не бывает. Однако несколько месяцев спустя планы приращения турецкой территории за счет, казалось бы,

бесхозных арабских и курдских земель в Сирии и, возможно, в Ираке были фактически отброшены. В Сирии закрепились англо-голлистские войска, в Ираке националисты потерпели поражение. В Европе Англия доказала свою способность к сопротивлению, а Германия, готовясь к походу на Россию, не могла распылать свои силы на ближневосточные авантюры. Поэтому Турция отказалась от намерения хотя бы частично вернуть себе земли Османской империи и обратилась к тактике выжидания. Турецкий посол в Берлине Х.Гереди в беседе с советским послом В.Г.Деканозовым «лично высказался за ее (Сирии. — М.Л.) присоединение к Турции, но турецкое правительство этого не требует, оно заявляет, что хочет остаться в пределах существующих границ, но никого не пропустит через свою территорию и в случае необходимости будет защищаться»²⁵. Притязания агрессивных пантюркистских кругов Турции на изменения в свою пользу политических границ, в том числе и за счет Курдистана, были временно отложены.

Упоминание о возможности прохода неких войск через турецкую территорию, очевидно в сторону Сирии или Ирака, не было случайным. Здесь был обозначен серьезный геополитический вопрос, в географическом отношении касавшийся территории всего Курдистана, а в политическом — жизненных интересов трех главных в тот момент игроков развернувшейся тогда мировой драмы — СССР, Германии и Великобритании.

Этот вопрос был затронут во время поездки главы советского правительства и его внешней политики В.М.Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. Все перипетии этого знаменательного события достаточно освещены в специальной и популярной литературе²⁶, здесь же будет обращено внимание на те из них, которые близко относятся к настоящей теме.

Ближневосточные проблемы занимали видное место в переговорах. В директивах Молотову от 9 ноября 1940 г., исходивших несомненно от Сталина, значилось: «Вопрос о Турции и ее судьбах не может быть решен без нашего участия, т.к. у нас есть серьезные интересы в Турции»²⁷.

Руководство «третьего рейха» пыталось использовать эту заинтересованность в своих целях. А они состояли в том, чтобы отвлечь СССР от европейских дел, соблазнив его перспективой участия в разделе Турции и, возможно, других ближневосточных стран, пересмотра в свою пользу конвенции в Монтрё и т.д. Тем самым в Берлине хотели создать благоприятные условия для подготовки и приведения в действие «плана Барбаросса», находившегося в то время в стадии окончательной доработки (утвержден Гитлером месяц спустя). Министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп в предварительных переговорах с В.М.Молотовым 12 ноября 1940 г. обратил его внимание на то, что подлинные интересы СССР — на юге, должны быть

обращены «к Персидскому заливу и Аравийскому морю»²⁸. На следующий день, 13 ноября, Риббентроп в развитие этой идеи предложил «проект открытого заявления четырех держав (Турции, СССР, Германии и Италии) о разграничении главных интересов четырех держав с уклоном нашей сферы в направлении к Индийскому океану». Далее речь шла о проливах и пересмотре конвенции в Монтрё²⁹. Это было дипломатическое оформление состоявшейся ранее в тот же день второй беседы Гитлера с Молотовым, на которой план фюрера был изложен в следующих словах: «Великое азиатское пространство нужно разделить на восточно-азиатское и центрально-азиатское. Последнее распространяется на юг, обеспечив выход в открытый океан, и рассматривается Германией как сфера интересов России. Для осуществления всего этого требуется, конечно, продолжительное время 50–100 лет»³⁰.

Это предложение не было секретом для союзников Германии. Японский посол в Турции Ш.Курихара сообщил советскому полпреду С.А.Виноградову: «Для СССР оставлена вся Центральная Азия с Афганистаном, Индией и Персией»³¹. Таким образом, Советскому Союзу была обещана (при условии, конечно, присоединения его к державам «оси») обширная территория на Ближнем Востоке, включающая Восточную Турцию и Западный Иран (в том числе и весь Курдистан) от линии Баку — Батуми до Персидского залива. Разумеется, для советской делегации были ясны истинные намерения нацистских главарей, и она не клюнула на эту наживку, тем более предложенную в столь фантастическом и одновременно туманном виде. Гитлеру и Риббентропу не удалось разыграть против Молотова ближневосточную карту, да и вообще берлинские переговоры оказались бесплодными вместе с бредовым планом раздела «великого азиатского пространства».

Если возможность приближения СССР к Индийскому океану выглядела тогда чисто виртуальной, то попытки германского и итальянского проникновения в этот регион были вполне реальными. Лондону было чего опасаться, особенно в связи с указанными событиями в Сирии и Ираке в 1940–1941 гг., поэтому переговоры между СССР и Германией в ноябре 1940 г. вызвали у англичан большие подозрения. Вот что говорилось по этому поводу в депеше советского полпреда в Великобритании И.М.Майского от 15 ноября 1940 г. «Из этих политических вопросов англичан больше всего беспокоит вопрос о Турции: есть ли соглашение между СССР и Германией о совместном давлении на Турцию с целью пропуска немецких войск в Сирию через ее территорию?» В Форин Офисе думают, отмечал далее посол, «что, если, как они ожидают, Турция окажет сопротивление всякой такой попытке, отношения между Англией и СССР могут принять чрезвычайно острый характер»³².

Иначе говоря, в Лондоне опасались, что в Берлине мог состояться советско-германский сговор, который привел бы к созданию очага германской агрессии в непосредственной близости от Суэцкого канала и Персидского залива, жизненно важных центров для Британской империи. Опасения эти были совершенно безосновательны. Возможно, источником их происхождения были обращенные к советскому полпреду в Турции настойчивые просьбы иракского посланника о немедленном установлении дипломатических отношений между СССР и Ираком, где к власти пришло антианглийское правительство аль-Гайлани, и об опубликовании в СССР декларации о независимости арабских стран, о чем могли прознать англичане. Москва заняла по этому вопросу осторожную позицию, воздержалась от декларации³³ и ограничилась признанием правительства аль-Гайлани, но со свержением его англичанами в конце мая 1941 г. вопрос об установлении дипломатических отношений был отложен (до 1944 г.).

В ходе всей этой военно-дипломатической активности накануне открытия нового и, как скоро выяснилось, главного театра Второй мировой войны — против Советского Союза — о курдах даже не упоминалось. Тем не менее она их коснулась и непосредственно, и потенциально. Иракский Курдистан очутился под прямым военным контролем британских войск, а Сирийский — британских и голлистских. Турецкий Курдистан был под пятой заново отмобилизованной турецкой армии, ждавшей своего часа³⁴, Иранскому же воюющие державы готовили роль плацдарма в борьбе за Кавказ и Персидский залив. Война стучалась в ворота курдской крепости, но все зависело от результатов гитлеровского *Drang nach Osten*.

СССР, Великобритания, Иран и курдский вопрос в 1941–1943 гг.

22 июня 1941 г. начался новый и решающий этап Второй мировой войны. Нападение Германии на СССР серьезно изменило геостратегическое положение всего западноазиатского региона. Державы «оси» не скрывали своего намерения установить контроль над географическим пространством, отделяющим Средиземное море от Индийского океана. С юга и юго-запада, т.е. в Северной и Северо-Восточной Африке, эту территорию защищали английская армия и флот (вместе с верными де Голлю французскими частями, а позже и американскими войсками), одолеть которые итало-германцам оказалось в итоге не под силу. На севере и северо-востоке, т.е. в Юго-Западной Азии, позиции западных демократий выглядели гораздо уязвимее. Поведение Турции и Ирана, несмотря на объявленный ими нейтралитет, было сомнительным и в значительной степени

зависело от исхода операций вермахта. На арабов, считавших себя жертвами английского и французского колониализма, тоже рассчитывать не приходилось. Успех германского блицкрига против Советского Союза, южная часть которого «нависала» над ближневосточным регионом, имел бы катастрофические последствия для позиций западных демократий. Поэтому обеспечение стабильности в Курдистане, занимавшем стратегическое положение в регионе, становилось для участников антигитлеровской коалиции чрезвычайно важной задачей. Этим главным соображением и руководствовалась политика союзников, прежде всего Великобритании и СССР, в курдском вопросе.

Проблема была не из легких. Угроза распространения войны на Западную Азию могла всколыхнуть Курдистан, посеять у курдов надежду на скорое освобождение от ига Анкары, Тегерана, Багдада, английских и французских колонизаторов. Опыта общения с новоявленными «освободителями», за которых выдавали себя немцы и итальянцы, у курдов не было, а старые угнетатели и каратели были налицо. Что касается курдских идеологов и националистов, группировавшихся в основном в Сирии и Ливане, то антифашистские силы среди них в начале войны были представлены слабо. Нацисты же, напротив, действовали в это время на Ближнем Востоке весьма активно. Их интенсивная агентурно-подрывная работа, принявшая особенно большой размах в Иране летом 1941 г., должна была подготовить почву для захвата ближневосточного плацдарма после ожидаемых решающих побед на Восточном фронте и прорыва вермахта на Кавказ³⁵.

Иран стал главной ареной политического противостояния в Западной Азии между Великобританией и Советским Союзом, ставшими союзниками после 22 июня, с одной стороны, Германией и ее сателлитом Италией — с другой. Первые обладали несомненным преимуществом перед «осью», поскольку располагали по периметру иранских границ реальной военной силой, немцы же и итальянцы, потерпев военное поражение в Северо-Восточной Африке и Сирии и политическое в Ираке, на иранском плацдарме могли действовать только методами «плаща и кинжала», что давало лишь ограниченный эффект. В Лондоне и Москве решили немедленно воспользоваться этим преимуществом.

В течение двух летних месяцев, прошедших после нападения Германии на СССР, советское и британское правительства оказывали всевозрастающий нажим на Тегеран с требованиями прекратить прогерманскую деятельность, выражавшуюся в резкой активизации германской агентуры в стране и нарушавшую нейтралитет Ирана в войне, провозглашенный еще 4 сентября 1939 г. (подтвержденный Советскому правительству 26 июня 1941 г.). Но шах и его правительство не хотели, да и не могли прервать тесные связи с державами «оси»³⁶. В ответ на это 25 августа 1941 г. советские и английские войска пересекли иран-



Английская и советская зоны в Иране в 1941–1946 гг.
 (Lenczowski G. Russia and the West in Iran, 1918–1948. Ithaca, N. Y., 1949)

ские границы, первые на севере, вторые на юге. Соппротивление иранских войск, если его можно назвать таковым, длилось всего два дня. Участник тех событий иранский генерал Хасан Арфа пишет, что иранская армия была полностью дезорганизована, отмечая при этом, что курды пограничных с Ираком районов с помощью иракских курдов разоружили иранские гарнизоны и захватили большое количество оружия³⁷.

Красная Армия продвинулась на территорию Северо-Западного и Северо-Восточного Ирана, к северу от Тегерана, британские войска заняли позиции в юго-западной и юго-восточной части страны. Сначала крайней точкой продвижения советских войск на северо-западе Ирана был Сенендедж, но потом они были отведены к северу от Мехабда до линии Ошнуйе (Ушну)–Миандоаб, но зона советского влияния распространялась и на юг от этих пунктов (Мукринский Курдистан с Мехабдом, так называемая «нейтральная зона»). Вскоре была дос-

тигнута договоренность о линии Секкез—Сердешт как разделявшей советскую и английскую зоны³⁸.

Таким образом, на северо-западе Ирана в советскую зону вошли Иранский Азербайджан, а именно район оз. Урмия (Резайе) и далее до советской границы со смешанным азербайджанским и курдским населением, и так называемый Мукринский Курдистан с главным центром Мехабадом. Британская зона включала исконно курдские районы Керманшаха и Сенендеджа и исторические области Фарс, Бахтиария, Лурестан, Хузестан (Арабистан), где также жили различные неперсидские племена, в том числе родственные курдам луры и бахтиары. Кроме того, в советской зоне на северо-востоке Ирана (Хорасан) вне основной территории Курдистана обитали местные курдские племена (впережку с туркменскими). Уже одно это делало взаимоотношения с курдами насущной заботой и Советского Союза, и Великобритании.

Главной задачей советских военных властей в Иране было обеспечение безопасности тыла Закавказского военного округа, преобразованного летом 1942 г. во фронт в связи с прорывом немцами обороны Красной Армии на юге и их продвижением к Главному Кавказскому хребту. Для этого в первую очередь следовало поддерживать нормальную работу Трансиранской железной дороги, по которой осуществлялся сравнительно безопасный транзит в СССР столь необходимых для ведения войны грузов (главным образом из США). С запада и северо-запада к этой дороге, пересекавшей западную и центральную часть страны, примыкала обширная территория, населенная в основном неперсидскими племенами, в том числе и курдскими. Взаимоотношения с племенами становились, таким образом, стратегическим вопросом как для Советского Союза (по указанной причине), так и для Англии, главной целью которой была защита нефтепромыслов Ирака и Южного Ирана, а также коммуникаций в зоне Персидского залива и в Индийском океане.

Эта проблема была для союзников не только военной, но и политической. Дело в том, что ввод советских и английских войск в Иран вовсе не означал военной оккупации страны в подлинном смысле этого слова, каковы бы ни были первоначальные или скрытые намерения союзников. Отречение мирволившего нацистам Реза-шаха и воцарение его сына, молодого и неопытного Мохаммеда Резы, удовлетворили Москву и Лондон. Тегерану были оставлены многие атрибуты суверенитета, впоследствии подтвержденные на Тегеранской конференции 1943 г. Это было на руку каждому из союзников (к которым в конце 1942 г. присоединились и Соединенные Штаты Америки) в их соперничестве за влияние на Иран: можно было использовать правительственные структуры в своих интересах и против конкурентов. Единство действий союзники проявляли только в борьбе против про-

исков держав «оси» в самом Иране и вокруг него. По многим другим вопросам наблюдались более или менее значительные расхождения, причем англичане и американцы часто выступали солидарно против Советского Союза.

К таким вопросам относились взаимоотношения с племенами, в том числе и прежде всего с курдами. Речь шла о реальном влиянии на обширных и важных в стратегическом и экономическом отношении территориях. Перед советским командованием и политическими представителями СССР в Иране стояла трудная задача завоевания доверия у населения, в социальном и культурном отношении им совершенно чуждого, находившегося в полном подчинении у своей племенной и клерикальной верхушки, отличающегося традиционным для курдов анархическим менталитетом и тому же неизжитыми и тяжелыми воспоминаниями о российской оккупации времен Первой мировой войны, когда с местным населением не особенно считались³⁹. Осложняющими моментами были необходимость учитывать всегдашнюю вражду между курдами и азербайджанцами в многонациональной советской зоне, а также антикурдские карательные мероприятия иранских властей и интриги союзников-англичан, старавшихся испортить отношения между курдской верхушкой и советским командованием, разжигая межплеменную вражду. Наконец, не прекращала свою подрывную деятельность и немецкая агентура, которую не удавалось искоренить до середины 1943 г. Так, нацистские подстрекатели были замечены в Хое и Котуре на северо-западе Ирана, побуждая (с участием и турецких агентов) курдов к выступлениям против СССР⁴⁰.

Вместе с тем ряд обстоятельств способствовал успеху советской политики в Иранском Курдистане. Как отмечал В. Иглтон, эта политика в первые полтора года оккупации была «осторожной и гибкой», Советы старались не раздражать курдов и не давать им повод внимать агентам «оси», проникавшим в Иран из Турции. Курдам было передано большое количество оружия и прочего снаряжения поспешно отступившей иранской армии. Сосланные Реза-шахом курдские вожди вернулись в свои племена и были настроены, естественно, просоветски. 30 видных знатных людей Иранского Курдистана (Кази Мохаммед из Мехабада, Маджид-хан из Миандооба и др.) были приглашены (видимо, в октябре или в ноябре 1941 г.) в Баку, откуда вернулись весьма довольные приемом, оказанным им руководителем Азербайджанской ССР М.Д.А.Багировым. По утверждению Иглтона, советские представители, участвовавшие в переговорах с курдскими вождями, выступали за установление в курдских районах Ирана порядка и спокойствия, передачу курдам оружия иранской армии и заявляли, что «курды должны получить свободу в своих национальных делах». Как будет показано далее, в действительности политика СССР в Иран-

ском Курдистане была иной, но курдам тогда это было неизвестно. В целом же курдское население советской зоны Ирана благожелательно встретило части Красной Армии, видя в них освободителей от гнета Тегерана и оказывая им всяческую помощь⁴¹.

Командование расквартированных в центральной и северной части Иранского Курдистана советских войск, советские дипломатические и консульские работники в Иране, в Иранском Азербайджане и Курдистане (в Тебризе и Резайе) формально воздерживались от открытого вмешательства во внутренние дела Ирана, в частности во взаимоотношения правительства и местных властей с национальными меньшинствами и племенами. Заместитель начальника Генштаба Красной Армии А.М.Василевский и военный комиссар Оперативного управления Генштаба Рыжков сообщали генеральному секретарю НКВД А.А.Соболеву 29 декабря 1941 г.: «Факты вмешательства во внутренние дела Ирана со стороны наших командиров не подтверждаются. Губернаторы провинций заявили об отсутствии с их стороны претензий. Командованию советских войск приказано запретить кому бы то ни было вмешиваться во внутренние дела Ирана»⁴². В действительности же само присутствие соединений Красной Армии не могло не стимулировать курдское национальное движение, которое вступило в полосу нового подъема. Советское руководство в целом его поддерживало, исходя при этом не столько из идейных, сколько из государственных интересов, хотя присущие этому движению черты этноплеменного сепаратизма, феодального по своему происхождению и подчас принимавшего клерикальную форму, не вызывали у него, естественно, никаких симпатий. Как будет показано далее, Москве приходилось проводить в курдском вопросе осторожную линию, дабы избегать осложнений с Тегераном и не обострять отношений с союзниками. Тем не менее курды советской сферы влияния в Иране понимали, что Советский Союз в данный момент на их стороне, и это придавало им силы и уверенность в их борьбе.

Изменения в международном и внутреннем положении Ирана сказались на ситуации в советской зоне влияния уже в конце 1941 г. 29 декабря в Мехабаде состоялось совещание вождей курдских племен Мукринского Курдистана, входившего в так называемую «нейтральную зону» между районами советской и английской оккупации. На совещании были представлены и вожди из северной части Иранского Курдистана, где стояли советские войска (Ошнуйе, Резайе, Хой, Маку). Знаменательно, что некоторые влиятельные вожди (например, предводитель мангур Ибрагим-ага) прямо говорили здесь о необходимости создать «курдскую власть с помощью советских людей»⁴³.

К началу 1942 г. в подконтрольном СССР курдском регионе Ирана сложилась обстановка, внушавшая Тегерану самые серьезные опасе-

ния. Фактически власть центрального правительства здесь была утрачена, и оно обратилось к советскому командованию за разрешением ввести в курдские районы иранские войска для наведения порядка, но получило отказ⁴⁴. Это была прямая помощь советских властей разворачивавшемуся национальному движению иранских курдов. Разумеется, Тегеран с этим мириться не хотел и начал усиленно провоцировать в Курдистане беспорядки, чтобы получить предлог для вмешательства. После таких беспорядков, происшедших в апреле—мае 1942 г. в Резайе среди племен харки и шеккак, советское командование согласилось допустить в Резайе одну бригаду иранских войск, развернутую потом в дивизию, и эти войска приступили к усмирению курдов. Вскоре волнения племен прекратились. В.Иглтон считает это заслугой иранских войск, по мнению же очевидца тех событий О.Л.Вильчевского, заслуга принадлежит местной курдской администрации, обеспечившей при поддержке советских гарнизонов относительное спокойствие и порядок. В освобожденных от контроля иранской администрации курдских районах начали складываться формы курдской государственности, причем попытки прозападного «Хойбуна» руководить этим процессом провалились. Напротив, в Мехабаде укрепилось влияние антифашистских и левоориентированных курдских организаций, в том числе и коммунистических⁴⁵.

В 1942 г. Мехабад, бесспорно, стал организационным и политическим центром курдского национального движения в Иране. Видимо, уже с конца 1941 г., как утверждает В.Иглтон, здесь подпольно работала некая «курдская политическая партия». Иранские власти после ввода союзных войск не имели в городе и округе никакого политического влияния. Зато резко возросла власть мехабадского нобилитета, состоявшего из 20 знатнейших семей, в который входили особо почитаемые суфийские шейхи (в том числе шейх Абдулла-эфенди, шейх Замбили и особенно принадлежавший к духовно-юридическому сословию судей Кази Мохаммед, человек разносторонних дарований и прогрессивных взглядов). Именно последний вместе со своим младшим братом Садр-и Кази, депутатом меджлиса, близким к коммунистической партии «Туде», и двоюродным братом Хусейном Сейф-и Кази вершили политику в Мехабаде и во всем Мукринском Курдистане.

В других районах советской зоны в Северо-Западном Иране, лежащих к северу от Мукринского Курдистана (примерно от Ошнуйе к западу от оз. Резайе и дальше через Хой и Маку до советской границы), власть Тегерана почти не ощущалась, но и национальное движение среди курдов было развито сравнительно слабо. Здесь безраздельно правили местные вожди племен, которые, впрочем, относились к присутствию советских войск вполне терпимо.

Южная часть Иранского Курдистана, простиравшаяся от линии Сердешт–Секкез вплоть до иракской границы и включавшая историческую область Арделан со старинными курдскими центрами Сенендедж и Керманшах, находилась в зоне британского контроля. Но английские войска стояли не везде и, как и советские, избегали прямого военного вмешательства, сосредоточившись на проведенных с успехом операциях по искоренению нацистской агентуры (главный центр которой находился в Сенендедже). В этой зоне курдское движение за национальное самоопределение не получило заметного развития⁴⁶, но сепаратистские выступления отдельных влиятельных вождей, воспользовавшихся резким ослаблением государства, приняли широкий размах. Разумеется, англичане постарались извлечь из этого пользу, вербуя сторонников среди феодально-племенной верхушки курдских и арабских племен Курдистана и Хузестана и «спекулируя перед иранским правительством на тяготении этих племен к Ираку». Британский консул в Керманшахе установил тесный контакт с племенами, офицеры британской разведки полковник Флетчер, майоры Лоунс и Оакшот насадили агентуру в своей зоне оккупации. Англофилами считались депутаты меджлиса из этих районов Иранского Курдистана Аббас Гобадян, Салар Сенендедж и доктор Муаван, близкие к националистической группе Сеида Зия эд-Дина Табатабаи⁴⁷.

Однако англичане не спешили поощрять, а тем более активно поддерживать курдских феодалов-сепаратистов, боясь нанести ущерб своим отношениям с Тегераном и спровоцировать Советский Союз на аналогичные действия в своей зоне. Создание ситуации, могущей привести к фактическому разделу Ирана, как это было в эпоху Первой мировой войны, не устраивало Лондон в критические для него 1941–1942 гг., когда сохранение его имперских позиций на Ближнем Востоке было под вопросом. Поэтому курдским вождям приходилось действовать на свой страх и риск.

Наиболее крупным выступлением курдов в зоне британского влияния было восстание, поднятое вождем курдов-бекзаде из Бане Мохаммедом Хама Рашидом вскоре после ввода английских войск в Иран. Он перешел в начале апреля 1942 г. из Ирака в Иран, но на Сенендедж сразу не пошел, убоявшись стоявшего там британского гарнизона. Разбив у Бане корпус иранского генерала Мокаддама, Хама Рашид двинулся на Сенендедж, потребовав от англичан признания независимости Курдистана, от чего те, конечно, уклонились⁴⁸.

Дальнейшая борьба шла с переменным успехом. Сперва он сочувствовал повстанцам, которые разбили отряд генерала Амина и присоединившегося к нему курдского вождя Али-хана Хабиби. Оба они погибли. Но потом полковник Ибрагим Арфа, соединившись с некоторыми недругами Хама Рашида из местных племен, одержал над ним

победу 21 апреля 1942 г. и продвинулся до Бане. И тут сказали свое слово англичане, убедившие иранское командование не продвигаться дальше и заключить соглашение с Хама Рашидом. После переговоров, в которых участвовал Флетчер, Хама Рашид был утвержден губернатором Бане и ему разрешили держать свое войско, в целом же район Бане–Сердешт контролировали правительственные войска. Летом 1942 г. они все же захватили Бане. Окончательно персы разделались с Хама Рашидом только осенью 1944 г. с помощью враждебных ему вождей⁴⁹.

История с Хама Рашидом показывает, что англичане выступали в привычной им роли, стравливая племена между собой и манипулируя ими в своих целях. Конечно, движения, подобные описанному, никак нельзя считать национальными; то были типичные феодально-сепаратистские выступления.

Итак, в Иранском Курдистане в первые месяцы после ввода в Иран советских и английских войск сложилась весьма пестрая картина. Подрывной работе держав «оси» был нанесен решительный удар, но порядка и спокойствия не было. Племена Западного Ирана, прежде всего курдские, вновь пришли в состояние брожения, внешне напоминавшего ситуацию, искони существовавшую здесь еще при последних Каджарах: слабая центральная власть, феодально-племенные раздоры и наличие вмешательства России и Англии, представленных здесь реальной военной силой⁵⁰. Но были и два существенных различия. Во-первых, державы уже не могли, да и не хотели вести себя в Иране по классическому колониальному собразцу: иные настали времена. Во-вторых, в курдском обществе Западного Ирана произошли существенные сдвиги. Наряду с сохранением во многих районах традиционного феодально-племенного партикуляризма (отчасти используемого англичанами) появился и стал заметной силой курдский национализм явно демократического оттенка, пользовавшийся негласной, но ощутимой поддержкой Советского Союза. Вехи новой эпохи сказались и здесь.

Как отмечалось, В.Иглтон относил возникновение в Мехабаде первой организационной ячейки национального движения иранских курдов к 1941 г. По его же словам, 16 сентября 1942 г. 15 человек «из среднего класса» собрались под Мехабадом и создали курдскую политическую партию. В ее организации приняла участие иракская «Хива», направившая в Мехабад своего эмиссара капитана Мир Хаджа. Партия, первоначально представлявшая собой довольно узкий круг лиц (до 100 человек), называлась по-курдски «Комала-и Жиини Кордестан» («Комитет „Жизнь Курдистана“») и более известна под названием ЖК или «Комала». В апреле 1943 г. был избран ЦК партии; постоянного председателя ЦК не было, но самыми влиятельными его членами являлись Абдуррахман Забихи, Хажар, Али Рейхани и Мухам-

мед Яху. Партия имела ярко выраженный националистический и конспиративный характер и ставила перед собой довольно ограниченную цель — бороться за самоуправление курдов пока в рамках существующих государств. В ее программе были и общедемократические и антифашистские положения, сходные с программой Народной партии Ирана («Туде») ⁵¹. Поначалу ЖК была весьма малочисленной партией и не имела заметного влияния, но пропаганду своих идей вела во всех частях Курдистана.

В общем, политическую погоду в Иранском Курдистане в первые полтора года после вступления в Иран союзных войск по-прежнему делали феодально-племенные структуры, хотя и они в это время все чаще стали выступать с позиций курдского национализма, при этом даже с определенной демократической тенденцией. Как бы то ни было, в поясе племен, окружающем центральные области страны, особенно в курдском регионе, с осени 1941 г. начала расти напряженность, внушавшая сильную обеспокоенность всем заинтересованным сторонам.

В первую очередь это было шахское правительство, перед которым вновь замаячила перспектива изнурительной борьбы с племенным сепаратизмом. Выяснилось, что предпринятый незадолго до этого Реза-шахом и широко разрекламированный «Курдистанский поход» был лишь временным успехом, не выдержавшим испытания временем. Стоило стране столкнуться с внешним кризисом, вызванным угрозой быть вовлеченной в новую мировую войну, как неперсидские народы и племена опять пришли в движение. Особую тревогу внушала Тегерану виртуальная возможность использования волнений на окраинах Англией и Россией, что грозило территориальными потерями, а то и расчленением государства.

Восстание Хама Рашида всерьез напугало Тегеран, но отказ англичан, беспокоившихся за принадлежавшие им нефтепромыслы на юге Ирана, поддержать мятежного вождя и даже их содействие в локализации его выступления в значительной мере развеяли тревогу. Гораздо серьезнее были восприняты иранским правительством события в центральной и северной части Западного Ирана, где расположились части Красной Армии. По понятным причинам Москву в Тегеране боялись больше, чем Лондон и поддерживавший его в иранской политике Вашингтон (влияние которого в Иране быстро росло, особенно после официального вступления США в войну в декабре 1941 г.). В Англии и США правящие круги Ирана, традиционно настроенные консервативно и антикоммунистически, всегда видели потенциальных союзников против советской угрозы, которую считали главной опасностью для страны, хотя, по правде говоря, настороженно относились и к нередким посягательствам западных держав на иранский суверенитет.

Тревожные сигналы из центральной и северной частей Иранского Курдистана начали поступать с конца 1941 — начала 1942 г. Многие из примерно 60 курдских племен Ирана⁵², освободившись от тяжелой руки шахской власти, почувствовали себя свободными от всяких обязательств перед государством; в отдельных районах царили анархия и полный произвол вождей, творивших насилия и грабежи, от которых страдало мирное население. Разумеется, такие действия довольно влиятельной части курдской верхушки были весьма далеки от подлинно национального движения, ибо в социальном отношении не выходили из узких рамок интересов племен и пережиточных морально-этических норм. В лучшем случае они выражали настроения протеста против притеснений, которым подвергал курдов шахский режим. В то же время часть курдской знати, как уже говорилось, несмотря на свое феодально-клерикальное происхождение, уже восприняла современные идеи и встала на путь борьбы за объединение курдов, за национальное самоопределение. Она группировалась в основном в Мехабаде и в других районах Мукринского Курдистана и включала часть зажиточных городских слоев, получивших определенное образование. Однако в географическом аспекте ее влияние было ограничено, особенно на первых порах. Погоду делали племенные вожди старого закала, контролировавшие территорию близ оз. Резайе и дальше на север. Именно там были главные очаги антиправительственных выступлений курдских племен в 1941–1942 гг., которые внушали большие опасения не только Тегерану.

Забили тревогу, например, в госдепартаменте США. Иранские курды и другие племена Ирана, как отмечалось в меморандуме начальника Ближневосточного отдела У.Мюррея от 10 января 1942 г., захватили большое количество оружия, оставленное иранскими войсками во время вступления в страну британско-русских войск, и возобновили нападения, которые представляли большую угрозу. Их необходимо было поставить под контроль для обеспечения безопасности «транспортных средств», т.е. Трансиранской железной дороги⁵³. Через несколько дней от посланника США в Иране Л.Г.Дрейфуса поступило сообщение, что курды напали на г. Резайе, выгнали губернатора и убили нескольких полицейских. В Тегеране считают, сообщал посланник, что виноваты Советы, не позволяющие правительственным войскам обуздать курдов⁵⁴. Примерно в это же время египетская газета «Аль-Ахрам» писала, что заволновались бахтиары, которых англичане снабдили оружием⁵⁵.

Это была первая реакция племен на новую обстановку в Иране после ввода английских и советских войск. После зимних каникул, когда в горах не воюют, в апреле 1942 г. в Резайе вновь вспыхнули волнения. Курды нападали на жандармские посты и выставили следующие

требования: 1) провести с ними переговоры; 2) разрешить носить оружие в городе; 3) ликвидировать жандармские посты. По мнению американского консула в Тебризе Кенихолма, если ситуация у русских на Кавказе ухудшится, нападения курдов усилятся. С курдами могут справиться только русские, осуществив нажим на курдов. Иранский премьер Али Сохейли выразил советскому посольству недовольство отказом допустить иранские войска к расправе над курдами и просил Л.Г.Дрейфуса помочь ему убедить Россию и Англию сделать это. Советский посол ответил отказом, ссылаясь на советско-иранский договор от 29 января 1942 г., а британский посоветовал иранскому правительству создать комиссию для решения вопроса о племенах. Состоялась встреча советского генконсула в Тебризе с представителями Ирана и курдов близ Резайе, которая результатов не дала. Курды предъявили свои требования, а советский консул призвал их разойтись по домам⁵⁶.

Тегеран, однако, не отступал и искал союзников в нажиме на Москву. Иранский посол в Анкаре обратился к Турции, пугая ее возможностью возникновения беспорядков среди турецких курдов под влиянием их иранских собратьев, и просил о содействии американского посла в Анкаре. Иранский посол жаловался американскому, что 20 тыс. советских военных, включая механизированные части, расквартированы в районе оз. Резайе, ничего не предпринимают против 3 тыс. курдов, а иранские войска в этот район не допускают. Был слух, что иранский посол в СССР (находившийся вместе со всем дипкорпусом тогда в Куйбышеве) добивался приема у И.В.Сталина по этому вопросу⁵⁷.

Примечательно, что американцы придавали этой, казалось бы, локальной для США проблеме весьма важное значение. Об этом говорит инструкция государственного секретаря США Корделла Хэлла послу США в СССР Стэндли от 6 мая 1942 г., т.е. сразу же после получения указанных сообщений. В связи с событиями в Северном Курдистане, писал Хэлл, следует «найти случай» обсудить с советским правительством ситуацию, выдвинув следующие аргументы: 1) пропаганда «оси» может нажить «большой капитал» на курдских беспорядках как инспирированных Советами для аннексии части Ирана. Эта пропаганда направлена на Турцию и Ирак (и Иран), что может причинить ущерб Объединенным Нациям «в этом жизненно важном районе»; 2) «жизнь и собственность» американцев в Иране находится под угрозой (убита жена одного американского корреспондента); 3) радио «оси» сообщает, что силы Рашида Али аль-Гайлани присоединились к курдам Ирана. Если это и неверно, курдское восстание может быть использовано врагом и создать трудности «в поддержании линии снабжения России через Иран». Советское правительство, писал госсекретарь, должно принять меры, чтобы иранское правительство восстано-

вило порядок. Иранское правительство не информировано об этом демарше, и не следует давать знать советскому правительству, что вмешательство США совершено по просьбе Ирана⁵⁸.

По сведениям Л.Г.Дрейфуса, премьер-министр Али Сохейли получил от В.М.Молотова удовлетворивший иранцев ответ, в котором говорилось, что советскому командованию предписано сотрудничать с иранскими властями в связи с отправкой иранских войск в «беспокойные районы». Военный министр генерал Аманолла Джаханбани и несколько высших офицеров прибыли в Иранский Азербайджан. Однако степень советско-иранского сотрудничества поначалу была явно не высока. Курды продолжали совершать нападения. Затем были установлены смешанные советско-иранские посты между Резайе и Хоем, из Тебриза в Резайе с согласия советского командования был отправлен иранский полк. Но курдские волнения повсеместно продолжались вплоть до границы с Ираком⁵⁹.

Вскоре советское командование пошло на дальнейшие уступки. Сначала в Резайе были допущены 500 иранских солдат, потом — еще 1500, хотя требовалось по крайней мере втрое больше. Вообще советское командование старалось делать персам уступки в курдском вопросе, как говорится, в час по чайной ложке. Например, оно не возражало против разоружения курдов, но требовало, чтобы этот процесс протекал «мирно». Все же в итоге численность советских войск в курдских и азербайджанских районах Ирана начала уменьшаться, а иранских — возрастать⁶⁰.

В результате осенью 1942 г. советско-иранские отношения стали улучшаться, чему, безусловно, способствовал прием И.В. Сталиным иранского посла. По наблюдению американского посла в Иране, это происходило на фоне ухудшения ирано-британских отношений в связи с бесцеремонным вмешательством англичан во внутренние дела Ирана и их «неприветливой манерой обращения». «Англичане грабят нас», сказал американцу министр иностранных дел Ирана⁶¹. Такая ситуация вполне устраивала Москву, а в какой-то степени и Вашингтон, стремившийся укрепить свои позиции в Иране за счет английских.

Информация из американского источника — посольства в Тегеране — и реакция на нее госдепартамента проливают свет не только на явное пробуждение интереса США к курдскому вопросу в Иране в период его обострения в конце 1941–1942 г., но и на некоторые важные особенности позиции и тактики союзников по этому вопросу. Американцы с целью укрепления своего влияния в правительственных сферах Ирана претендовали на роль беспристрастного посредника между ними и другими союзниками, причем отнюдь не показывали желания солидаризироваться с англичанами, к чьей позиции относились критически.

Британцы по-прежнему вели себя в Иране вообще и в Курдистане в частности в традиционной колониалистской манере, хотя и не столь явно, как прежде. Подавляя военной силой явных недругов из среды курдских племен, они вместе с тем старались при помощи подкупов и интриг приобрести себе в ней сторонников. Обеспечив относительную стабилизацию в своей зоне оккупации, они пытались распространить свое влияние и на север, где стояли советские войска. Для этого использовалась разветвленная сеть британской агентуры в верхушке племен. Особенно активен был сын видного курдского вождя и религиозного авторитета из ирако-иранского пограничья сейида Таха (Та), умершего перед войной в Тегеране, — Мухаммед Садык, пытавшийся, пусть и безуспешно, создать в Резайе «Комитет свободы»⁶². Эта деятельность была направлена, безусловно, против интересов СССР. Да и с интересами Ирана англичане нисколько не считались, привычно попирая его суверенитет, что, как указывалось, весьма задевало Тегеран.

Политика Советского Союза в Северном Иране, где стояли его войска, не отличалась четко поставленными целями. Ее стратегическая составляющая была ясна и реализована в первые же недели оккупации: непосредственной военной угрозе кавказским границам СССР со стороны фашистских агрессоров и их агентуры был поставлен надежный заслон. Обеспечение южного тыла фронтов Великой Отечественной войны сыграло важную роль, особенно во второй половине 1942 г., когда вермахт рвался на Кавказ и знамя со свастикой на некоторое время было водружено на Эльбрусе. Но курдское (и азербайджанское) национальное движение, с новой силой вспыхнувшее в Северо-Западном Иране после августа 1941 г., поставило перед советским правительством и военно-дипломатическими службами в Иране новые, не предвиденные ранее задачи.

Главными районами курдского движения, как говорилось, были территории, расположенные южнее, западнее и севернее оз. Резайе. В английской зоне отдельные выступления курдских вождей (Хама Рашида, кашкайцев, бахтиар и др.) были быстро подавлены, а на северо-востоке Ирана, в Хорасане было отмечено весной 1942 г. только одно восстание — к северу и югу от Мешхеда. Мукринский Курдистан и Иранский Азербайджан стали основной ареной курдского движения, как феодально-сепаратистского, так и демократического направления.

Во враждебных Советскому Союзу кругах, в странах «оси» и в Иране, раздувалась провокационная версия об инспирации этих движений из Москвы ради захватнических целей в отношении Курдистана и Турецкой Армении⁶³. Как будет показано далее, нет ничего более далекого от правды, чем такого рода инсинуации. В этот самый критический период войны советское руководство было кровно заинтересовано во внутренней стабильности южных соседей СССР — Ирана и

Турции, в устранении любых причин, могущих нарушить статус-кво в этих странах и вбить клин между членами антигитлеровской коалиции. В условиях крайне неблагоприятного для Красной Армии начального периода войны любое поощрение национальных движений в «южном подбрюшье» СССР было более чем несвоевременным. Из этого и исходило советское правительство в своей курдской политике. Правда, оно придерживалось этого принципа не абсолютно, а относительно, применительно к конкретной обстановке, которая то и дело заставляла вносить определенные коррективы. Как заметили в госдепартаменте США, русские одновременно то поощряли, то сдерживали «своенравных курдов»⁶⁴.

На рассматриваемом этапе курдского движения в Иране Советский Союз и Англия пытались действовать в курдском вопросе солидарно. В конце 1941 или в начале 1942 г. английский посол в Иране Р.Буллард посетил Москву специально для обсуждения с В.М.Молотовым этой проблемы. По возвращении в Тегеран он направил советскому послу в Иране А.А.Смирнову ноту, в которой вкратце изложил результаты переговоров. В ней, в частности, говорилось: «Наша политика заключается в том, чтобы побудить иранское правительство восстановить свою власть в Курдистане и загладить законные обиды курдов». В беседе с В.М.Молотовым он опроверг утверждение о поддержке англичанами «некоего Мохаммеда Решида» (по-видимому, Мохаммеда Хама Рашида). В.М.Молотов проявил интерес к сообщению Р.Булларда, но от определения позиции СССР по обсуждаемой проблеме, видимо, воздержался⁶⁵.

Возможно, Москва не сразу выработала свою линию по отношению к иранским курдам и к курдскому вопросу вообще. Да и не считала, вероятно, этот вопрос особенно актуальным в момент, когда решалась судьба Москвы, а может быть и всей войны. Не исключено, что военные и политические работники на месте считали полезным использовать отдельные антиправительственные выступления иранских курдов в целях укрепления позиций Советского Союза на северо-западе Ирана. Поэтому командование советских частей на первых порах не чинило особых помех своеволию отдельных курдских предводителей.

В Тегеране этим были немало встревожены, подозревали Советы в агрессивных намерениях. Иранская проправительственная пресса, не решаясь прямо задевать Советский Союз, косвенно обвиняла его в попустительстве мятежным курдам, ведя против них яростную кампанию. Все курдские движения назывались грабительскими и бандитскими, расписывались их бесчинства по отношению к мирному населению и т.п. Газета на французском языке «Журналь де Техран» писала, например, 5 мая 1942 г. в статье «О Курдистане и курдах»: «Это не восстание, а простой грабеж мирного и трудящегося населения, про-

езжих и перевозимого транспорта (так в цитируемом источнике. — *М.Л.*). Происходит разбой, воровство, которые должны быть сурово подавлены». Все курды назывались грабителями и разбойниками, сообщалось, что в Резайе за 13 дней разграблены около 300 селений и т.д. Газета «Эттелаат» красочно описывала бесчинства «курдских банд» в Резайе и обращения местного населения к правительству о помощи, в то время как стоявшие здесь советские войска ограничились только угрозами применить силу против отрядов Нури-бека и Рашид-бека, окруживших город, но так и не вмешались. Газеты писали также о борьбе с курдским «бандитизмом» в районе Шахпура и в других местах⁶⁶.

Как уже говорилось, правительство Ирана, не ограничиваясь просьбами о посредничестве США и Турции, обратилось непосредственно к Москве. 30 апреля 1942 г. премьер-министр и министр иностранных дел Али Сохейли направил довольно резкую телеграмму В.М.Молотову, в которой отмечалось, что советские военные власти, вопреки договору о союзе и тесном сотрудничестве, препятствуют прибытию иранских войск в Резайе, где «многочисленные вооруженные банды и мятежные курды опустошают страну и осаждают беззащитный город Резайе». Тысячи жителей бегут в город, где царит голод. Премьер просит сотрудничать с иранскими властями для поддержания порядка⁶⁷.

На следующий день, 1 мая 1942 г., заместитель наркома иностранных дел В.Г.Деканозов составил проект ответа, в который В.М.Молотов внес свои поправки. В нем, в частности, говорилось, что заявление А.Сохейли «не соответствует действительному положению вещей» (поправка В.М.Молотова) и вызывает крайнее недоумение. Советскому командованию дано указание «не препятствовать вводу в районы Северного Курдистана дополнительных сил жандармерии и полиции». Однако это «не привело к укреплению ранее достигнутого порядка и спокойствия». Иранские власти сами виноваты, озлобив курдов⁶⁸.

Далее произошел следующий дипломатический казус. Этот ответ поспешили отправить в Тегеран и, очевидно, сразу же вручили иранскому правительству. Одновременно его текст был представлен И.В.Сталину, который внес свои поправки в сторону ужесточения формулировок. Беспорядки в Резайе, говорилось в новом варианте ответа, спровоцированы иранскими властями, которые изымают оружие у курдов, насаждают национальную вражду, завозят оружие для использования против курдов и т.п. Советское командование не вмешивается, но может взять на себя функции посредничества между курдами и правительством. В то же время советское правительство не может мириться с ситуацией в Резайе, ибо она представляет опасность для транспортировки грузов в СССР, вызывает напряженность вдоль турецкой границы. Советское правительство настаивает на принятии мер против беспорядков в Резайе, прекращении попыток

разоружения курдов, запрещении завоза оружия и т.п. Получив от И.В.Сталина его вариант ответа, В.М.Молотов предписал передать А.Сохейли и этот текст⁶⁹.

Таким образом, возможно, в один и тот же день, 1 мая 1942 г., персы получили из Москвы два варианта ответа: относительно умеренный — В.М.Молотова и жесткий — сталинский. Али Сохейли предстояло самому разбираться, какой из вариантов выражал точку зрения СССР, что свидетельствовало о достаточно бесцеремонном обращении Кремля с иранским правительством. Неизвестно, какие разъяснения давал А.А.Смирнов А.Сохейли, но несомненно, что Москва заступилась за курдов и показала Тегерану, кто хозяин в ее зоне оккупации. Видимо, с поддержкой курдского движения в Иране в тот период в Москве еще связывали определенные расчеты.

Однако времена быстро менялись, изменилось и отношение советского правительства к курдам и курдскому движению. В правящих кругах Ирана росло беспокойство в связи с событиями в курдских и азербайджанских провинциях страны и ролью, которую играли в них советские войска. В меджлисе часто звучало недовольство неспособностью правительства Мохаммеда Али Форуги, пришедшего к власти после ввода советских и английских войск, подавить выступления курдских племен. Сменившему его кабинету Али Сохейли тоже ничего не удалось сделать. По этому вопросу выступал в меджлисе и шах Мохаммед Реза⁷⁰.

Ухудшение отношений с официальным Тегераном было не в интересах советской внешней политики, поскольку этим, несомненно, могли воспользоваться и Лондон и Вашингтон. Главное же, такое ухудшение было крайне несвоевременно ввиду плачевного состояния дел весной и летом 1942 г. на южных фронтах войны, когда Кавказ оказался под непосредственной угрозой. В подобной ситуации превращать курдский вопрос в камень преткновения между СССР и Ираном было крайне неблагоприятно. И в Москве сделали соответствующие выводы.

В последний день лета или в первый день осени 1942 г. А.А.Смирнов получил директивное письмо В.М.Молотова об основах политики по отношению к иранским курдам. Начиналось оно с резкой критики в адрес советских работников в Иране, прежде всего консула и военных представителей в Иранском Азербайджане, которые препятствовали вводу иранских войск в Резайе. Ошибки посольства и других советских учреждений в Иране, говорилось в письме, заключались в том, что они встали на сторону «обиженных курдов», считая последних просоветски настроенными, «не учли сложных национальных противоречий в Иране», что повлекло отход от нас «некоторых близких к нам элементов из азербайджанцев и иранцев» и было использовано турецкой агентурой. Наши представители «не уяснили

себе, что борьба иранских курдов за автономию и независимость по своему социальному содержанию является реакционной защитой феодально-племенной обособленности курдов против политической централизации. Курды, распадаясь на ряд обособленных и часто враждующих между собой племен, не представляют собой национального единства. Курдский сепаратизм в Иране был всегда орудием английской и турецкой политики на Среднем Востоке. Объединенная борьба курдов за отделение от Ирана... инспирировалась определенными кругами англичан или турок для вымогательства от Ирана различных политических и экономических уступок. Сами курдские вожди, воле которых беспрекословно подчиняются рядовые курды, являются, сплошь и рядом, агентами различных империалистических государств, нередко и агентами фашистских государств. Будучи феодалами-крепостниками, соединяющими в себе власть землевладельцев с властью племенных вождей, предводители курдов легко меняли своих хозяев в зависимости от выгод момента». Нельзя полагаться на них, говорилось далее, ибо им выгодно опереться на Красную Армию, что «вводит в заблуждение наших работников».

«Нашим работникам надо решительно отказаться от ошибочной линии заигрывания с курдами и взять курс на укрепление и расширение связей с местным коренным населением, в первую очередь азербайджанцами. Надо опираться не на реакционных и продажных курдских вождей, но на передовые элементы азербайджанского населения. Это не значит, что нам нужно отказаться от всякого контакта с курдами и использования этих связей в наших интересах, но в нашей политической работе в Северном Иране нужно делать упор на иранских азербайджанцев, учитывая, что именно среди них можно найти надежных и сочувствующих нам людей больше, чем среди курдов. С этой целью нужно решительно отказаться от опеки в отношении курдов и не чинить никаких препятствий иранским властям в деле обеспечения государственного порядка». В этом деле иранским властям следует помогать. В заключение в письме В.М.Молотова сказано: «Следует признать неправильность установки на поддержку и содействие стремлению курдов к автономии и к созданию независимого Курдистана, поскольку в нынешних условиях Ирана это требование является беспочвенным и реакционным»⁷¹.

Этот документ, на несколько лет определивший политику Советского Союза в курдском вопросе, вполне достоин подписавшего его человека, циничного прагматика и одновременно догматика, государственного деятеля сталинской выучки. Истинные мотивы необходимости переориентации с курдов на азербайджанцев В.М.Молотов, естественно, не называет, хотя они лежат на поверхности, но подменяет их аргументами, почерпнутыми из арсенала марксистских догм, не

подкрепленных, как водится, убедительными доказательствами из реальной действительности. Зато они вполне укладывались в схемы, усвоенные фундаменталистски подкованными советскими общественниками, в том числе и востоковедами, в 20–30-е годы. Что касается фактической стороны дела, то и здесь В.М.Молотов, не будучи компетентен в восточных реалиях и полагаясь на «экспертов», грубо искажал действительность. Например, как было показано в предыдущих главах, англичане после Первой мировой войны нигде, в том числе и в Иране, не провоцировали курдское движение. И конечно же, совершенно враждебно относилась к нему Турция, озабоченная проблемой своих курдов. Поддержание же англичанами давних связей с отдельными вождями курдских и иных племен ни в коей мере не дает основания называть все курдские выступления инспирируемыми извне и агентурными.

Представив этнополитическую ситуацию в Северо-Западном Иране в кривом зеркале, молотовская инструкция оказала медвежью услугу политике СССР в этом регионе, что и обнаружилось в ближайшее время. Так, советские представители просмотрели возникновение и укрепление демократического (и фактически просоветского) направления в курдском национальном движении, пустившего глубокие корни прежде всего в Мукринском Курдистане, и мало что сделали для установления прочных связей с ним. Зато иранские власти, прежде всего местные, уловив перемену в отношении СССР к курдским выступлениям в районе Резайе и в других местах, преуспели в разжигании междоусобиц в Курдистане и Иранском Азербайджане, в том числе и в антисоветских происках среди курдских племен. По сведениям первого секретаря советского посольства в Иране Д.С.Солода, командир тебризского жандармского полка Теймури усиленно, хотя и безуспешно, настраивал курдских вождей против СССР. От него не отставал начальник полиции Резайе полковник Гасар-хан Джалилвенд, «знаток курдского вопроса», «одна из главных фигур по подкупу курдских вожаков». Он был «одним из основных руководителей по организации в Иранском Азербайджане профашистских и антисоветских провокаций». Начальник жандармерии Хоя — Давар Панах натравливал азербайджанцев на курдов, а губернатор Маку — Сейфатдин-хан Баяти сеял смуту среди голодавших курдов, лишив их продовольственной помощи⁷².

Результатом всех этих инцидентов, порожденных в немалой степени антикурдским настроением советских властей в Иране, стала утрата доверия к ним курдской верхушки, что нанесло очевидный урон советским интересам в Иране. Весьма характерен следующий эпизод, изложенный в переписке двух замнаркомов — внутренних дел Б.З.Кобулова и иностранных дел В.Г.Деканозова. Из нее следует, что 2 ноября 1942 г.

советское консульство в Тебризе посетили два курда — Махмуд Ахмед-оглы Моалим и Али Мустафа-оглы, объявившие себя представителями некоего курдского Комитета в Сулеймании, якобы объединявшего все курдские племена Ирака и часть курдов Сирии, Турции и Ирана (может быть, «Хива»?). По их словам, Комитет предложил им сообщить Советскому Союзу о готовности послать на советско-германский фронт несколько тысяч вооруженных курдов. Посетители выразили недовольство политикой Великобритании и просили не разглашать факт их визита в консульство. Несколько месяцев тому назад они же просили содействия в переселении племени поштдар из Ирака в Иран. Б.З.Кобулов писал: «НКВД считает, что посещение этими лицами консульства является попыткой английской разведки подставить нам свою агентуру для выявления наших планов и намерений в отношении курдов». Следует «по существу изложенного» информировать англичан через генконсульство. В.Г.Деканозов согласился с этими аргументами⁷³.

Трудно, конечно, судить по прошествии стольких лет и при отсутствии документированных подтверждений, насколько обоснованными были подозрения одного из руководителей бериевского ведомства. Вероятнее всего, сказались привычные стереотипы чекистского мышления, вполне укладывающиеся в молотовскую установку. При этом не вызывает никакого сомнения, что в руководящих кругах Советского Союза курдам, особенно иранским, не доверяли и были мало расположены идти на сближение с ними в интересах расширения советского влияния в Иране. Курдской национальной проблеме в Москве явно отводили второстепенную роль.

Однако советской дипломатии все же приходилось заниматься данной проблемой еще до описываемых событий. Об этом постоянно напоминал британский союзник (и не только он) как в связи с геополитической обстановкой, возникавшей в ходе войны, так и по поводу конкретных ситуаций в различных частях ближневосточного региона.

В англо-советских отношениях того времени курдский вопрос был связан прежде всего с турецким. Позиция Турции в войне, точнее — проблема стабильности турецкого нейтралитета, представляла для Лондона и Москвы по вышеуказанным причинам первостепенную важность. Рассматривался даже вариант дать Турции «отступного» за нейтралитет. В качестве такового в какой-то момент фигурировала и часть Курдистана. На переговорах министра иностранных дел Великобритании Антони Идена в Москве в середине декабря 1941 г. с И.В.Сталиным и В.М.Молотовым во время первой беседы 16 декабря советский вождь сказал: «Турция в виде компенсации за соблюдение ею нейтралитета может получить Додеканес, населенный турками район Болгарии к югу от Бургаса и, может быть, какие-либо территории в Си-

рии»⁷⁴ (как известно, к югу от турецко-сирийской границы жили в основном курды). Однако в дальнейшем тема Сирии в переговорах не возникала ни с советской, ни с английской стороны. Может быть, успешное контрнаступление Красной Армии под Москвой погасило у союзников интерес к компенсациям Турции.

Тем не менее через несколько дней, 20 декабря 1941 г. британский посол в СССР Стаффорд Криппс передал В.М.Молотову записку А.Идена, озаглавленную: «Беспокойство Турции по поводу событий в Персидском Курдистане». В ней сообщалось, что 2 декабря турецкий МИД направил английскому правительству памятную записку, в которой утверждалось, будто курды хотят создать независимое государство и их якобы поддерживают оккупационные войска союзников в Иране, причем курды вторгаются на турецкую территорию, и против них посланы войска. По мнению А.Идена, причиной турецких подозрений в данном случае был визит курдских вождей в Баку. 11 декабря, говорилось далее, Форин Офис получил новую памятную записку от турецкого МИД с жалобой на советские войска в Иране, которые поддерживают курдов, из-за чего прервана связь между Анкарой и Тегераном. А.Иден заметил, что было бы полезно, если бы советское правительство сделало что-либо для успокоения турок, и прибавил: «По мнению сэра Р.Булларда, главное затруднение состоит в том, что советская политика в советской оккупационной зоне осуществляется организацией, на которую советский посланник в Тегеране имеет мало влияния»⁷⁵ (видимо, намек на Лубянку).

Ответ Молотова Криппсу последовал весьма скоро. Только из записки А.Идена, писал В.М.Молотов 28 декабря 1941 г., «нам стало известно о намерении курдов организовать независимое государство, а также о том, что курды вторгаются на турецкую территорию». На иранской стороне все спокойно, «к указанным намерениям и действиям курдов советские органы не имеют никакого отношения», со стороны Ирана претензий нет. Иранский премьер Форуги в присутствии советского посла заявил британскому посланнику, что «англичане якобы поддерживают курдов», однако СССР не имеет об этом информации. Посещение курдами Баку «не носило политического характера». В ответе отвергались и все прочие претензии турок⁷⁶.

Вероятно, такой неприкрыто негативный ответ не удовлетворил ни турок, ни англичан. Поэтому Анкара, теперь уже без британского посредничества, попыталась получить разъяснения у Москвы. 14 января 1942 г. турецкий посол Али Хайдар Актай на приеме у первого заместителя В.М.Молотова А.Я.Вышинского заявил, что в результате оккупации советскими и английскими войсками части территории Ирана «курды Ирана и Ирака получили возможность для оживления своей деятельности и предъявления определенных требований иранскому

правительству». И хотя английский посол в Анкаре заверил турок, «что ни английские, ни советские войска, находящиеся в Иране, не будут поощрять курдское движение», Актай выразил озабоченность Турции. Вместе с тем он удовлетворился устными разъяснениями А.Я.Вышинского, содержащими и данные англичанам «некоторые подробности по курдскому вопросу»⁷⁷. В проекте официального ответа А.Я.Вышинского Актаю, одобренном Молотовым, говорилось: В.М.Молотов сказал Идену, что «советское правительство не видит основания для беспокойства Турции по курдскому вопросу». Ничего не известно о беспорядках в Иранском Курдистане, советские войска не оказывают никакой поддержки курдам. Более того, они не допустят столкновений курдов с иранцами⁷⁸.

Таким образом, курдский вопрос вызывал серьезную озабоченность в Лондоне, Москве и Анкаре отнюдь не потому, что он представлял конкретную угрозу их интересам в Иране и вообще в ближневосточном регионе. Угроза была потенциальной, и предпринимаемые дипломатические усилия должны были предотвратить самую возможность ее превращения в обвальную дестабилизацию в Курдистане, чреватую неисчислимыми и труднопредсказуемыми последствиями. Однако избежать серьезных затруднений с курдами всем заинтересованным сторонам так и не удалось.

Курдский вопрос на исходе Второй мировой войны

1943 год был переломным на всех театрах Второй мировой войны, в том числе и на тех, которые прямо или косвенно влияли на геостратегическую и геополитическую ситуацию в ближневосточном регионе, в том числе в Курдистане. Решающее значение имели, конечно, грандиозные победы Советской армии, благодаря которым к осени этого года окончательно была отведена угроза фашистского нашествия на Кавказ и, следовательно, на Ближний и Средний Восток. Победы союзников в Северной Африке, их высадка в Италии и последующий выход этой страны из войны также оказали большое влияние на военно-политическую ситуацию в Восточном Средиземноморье и в Западной Азии. В результате создались благоприятные условия для нового подъема курдского национально-освободительного движения, а значит, и для очередного обострения курдского вопроса.

Как и в предыдущие периоды курдской истории, во время Второй мировой войны курдское движение в различных частях Курдистана развивалось неравномерно. В отличие от предыдущего двадцатилетия в наименьшей степени оно проявлялось в Турции⁷⁹. Это можно объяс-

нить тем, что курды не смогли оправиться после тяжелых поражений, нанесенных им в 20–30-е годы и сопровождавшихся массовыми репрессиями и установлением на востоке страны тоталитарного военно-полицейского режима. Особенно жесткие формы он принял в годы войны, когда в восточных вилайетах была расквартирована большая часть отобилизованной по штатам военного времени миллионной турецкой армии, нацеленной главным образом на Закавказье, а также на Иран, Ирак и Сирию (не в последнюю очередь в случае «курдской угрозы» оттуда). Как писала стамбульская газета «Ватан», «в стране господствует террор, демократические элементы находятся под явной и тайной угрозой»⁸⁰.

Однако зревшее в среде турецких курдов движение протеста все же если не прямо, то подспудно находило себе выход, о чем косвенно свидетельствуют сведения о росте числа осужденных в вилайетах с преобладанием курдского населения между 1939 и 1942 гг. В Карсе оно возросло за эти годы в окружных судах с 524 до 842, в судах по особо важным делам — с 19 до 53, в Диярбакыре в окружных судах со 117 до 294, в судах по особо важным делам — с 59 до 73 и в Элязыге в окружных судах — с 42 до 239, в Эрзуруме — со 121 до 154, в Хакяри — с 14 до 23, в Сиирте — со 117 до 172, в Трабзоне — с 336 до 390, в Ване — с 41 до 117 соответственно. Большинство было осуждено не по Уголовному кодексу, а по «специальным законам». В 1942 г. число осужденных по «специальным законам» увеличилось по сравнению с 1935 г. в 7 раз, с 1939 г. — в 4 раза, с 1940 г. — в 2 с лишним раза⁸¹.

Нет никаких прямых данных о выступлениях во время войны курдов Сирии, где англо-французские оккупационные войска установили военный режим, немедленно подавлявший любое проявление недовольства. Одновременно они применяли и политику пряника, выпустив из тюрьмы нескольких курдских вождей⁸², вероятно, с целью противопоставить их арабским националистам.

Совсем иная ситуация складывалась в иракской части курдского региона, которую можно считать ближайшим тылом Иранского Курдистана, где образовался главный очаг курдского движения. Иракские курды быстро откликнулись на выступления своих иранских соплеменников. По сообщениям итальянской прессы (поступавшим из Анкары и, может быть, содержавшим домыслы и преувеличения), уже в августе 1941 г. вновь дал о себе знать шейх Махмуд Барзанджи, который если открыто и не выступил против правительства, то был близок к этому. В ноябре того же года езиды убили каймакама Джебель-Синджара. Расправой над бунтовщиками руководил лично министр внутренних дел⁸³. Весной и летом 1942 г. из Иранского Курдистана поступали сообщения об агитации среди иракских курдов

в связи с выступлением Хама Рашида, действиями англичан и русских и т.п.⁸⁴. Но это были только первые предгрозовые раскаты восстания, вспыхнувшего в 1943 г.

Хотя по численности курдов и занимаемой ими территории Ирак уступал и Турции и Ирану, именно в этой стране в эпоху Второй мировой войны начали возникать условия для формирования общекурдского центра национально-освободительной борьбы. Дело было не в количестве, а в качестве: в политическом отношении национальное движение иракских курдов становилось наиболее зрелым и организованным, приобретало черты действительно *национального* движения, отражавшего жизненные интересы всего курдского народа, а не его феодально-племенной и клерикальной верхушки, как это часто бывало прежде.

Тому были реальные предпосылки. Как уже отмечалось, Ирак и Сирия, очутившись после Первой мировой войны под контролем Англии и Франции, обрели условия для относительно быстрого развития по пути социально-политического и культурного прогресса. Это привело к тому, что к началу Второй мировой войны в курдском обществе этих стран появилась своя политическая элита, далеко еще не сформировавшаяся и по своему менталитету многими нитями связанная с традиционными слоями, но уже восприимчивая к усвоению современных цивилизационных норм и идей, в том числе и в области политической культуры. Именно из этого круга вышли Молла Мустафа Барзани и его соратники, которые в последние годы войны стали играть видную роль в курдском национальном движении сперва в Ираке, а позже и в общекурдистанском масштабе.

Наряду с общей причиной радикализации и демократизации курдского движения в Ираке была и особенная, относящаяся к геополитической ситуации на Ближнем Востоке после 1941 г. Имеется в виду обстановка, сложившаяся в соседнем Иране, где стояли не только английские, но и советские войска. Если к англичанам курды Ирака и Ирана относились в общем враждебно, как к давнишним угнетателям и колонизаторам, то к русским, особенно к советским русским, отношение было иное. С ними связывали надежды на реальную помощь в освободительной борьбе. Громкие победы Советской армии над немецко-фашистскими захватчиками внушали уважение и высоко поднимали престиж СССР не только в Иранском, но и в Иракском Курдистане.

На основании присутствия советских войск в Северо-Западном Иране С.Х. Лонгригг называет курдское движение в Ираке во время войны прокоммунистическим, соответствовавшим интересам «антиарабских националистических студентов и ага», а также пишет об «эффективном союзе между курдским национализмом и русско-курдским ком-

мунизмом, который помог перейти лидерству курдского сепаратизма от ага к интеллигенции». Однако никаких фактов, доказывающих существование в то время прямых связей между лидерами иракских курдов и советским командованием в Иране, он не приводит. Не обнаружены они и у других авторов, а также в источниках. Таким образом, речь идет о чисто идейном влиянии, наличие которого бесспорно. Зато о прямом участии британского посольства и командования в операциях против восставшего весной 1943 г. Мустафы Барзани свидетельств достаточно и у С.Х.Лонгригга, и в другой литературе. К слову, начало этого восстания С.Х.Лонгригг связывает с переговорами Мустафы Барзани с бежавшим из Турции курдским вождем Саидом Бироки⁸⁵, а поводом к нему послужила защита Моллой Мустафой с помощью Латифа, сына шейха Махмуда Барзанджи, курдских беженцев. Позже Латиф Барзанджи бежал в Иран, где нашел поддержку у советского командования в Лахиджане; там он основал журнал «Ништеман» («Отечество»)⁸⁶. О связях Латифа с Мустафой Барзани после перехода первого в Иран ничего не известно.

Восстание 1943 г. было основательно подготовлено и в политическом, и в военном отношении⁸⁷. Мустафа Барзани предварительно установил контакты с такими влиятельными курдскими политическими организациями, как «Хива», а также «Рызгари» («Свобода»), «Шорыш» («Революция»), «Екети хабат» («Единство борьбы») и др. Поэтому его выступление отражало настроения и чаяния всего спектра освободительного движения иракских курдов, которое впервые в истории Иракского Курдистана было общенародным.

Руководители восстания в лице Мустафы Барзани и его приближенных, среди которых было много кадровых офицеров, профессионально разработали и успешно осуществили тактику военных действий, которая оказалась весьма эффективной. Началось как бы исподволь, с партизанских нападений на полицейские посты с целью захвата оружия. Добившись первоначального успеха, повстанцы к лету 1943 г. значительно расширили сферу своих операций, охвативших обширные районы Иракского Курдистана. Посылаемые против них карательные отряды полиции неизменно терпели поражения.

Восстание 1943 г. было вызвано теми же фундаментальными причинами, что и все предыдущие выступления иракских курдов, подвергавшихся национальному угнетению и возмущенных отказом предоставить им законные права. Обычной была и реакция правящих кругов Ирака и их британских покровителей на очередное выступление курдов: карательные мероприятия и политическое маневрирование. Однако международная обстановка во всем мире, и в частности на Ближнем Востоке, была исключительной, и это наложило печать как на само восстание, так и на отношение властей Ирака к нему.

События в Иракском Курдистане произошли в переломный момент Второй мировой войны, когда вооруженный конфликт в Ираке, важной тыловой стране союзников на Ближнем Востоке, был для них крайне нежелателен. Он мог осложнить положение в Иране, где еще не была окончательно выкорчевана нацистская агентура и периодически происходили волнения племен, в том числе курдских, а следовательно, существовала угроза стратегическим перевозкам по иранским трассам. Он мог внести новые трудности в решение политических задач, стоявших перед Объединенными Нациями в регионе и направленных на то, чтобы окончательно приковать Иран к колеснице союзников и покончить с неопределенной позицией Турции, которая продолжала своекорыстную политику получения экономических и политических выгод от своего сомнительного нейтралитета, нередко прибегая при этом к шантажу⁸⁸. Поэтому Багдад и Лондон на первых порах старались воздерживаться от крупномасштабных боевых операций против курдов, предпочитая политическое давление. Когда провалились и эта тактика, и новые попытки решить проблему силой, предпринятые в августе—сентябре 1943 г. и приведшие к концу 1943 г. к значительному расширению зоны восстания, конфликт на севере Ирака перешел в затяжную стадию, которая продолжалась до конца войны.

Правительство Нури Саида очутилось в трудном положении, не имея сил покончить с курдским восстанием и теряя поддержку внутри страны и за рубежом. Переговоры оставались единственным выходом, который позволил бы правительству сохранить лицо и избежать нежелательного в то время перехода к применению чисто силовых методов. В надежде на положительное решение конфликта власти назначили офицеров связи, которые в конце декабря 1943 г. установили контакт с Мустафой Барзани. Последний выставил свои условия прекращения огня, важнейшими из которых были создание особого административного района из населенных курдами частей Ирака, введение представителей курдов в правительство страны, признание курдского языка официальным и проведение экономических реформ в Курдистане⁸⁹. То был первый реалистичный план решения курдского вопроса в постмандатном Ираке.

В январе 1944 г. состоялись официальные переговоры руководства повстанцев с правительственной делегацией Ирака, которую возглавлял представитель умеренного (если не коллаборационистского?) крыла курдского движения в Ираке Маджид Мустафа, назначенный специально по этому случаю министром без портфеля. Его переговоры с Мустафой Барзани завершились заключением соглашения, предусматривавшего освобождение всех захваченных в плен повстанцев, сохранение у племен оружия и снаряжения, включая трофейное, регулярное снабжение курдских районов всеми необходимыми жизнен-

ными припасами, замену арабских чиновников в Курдистане курдскими, наконец — предоставление курдскому району автономии в области культуры и образования, открытие школ, больниц и т.п.⁹⁰.

Таким образом, правительство приняло не все требования, выставленные незадолго до этого Барзани. Без внимания были оставлены важнейшие из них — введение административной автономии и проведение экономических реформ. Однако и в таком виде соглашение могло стать шагом вперед в решении курдского вопроса в Ираке, ибо впервые власть не только пошла на переговоры с курдами, признав их руководство договаривающейся стороной, но и сделала ему немало-важные уступки. Могло, но не стало. Как правительство Ирака, так и королевский двор вовсе не собирались отказываться от шовинистической линии в курдском вопросе, в чем всегда получали полную поддержку Англии. Идя по необходимости на переговоры с курдами, иракская правящая верхушка держала камень за пазухой и только выжидала благоприятного времени для расправы с курдскими «бунтовщиками». Со своей стороны Мустафа Барзани и его сторонники также не доверяли Багдаду и готовились к новому противостоянию.

Весной 1944 г. Абдул Иллах, регент при малолетнем короле Фейсале II, и парламент отвергли соглашение с Мустафой Барзани. Обстановка на севере Ирака вновь начала накаляться, но в Багдаде сочли несвоевременным нарушать зыбкое равновесие во взаимоотношениях с курдами; может быть, в антикурдском лагере просто не хватало сил, способных эффективно действовать против курдских повстанцев. Чтобы не допустить нового взрыва, в марте 1944 г. Нури Саид и Маджид Мустафа отправились на север, где первый разглагольствовал о своем миролюбии и готовности идти навстречу курдам (заодно напоминая о своем курдском происхождении), но заметного успеха не добился.

Тем временем Багдад решил покончить с показной курдофилией, связанной с именем Нури Саида. В начале июня 1944 г. его заменил Хамди аль-Пачачи, кабинет которого провел ряд антикурдских мероприятий: был смещен Маджид Мустафа, уволены и даже арестованы многие курдские офицеры, строившиеся в Курдистане школы и больницы оперативно переоборудовались в казармы и военные блокпосты⁹¹. Однако правительство все же не решалось начинать открытые враждебные действия против сил Мустафы Барзани.

Больше года продолжалось напряженное противостояние курдских повстанцев Барзани и частей иракской армии и полиции, снабжаемых англичанами и находившихся фактически под их опекой, но до открытого столкновения дело не доходило. Обе стороны собирались с силами. Правительство саботировало достигнутые прежде с курдами соглашения и под прикрытием вялотекущих переговоров форсировало

свои военно-карательные приготовления для расправы с барзанистами. Последние же готовились к отпору.

В феврале 1945 г. был образован Комитет свободы во главе с Мустафой Барзани⁹². Вскоре Комитет создал свои ячейки во всем Курдистане и начал работу по сплочению сил курдского сопротивления. Была обеспечена поддержка со стороны таких влиятельных курдских политических организаций демократического направления, как «Хива», «Шорыш» и др. В это же время возникла группа курдских коммунистов, сплотившихся вокруг газеты «Азади» («Свобода»). Несмотря на свою относительную малочисленность, коммунисты выработали и в начале 1945 г. опубликовали впервые в этой газете свою программу по курдскому вопросу общенационального значения, выдержанную в прогрессивном и демократическом духе и отвечавшую насущным политическим, социальным и культурным потребностям не только курдов, но и всех других народов Ирака⁹³. Приближение краха фашизма способствовало активизации и радикализации курдского национального движения в Ираке, которое достигло своей критической точки уже после окончания мировой войны.

Вместе с тем прекращение военных действий в Европе развязало руки врагам курдского народа — иракским шовинистам и британским империалистам. Отпала необходимость считаться с некоторыми обстоятельствами и обязательствами военного времени, о которых говорилось выше; на смену ей пришла решимость одним махом покончить с курдским вопросом, бесконечным источником серьезных угроз их интересам и позициям и в самом Ираке, и на Ближнем Востоке вообще. Багдад и Лондон приступили к подготовке решительного подавления движения, руководимого Мустафой Барзани.

К середине июля 1945 г. на севере Ирака была сосредоточена ударная группа иракской регулярной армии (до 30 тыс.), жандармов и полиции (12 тыс.) под командованием английского генерал-майора Рентона, формально числившегося на иракской службе. Ей противостояло войско Мустафы Барзани, насчитывавшее от 4 до 5 тыс. бойцов, но пользовавшееся всенародной поддержкой (главным образом в виде ополчений племен). 7 августа правительственные силы начали наступление со стороны Равандуза.

Поначалу курды оказали ожесточенное и в целом успешное сопротивление, переросшее в контрнаступление в направлении Мосула, Эрбиля и Киркука и создавшее угрозу нефтяным полям этих крупных центров Иракского Курдистана. Именно эта опасность побудила Багдад и Лондон мобилизовать все свои силы для отпора курдам, а главное — ввести в действие авиацию, приступив к массированным авиабомбежкам населенных пунктов. Этому курдам нечего было противопоставить. Мирное население несло огромные потери. К концу сен-

тября 1945 г. карателям удалось создать такое превосходство в силах, которое вынудило курдских повстанцев прекратить сопротивление. Сам Мустафа Барзани со своими бойцами и около 10 тыс. соплеменников-барзанцев прорвались к иранской границе и нашли пристанище на территории Иранского Курдистана, где в это время создавался главный центр курдского национального движения⁹⁴. Курдское движение в Ираке потерпело очередное поражение. Последовали жестокие репрессии против активных борцов за свободу иракских курдов.

Причины поражения были очевидны: военное превосходство противника, отсутствие единства в движении иракских курдов, когда правительству удалось натравить на барзанцев некоторые враждебные им племена, изолированность этого движения от арабских патриотов и демократов Ирака, а также от курдов сопредельных стран (в частности, граница с Турцией была перекрыта), определенная международная изоляция Ирака в условиях военного времени. Вместе с тем это поражение было не абсолютным, а лишь относительным, ибо выступление под руководством Мустафы Барзани произошло в эпоху, когда в курдское общество начали проникать идеи революционного демократизма.

Позже премьер-министр Ирака Тевфик ас-Сувейди, желая принизить и дискредитировать курдское восстание, в своем выступлении на сессии Лиги арабских государств в Каире 25 марта 1946 г. припишет его лишь личным интересам Мустафы Барзани, который якобы возглавлял движение секты, а не нации, ибо сам имел только личное и религиозное влияние. «В Ираке не существует никакого курдского движения», — заключил премьер⁹⁵.

Багдадским правителям было выгодно представить восстания курдов как мятежи отдельных феодальных вождей и шейхов. Молла Мустафа Барзани, выходец из феодально-клерикальной среды, был, однако, уже деятелем нового типа, который в своей борьбе вдохновлялся идеалами демократизма и антиимпериализма, объединения курдского народа и достижения им независимости не только на пути национального, но и социального освобождения при помощи революционных (в условиях разделенного и порабощенного Курдистана — военно-революционных) методов. Именно в годы Второй мировой войны происходило формирование Мустафы Барзани как общекурдского лидера революционно-демократического этапа в истории курдского национально-освободительного движения, которым он и являлся в течение последующих 30 лет.

В Иране Барзани с его командой нашли хорошо подготовленную почву для продолжения своей борьбы за курдское дело. Именно в этой стране, как уже отмечалось, создались наиболее благоприятные условия для развития демократических тенденций в курдском националь-

ном движении. Присутствие советских и английских (а потом и американских) войск, независимо от истинных намерений Москвы, Лондона и Вашингтона, объективно ослабляло власть Тегерана над курдами. Это, с одной стороны, было на руку феодально-сепаратистским элементам, которые в ряде мест заметно оживились, с другой стороны, позволило левым и демократическим силам в курдском обществе (особенно, естественно, в советской зоне) встать на ноги и укрепить свои позиции. Следует заметить, что в слабо структурированном курдском обществе не было «китайской стены» между различными социально-политическими направлениями. Поэтому деление курдских движений в Иране и в других странах на феодально-сепаратистские и национально-демократические (или революционно-демократические) было весьма относительным и условным; и в тех и в других постоянно проявлялись в подспудном и открытом виде как прогрессивные, так и пережиточные черты и тенденции.

Перелом в ходе Второй мировой войны, наступивший после Сталинграда, отозвался на ситуации в Иране вообще и в Иранском Курдистане в частности. В 1943 г. было покончено с известной неопределенностью во внутреннем и международном положении Ирана. Была окончательно искоренена нацистская подрывная агентура в стране, в сентябре Иран объявил войну Германии, а на Тегеранской конференции «Большая тройка» в специальной Декларации об Иране подтвердила в соответствии с известными принципами «Атлантической хартии» от 14 августа 1941 г. независимость, суверенитет и территориальную целостность страны, а также свою готовность оказать ей экономическую помощь⁹⁶. Шахское правительство, таким образом, получило публичную гарантию отказа великих держав от политики посягательств на независимость страны, в приверженности которой они подозревались до самого последнего времени.

Влияние этих новых веяний на положение в зонах проживания этноплеменных меньшинств, в том числе и курдов, было двояким. С одной стороны, в Тегеране почувствовали, что они могут без особых помех приступить к наведению «порядка» на национальных окраинах. С другой стороны, обитатели этих окраин, воодушевленные освободительными идеями эпохи, активизировали свою борьбу против шовинистической политики иранских правящих кругов. В результате острота национального вопроса в Иране не только не снизилась, но продолжала увеличиваться. Конфликты, в частности в Курдистане, усугублялись тем, что союзные державы, пользуясь присутствием на иранской территории своих войск, не сидели сложа руки и, вопреки своей официальной политике невмешательства, не прочь были использовать те или иные выступления меньшинств в своих интересах, действуя при этом нередко в пику друг другу. Что касается самих кур-

дов (и других племен), то они отнюдь не всегда выступали в одном строю, отвлекаясь, как водится, на междоусобные распри и тем самым играя на руку своим противникам. В общем, получилась довольно сложная и запутанная картина.

Хотя до начала 1944 г. курдское движение в Иране имело довольно хаотический и неорганизованный характер, регулярная иранская армия так и не смогла с ним совладать⁹⁷. Целые округа Иранского Курдистана оставались вне контроля центрального правительства. Таков был Мукринский район, куда не было доступа иранской армии и жандармерии и который «практически был независимым» еще при Резашахе и тем более позже⁹⁸. С весны же 1944 г. в движении иранских курдов главную роль стала играть ЖК («Комала»).

К югу от Секкеза, где стояли английские войска, эта партия, которая объединяла широкие слои курдского общества — от феодальных вождей, помещиков и духовенства до крестьян, ремесленников, мелких и средних торговцев и вообще активистов патриотического движения, была маловлиятельна: сказывалось недоброжелательное отношение к ней англичан, считавших ее прокоммунистической, и религиозное отчуждение значительной части местного курдского населения, состоявшей из шиитов и шиитских сектантов ахл-е хакк (али-иллахи). Но к северу от Секкеза, на территории, примыкавшей к советской зоне оккупации, как и в самой этой зоне, «Комала» имела большой успех. Ее поддерживали влиятельные вожди племен зарза, харки, мамаш, шеккак. К 1945 г. почти все известные курдские вожди и много рядовых курдов городов и деревень провинций Курдистан и Западный Азербайджан присоединились к «Комале»⁹⁹.

«Комала» установила прочные связи с курдскими национал-патриотическими организациями в других странах, в частности в марте 1944 г. было достигнуто соглашение с группой «Хива» в Киркуке, представители которой летом того же года посетили Мехабад. Туда же вскоре прибыли для переговоров об автономии курдов функционеры различных курдских организаций из Ирака, Сирии и Турции. В августе 1944 г. у горы Даланпар на стыке границ Ирана, Ирака и Турции встретились представители курдов Ирана — Касим Кадери, Ирака — шейх Обейдулла из Зено и Турции — Кази Мулла Ваххаб. Они подписали «Пайман-и Се Сенур» («Пакт трех границ»), предусматривавший взаимную помощь оружием, всякого рода снаряжением и людьми в интересах борьбы за «Великий Курдистан». Пропаганда идеи создания «Великого Курдистана» от Средиземного моря до Персидского залива исходила и от Бадрханидов из Бейрута, где находился первоначальный центр панкурдизма.

Итак, «Комала» становилась националистической организацией общекурдского масштаба. Однако ее реальная работа велась преимущест-

венно среди иранских курдов. Если не формально, то фактически «Комала» стремилась создать своего рода широкий национальный фронт, куда входили бы и курдские коммунистические группы Ирака и Ирана, и близкое к ним общество «Рызгари курд». Большинство примкнувших к этому фронту курдских патриотов и националистов стояли за автономию Иранского Курдистана. Левое же меньшинство, главным образом коммунисты, приоритет отдавали подчинению специфически курдских интересов внешнеполитическому курсу СССР¹⁰⁰.

В организационном отношении «Комала» была, особенно в первое время, слабоструктурированным и аморфным политическим образованием. Как писал В.Иглтон, это была «демократия в курдском смысле». Партия не имела четко оформленного руководства. Были даже сомнения в привлечении к нему Кази Мохаммеда — боялись его личного влияния на курдов. Только в октябре 1944 г. он был приглашен в «Комалу» и сразу же возглавил ее, хотя никто его не выбирал в ЦК этой партии¹⁰¹.

«Комала» далеко не сразу стала организующим центром курдского национального движения в Иране. Ее авторитет не распространялся на всю территорию курдского региона страны: на большей ее части почти безраздельно верховодили вожди племен. Многие из них сочувствовали партии или прямо поддерживали ее, но в местах своего постоянного обитания действовали вполне своевольно. Другие же, особенно на юге Иранского Курдистана, держались по отношению к «Комале» отчужденно, а иногда и враждебно, в чем находили поддержку у англичан и американцев. Поэтому в первое время партия проявляла себя больше в области политической пропаганды, а курдское движение в Иране развивалось в основном стихийно. Эти два процесса протекали, можно сказать, параллельно, но не без пользы друг для друга. Например, в марте 1945 г. усилиями молодых членов партии в Мехабаде была поставлена первая опера на курдском языке «Даик-и Ништиман» («Отечество», «Родина»), содержащая страстную проповедь курдского национализма и имевшая шумный успех в народе¹⁰².

Между тем после полугодового относительного затишья в Иранском (Южном) Азербайджане и в Курдистане вновь вспыхнули волнения курдских племен под предводительством Зоро-бека и других влиятельных вождей, носившие, как всегда, стихийный и анархический характер и сопровождавшиеся жертвами среди мирного населения. Особенно значительные выступления происходили с 21 июня до 13 июля 1944 г. В известной мере они были вызваны провокационными действиями иранской администрации, которая хотела использовать беспорядки для ввода в Азербайджан дополнительных контингентов правительственных войск. Советское посольство в Тегеране по этому поводу дало следующие указания посольским и консульским работникам: 1) предупредить курдских вождей о прекращении беспорядков;

- 2) потребовать от местных властей принятия соответствующих мер;
- 3) разрешить иранским властям частичную переброску воинских частей¹⁰³.

Эти события вызвали реакцию не только в стенах советского посольства в Тегеране, но и в Москве, причем на высоком уровне. Заместители наркома иностранных дел В.Г.Деканозов и С.И.Кавтарадзе 18 июля 1944 г. направили В.М.Молотову записку, в которой изложили свое видение проблемы. В записке отмечалось, что хотя курдские беспорядки в районах Маку, Шахпура, Хоя и Резайе прекращены, положение крайне непрочное. Напряженность вызвана действиями иранских властей по укреплению авторитета иранского правительства в Азербайджане и пресечению стремления курдов к сепаратизму; конкретно эти действия выразились в попытках провести среди курдов всеобщую паспортизацию, отказе снабжать их продовольственными и промышленными товарами, нежелании урегулировать вопрос о пастбищах и т.д. Далее В.Г.Деканозов и С.И.Кавтарадзе предлагали принять следующие меры: настоять, чтобы иранское правительство решительно прекратило беспорядки и сместило виновных администраторов; не препятствовать иранским властям свободно использовать воинские и жандармские части для борьбы с беспорядками силами до одной-двух рот; не допускать поголовного разоружения курдов, но предостеречь курдских вождей от повторения набегов под угрозой нашей помощи ответным мероприятиям правительства; осуществить некоторые кадровые изменения с целью укрепления консульской службы в Тебризе, Маку, Резайе. Резолюция В.М.Молотова на записке гласила: «Согласен. Надо провести эти меры»¹⁰⁴.

Из приведенных документов следует, что, во-первых, советское правительство по-прежнему считало себя хозяином положения в Иранском Азербайджане и Курдистане и продолжало держать под контролем внутривнутриполитическую ситуацию в регионе, во-вторых, было полно решимости не допускать эксцессов, могущих разбалансировать там межнациональные отношения и тем самым создать угрозу советским военно-политическим интересам, в-третьих, стремилось не допустить расправы Тегерана над курдами. Можно сделать вывод, что в связи с приближением конца войны Москва чувствовала себя гораздо увереннее на иранском «фронте» и не прочь была при благоприятных обстоятельствах использовать курдскую карту. Это было на руку курдскому движению, и это был явный отход в его пользу от сформулированной тем же Молотовым в 1942 г. сверхосторожной позиции в курдском вопросе, что, заметим, благотворно сказалось на советско-курдских отношениях в Иране и не только в нем.

Впрочем, у нас нет полной ясности в отношении того, какой была советская политика в курдском регионе Северо-Западного Ирана в 1944–1945 гг., как и в предыдущие годы. Советские исследователи,

вынужденно придерживавшиеся официальной доктрины, к ясности и не стремились, западные иранисты, не обладая необходимой документацией, склонялись к разным точкам зрения. В.Иглтон, наиболее осведомленный в курдских делах того периода, утверждал, что эта политика не была последовательной и скоординированной. Так, советский командующий в этом регионе генерал Атакчиев сперва назначил губернатором северной части Иранского Курдистана шейха Абдуллу-эфенди Гиляни, но потом ему было отказано в доверии как якобы английскому агенту. Затем «на пробу» назначили Амр-хана Шарифи, и только к лету 1945 г. советские военные власти окончательно остановили свой выбор на Кази Мохаммеде и «Комале»¹⁰⁵.

К этому времени почти все курдские националисты Ирана, включая консервативно настроенных вождей племен, держались уже про-советской ориентации. Они учитывали, что Советский Союз осуществлял де-факто военно-политический контроль в курдском регионе, держал на расстоянии иранские военно-полицейские силы и выражал сочувствие курдскому национально-освободительному движению, обещая при послевоенном мирном урегулировании содействовать реализации курдских национальных требований¹⁰⁶.

Дело не ограничилось декларациями и обещаниями. В победном 1945 г. советские представители в Иране и Закавказье вступили в непосредственные контакты с курдскими лидерами, оказывали им конкретную помощь. Кази Мохаммед и другие курдские предводители неоднократно приглашались на переговоры в столицу Иранского Азербайджана и главный центр советского влияния — Тебриз. Они совершили вторую поездку в Баку (очевидно, в конце лета или осенью 1945 г.), где состоялись переговоры с руководителем Азербайджанской ССР и доверенным лицом Кремля по иранским, азербайджанским и курдским делам М.Д.А.Багировым.

По информации В.Иглтона, М.Д.А.Багиров признал право курдов на независимость и отдельное государство, но советовал не спешить с этим, утверждая, что курдская свобода придет после победы народных сил не только в Иране, но также в Ираке и Турции. По его мнению, пока требования иранских курдов должны ограничиваться самоопределением в рамках азербайджанской автономии. Кази Мохаммед с этим категорически не согласился, потребовав автономии отдельно от Иранского Азербайджана. Багиров не стал спорить, в неопределенных выражениях посулив курдам независимость. Он обещал им значительную помощь деньгами, оружием (не только легким стрелковым, но и тяжелым — танками, артиллерией), типографским оборудованием, а также военным обучением курдов в СССР.

Осязаемых политических результатов переговоры Кази Мохаммеда с Багировым не дали. Видимо, советская сторона в связи с окончанием

войны ждала общего решения иранского вопроса как в аспекте межсоюзнических отношений, так и в связи с национальными движениями иранских азербайджанцев и курдов. Переговоры с Кази Мохаммедом рассматривали в Москве и Баку прежде всего как зондаж о намерениях возможных союзников по частичному разделу Ирана с отторжением от него не только азербайджанских земель (которые М.Д.А.Багиров всегда называл Южным Азербайджаном, имея намерение объединить его в будущем с Северным, т.е. с Азербайджанской ССР, разумеется, под своей эгидой), но, возможно, и курдских (с которыми в СССР еще не знали, как поступить). К тому же Кази Мохаммед, кажется, не произвел на Багирова должного впечатления. Упрекнув его и «Комалу» за бездеятельность, Багиров призвал курдского лидера стать под знамена только что созданной Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК) и выразил подозрение, что Мустафа Барзани, уже объявившийся в Мехабаде, является английским шпионом¹⁰⁷.

Впрочем, определенные результаты участвовавших к концу войны контактов курдских руководителей с советскими представителями разных рангов, в том числе и весьма высоких, все же были. Значительно возросли поставки (большей частью в Мехабад) советского оружия (главным образом стрелкового, танков и артиллерии курды так и не дождались), оказывалась помощь по гуманитарной линии. В сентябре 1945 г. советский консул в Резайе Хашимов открыл в Мехабаде культурный центр. Было поставлено оборудование для типографий. Но советская материальная помощь и политическая поддержка были строго адресными. Они шли преимущественно «Комале» в Мехабад, где образовался основной центр советского влияния среди иранских курдов.

Выбор Мехабада, столицы Мукринского Курдистана, был закономерен. Казалось бы, в геополитических интересах Москвы было отдать приоритет северным районам Иранского Курдистана (округа Резайе, Шахпур, Маку), прилегающим к территории Советского Союза, где располагался основной контингент советских войск. Однако препятствием этому был азербайджанский вопрос, имевший в глазах советского руководства (и, разумеется, главного уполномоченного по ирано-азербайджано-курдским делам Багирова) куда больший вес. В Северо-Западном Иране азербайджанцы составляли безусловное большинство по отношению к курдам и другим этносам. Поэтому военная и другая помощь из Советского Союза шла преимущественно азербайджанскому национальному движению. Между курдскими и азербайджанскими националистами и в изучаемое время, и позже существовали довольно острые и до конца так и не преодоленные противоречия, корень которых лежал в этнических и религиозных предрассудках (азербайджанцы — шииты, подавляющее большинство курдов — сунниты), причем советские власти чаще склонялись на азер-

байджанскую сторону (в соответствии с давней молотовской инструкцией). Как верно заметил В.Иглтон, провозглашенная в начале 1946 г. курдская автономия в сравнении с азербайджанской (объявленной еще 12 декабря 1945 г.) была «советским пасынком»¹⁰⁸. Впрочем, и курдские, и азербайджанские националисты пытались наладить сотрудничество и соблюдать декорум взаимной лояльности. Во всяком случае, на открытии национальной ассамблеи азербайджанской автономии присутствовало 5 курдских делегатов во главе с Сейф-и Кази.

Таким образом, курдский вопрос в Северо-Западном Иране играл для Москвы и Баку второстепенную роль. Что касается южного сектора Иранского Курдистана (южнее Секкеза), то здесь СССР и не пытался привлечь на свою сторону курдские племена. В этом районе существовала стойкая оппозиция советскому влиянию со стороны англичан и сотрудничавших с ними консервативно настроенных курдских вождей, особенно наиболее авторитетного среди них Касим-ага Ильханизаде, антагониста Кази Мохаммеда и его «сталинистской и просоветской» линии. Сторонники Касим-ага из вождей конфедерации племен дебокри, откуда он был родом, установили контакт на антисоветской почве с командующим иранской армией на юге страны генералом Хомаюни. Однако таких антисоветски настроенных курдских вождей, как Касим-ага, было все же немного. Большинство курдов Ирана уповали на советскую помощь¹⁰⁹.

Итак, советское влияние было наибольшим в центральной части курдского региона Ирана — в Мукринском Курдистане. Здесь среди местного националистического истеблишмента во главе с Кази Мохаммедом, захватившим в округе, как говорилось, почти безраздельную власть, притом вполне независимую от Тегерана, прочнее всего утвердились просоветские настроения. Ими были проникнуты и переселенцы из Ирака под командой Барзани (до 10 тыс., включая женщин и детей, в том числе 3 тыс. были вооружены, а 1200 из них составляли личную гвардию Моллы Мустафы). В числе прибывших в Мехабад вместе с Мустафой Барзани были и отпрыски некоторых знатных курдских семей (двое сыновей сейида Таха, сейид Ахмед и шейх Джето, выходцы из Турции и др.), а также несколько офицеров, игравших видную роль в национальном движении иракских курдов (Мир Хадж, Мустафа Хошнао, Хайрулла, Иззет Абдул Азиз, капитан Абдул Азиз Гиляни, получивший высшее образование в СССР, и др.)¹¹⁰. На всех Советы могли рассчитывать как на своих сторонников, хотя в отношении некоторых выходцев из английской зоны влияния в Иране и Ираке, в том числе, как мы видели, и самого Мустафы Барзани, действовал распространенный в то время синдром шпиономании. Особые подозрения внушал Хама Рашид, который с 200 бойцами явился в Мехабад готовый стать под флагом Моллы Мустафы¹¹¹.

Однако главную ставку Советы делали, конечно, не на ненадежных вождей племен и военных националистов, а на политическое руководство Мехабада, возглавлявшееся бесспорным лидером в глазах Москвы Кази Мохаммедом. Ему оказывалось доверие и с ним преимущественно имели дело.

Опора на Мехабад диктовалась необходимостью воздействия на внутривнутриполитическую ситуацию во всем Иранском Курдистане, которая была далека от стабильности. В середине и особенно во второй половине 1945 г. напряженность в этом беспокойном регионе значительно возросла. Сказались влияние барзанского восстания в соседнем Ираке и общий подъем национально-освободительного движения во всем мире в результате разгрома блока фашистских держав.

Антиправительственные выступления прокатились по многим районам Иранского Курдистана, но особенный размах они приняли в Мериване (между Секкезом и Сенендеджем), где летом 1945 г. дело дошло до ожесточенных боев между восставшими курдскими крестьянами и правительственными войсками. Англичане, в чьей зоне оккупации происходили эти события, относились к выступлению курдов враждебно и оказывали поддержку карателям. Английская агентура вела подрывную работу против ячеек ЖК («Комалы») в южных и центральных районах Иранского Курдистана, разжигала разногласия между левыми и правыми группировками партии и вела дело к ее окончательному расколу¹¹².

Москва, напротив, поддерживала просоветское крыло «Комалы» и, видимо, приложила руку к созданию на ее базе Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК), куда вошли в большинстве левые элементы курдского национально-демократического движения всего Ирана (но не только они). «Комала»—ЖК, таким образом, прекратила свое существование. Произошло это важное событие в истории курдского национализма в августе (или ноябре?) 1945 г. в Мехабаде¹¹³. Лидером ДПИК стал Кази Мохаммед.

ДПИК, существующая до сих пор, была больше похожа на партию, чем ее предшественница ЖК. Она объединяла широкий круг курдских патриотов, по своему социальному положению представлявших все слои курдского общества. Активно действующий актив партии составляли относительно образованные средние слои — интеллигенция, торговцы. Пестрый в социальном отношении состав не позволял выдвинуть единую радикальную политическую платформу нового движения, ибо кадры партии формировались по национально-патриотическому принципу. Основные положения ее первоначальной программы были сформулированы весьма расплывчато и умеренно:

1. Самоуправление иранских курдов в местных делах.
2. Объявление курдского языка официальным и обязательным в образовании.

3. Избрание провинциального совета в Курдистане по иранскому конституционному закону.

4. Назначение только курдов чиновниками в местную администрацию.

5. Расходование всех налогов и сборов только на местные нужды.

6. Дружба с азербайджанцами и другими меньшинствами Ирана.

7. Развитие экономики, здравоохранения, торговли и сельского хозяйства края¹¹⁴.

Таким образом, программа предлагала довольно умеренную автономию с крайне неопределенным статусом. Она явно носила черты компромисса между различными социальными группами и не предполагала никаких коренных преобразований в социально-экономической и политической сфере. В.Иглтон объясняет это тем, что в отличие от Иранского Азербайджана в Курдистане не было прямого советского влияния (хотя советской агентуры было предостаточно), в связи с чем руководство ДПИК не ставило вопроса о социальной революции, аграрной реформе и т.п.¹¹⁵. Несмотря на очевидные слабости первоначальной деятельности ДПИК, ее появление на политической арене Курдистана знаменовало наступление нового этапа в национальном движении иранских курдов.

Явное обострение курдского вопроса в Иране в 1945 г. отразилось в первую очередь на советско-иранских отношениях. Ни для кого не была секретом преимущественно просоветская ориентация движения иранских курдов, вызванная геополитическими (непосредственное соседство СССР) и идейными (идеология принципиальной поддержки национально-освободительных движений) мотивами. Это вызывало по меньшей мере озабоченность и в Тегеране, и в столицах союзников СССР военного времени. В госдепартаменте США давно уже с тревогой следили за контактами иранских курдов с Закавказьем и Турецким Курдистаном¹¹⁶. Британские представители в Иране повсюду утверждали, что движение иранских курдов за независимость было инспирировано русскими¹¹⁷. В руки иранских властей попали компрометирующие документы и карта «независимого Курдистана», включавшего значительные части Турции, Ирака и Ирана¹¹⁸.

Лондон и Вашингтон воздержались тогда от каких-либо дипломатических акций, могущих задеть интересы Советского Союза в Иране. Там предпочитали предоставить дело естественному ходу вещей, дождавшись, когда, согласно договоренности военного времени, советские, английские и американские войска покинут иранскую территорию. Тегеран же постоянно проявлял нервозность в связи с непрекращающимися инцидентами, в которых были замешаны курды, и просил западных союзников о посредничестве или помощи. Так, после двух крупных столкновений южнее оз. Резайе, когда советское

командование отказалось покарать курдов, отговариваясь нежеланием вмешиваться во внутренние дела Ирана, от имени шаха в американское посольство через бельгийского посланника поступила просьба выяснить позицию США и Великобритании насчет вступления иранских войск в советскую зону (в районе этого инцидента советские войска не дислоцировались). Американцы не возражали, но полагали необходимым осведомить советские власти, т.е. фактически получить их согласие¹¹⁹.

Союзники СССР исходили из реальности, а она состояла в том, что Советская Армия пока полностью контролировала Северо-Западный Иран, и обострять отношения с Советами по второстепенному для западных демократий иранскому вопросу они считали преждевременным. Советская военная сила по-прежнему защищала курдов от правительственных репрессий, строго регулируя оперативную обстановку в зоне своего расположения. Например, одному батальону иранской пехоты советское командование разрешило продвижение от Тебриза к Мехабаду, но запретило дальнейшие передвижения. Отряду с легкой артиллерией из Секкеза было приказано не приближаться к Мехабаду. Чинились и другие препятствия иранским войскам. По утверждению американского посла Л.Морриса, СССР старался создать условия для победы курдов над немногочисленными иранскими войсками, чтобы показать неспособность персов навести порядок в своей стране¹²⁰. В отношениях между Советами и иранским правительством по вопросу о посылке регулярных войск и жандармерии против курдов образовался тупик. Тегеран настаивал на своих суверенных правах. Курды, естественно, были против, их поддержали советские представители, говорившие, что не следует провоцировать курдов. Иранские власти боялись курдов. Командующий иранскими войсками в Тебризе генерал Деракшани считал, что мехабадские курды (6 тыс. вооруженных бойцов) разобьют любые посланные против них подразделения правительственных войск¹²¹. Таким образом, благодаря присутствию в Северо-Западном Иране советских войск и политике советского правительства в регионе была создана обстановка, благоприятная для дальнейшего углубления и расширения курдского освободительного движения.

В этот знаменательный во всемирной истории 1945 г. престиж Советского Союза в Курдистане, в курдском национальном движении был чрезвычайно высок. Курдские лидеры, видные общественные деятели не только иранского, но и других частей Курдистана всерьез рассчитывали на действенную помощь СССР (в первую очередь политическую, на международной арене, но также, видимо, и материальную) в их борьбе за национальное освобождение и самоопределение. Типичным примером такого умонастроения является следующее письмо

генерального секретаря Курдской лиги союза и свободы в Сирии Ахмеда Нафиси (Нафиз), написанное в Камышлы 17 июля 1945 г. и полученное НКВДом от посланника в Ливане Д.С.Солода 1 октября (приводится целиком):

«Его Превосходительству господину Иосифу Сталину, Генералиссимусу Советского Союза.

Ваше Превосходительство, от имени Курдской Лиги Союза и Свободы я позволю себе сообщить Вам об одобрении всем курдским народом и, в частности, курдским народом в Турции и Сирии антифашистской и освободительной политики Советского Союза, руководимого Вашим непреклонным командованием.

Именно в Советском Союзе курдский народ, стонущий под турецко-иранской фашистской диктатурой, твердо думает найти свое спасение и в его лоне надеется обеспечить свою свободу, мир и процветание.

Чтобы построить Курдистан на вечных принципах Карла Маркса, Ленина и Великого Генералиссимуса Сталина, наша организация находится в полном распоряжении правительства СССР.

Примите, Ваше Превосходительство, уверение в моей самой глубокой искренности»¹²².

В это же время, в самый критический момент барзанского восстания в Ираке, Мустафа Барзани обратился с письмом к И.В.Сталину и В.М.Молотову (от 27 августа 1945 г.), переданным советскому офицеру-разведчику двумя офицерами-дезертирами из иракской армии, участниками восстания. Оно также содержит восхваление Советского Союза и Сталина, которого Мустафа Барзани называет «мой старший маршал». Резкие обвинения в адрес Англии сопровождаются в письме просьбой помочь повстанцам оружием и материально, предложением установить всестороннюю связь и перейти под покровительство СССР «в виде одной свободной республики»¹²³.

Из Москвы, конечно, никакого ответа на это и ему подобные обращения не последовало, в частности потому, что и советское посольство в Багдаде подозревало Мустафу Барзани в работе на Англию (с просьбами о помощи Барзани обращался также к послам Англии и США в Багдаде)¹²⁴. В ответ на запрос МИДа Ирака по поводу перехода Барзани на территорию Ирана (с намеком оказать помощь в его поимке) советский посланник в Багдаде Г.Т.Зайцев дал следующий устный ответ: «Этот вопрос является внутренним делом Ирака и Ирана... Правительство СССР не может дать распоряжение своим военным властям принять на себя функцию разоружения, ареста и выдворения иракских курдов, находящихся на территории Ирана»¹²⁵.

Советское правительство на исходе кровопролитной войны, истощившей силы страны, соблюдало крайнюю осторожность по всем международным вопросам, прямо не затрагивавшим его жизненные ин-

тересы, но по своей природе являвшимся остроконфликтными и могущим вовлечь его в конфронтацию с союзниками и другими странами, особенно с соседними. Таким был, безусловно, и курдский вопрос. В то же время в Москве понимали (хотя, наверное, не до конца) потенциальное значение Курдистана для геополитических интересов СССР в Западной Азии и ценили (тоже, видимо, недостаточно) рост просоветских симпатий в курдском обществе. Ведь уже в последний год войны наметились трещины в антигитлеровской коалиции, ставшие предвестницами будущей «холодной войны», а ее первые залпы раздалась, нелишне будет вспомнить, по поводу вывода советских войск из Ирана, а именно из районов преимущественного проживания азербайджанцев и курдов. Поэтому курдам (главным образом иранским и отчасти иракским) исподволь оказывалась некоторая военная, материальная и пропагандистская «интернациональная» помощь с дальним, хотя и неопределенным прицелом¹²⁶.

Некоторые из курдских националистов (главным образом интеллектуалы, обосновавшиеся в Бейруте и в диаспоре на Западе) возлагали определенные надежды на помощь западных демократических держав и нарождавшихся международных организаций (сохраняя симпатии и к Советскому Союзу). Еще в сентябре 1942 г. Курдская лига союза и свободы представила лидеру республиканцев в сенате США У.Уилки, Ш. де Голлю и главному эксперту Великобритании по курдской проблеме полковнику Эльфинстону «Меморандум по курдскому вопросу», содержание которого неизвестно. Следующий меморандум той же лиги, подписанный курдскими деятелями из Бейрута, был представлен союзным державам 30 августа 1943 г., но опубликован только в апреле 1949 г. на английском и французском языках. Этот документ требовал признания за курдами национальных прав, зафиксированных еще в Севре, «восстановления курдской нации», содержал аргументацию о необходимости создания курдского государства (последний пассаж отсутствует во французском тексте). 30 марта 1945 г. в Бейруте вышел очередной документ Курдской лиги под названием «Курдистан. Курдский вопрос», адресованный предстоящей конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. Он содержал обращение к четырем великим державам с призывом содействовать созданию «Курдистана объединенного, свободного и независимого». К нему потом было приложено письмо военного руководителя Араратского восстания Ихсана Нури-паши. Уже после окончания Второй мировой войны Курдская лига выпустила несколько подобных обращений, в числе которых были: протест против карательных операций иракской армии (10 сентября 1945 г.); опровержение клеветы на курдское движение как якобы инспирированное иностранным влиянием для организации волнений в определенных государствах (26 ноября 1945 г.); обращение

в ООН с просьбой изучить положение в Курдистане (декабрь 1945 г.). В ООН и к различным совещаниям и встречам министров иностранных дел «большой тройки» неоднократно обращались с различными протестами и требованиями другие курдские общественно-политические организации¹²⁷.

Судьба всех этих обращений, меморандумов, призывов, протестов была одинаковой: полное отсутствие реакции со стороны адресатов. Далеко не все эти документы становились достоянием мировой общественности, а если и публиковались, то обычно с большим запозданием, в искаженном или неполном виде. Курдский вопрос в новом миропорядке, установленном победителями во Второй мировой войне, не нашел себе места.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1945-м, последнем году Второй мировой войны, завершился очередной период в истории курдского народа. Он начался после юридического оформления нового раздела этнического Курдистана на Лозаннской конференции 1922–1923 гг. и закончился, когда Объединенные Нации приступили к созданию послевоенной системы международных отношений. Для курдского народа эти двадцать с небольшим лет имели судьбоносное значение как с точки зрения его внутренних проблем, так и в аспекте его международного положения.

Курдское национально-освободительное движение в этот период переживало невиданный прежде подъем, охвативший в сравнительно короткий срок все части Курдистана. Такова была реакция курдского народа на новый раздел его исторической родины, на шовинистическую, в сущности ассимиляторскую политику в национальном вопросе правонационалистической правящей элиты ближневосточных стран, на антикурдский курс имперских кругов Англии и Франции, державших фактически в своем колониальном управлении курдские территории подмандатных Ирака и Сирии и враждебно относившихся к курдскому движению в Турции и Иране.

Однако и на этот раз борьба курдов за свою свободу и независимость потерпела поражение. Она встретила такие препятствия, которые не смогла преодолеть. Более того, курды не смогли добиться даже частичного улучшения своего положения. Собственных сил не хватило, а внешние были не заинтересованы им помогать либо вообще враждебны. Курдское общество в пределах всего этнического Курдистана еще не сформировалось, курдское национальное движение было раздроблено по странам обитания. У него отсутствовали четкие идейные установки, равно как и ясный, реалистический план политического решения курдской проблемы. Их заменяли широковещательные декларации, непригодные для практического применения (вроде немедленного создания единого и независимого Курдистана).

Не удалось сформировать жизнеспособные и эффективные политические и военные структуры, способные мобилизовать и организовать всенародное движение сопротивления. Эфемерные общества

и клубы, состоявшие в основном из эмигрантов-интеллектуалов курдской диаспоры (наподобие «Хойбуна»), на эту роль не годились. Многочисленные курдские восстания, руководимые вождями племен, светскими и духовными, напоминали по форме и по существу феодально-сепаратистские выступления старого образца, когда группы родственных или тесно связанных между собой племен определенной местности стихийно поднимались на вооруженную борьбу и подчас одерживали внушительные победы, но, встретив организованный отпор регулярных войск, значительно превосходивших их в вооружениях и выучке, терпели поражение, и восстание сходило на нет. Как правило, такие выступления имели локальное значение, не распространяясь на весь курдский регион данной страны, а для их подавления власти успешно использовали племенную междоусобицу. Конечное поражение такого рода разрозненных выступлений было предопределено; их лидеры, обладая невысокой политической культурой, так и не смогли организовать единый фронт национального сопротивления.

К концу Второй мировой войны на гребне пронесшейся по всему миру мощной освободительной, антифашистской волны курдское национальное движение поднялось на более высокую ступень. Прежде ущербный курдский национализм начал приобретать левые черты, окреп и стал более зрелым в организационно-политическом и идейном отношении. В руководстве движением появились новые лидеры, происходившие из традиционной социальной среды, но уже способные воспринимать современный образ мысли и политические принципы и пытавшиеся воплотить их в жизнь (Кази Мохаммед, Мустафа Барзани). И не их вина, что эти попытки потерпели тогда неудачу. Обстоятельства оказались сильнее их.

В целом в истории курдского национально-освободительного движения период, которому посвящено настоящее исследование, можно назвать переходным. Феодально-сепаратистский идеал показал свою историческую обреченность еще в прошлом столетии, пришедший ему на смену буржуазно-националистический подход оказался трудно реализуемым из-за социально-экономической, политической и культурной отсталости курдского общества; новый раздел Курдистана еще более усугубил национальные проблемы курдов, что показали восстания 20–30-х годов. Во время Второй мировой войны перед курдами (в первую очередь Ирана и Ирака) по известным причинам геополитического характера появилась перспектива движения по революционно-демократическому пути, но и здесь предстояло преодолевать значительные трудности: на пороге стояла «холодная война».

Курдская проблема по самой своей специфике и содержанию всегда была международной. Ее интернационализация была порождена государственно-территориальной разделенностью Курдистана, которая

после Первой мировой войны усугубилась из-за появления четырех субъектов вместо двух, а также из-за его естественных богатств, ключевого стратегического положения и нескончаемой череды курдских восстаний, способствовавших сохранению в нем постоянной напряженности, периодически резко обострявшейся. Здесь скрестились интересы и региональных, и европейских держав (включая СССР), каждая из которых преследовала собственные цели, иногда совпадавшие (и при этом нередко направленные против курдского национализма), чаще же конфронтационные, что также шло во вред курдскому движению.

Турция, Иран, а затем и Ирак в исследуемый период объединились для противодействия курдскому движению. Их основные усилия были направлены на предотвращение совместных выступлений турецких, иранских, иракских, а также сирийских курдов, в результате чего тем так и не удалось создать единый фронт освободительной борьбы. На враждебных позициях по отношению к курдскому делу стояли Англия и Франция, державшие иракских и сирийских курдов в своем фактически колониальном управлении. США долго не проявляли интереса к курдскому вопросу, но в конце войны в Иранском Курдистане взяли сторону Англии, что было не на пользу курдским демократам. Что касается фашистских держав, Германии и Италии, то они пытались использовать курдский вопрос в своей подрывной деятельности на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье, но заметных успехов не добились. Таким образом, курды в своей борьбе за независимость не получили никакой помощи ни от западных демократий, ни тем более от держав «оси».

Политика Советского Союза по курдскому вопросу была особой и специфической. По своей идейной мотивации она была противоположна той, которую проводил царизм, т.е. не была ни империалистической, ни колонизаторской. Напротив, вдохновленный идеологией марксизма-ленинизма, СССР на словах провозгласил себя сторонником безусловного права наций на самоопределение вплоть до образования независимого государства, распространяя это право, конечно, и на курдскую нацию. По существу же политика Советского Союза напоминала классическую российскую внешнеполитическую доктрину, ставившую отношение к национальным движениям, особенно в сопредельных государствах, в прямую зависимость от государственных интересов империи, иными словами — от политической конъюнктуры и государственной безопасности. Сталинская внешняя политика мотивировала это несоответствие, противоречащее марксистским принципам, довольно просто, прибегая к классовому критерию, в частности объявляя те или иные, несвоевременные с точки зрения Москвы, выступления курдов реакционными, феодально-клерикальными, проимпериалистическими, агентурными и т.п. По отноше-

нию к другим же движениям, но случившимся в подходящих времени и месте, ставился противоположный знак. Такой сугубо конъюнктурный подход исключал действительную помощь курдскому движению со стороны Советов, хотя, надо признать, во время Второй мировой войны такая помощь иранским и отчасти иракским курдам была все же оказана. Но она была запоздалой, незначительной и малоэффективной.

Итак, в конце обозреваемого периода курдский вопрос, казалось, был так же далек от своего решения, как и в его начале. Однако это не было потерянное курдским народом время. Он прошел суровую, но полезную школу борьбы, лучше узнал подлинное лицо своих друзей и врагов, воспитал новые кадры борцов и руководителей. Перед курдами забрезжили новые горизонты, открытые благодаря жертвам, принесенным предшествующими поколениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891–1917). М., 1972; он же. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М., 1989. Первая из упомянутых книг является переработанным и дополненным новыми материалами изданием монографии «Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX в. — 1917 г.)», вышедшей в 1964 г.

² См.: Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос, с. 6–11.

³ Мирский Г.И. Ирак в смутное время. 1930–1941. М., 1961; Абдель Джабар Кадер Гафур. Курдское национальное движение в Турции между двумя мировыми войнами. Канд. дис. М., 1977; Джарджис Хасан Абдулла. Курды в общественно-политической жизни Сирии в 1918–1962 гг. Канд. дис. М., 1977; Насих Гафур Рамадан. Курдская проблема в системе международных отношений между двумя мировыми войнами. Канд. дис. Киев, 1979.

Глава I

¹ Ю.К. В Курдистане неспокойно. — БПСВ. 1928, № 4–5, с. 73.

² Safrastian A. Kurds and Kurdistan. L., 1948, с. 90–91.

³ Никитин В. Курды. М., 1964, с. 95.

⁴ NE. № 692, 14.08.1924, с. 169.

⁵ В Иране с курдами по численности конкурировали азербайджанцы. Иногда к курдам причисляют этнически близких к ним луров и бахтиар, но последние, как справедливо замечает В. Никитин, «обладают собственным обликом» (*Nikitine V. Problème kurde. — Politique étrangère. 03.07.1946. P., с. 252*).

⁶ *Vanly Ismet Cheriff. Survey of the National Question of Turkish Kurdistan with Historical Background. Roma, 1971, с. 4.*

⁷ Приведем компетентное суждение на этот счет Н.Г.Корсуна, видного русского и советского военного историка и географа (*Корсун Н.Г. Турция. Курс лекций по военной географии. М., 1923, с. 37*): «Армяне общей численностью до мировой войны около 1 500 000 человек* расселились преимущественно в вилайетах Армении** (составляющих часть Великой и Малой древней Армении). На всей этой территории мусульмане (турки и курды) в пять раз превосходили армян своей численностью... но на территории, примыкавшей к нашей границе до войны 1914–18 гг., было сосредоточено $\frac{2}{3}$ всего армянского населения Азиатской Турции, но и здесь армяне составляли всего до 25%, и вообще мусульмане превосходили их своей численностью втрое***. В настоящее время армянское население Турции, в результате мировой войны и последовавших затем операций на Закавказском фронте, в значительной мере уменьшилось в

численности****. Во многих районах совершенно исчезло, вследствие эмиграции или истребления*****.

* Главным образом христиане.

** Ванском, Битлисском, Эрзерумском, Харпутском, Диарбекирском, Сивасском, Трапезундском и Аданском. В Константинополе они составляют 15% населения.

*** Лишь на территории Ванского санджака и в Мушской долине, где проживало до 20% всех армян, последние составляли до 65% населения этой небольшой площади, превосходя здесь в 2 раза мусульман.

**** По некоторым сведениям, на 1 000 000 человек.

***** Много армянских селений совершенно разрушено».

⁸ *Аболтин В.* Национальный состав Турецкой республики — Новый Восток. 1925, кн. 1(7), с. 118.

⁹ *Никитин В.* Курды, с. 90.

¹⁰ Population of the Middle East and North Africa. A Geographical Approach. Ed. by J.I. Clarke and W.B. Fisher. N. Y., 1972, с. 59.

¹¹ *Корсун Н.Г.* Турция. Курс лекций, с. 35.

¹² Цит. по: *В-ий.* Характеристика феодальных и полуфеодальных методов эксплуатации турецкого крестьянства (Анализ турецкой издольщины). — АП. 1932, кн. 5–6, с. 55.

¹³ Population of the Middle East, с. 57.

¹⁴ *Аболтин В.* Национальный состав Турецкой республики, с. 120; *Завриев Д.С.* Экономика современной Турции. Тифлис, 1934, с. 7, 10.

¹⁵ *Завриев Д.С.* Восточная Анатолия (экономические очерки). Тб., 1936, с. 22, 23, 25.

¹⁶ *Завриев Д.С.* К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тб., 1947, с. 135, 137, 139, 140.

¹⁷ Population of the Middle East, с. 103.

¹⁸ *Данциг Б.М.* Ирак. Краткий географический очерк. М., 1955, с. 24.

¹⁹ *Шитов Г.В.* Персия под властью последних Каджаров. Л., 1933, с. 172.

²⁰ Согласно авторитетному справочнику, в середине 1983 г. в Иране на 41 640 тыс. населения курдов насчитывалось 3800 тыс., а луров — 1800 тыс. (*Брук С.И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986, с. 358).

²¹ Северная Персия (консульские доклады). М., 1933, с. 4, 65, 73.

²² *Брук С.И.* Население мира, с. 422.

²³ Автор специального исследования о езидах Р.Эмпсон, называя их «вероятно, курдами по расе», пишет, что в Синджаре они, пользуясь курманджи, общаются еще и по-арабски, а в антропологическом отношении одни принадлежат к индо-европейскому типу, а другие — к семитическому (арабскому). Численность езидов со 150 тыс. в конце XIX в. снизилась в результате гонений и резни до 40 тыс. в середине 20-х годов XX в. В Мосульском вилайете их было 17,5 тыс. Эмпсон перечисляет все езидские районы, деревни и населявшие их племена, в том числе и кочевые — кучари (*Empson R.H.W.* The Cult of the Peacock Angel. A Short Account of the Yezids of Kurdistan. L., 1928, с. 24, 66–68).

²⁴ Социально-экономические отношения у курдов в традиционном и формирующемся обществе описываются в монографии А.М.Ментешашвили «Курды. Очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта» (М., 1984), а также в классическом своде В.П.Никитина «Курды». Однако в этих и в некоторых, вышедших главным образом на Западе, этнологических исследованиях по курдам интересующий нас период не выделен, и мы попытаемся дальше сделать

это сами — по необходимости весьма приблизительно (из-за скудости и противоречивости источников и литературы).

²⁵ *Завриев Д.С.* Экономика современной Турции. Тифлис, 1934, с. 35.

²⁶ *Завриев Д.С.* Восточная Анатолия, с. 28.

²⁷ *Завриев Д.С.* К новейшей истории, с. 185, 188.

²⁸ *Фабер Курт.* По великим путям Востока. М.—Л., 1931, с. 50, 51, 53.

²⁹ Подробнее см.: *Никитин В.* Курды, гл. III, VI; *Ментешашвили А.М.* Курды, ч. III.

³⁰ *Завриев Д.С.* К новейшей истории, с. 209–211.

³¹ *Завриев Д.С.* Восточная Анатолия, с. 95.

³² *Мельник А.* Экономический кризис в Турции. — *Международная жизнь.* 1930, № 1, с. 43.

³³ *Завриев Д.С.* К новейшей истории, с. 211.

³⁴ *В-ий.* Против правооппортунистических концепций в аграрном строе Турции. — *АП.* 1930, кн. 4–5, с. 76–77; кн. 6–7, с. 40.

³⁵ *В-ий.* К аграрным отношениям в Курдистане. Анализ курдского деревейлика. — *АП.* 1932, кн. 1–2, с. 115–116, 124.

³⁶ *Завриев Д.С.* Восточная Анатолия, с. 99.

³⁷ *Завриев Д.С.* К новейшей истории, с. 222–224.

³⁸ *Ментешашвили А.М.* Курды, с. 140–141; *Гасратян М.А.* Курды Турции в новейшее время. Ер., 1990, с. 229–230.

³⁹ *Минавер.* По Курдистану. — *На рубеже Востока.* 1928, № 3–4, с. 201.

⁴⁰ Цит. по: *В-ий.* К аграрным отношениям в Курдистане, с. 124.

⁴¹ Цит. по: *В-ий.* Характеристика феодальных и полуфеодальных методов, с. 56.

⁴² *Завриев Д.С.* Восточная Анатолия, с. 95; *он же.* К новейшей истории, с. 147.

⁴³ Один немецкий автор утверждал, что в Турецком Курдистане «национальные условия не представляют затруднений для развития сельского хозяйства», по каковой причине турецкие власти могут не особенно утруждать себя заботой о нацменьшинствах страны (*Библиография Востока.* Вып. 1. Л., 1932, с. 74).

⁴⁴ *Завриев Д.С.* Восточная Анатолия, с. 118.

⁴⁵ *Завриев Д.С.* К новейшей истории, с. 254–256, 260, 269.

⁴⁶ *Минавер.* По Курдистану, с. 203.

⁴⁷ *Завриев Д.С.* К новейшей истории, с. 216, 232, 279.

⁴⁸ *Завриев Д.С.* Восточная Анатолия, с. 28–30, 32. Примечательно, что в карательном и административно-судебном аппарате восточных вилайетов, в отличие от других сфер обслуживания населения, некомплекта не было. Например, в Ванском вилайете не было ни одного врача, но зато числилось 15 юристов (там же, с. 36).

⁴⁹ *Lambton A.K.S.* Landlord and Peasant in Persia. A Study of Land Tenure and Land Revenue Administration. L., 1953, с. 290–291.

⁵⁰ По данным видного курдского общественного деятеля и ученого Абдуррахмана Касемлу (относящимся, правда, к более позднему времени), только 8% обрабатываемых земель находилось в собственности крестьянства (*Ghassem lou A.* Kurdistan and the Kurds. Praha, 1965, с. 128). См. также: *Ментешашвили А.М.* Курды, с. 134–140.

⁵¹ *Зацук Л.* Персидский Азербайджан (экономический очерк). — *Торговля СССР с Востоком.* 1929, № 7–10, с. 5–6.

⁵² *Ghassem lou A.* Kurdistan and the Kurds, с. 91, 124.

⁵³ Там же, с. 128, 171. В южных районах Иранского Курдистана, по советским данным, 10% всех хозяйств были зажиточными (10 батраков, 60 быков, 30 коров, 20 лошадей и мулов, 500 голов мелкого скота), 20% — среднего достатка (8–10 голов крупного скота, 50 — мелкого, 1 лошадь и 1 осел), 60% — бедными (2 быка, 1 корова, 10 баранов, 1 осел), 10% — не имеющими своего хозяйства (АП. 1931, кн. 9–10, с. 125).

⁵⁴ *Тардов В.* Об аграрных отношениях в Персии. — АП. 1930, кн. 12, с. 123.

⁵⁵ *Защук Л.* Персидский Азербайджан, с. 6–7.

⁵⁶ *Тардов В.* Основные черты производственных отношений у ауло-кочевых племен Персии. — Материалы по национально-колониальным проблемам. 1933, № 3(9), с. 170; Торговля России с Востоком. 1926, № 1–2, с. 18.

⁵⁷ *Ghassemloo A.* Kurdistan and the Kurds, с. 88, 171.

⁵⁸ Торговля России с Востоком. 1926, № 1–2, с. 13. Выделка ковров целиком находилась в сфере мануфактурного (в том числе «рассеянная мануфактура»), а также кустарного производства. В Персидском Курдистане насчитывалось до 3 тыс. станков с 9 тыс. кустарей и годовой продукцией до 12 тыс. ковров; 2,5 тыс. кустарей было занято производством паласов. В Луристане рабочих-ковровщиков насчитывалось 15 тыс. (*Завриев Д.С.* Персия наших дней. Экономические очерки. Тифлис, 1931, с. 47–48).

⁵⁹ *АЭЛ.* По Персии и Месопотамии. Л., 1931, с. 45.

⁶⁰ *Аристова Т.Ф.* Очерк культуры и быта курдских крестьян Ирана. — Переднеазиатский этнографический сборник. I. М., 1958, с. 257.

⁶¹ Англичане провели в Ираке земельный кадастр, закрепивший за ага и беями принадлежавшие им земли (Аграрный вопрос и крестьянские движения. Справочник. Т. 4. 2-е изд. М., 1937, с. 240). Социально-экономический строй Южного Курдистана лучше всего описан в исследовании курдского автора Музхара Ахмада Камала «Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане (1918–1932 гг.)» (Баку, 1967, с. 31–66). См. также: *Мирский Г.И.* Ирак в смутное время, с. 15–46; *Ментешашвили А.М.* Курды, с. 24–27, 131–134, 143–145.

⁶² *Luke H.C.* Mosul and its Minorities. L., 1925, с. 13.

⁶³ На Западе в последние десятилетия вышло несколько ценных трудов (Ф.Барта, У.Д.Хуттерота и др.), основанных на полевых исследованиях, которые посвящены своеобразному социальному строю в Южном Курдистане; они использованы в монографии А.М.Ментешашвили «Курды». Эта же тема, главным образом на восточных источниках и литературе, частично освещена в указанной книге М.А.Камала. До появления этих работ в объяснении своеобразия социальных отношений в Южном Курдистане советское востоковедение довольствовалось «голыми» схемами, основанными на догматически усвоенных марксистских постулатах (следы которых видны и в книге Камала). Типичным примером такого подхода является статья А.Галджьяна «Аграрный вопрос в Ираке» (Аграрный вопрос на Востоке. М., 1933), в которой автор, исходя из прямолинейных установок, приходит к столь же прямолинейным выводам вполне в духе времени. Приведем несколько характерных положений этой работы, не требующих комментариев. О родовых организациях в Курдистане: они «являются только орудием феодального угнетения в руках бывших вождей и средством личного прикрепления курдского крестьянства к феодалу» (с. 282). Притеснение курдских феодалов багдадскими властями (английскими и арабскими) «объясняет нам действительные причины того, почему отдельные феодалы, вроде шейха Махмуда из Сулеймании и шейха Ахмеда из Барзана, возглавляли курдское крестьянское движение, стремясь вести его по

пути феодальной реакции» (с. 283). О курдском движении: «Крестьянский характер этого движения — вне всякого сомнения, но беда в том, что курдское крестьянское движение не дифференцировано, оно еще не носит крестьянского характера. Оно отчасти провоцируется англичанами; оно руководится крупными феодалами под лозунгами феодальной реакции. Но по мере своего развития курдское движение все больше будет включаться в единый революционный фронт. Курдские феодалы предают курдов. Постепенно они открыто переходят в правительственный лагерь и на английскую субсидию. Крестьянские же массы начинают сознавать свои подлинные интересы» (с. 304). Выводы и прогнозы — «с точностью до наоборот».

⁶⁴ БПСВ. 1931, № 10–11, с. 40.

⁶⁵ Review of the Civil Administration of Mesopotamia (by G. Bell). L., 1920, с. 105.

⁶⁶ Rambout L. Les kurdes et le droit. Des textes, des faits. P., 1947, с. 70–71.

⁶⁷ Джарджис Хасан Абдулла. Курды в общественно-политической жизни Сирии в 1918–1962 гг. Гл. I.

Глава II

¹ Гурко-Кряжин В.А. Арабский Восток и империализм. М., 1926, с. 105, 119.

² Foster H.A. The Making of Modern Iraq. A Product of World Forces. Norman, 1935, с. 152.

³ Gentizon P. Mustafa Kemal ou l'Orient en marche. P., 1929, с. 71–78.

⁴ См.: Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923), с. 227–240; Гасратян М.А. Курды Турции в новейшее время, с. 6–42.

⁵ Астахов Г. От султаната к демократической Турции. Очерки по истории кемализма. М.—Л., 1926, с. 35. Автор сводит турецко-курдский антагонизм только к земельным спорам, не верит в победу курдов («бессмыслица и регресс»), но в то же время утверждает, что применяемый Анкарой «односторонний, репрессивный метод» тоже не решение конфликта. Интересны его непосредственные наблюдения. Извозчики-турки делают крюк в 10–20 км, лишь бы не заезжать в курдские селения. Вся администрация и жандармерия в курдских районах исключительно турецкая. В то же время он отмечает, что в Центральной Анатолии от Анкары до Коньи обстановка сравнительно благополучная, местное курдское население в национальном движении не участвует (там же, с. 36).

⁶ Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. 1919–1927. Т. IV. Победа новой Турции. 1921–1927. М., 1934, с. 258.

⁷ Гасратян М.А. Курды Турции, с. 53–56.

⁸ См.: Лазарев М.С. Курдский вопрос, гл. V, с. 144–148; он же. Империализм и курдский вопрос, гл. III, с. 96–111.

⁹ В обстоятельном обзоре нашего виднейшего курдоведа О.Л.Вильчевского «Курдское национальное движение» (Тб., 1946, машинопись, с. 363), к сожалению, оставшемся в рукописи, перечисляются курдские общества, возникшие в Турции (главным образом в Стамбуле) после окончания Первой мировой войны. Названия даются в персидской транскрипции. Вильчевский называет следующие наиболее известные тогда общества: 1) «Управление курдской пропаганды» («Эдерейе таблигате курд»), издававшее газету «Жиин» («Жизнь»). Это общество выступало за внутреннюю автономию и находилось в контакте с кемалистами и шейхом Мах-

мудом Барзанджи. Вскоре руководство этого общества перебралось в Южный Курдистан, к шейху Махмуду; 2) «Общество спасения курдов и Курдистана» («Джамиате Та'алие курд ве Курдистан»). В него входили антитурецкие националисты: Бадрханиды, генерал Шериф-паша и др., которые выступали за автономный Курдистан под персидским протекторатом в блоке с армянами и другими меньшинствами. Внешнеполитическая ориентация этого общества была парадоксальна: оно было настроено против Англии, но за Францию и даже поверженную Германию. Руководство обществом было связано главным образом с Центральным и Западным Курдистаном; 3) «Общество независимости Курдистана» («Джамиате эстекляле Курдистан»). Видимо, то же самое, что упоминаемый далее «Азади». Его возглавляли Абдул-Кадыр, Мустафа-паша Корд, Халид-бей Джаббари (наверное, искажение, правильно — Джибранлы). К обществу примыкали некоторые влиятельнейшие вожди Северного и Центрального Курдистана, и первый среди них — шейх Саид Пирани, глава суфийского ордена накшбенди в Восточной Анатолии. Общество выступало за независимый Курдистан с установлением английского мандата на переходный период. Руководители общества видели независимый Курдистан как конституционную монархию во главе с маликом (королем), одним из представителей владетельных родов, с исламом как государственной религией, с собственным духовным главой в лице одного из авторитетнейших шейхов и с парламентом, состоящим из светских и духовных вождей; 4) «Общество социальных институтов» («Джамиате ташкеляте эджтемай») (другое название — «Радикальная курдская партия» — «Хизб-е радикале курд») во главе с младшим поколением Бадрханидов — братьями Джеладетом Али, Камраном Али и Сурейя-беем. К этому обществу примыкали курдские интеллигенты и студенты. Программа партии предусматривала независимость Курдистана, созыв Учредительного собрания для решения вопроса о форме правления, принятие конституции по образцу демократических стран Западной Европы. Партия выступала против Антанты и любой формы протектората ее членов над Курдистаном, проявляя при этом некоторые симпатии к Франции. Три последних общества во время конференции в Севре образовали единый блок, их главным представителем был Шериф-паша (с. 85–90).

В это время курдские националисты сделали попытку найти общий язык с кемалистами при условии признания ими автономии Курдистана. В случае же невозможности договориться с кемалистами планировалось поднять антисултанское восстание независимо от действий кемалистов (с. 93).

Во время конференции в Лозанне и после нее названные курдские общества объединились в «Курдскую партию» («Шубе курд»), практически руководимую Бадрханидами и объявленную властями незаконной. Эта партия, основанная на строгой конспирации, создала «Северный комитет» со штабом в Эрзуруме для непосредственной подготовки восстания и «Заграничный центр» из ее членов, связанных с армянской партией «Дашнакцутюн» (с. 113–116).

Таковы были первые шаги курдского национализма в межвоенной Турции в изложении О.Л.Вильчевского (пользуюсь случаем поблагодарить О.И.Жигалину, предоставившую мне возможность использовать этот ценный источник). В исследованиях других авторов (основанных большей частью на британских разведывательных данных того времени) многие детали выглядят по-иному (даты, названия политических организаций курдов и т.п.), но различия, на наш взгляд, малозначительные, тем более что нет оснований подвергать сомнению информацию, которую использовал такой компетентный курдовед, как О.Л.Вильчевский.

¹⁰ *Olson R. The Emergence of Kurdish Nationalism and the Sheikh Said Rebellion, 1880–1925. Austin, 1989, с. 41–43.*

¹¹ См.: *Матвеев К.П. (Бар-Маттай), Мар-Юханна И.И. Ассирийский вопрос во время и после первой мировой войны (1914–1933). М., 1968, гл. II–IV; Матвеев К.П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время. М., 1979, гл. VI.*

¹² *Мустафа Кемаль. Путь новой Турции, т. IV, с. 430–432; Gentizon P. L'insurrection kurde. — Revue de Paris. 1925, vol. 5, № 20, с. 839.*

¹³ *Olson R. The Emergence of Kurdish Nationalism, с. 43–45.*

¹⁴ См.: *Лазарев М. СССР и Курдистан. — Азия и Африка сегодня. 1995, № 3, с. 4–5.*

¹⁵ *Olson R. The Emergence of Kurdish Nationalism, с. 45–47, 50–51.*

¹⁶ АВПРФ, ф. Отдел Ближнего Востока, Референтура по Ирану, оп. 5а, папка 105, д. № 1, гг. 1921–1945, л. 172. Консульство СССР в Урмии, выписки из хроники событий за время с 21.10. по 15.11.1923.

¹⁷ О ситуации в Южном Курдистане в период от Севра до Лозанны см.: *Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос, с. 199–215.*

¹⁸ АВПРФ, ф. Отдел Ближнего Востока, оп. 6а, папка 106, л. 1. Донесение № 5 (с 15.09 по 15.10.1923 от 28.10.1923, № 73/с).

¹⁹ Там же, л. 3.

²⁰ Там же, л. 4.

²¹ Там же, л. 5.

²² См.: *Гасратян М.А. Курды Турции в новейшее время, с. 50–53; Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос, с. 211–212.*

²³ АВПРФ, ф. Отдел Ближнего Востока, оп. 6а, папка 106, л. 6, 7. «Таха» — название 20-й суры Корана.

²⁴ Там же, л. 8.

²⁵ Там же, л. 10–18.

²⁶ Там же, л. 24.

²⁷ Там же, л. 26.

²⁸ Там же, л. 33.

²⁹ Там же, ф. 94, Ближневосточный отдел, Референтура по Персии, оп. 9а, портфель 1, папка 108, л. 146–147, 199.

³⁰ *Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. Т. IV, с. 430–432.*

³¹ Там же, с. 436, 438.

³² *Toynbee A.J. The Islamic World since the Peace Settlement. — Survey of International Affairs. Vol. 1, 1925. L., 1927, с. 457, 463.*

³³ ДВП. Т. VIII. М., 1963, № 44, с. 102–103. Телеграмма полпреда в Турции Я.З.Сурица в НКВД 26.01.1925.

³⁴ Там же, № 50, с. 114. Телеграмма Г.В.Чичерина Я.З.Сурицу от 02.02.1925.

³⁵ Там же, № 53, с. 118. Нота Г.В.Чичерина поверенному в делах Турции в СССР Энис-бею 06.02.1925; № 109.

³⁶ Там же, № 188, с. 370. Телеграмма Я.З.Сурица в НКВД 16.06.1925.

³⁷ Там же, № 212, с. 402–403. Телеграмма Я.З.Сурица в НКВД 01.07.1925.

³⁸ Там же. Т. IX. М., 1964, № 72, с. 118–119. Телеграмма Я.З.Сурица в НКВД 19.02.1926.

³⁹ *Safrastian A. Kurds and Kurdistan, с. 81–82.*

⁴⁰ *Гасратян М.А. Курды Турции; Olson R. The Emergence of Kurdish Nationalism.*

⁴¹ *Olson R. The Emergence of Kurdish Nationalism, с. 42–43, 49–50, 90–91.*

- ⁴² ОМ. 1924, № 9, с. 542; № 10, с. 606.
- ⁴³ *Мустафа Кемаль*. Путь новой Турции. Т. IV, с. 430–432.
- ⁴⁴ *Васильев К.* Причины и движущие силы курдских восстаний. — Аграрные проблемы. 1931, кн. 9–10, с. 106–107.
- ⁴⁵ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 304, л. 10. Извлечение из отчета иракской разведки, № 25, 11.XII.1924.
- ⁴⁶ *Гасратян М.А.* Курды Турции, с. 62–68; *Olson R.* The Emergence of Kurdish Nationalism, с. 91–95.
- ⁴⁷ См.: *Olson R.* The Emergence of Kurdish Nationalism, с. 97 (карта).
- ⁴⁸ *Гасратян М.А.* Курды Турции, с. 70–94. По данным иностранной прессы, в подавлении восстания участвовало до 78 тыс. турецких военнослужащих (по другим сведениям — 35 тыс.), было использовано 12 самолетов (*Погорелов М.* Курдский вопрос. — Война и революция. 1925, май, кн. 3, с. 151). Повстанцев же, по утверждению того же автора, насчитывалось 710 тыс., что выглядит явным преувеличением (*Военный вестник*. 1925, № 11, с. 41); *Olson R.* The Emergence of Kurdish Nationalism, с. 107–120.
- ⁴⁹ *Olson R.* The Emergence of Kurdish Nationalism, с. 108.
- ⁵⁰ *Завриев Д.С.* К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тб., 1947, с. 144.
- ⁵¹ *Arfa H.* The Kurds. An Historical and Political Study. L., 1966, с. 36.
- ⁵² *Гасратян М.А.* Курды Турции, с. 71; *Международная жизнь*. 1925, № 3, с. 89. *Погорелов М.* Курдский вопрос, с. 148.
- ⁵³ *Armstrong H.C.* Grey Wolf Mustafa Kemal. An Intimate Study of a Dictator. L., 1935, с. 264.
- ⁵⁴ *Gentison P.* Mustafa Kemal, с. 67, 76, 77.
- ⁵⁵ *Gentison P.* L'insurrection kurde, с. 840, 845, 846.
- ⁵⁶ *Arfa H.* The Kurds, с. 38.
- ⁵⁷ *Toynbee A.J.* The Islamic World, с. 72.
- ⁵⁸ *Olson R.* The Emergence of Kurdish Nationalism, с. 153–154, 209; *Гасратян М.А.* Курды Турции, с. 107–111.
- ⁵⁹ *Кросс Т.* Внутреннее положение Турции. — МЖ. 1930, № 7–8, с. 61.
- ⁶⁰ *Гурко-Кряжин В.А.* Арабский Восток и империализм, с. 121.
- ⁶¹ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 304, л. 31, 37. Р.Линдсей — министру иностранных дел О.Чемберлену 24.11.1925.
- ⁶² *Завриев Д.С.* К новейшей истории, с. 144–145.
- ⁶³ *Gavan S.S.* Kurdistan: Divided Nation of the Middle East. L., 1958, с. 24–25.
- ⁶⁴ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 149, л. 170, 171. Из секретариата Верховного комиссара в Ираке — советнику министра внутренних дел, меморандум от 16.11.1925; Лорэн — консулу Англии в Тебризе Б. Джиллет-Смиту 07.10.1945.
- ⁶⁵ *Toynbee A.J.* The Islamic World, с. 508, 509.
- ⁶⁶ *Olson R., Tucker W.F.* The Sheikh Said Rebellion in Turkey (1925). — *Welt des Islams*. Vol. 18, 1978, № 3–4, с. 196–199.
- ⁶⁷ *George-Gaulis B.* La question turque. Une page d'histoire turque et d'erreurs européennes 1919–1931. P., 1931, с. 367.
- ⁶⁸ *Гофман К.* Нефтяная политика и англо-саксонский империализм. Л., 1930, с. 361–362.
- ⁶⁹ *Armstrong H.* Turkey and Syria Reborn. A Record of Two Years of Travel. L., 1930, с. 186.
- ⁷⁰ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 304, л. 33. Обзор турецких газет.

⁷¹ Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос, с. 164–181.

⁷² АВПРФ, ф. 132, оп. 14, д. 23, л. 5–6. Англия и курдский вопрос (справка).

⁷³ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 149, л. 48–49. Из секретариата Верховного комиссара Англии в Ираке — советнику министра внутренних дел, меморандум от 16.09.1925.

⁷⁴ НЕ. № 721, 05.03.1925, с. 250.

⁷⁵ НЕ. № 738, 09.07.1925, с. 32.

⁷⁶ Галкович М.Г. Восток и СССР. М., 1928, с. 66.

⁷⁷ Погорелов М., Курдский вопрос, с. 145.

⁷⁸ Olson R.W., Tucker W.F. The Sheikh Said Rebellion in Turkey (1925), с. 196–198; Olson R. The Emergence of Kurdish Nationalism, ch. 6; Кабульский С. Современная Турция. — МЖ. 1925, № 3, с. 42.

⁷⁹ Кабульский С. Современная Турция, с. 42. С.Кабульский не сомневается, что Англия приложила руку к восстанию, но в подтверждение приводит такие «косвенные доказательства», как пресловутые каталоги, направленные «курдистанскому эмиру», курдистанскому военному министру и тому подобным мифическим адресатам. Это, конечно, несерьезно.

⁸⁰ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 148, л. 20, 53. Телеграмма из Бейрута от 05.03.1925 Верховному комиссару в Багдад и посла в Париже лорда Крю О.Чемберлену 02.03.1925.

⁸¹ Там же, д. 304, л. 62. Секретный меморандум советника Верховного комиссара в Ираке 07.03.1925.

⁸² См., например: Мадьяр Л. Задачи научно-исследовательской работы по изучению стран Ближнего Востока. — Революционный Восток. 1929, № 6, с. 59; Вильчевский О. Библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии. — Иранские языки. М.–Л., 1945, № 1, с. 152. Термин «младокурды» (очевидно, по аналогии с «младотурками»), кроме О.Л.Вильчевского, никто не употреблял. Вильчевский же использует этот термин исключительно в негативном контексте без всяких на то оснований.

⁸³ Вильчевский О.Л. Курдское национальное движение, с. 127.

⁸⁴ Кузнецов А.А. Курдский вопрос на первом этапе общего кризиса капитализма. Рукопись. М., [б.г.], с. 126.

⁸⁵ Там же, с. 125.

⁸⁶ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 304, л. 101–102. Р.Линдсей — в МИД, № 785, 16.10.1925; DBFP. 1919–1939. Ser. 1a, vol. 1. The Aftermath of Locarno. 1925–1926. L., 1966, № 531, с. 761–762.

⁸⁷ DBFP, vol. 1, № 466, с. 944.

⁸⁸ Ничем не подтверждается мнение А.Ф.Миллера о том, что «судебное следствие разоблало связи шейха Саида с прогрессистами» (Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.–Л., 1948, с. 152). Напротив, Прогрессивно-республиканская партия Кязыма Карабекира целиком одобрила карательные меры правительства против курдов. См.: Гасратян М.А. Курды Турции в новейшее время, с. 84–85. При задержании шейха Саида были изъяты «важные бумаги и большие суммы денег в золоте», но их происхождение так и не было выяснено. См.: НЕ. № 728, April 1925, с. 421–422.

⁸⁹ Кемаль Ататюрк. Избранные речи и выступления. М., 1966, с. 333.

⁹⁰ Там же, с. 341.

⁹¹ Ирандуст [Осетров В.П.]. Движущие силы кемалистской революции. М.–Л., 1928, с. 115.

⁹² Мельник А. (Миллер А.Ф.). Пять лет республиканской Турции. — МЖ. 1928, № 11, с. 6.

⁹³ ОМ. 1925, № 4, с. 180.

⁹⁴ Описание фактической стороны событий см.: Гасратян М.А. Курды Турции в новейшее время, с. 70–78; Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. Т. IV, с. 438, 449; Olson R. The Emergence of Kurdish Nationalism, с. 103, 107–127; ОМ. 1925, № 3, с. 131–134; № 4, с. 180, 181, 198, 240, 242; NEI. 1925, № 721, 725, 727, 728.

⁹⁵ Armstrong H.C. Grey Wolf Mustafa Kemal, с. 265.

⁹⁶ Toynbee A.J. The Islamic World, с. 510–511; NEI. № 727, April 1925, с. 306.

⁹⁷ Аболтин В. Национальный состав Турецкой республики. — Новый Восток. 1925, кн. 1(7), с. 128.

⁹⁸ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 304, № 331, донесение от 28.04.1925, копия.

⁹⁹ Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. Т. IV, с. 451; ОМ. 1925, № 8, с. 404.

¹⁰⁰ ОМ. 1925, № 9, с. 454–455.

¹⁰¹ Safrastian A. Kurds and Kurdistan, с. 82–83.

¹⁰² АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 150, л. 45–48. Административный инспектор в Мосуле — советнику МВД. 13.07.1926.

¹⁰³ Петрин К. Турция перед Мосульским соглашением. — МЖ. 1926, № 2, с. 10; Гасратян М.А. Курды Турции, с. 95; NEI. № 718, April 1928, с. 426.

¹⁰⁴ Schmidt D.A. Journey among Brave Men. Boston–Toronto, 1964, с. 56; Arfa H. The Kurds, с. 47.

¹⁰⁵ ОМ. 1925, № 10, с. 513–516.

¹⁰⁶ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 304, № 339, л. 170, копия. Донесение из британского посольства в Константинополе в Форин Офис 05.07.1926.

¹⁰⁷ См.: Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции, гл. 4. По мнению английского журнала, одна из задач реформ, проводимых в восточных вилайетах, — избежать упреков из Женевы о плохом обращении с турецкими курдами, дабы их положение не выглядело хуже в сравнении с их закордонными сородичами (NEI. № 749, 17.09.1925, с. 331–332). Скандальное положение турецких курдов подрывало международный престиж Анкары, и особенно в глазах курдов Мосула, которых Турция хотела «освободить».

¹⁰⁸ Olson R., Tucker W. The Sheikh Said Rebellion, с. 209–211.

¹⁰⁹ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 304, № 52, л. 249–250. Донесение из британского посольства в Турции в Форин Офис 31.01.1927.

¹¹⁰ NEI, 03.12.1925, с. 673.

¹¹¹ Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. Т. IV, с. 447–450, 486; ОМ. 1927, № 1, с. 9–10; 1927, № 2, с. 68.

¹¹² Safrastian A. Kurds and Kurdistan, с. 83.

¹¹³ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 304, л. 124. Донесение из британского посольства в Форин Офис, № 120, 17.03.1926, копия.

¹¹⁴ Там же, № 468, 09.06.1925, л. 62, копия; № 435, 02.06.1925, л. 64; № 769, 12.10.1925, л. 92–93.

¹¹⁵ См.: Гасратян М.А. Курды Турции в новейшее время, с. 119–131; Никитин В. Курды, с. 90.

¹¹⁶ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 148, л. 56, 124. Посол Великобритании в Париже лорд Крю — О.Чемберлену 03.03.1925; Р.Линдсей — О.Чемберлену 03.04.1925. Советский посол в Турции Я.З.Суриц сказал германскому послу Р.А.Надольному, что он не верит этим слухам «с ноткой сожаления».

¹¹⁷ Там же, л. 23, 10.03.1925. Из секретариата Верховного комиссара в Багдаде — секретарю Совета министров; д. 304, л. 102. Из Форин Офис — британскому посольству в Константинополе, № 1151, 30.11.1926, копия.

¹¹⁸ Корреспондент английской газеты «Манчестер гардиан» М.Ф.Прайс, одно время член палаты общин от лейбористской партии, специализировавшийся по ближневосточным проблемам и еще в 1912 г. уличенный в шпионаже против русских в Северной Персии, наряду с утверждением, что Советы пытались, хотя и безуспешно, использовать национальные движения в Турции и Персии вблизи закавказской границы, через много лет сделал следующее удивительное заключение: «Курдские племена были диссидентским элементом в ранние дни республики. Но анкарское правительство проводило мудрую политику по отношению к курдам и к предоставлению равных гражданских прав туркам и курдам, что привело к умиротворению до того беспокойного района. Эта часть Турции, по всем данным, теперь ассимилирована демократической республикой». То же самое говорится в отношении иракских курдов, которых Багдад, признав курдский язык и завоевав доверие курдов, «надеется в конце концов ассимилировать политически». Констатация, как говорится, «с точностью до наоборот» (*Price M.Ph. Northern Defences of Iraq. — The Manchester Guardian Weekly, 05.05.1955, vol. 72, № 18*). В свое время В.П.Никитин уличил Прайса, слывшего экспертом по Ближнему Востоку, хотя и без особых на то оснований, а скорее в силу своего стойкого антирусизма и антисоветизма, в некомпетентности (см.: *Лазарев М.С. Курдский вопрос, с. 430, 445–446*).

¹¹⁹ А. Тойнби, анализируя обстановку в Иракском Курдистане после 1921 г., писал, что в Мосульском вилайете курдские национальные чувства были направлены главным образом против «турок, арабов, англичан или других иностранцев». За исключением курдов в Константинополе или на Западе, потерявших связь со своими сородичами, здесь было мало признаков «курдской национальной солидарности даже в пределах границ Мосульского вилайета и еще меньше желания выражать такую солидарность в политических формах». «Политический горизонт» курдов был ограничен феодальными и племенными распряями (*Toynbee A.J. The Islamic World, с. 479–480*).

¹²⁰ *The Letters of Gertrude Bell. Vol. II. L., 1927, с. 549; Longrigg St.H. Iraq, 1900 to 1950. A Political, Social and Economic History. L., 1953, с. 152.*

¹²¹ *Sluglett P. Britain in Iraq. 1914–1932. L., 1976, с. 117.*

¹²² *The Letters of Gertrude Bell. Vol. II, с. 620–621, 626.*

¹²³ Подробности см.: *Матвеев К.П. (Бар-Маттай), Мар-Юханна И.И. Ассирийский вопрос, с. 98–99; Матвеев К.П. Ассирийцы и ассирийская проблема, с. 120–122.*

¹²⁴ *The Letters of Gertrude Bell. Vol. II, с. 550, 556, 559.*

¹²⁵ *Edmonds C.J. Kurds, Turks and Arabs. Politics, Travel and Research in North-Eastern Iraq. 1919–1925. L., 1927, с. 383–384.*

¹²⁶ Там же, с. 398, 422–423, 428–429.

¹²⁷ *Bullard R. Britain and the Middle East. From the Earliest Times to 1950. L., 1956, с. 109.*

¹²⁸ См.: *Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос, с. 188–215; Мзюи Ш.Х. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М., 1991, с. 23–50.*

¹²⁹ *Федченко А.Ф. Ирак в борьбе за независимость. М., 1970, с. 30–31.*

¹³⁰ АВПРИ, ф. НАИ, серия А, д. 253, л. 294. Телеграмма Верховного комиссара в Ираке министру колоний, № 129, 14.07.1924; д. 300. Отчет Верховного комиссара

ра о развитии в Ираке за 1920–1925 гг. Министерство колоний, август 1926, л. 19–20, 26–27; NE. № 692, 14.08.1924, с. 165.

Большая пропагандистская кампания была развернута вокруг поездки короля Фейсала I в сопровождении британского верховного комиссара Г.Доббса в Мосул в ноябре 1923 г. В ходе ее король посетил курдские каза, не скупясь на дружественные заверения в адрес курдских вождей (OM. 1923, № 11, с. 431–432). Что касается шейха Махмуда Барзанджи, то после его изгнания из Сулеймании в июле 1924 г. он, как отмечалось, пытался организовать сопротивление в горах Авромана на персидской границе и установил контакт с турками, временно захватившими Равандуз, но возглавляемое им движение явно пошло на спад, несмотря на попытку объявить джихад (OM. 1924, № 8, с. 503; The Times. 23.07.1924).

¹³¹ NE. № 692, 14.08.1924, с. 165; № 700, 09.10.1924, с. 373; № 702, 23.10.1924, с. 425; № 703, 705, 707, November 1924, с. 443, 503.

¹³² Там же, № 737, 25.06.1925, с. 670. В этом номере журнала помещена корреспонденция под названием «Сулеймания», в которой отмечается важнейшее стратегическое значение этого города, контролирующего «коммуникации между Багдадом и турецкой границей Ирака». Корреспондент не жалуется на шейха Махмуда, называя его «переменчивым и невежественным фанатиком, реакционером худшего типа», думающим только о личных интересах, разбойником, враждебным «любому стабильному правительству, будь то турецкое или британское», установившим в Сулеймании тиранический режим. Пристрастность и необъективность подобной характеристики очевидны. Безымянный автор этой корреспонденции признает, что британские и иракские власти не в состоянии эффективно подавить движение шейха Махмуда. По его утверждению, «многие (?) думают, что возвращение Сулеймании Турции лучше обеспечит безопасность округа» (там же, с. 679–680).

¹³³ Там же, № 743, 744, 08 и 13.08. 1925, с. 166, 190.

¹³⁴ Там же, № 771, February 1926, с. 227, 229.

¹³⁵ Международная летопись. 1925, № 3, с. 86.

¹³⁶ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 148, л. 171, 172, 186, 189, 191, 192, 222. Донесения английских резидентов в Северном Ираке, иракских чиновников и др. в июне–августе 1925 г.

¹³⁷ Там же, л. 261. Из секретариата Верховного комиссара в Ираке — советнику Министерства внутренних дел Г.Корнуоллису, 27.08.1925; д. 149, л. 22, 41, 42. Государственный министр иностранных дел Англии — послу в Константинополе от 05.09.1925, меморандум из секретариата Верховного комиссара министру внутренних дел от 15.09.1925.

¹³⁸ Там же, л. 255, 456. Административный инспектор в Мосуле — Верховному комиссару от 13.04.1926 и 04.05.1926.

¹³⁹ Там же, д. 150, л. 32–33. Донесение от 13.07.1926.

¹⁴⁰ Там же, л. 102, 51, 62–63. Донесения от 30.05, 13 и 19.07.1926.

¹⁴¹ Там же, л. 59–61. Донесение от 13.07.1926, копия.

¹⁴² Там же, л. 110, 128. Из переписки Р.Ф.Джордина с Г.Корнуоллисом, 20.08. и 07.10.1926.

¹⁴³ Там же, л. 130, 131. Г.Корнуоллис — секретарю Верховного комиссара, 17.10.1926; Г.Доббс — поверенному в делах в Константинополе, 21.10.1926.

¹⁴⁴ Там же, л. 140, 141. Администратор в Эрбиле — Г.Доббсу, 22.10.1926; л. 141. Г.Доббс — Г.Корнуоллису, 23.10.1926; NEI. № 777, 08.04.1926, с. 444. Турецко-иракская пограничная комиссия занималась вопросом частичной репат-

риации бежавших в Ирак турецких курдов (17–18 тыс.) (Correspondance d'Orient, № 343, Juillet 1926, с. 264).

¹⁴⁵ См.: *Mzou Ш.Х.* Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время, с. 46–47; *Sluglett P.* Britain in Iraq, с. 116–125.

В отчете британского правительства Лиге Наций от 2 марта 1926 г. говорилось, что курды, составляя 17% населения, насчитывают 24% в полиции, 14 — в армии, 23% служащих на железных дорогах. В меджлисе из 88 депутатов 14 — курдов. В местной администрации в курдских районах курдов большинство (NEI. № 808, 11.11.1926, с. 539).

¹⁴⁶ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 222, л. 211–212. Г.Доббс — премьер-министру Ирака Ас-Саадуну, 22.02.1926.

¹⁴⁷ *Longrigg St.H.* Iraq, 1900 to 1950, с. 147–156.

¹⁴⁸ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 300, л. 29, 34. Отчет Г.Доббса о «развитии в Ираке», 1920–1925, август 1926.

¹⁴⁹ Там же, д. 149, л. 194, 195. Секретная телеграмма из Мосула Верховному комиссару в Багдад. 21, 22.03.1926; л. 213. Р.Ф.Джордин — офицеру спецслужбы в Мосуле; л. 215. Г. Доббсу — из штаба ВВС, 25.03.1926.

¹⁵⁰ Там же, л. 179. Р.Ф.Джордин — Г.Доббсу, 14 марта 1926; л. 209. Г.Доббс — Р.Ф.Джордину, 26.03.1926; л. 378. Письмо из МИД Франции 05.05.1926. Иракские власти Синджара прехватили послания от курдских религиозных деятелей из Турции (принадлежавших к братствам накшбенди и кадери), жаловавшихся на притеснения турок и выражавших желание переселиться из Турции. Любопытно, что эти вести были направлены езидским вождям, ранее известным своим традиционно враждебным отношением к суннитским мусульманским орденам (меморандум от мутесаррифа в МВД Ирака 13.03.1926).

¹⁵¹ Там же, д. 150, л. 17. Р.Ф.Джордин — Доббсу 05.07.1926; л. 166, 172. Разведданные по курдам, 30.08.1926.

¹⁵² Там же, д. 150, л. 169. И.о. консула Великобритании в Алеппо Дж.Акрос — в МИД 08.11.1926.

¹⁵³ *Лазарев М.С.* Империализм и курдский вопрос, с. 215–227; *Жигалина О.И.* Национальное движение курдов в Иране (1918–1947 гг.). М., 1988, с. 46–58.

¹⁵⁴ *Осетров В.* Очерки экономического строя Персии. Колониальный Восток. Социально-экономические очерки. М., 1924, с. 142.

¹⁵⁵ *Лазарев М.С.* Империализм и курдский вопрос, с. 222–227.

¹⁵⁶ *Галкович М.Г.* Восток и СССР, с. 71.

¹⁵⁷ ДВП. Т. VIII. М., 1963, № 23, с. 61.

¹⁵⁸ В советской литературе 20-х годов XX в. наряду с огульными обвинениями англичан в подстрекательстве всех этноплеменных выступлений можно было встретить и противоположные суждения, правда редко. Так, Б.Шумяцкий возражал против приписывания только «англо-агентам» восстаний в Курдистане, Хорасане и Белуджистане. В них, отмечал автор, виновата «вся система, весь крепостнический режим Реза Шаха Пехлеви» (*Шумяцкий Б.* Спорные вопросы новейшей истории Персии. — Революционный Восток. 1927, № 1, с. 35).

¹⁵⁹ Г.Ленчовски со знанием дела отмечал, что английский план создания марионетного курдского государства был с начала 20-х годов отставлен, так как «материал был слишком взрывоопасным». Была предпочтена политика балансирования и стабильности на Ближнем Востоке, в противном случае «выиграли бы Советы». Кроме того, в Англии оглядывались на арабское общественное мнение. Но это не означало, что дружбой с курдами в Лондоне пренебрегали. Через бри-

танскую агентуру поддерживались хорошие отношения с племенами с целью: 1) держать курдский вопрос как резерв в случае трудностей в Багдаде и Тегеране; 2) предотвращать возможное влияние СССР и Германии (*Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. Ithaca, 1952, с. 236*).

¹⁶⁰ ОМ. 1924, № 3, с. 194–195; 1924, № 5, с. 324; НЕ. № 668, 28.02.1924, с. 218, 373.

¹⁶¹ ОМ. 1924, № 6, с. 394; 1924, № 10, с. 637; НЕ. № 688, 17.07.1924, с. 59; № 699, 02.10.1924, с. 344; *Toynbee A.J. The Islamic World, с. 539*.

¹⁶² ОМ. 1924, № 10, с. 627; НЕ. № 710, 18.12.1924, с. 633–634; *Думнис М. Северная Персия. Курды. — Колониальный Восток. Социально-экономические очерки. М., 1924, с. 329, 335, 336, 342*.

¹⁶³ АВПРФ, ф. Отдел Ближнего Востока, оп. 5а, д. 1, папка 105, л. 70. Референтура по Персии.

¹⁶⁴ Там же, оп. 4а, портфель № 1, папка 105, л. 86, № 23. Выписка из хроники (по Урмии), 06–20.12.1924.

¹⁶⁵ Там же, оп. 5а, д. 1, папка 105, л. 8. ИНОРОСТА, 14.05.1924; *Ирандуст. Классы и партии современной Персии. — Мировое хозяйство и мировая политика. 1926, № 2, с. 63; Международная летопись. 1925, № 2, с. 99*.

¹⁶⁶ АВПРФ, ф. Отдел Ближнего Востока, оп. 5а, д. 1, папка 105, л. 419. Хроника за апрель–июль 1924; оп. 7а, портфель № 1, папка 106, л. 351. Выписка из литобзора Урмии за ноябрь 1924 г.

¹⁶⁷ Там же, оп. 7а, портфель № 1, папка 106, л. 190, 205, 209. Доклад о выборах в 5-й меджлис по Керманшахскому консульскому отделу, 05.02.1924.

¹⁶⁸ *Востров А. Племена Ирана и племенная политика иранского правительства. — Материалы по национально-колониальным проблемам. 1936, № 34, с. 194*.

¹⁶⁹ АВПРФ, ф. Отдел Ближнего Востока, 1921–1925 гг., оп. 6а, папка 106, л. 442. Персия, сводка по прессе за январь 1925.

¹⁷⁰ Восстание племен. — БПСВ. 1931, № 10–11, с. 143.

¹⁷¹ О деяниях Салара в предшествующее время см.: *Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891–1917), с. 170, 183, 184, 188, 252–254, 271, 294, 319, 350*.

¹⁷² Восстание племен, с. 157; ОМ. 1926, № 9, с. 488.

¹⁷³ ОМ. 1926, № 9.

¹⁷⁴ Восстание племен, с. 155; *Longrigg St.H. Iraq, 1900 to 1950, с. 159*.

¹⁷⁵ *Жигалина О.И. Национальное движение курдов в Иране, с. 59–60. См. также: Arfa H. Under Five Shahs. London–Edinburgh, 1964, с. 203; НЕI. № 796, 19.08.1926, с. 177; № 801, 23.09.1926, с. 328*.

¹⁷⁶ Восстание племен, с. 158–159.

¹⁷⁷ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 223, л. 104–105, № 502. Донесение британского временного поверенного в Тегеране в МИД, 10.10.1926, копия.

¹⁷⁸ Там же, л. 108–109, № 235. Телеграмма британского посланника в Тегеране в МИД.

¹⁷⁹ Там же, д. 221, л. 162–163, 173–174. Донесения британского консула в Тебризе от 07.05. и 05.08.1925; д. 150, л. 175. Административный инспектор в Эрбиле — советнику МВД в Багдаде 16.11.1926; АВПРФ, ф. Отдел Ближнего Востока. Референтура по Персии, оп. 4а, портфель № 1, папка 105, л. 538.

¹⁸⁰ См.: *Жигалина О.И. Национальное движение курдов в Иране, с. 46–50; Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос, с. 221–222. Об этнодемографической ситуации у курдских племен Хорасана (в середине 20-х годов — 220 тыс., или одна восьмая всего населения провинции) см.: АВПРФ, ф. Отдел Ближнего Вос-*

тока. Референтура по Персии, оп. 4а, папка 105. Внутренняя жизнь Персии в 1920–1926 гг., л. 369; оп. 7а, портфель № 1, папка 106, л. 237, 242.

¹⁸¹ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 221, л. 108, № 529. Телеграмма британского военного атташе (Мешхед) начальнику генштаба (Симла) 13.03.1925.

¹⁸² *Алексеев П.* Туркмено-курдское восстание. Изд. 2-е. Таш., 1935, с. 3, 29–32, 38–46, 53–57, 63–71, 75, 77–83; *Березкин В.* В Гюргенской долине. Очерк туркмено-курдского восстания в 1924–1926 годах. М.–Таш., 1931, с. 23; *Русинов Д.И.* Туркмены и курды северо-восточной Персии (географический и социально-экономический очерк). — *Березкин В.* В Гюргенской долине, с. 146–150; *Атаев Х.* Освободительное движение туркмен в Иране (1917–1925). Ашх., 1970, с. 69–85; *Жигалина О.И.* Курдские ханства Хорасана при последних Каджарах. М., 2002, с. 184–214.

¹⁸³ *Гурко-Кряжин В.А.* Арабский Восток и империализм, с. 119. В другой своей работе В.А.Гурко-Кряжин видит следующие грани Мосульского вопроса: а) нефть; б) арабская и в) «чуть ли не наиболее важная» — «курдская грань Мосульского вопроса, сводящаяся к национально-государственному самоопределению этого народа... и одновременно к использованию курдов Англией против Турции, а в будущем, вероятно, и против СССР». Айсоры (ассирийцы), добавляет автор, одна из второстепенных граней Мосульского вопроса. Как видно, Гурко-Кряжин — сторонник общепринятой среди советских востоковедов в его время, но ложной (что будет обосновано ниже) доктрины о несамостоятельной роли курдского национального движения. Далее он пишет, что «курды пока являются лишь орудием в руках тех или иных держав» из-за своей отсталости и пр. Цель правительства Великобритании, по его словам, создание буферного государства для угрозы Турции и Советскому Союзу (МЖ. 1926, № 1, с. 24, 35–37). Факты опровергли эти выводы.

¹⁸⁴ L'Asie française. 1925, т. XI–XII, с. 10.

¹⁸⁵ Англофобски настроенный германский автор Карл Гофман в своей книге «Нефтяная проблема и англо-саксонский империализм» (Л., 1930) писал, что фактически Мосульский вопрос был разрешен весной 1925 г., а предпосылки к этому были созданы еще летом 1924 г.: «Турция в течение нескольких лет находилась в дипломатическом окружении и не могла ничего сделать, не найдя сильнейшего союзника, который был бы готов ради нее вступить в войну с Великобританией» (с. 392).

¹⁸⁶ *Гурко-Кряжин В.А.* Арабский Восток и империализм, с. 119, 120, 142.

¹⁸⁷ *Бронштейн В.Б., Розенблюм В.Г.* Нефтяная эпопея «Oil». М.–Л., 1936, с. 422.

¹⁸⁸ МЖ. 1924, № 2–3, с. 66.

¹⁸⁹ См.: *Лазарев М.С.* Империализм и курдский вопрос, с. 269–271.

¹⁹⁰ МЖ. 1924, № 2–3, с. 74; Как писал К.Гофман, США «не занимали» больше такие вопросы, как британский мандат в Ираке и «английская политика в курдском восстании» (Нефтяная проблема..., с. 363).

¹⁹¹ *Ирандуст.* Борьба за Мосул. — МЖ. 1924, № 4–5, с. 101.

¹⁹² *Федченко А.Ф.* Ирак в борьбе за независимость, с. 31.

¹⁹³ *Ирандуст.* Борьба за Мосул, с. 101–102.

¹⁹⁴ *Ирандуст.* Зигзаги английской политики на Ближнем Востоке. — МЖ. 1926, № 4, с. 22. Лейбористы подвергли критике имперский курс по Мосульскому вопросу. К.Вильямс, говоря, что стремление Англии удержать Мосул является «кульминационным пунктом в политике создания буферных государств», писал,

что «Мосул представляет собой... попытку восстановить ту систему буферных государств между Средиземным морем и Индией, которая до войны была непреложной аксиомой в нашей восточной политике и которая в годы, последовавшие за войной, полностью рухнула благодаря развитию национального духа на Среднем Востоке и успешной пропаганде советских властей России» (цит. по: там же, с. 24). Вместе с тем сами лейбористы во время своего кратковременного пребывания у власти в Великобритании в 20–30-х годах XX в. фактически не уклонились от критиковавшегося ими в период нахождения в оппозиции имперского курса.

¹⁹⁵ *Ирандуст*. Борьба за Мосул, с. 103. На Стамбульской конференции Али Фетхи-бей заявил (5 июня 1924 г., в день закрытия конференции): «Турция — республиканское государство, сформированное турками на равных правах. 90% населения Мосула — курды и турки» (ОМ. 1924, № 6).

¹⁹⁶ *Ирандуст*. Борьба за Мосул, с. 90, 104–106.

¹⁹⁷ Там же, с. 90, 103.

¹⁹⁸ *Arfa H.* The Kurds, с. 38.

¹⁹⁹ Вот еще один пример: «На всякий случай англичане позаботились о своевременном „национальном“ восстании курдов против Турции. Курдское „самостоятельное“ королевство, о котором мечтают британские нефтяники, стало бы, если ему, паче чаяния, суждено было бы осуществиться, вторым изданием Ирака. Оно открыло бы путь к экспансии Англо-Персии на север» (Международные заметки. — МЖ. 1925, № 2, с. 142).

²⁰⁰ См.: *Матвеев К.П. (Бар-Маттай), Мар-Юханна И.И.* Ассирийский вопрос, гл. IV; *Матвеев К.П.* Ассирийцы и ассирийская проблема, гл. VI.

²⁰¹ *Lenczowski G.* The Middle East in World Affairs, с. 131.

²⁰² На сессии Совета Лиги Наций в сентябре 1925 г. лорд Эмери от имени британского правительства сообщил, что Англия предоставит автономию курдскому населению Ирака. Хотя это был пустой звук, представитель Турции Тевфик Рушди-бей отреагировал очень резко. Он заявил, что курды — турецкие подданные и, следовательно, не имеют права на самоопределение (*Бронштейн В.Б., Розенблюм В.Г.* Нефтяная эпопея, с. 435).

²⁰³ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 304, л. 102–103, № 1151, 30.11.1925, копия; д. 300, л. 26–27, 331–332.

²⁰⁴ *Modern Turkey*. Ed. E.G. Mears. N. Y., 1924, с. 22.

²⁰⁵ *Foster H.A.* The Making of Modern Iraq, с. 174.

²⁰⁶ *Toynbee A.J.* The Islamic World, с. 513.

²⁰⁷ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 148, л. 136. Р.Линдсей — О.Чемберлену 14.04.1925.

²⁰⁸ ОМ. 1925, № 4, с. 198; 1925, № 8, с. 412; 1925, № 12.

²⁰⁹ NE. № 699, 02.10.1924, с. 350; № 746, 24.08.1927, с. 243; № 748, 10.09.1925, с. 302.

²¹⁰ DBFP. 1919–1932. Ser. 1a, vol. 1, № 531, с. 762; № 785, Р.Линдсей — О.Чемберлену 16.10.1925; № 1151, О.Чемберлен — Р.Линдсею 30.11.1925.

²¹¹ Там же, № 534, с. 765, 766, 768–770.

²¹² В то время иностранные посольства в Турции (кроме советского) находились в прежней столице Турции — Стамбуле, что было косвенным признаком неопределенной напряженности в отношении к новой кемалистской власти.

²¹³ DBFP. Ser. 1a, vol. 1, № 541. Р.Линдсей — О.Чемберлену 21.11.1925.

²¹⁴ Там же, № 554, с. 797, У.Тайрелл — Р.Линдсею 30.12.1925.

- ²¹⁵ Там же, № 557, с. 801, Р.Линдсей — У.Тайреллу 12.01.1926.
- ²¹⁶ Там же, № 561, с. 806. Р.Линдсей — О.Чемберлену 29.01.1926.
- ²¹⁷ Там же, № 570, с. 819.
- ²¹⁸ *Ирандуст*. Зигзаги английской политики на Ближнем Востоке, с. 31.
- ²¹⁹ ДВП. Т. VIII. М., 1963, с. 24, 61.
- ²²⁰ Там же, № 265, с. 478. Телеграмма Я.З.Сурица в НКИД 07.08.1925.
- ²²¹ Там же, № 138, с. 248–249. Телеграмма Я.З.Сурица в НКИД 22.04.1926; № 140, с. 249–250. Телеграмма Я.З.Сурица в НКИД 23.04.1926.
- ²²² *Гофман К.* Нефтяная проблема, с. 392.
- ²²³ *Петрин К.* Турция перед Мосульским соглашением, с. 4. Автор проводит сомнительную параллель между Мосульским и Брест-Литовским договорами («Он является в известной степени повторением опыта Брест-Литовского соглашения»). Что касается отступления от «Национального обета», принятого оттоманским парламентом 28 января 1920 г., то с автором можно было бы и согласиться, если забыть о юридической сомнительности этого документа в 1926 г., когда уже не существовали ни Османская империя, ни ее парламент (см.: *Лазарев М.С.* Империализм и курдский вопрос, с. 121–122).
- ²²⁴ Впрочем, в Англии раздавались и скептические голоса, преимущественно из рядов лейбористской оппозиции. «Лейбор мансли» называла соглашение с Турцией о Мосулс поражением британской дипломатии, которая выполнила только часть своей программы, но получила взамен враждебность Турции, ее «Антанту» с Персией и Афганистаном, предлоги для вмешательства фашистской Италии и ряд других затруднений (*Ewer W.N.* The Mosul “Victory”. — *The Labor Monthly*. Vol. 8, August 1926).
- ²²⁵ *Graves Ph.P.* Briton and Turk. London–Melbourne, 1941, с. 224.
- ²²⁶ *Correspondence d’Orient*. № 342, juin 1926, с. 275; № 343, juillet 1926 (первая публикация); *Hurewitz J.C.* Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1914–1956. Vol. II. Toronto–New York–London, 1956, № 46, с. 143–146.

Глава III

¹ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 150, л. 221. И.о. британского консула в Алеппо А.Дж.Акрас — в МИД 14.02.1927.

² *Rambout L.* Les kurdes et le droit. P., 1947, с. 29.

³ В советской печати встречается ничем не доказанное утверждение, что «Хойбун» был создан весной 1927 г. на съезде в горах Курдистана. Там же якобы был основан учебный центр курдской армии под командованием майора генштаба Ихсана Нури-бея (На зарубежном Востоке. 1932, № 2, с. 136). По другим данным, Ихсан Нури — капитан турецкой службы, родился в Битлисе, учился в военной школе в Стамбуле, участвовал в Сивасском конгрессе (сентябрь 1919 г.) и в войне за независимость, жена — турчанка (ОМ. 1930, № 8). О.Л.Вильчевский писал, что съезд курдских националистов, возглавлявшихся Бадрханидами и членами некоего Северного комитета, состоялся в Алеппо в начале 1927 г., где после полуторамесячных прений был создан «Курдский национальный комитет Хойбун». ОМ (1930, № 7, с. 293–295) сообщает, что «Хойбун» основан в Алеппо; во главе его стал доктор Шукри Мехмед, основавший после Первой мировой войны Союз курдского возрождения, а генеральным секретарем был избран Салим Мемдух, в свое время окончивший французский коллеж в Антиохии (Антакье). Не исключено, что О.Л.Вильчевский принял за учредительный съезд «Хойбуна» предвари-

тельные совещания, ибо все другие источники дают более позднюю дату — октябрь 1927 г. (*Вильчевский О.Л.* Курдское национальное движение. Тб., 1946, с. 131).

⁴ *Safrastian A.* Kurds and Kurdistan. L., 1948, с. 84; *Rambout L.* Les kurdes et le droit, с. 29.

⁵ *Вильчевский О.Л.* Курдское национальное движение, с. 129–131.

⁶ *Ghassem lou A.R.* Kurdistan and the Kurds. Praha, 1965, с. 53, 54. В политической декларации первого конгресса «Хойбуна» говорилось: «Съезд объявляет, что Армения и Курдистан, веками населенные этими двумя народами, отказываются подчиняться какому бы то ни было государству и стремятся к своей независимости. Съезд объявляет, что эти две страны принадлежат только армянскому и курдскому народам» (*Акопов А.* Курдский вопрос и дашнаки. — Большевик Закавказья. 1931, № 2, с. 38).

⁷ *Вильчевский О.Л.* Курдское национальное движение, с. 129–131.

⁸ ОМ. 1930, № 9, с. 445. Германская газета «Берлинер тагеблатт» утверждала (13.07.1930), что «Хойбун» получал крупные суммы из США и его Центральный комитет, в который входили курдские эмигранты, первоначально находился в Филадельфии, откуда переместился в Алеппо, а потом — в Дамаск (АВПРФ, ф. 132, оп. 15, д. 23, л. 8). По другим сведениям, первый курдский «Комитет» был организован Сурейей Бадрханом в Детройте, куда и поступали денежные средства. Его отделения были созданы и в других городах Соединенных Штатов Америки.

⁹ *Вильчевский О.Л.* Курдское национальное движение, с. 141, 134–135; *Elphinston W.G.* The Kurdish Question. — International Affairs. 1946, vol. 22 (January, № 1), с. 96.

¹⁰ ОМ. 1930, № 9, с. 445–446. В ту пору слухи о вездесущем Лоуренсе и его интригах в «горячих точках» Востока широко муссировались в советской печати и левой прессе на Западе, никогда не получая достоверного документального подтверждения. Например, «Красная звезда» с подачи французской печати писала, что на турецко-персидской границе замечен английский офицер, «вероятно, Лоуренс», прибывший туда из Сирии. Эти не подтвержденные никем сведения связывали с волнениями среди курдов в Восточной Турции и с переговорами между Персией и Турцией об урегулировании пограничных споров (АВПРФ, ф. 132, 1930, д. 31, папка 84, л. 79). Английский автор Филип Грейвс писал, что «большевики и лейбористские простаки в Англии» поддерживали эту версию и «открывали» полковника Лоуренса в Курдистане, Афганистане и других «беспокойных» центрах Ближнего Востока (*Graves Ph.* Briton and Turk, с. 222). О мнимых кознях Лоуренса в Курдистане см. в следующем разделе.

¹¹ *Arfa H.* The Kurds. An Historical and Political Study. L., 1966, с. 39; АВПРФ, ф. 132, оп. 15, д. 29, л. 197–198; БПСВ. 1930, № 8–9 (16–17), с. 69. Дашнаки же агитировали за объединение с курдами «для совместной борьбы за создание независимых Курдистана и Армении». (*Ю.К.* В Курдистане неспокойно. — БПСВ. 1928, № 4–5, с. 73–74).

¹² *Armstrong H.C.* Grey Wolf. Mustafa Kemal, с. 324.

¹³ *Гасратян М.А.* Курды Турции в новейшее время, с. 127–129; *Никитин В.* Курды, с. 90. Как рассказал советскому послу Я.З.Сурицу премьер-министр Турции Исмет-паша (Инёню), решение ликвидировать «суды независимости», но оставить в силе закон «об охране порядка» было принято по инициативе Гази, т.е. Ататюрка, которого, как известно, в обиходе называли «Гази» (букв. «герой-победитель»). — ДВП. Т. X, М., 1965, с. 63–64, запись беседы Я.З.Сурица с Исмет-пашой 28.02.1927.

- ¹⁴ Гасратян М.А. Курды Турции, с. 132–139 и сл.
- ¹⁵ Там же, с. 140–145; На зарубежном Востоке. 1932, № 2, с. 136.
- ¹⁶ См.: Мадьяр Л. Аграрный кризис и голод на Востоке. — АП. 1929, кн. 4, с. 64.
- ¹⁷ Гасратян М.А. Курды Турции, с. 150–151; На зарубежном Востоке. 1932, № 2, с. 136.
- ¹⁸ ОМ. 1930, № 8, с. 366.
- ¹⁹ БПСВ. 1928, № 6–7, с. 24.
- ²⁰ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 151, л. 72–73. Извлечение из отчета S.S.O. (Special Service Officer), Arbil's 18.04.1928.
- ²¹ Там же, донесение от 26.04.1928.
- ²² Там же, л. 86. Донесение от Махмуда (?) из Багдада 12.05.1928.
- ²³ Там же, л. 104–105. Разведсводка иракской полиции № 20 от 19.05.1928.
- ²⁴ Там же, л. 119. Донесение из штаб-квартиры британских ВВС в Ираке от 14.06.1928.
- ²⁵ Там же, л. 126–127. Административный инспектор Мосульской ливы — советнику МВД Ирака 12.06.1928.
- ²⁶ Там же, л. 141. Донесение из штаба разведки британских ВВС — в Главный штаб ВВС (Багдад) 30.06.1928.
- ²⁷ Там же, л. 148–149. Из секретариата Верховного комиссара в Ираке — в Форин Офис 10.07.1928; л. 225. Г.Доббс — послу в Константинополе 20.09.1928; д. 362, л. 1–3, 06.02.1929.
- ²⁸ Там же, л. 158–160. Г.Доббс — министру колоний Л.Эмери 14.07.1928; л. 178. Извлечения из разведданных, 14.07.1928.
- ²⁹ Там же, л. 265. Из Форин Офиса — Г.Доббсу 29.10.1928; л. 271–272. Г.Доббс — Дж.Шакбергу, главе Средневосточного департамента Министерства колоний 17.11.1928.
- ³⁰ Там же, л. 323–326, 332. Дж.Камерон — О.Чемберлену 18.04.1929, копия; 22.05.1929.
- ³¹ Акопов А. Курдский вопрос и дашнаки, с. 40. Аналогичными призывами была полна и армянская зарубежная пресса.
- ³² АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 362, л. 36. Извлечение из сводок иракской полиции, № 34, 02.08.1929. Несколько позже поступило сообщение о предстоящем конгрессе одного лишь «Хойбуна» в Бейруте и о финансовой помощи, которая ему была обещана от некоего Кондова, «белого русского» и богатея (там же, № 37, 14.09.1929). Проверить правдивость этой информации невозможно.
- ³³ Букишпан А. Азербайджанские курды. Лачин, Кельбаджары, Нахкрай. Заметки. Баку, 1932, с. 76. Впрочем, для дашнаков курдофильские заявления, кажется, играли и служебную роль в их борьбе против мусаватистов Азербайджана, которые, по уверению дашнаков, вели антикурдскую шовинистическую политику (что соответствует истине) и хотели сделать из курдов казачество в борьбе против проектируемой дашнакской Армении (там же, с. 68–70).
- ³⁴ Акопов А. Курдский вопрос и дашнаки, с. 41–42.
- ³⁵ Кросс Т. Внутреннее положение Турции. — МЖ. 1930, № 7–8, с. 63.
- ³⁶ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 362, л. 3, 6–7. Извлечение из разведсводки спецслужб Ирака, № 25, 22.06.1929.
- ³⁷ Там же, л. 7–9. Письмо от 30.06.1929.
- ³⁸ Там же, д. 363, л. 235–236. Приложение № 3 к донесению английского военного атташе в Тегеране подполковника П.Додда 26.08.1930.

³⁹ Там же, д. 364, л. 35–36. Британский генконсул в Тебризе С. Палмер — посланнику в Тегеране Р.Клайву, № 163, 14.09.1930, копия.

⁴⁰ Там же, л. 140–142. С. Палмер — Р.Клайву 18.09.1930, копия.

⁴¹ Там же, д. 294, л. 47, № 57. Британский посланник в Тегеране — Верховному комиссару Великобритании в Ираке 16.04.1930, копия.

⁴² Там же, д. 114, без пагинации. П.Додд — Р.Клайву 28.06.1930.

⁴³ Там же, д. 363, л. 12–13. У.С.Эдмондс из британской миссии в Анкаре в Багдад 17.08.1930; д. 365, л. 93–94. Из записки генконсула Великобритании в Тебризе С.Палмера британскому временному поверенному в Тегеране о ситуации в Северном Курдистане к 4 июля 1931 г., 16.07.1931; там же, д. 252, л. 87–88, № 606, конфиденциальное письмо британского консула в Тебризе временному поверенному в Тегеране 16.07.1931, копия.

⁴⁴ Там же, д. 365, л. 1, № 5. Извлечение из сводки иракской полиции 31.01. 1931.

⁴⁵ АВПРФ, ф. 132, оп. 15, д. 23, л. 6, 7, 12. Англия и курдский вопрос (справка).

⁴⁶ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 362, л. 7–8.

⁴⁷ Там же, л. 11–12. Дж.Клейтон — генконсулу Великобритании в Бейруте Са-тоу 17.07.1929, копия.

⁴⁸ Там же, л. 44, 45. Из МВД Ирака 14.09.1929; из отчета британского административного инспектора в Эрбиле за сентябрь 1929 г.; д. 363, без пагинации. Документы «Хойбуна».

⁴⁹ Там же, д. 363, л. 28–29, № 559. Восточный секретарь британского Верховного комиссара в Ираке — министру внутренних дел 13.05.1930.

⁵⁰ Там же, д. 365, л. 38. Извлечение из разведсводок иракской полиции 02.05.1931, копия.

⁵¹ Там же, д. 363, л. 69, № 25. Извлечение из разведсводок иракской полиции 21.06.1930.

⁵² Там же, л. 181–182, № 32. Извлечение из разведсводок иракской полиции 11.08.1930.

⁵³ Там же, л. 82, 85, № 25. Извлечение из разведсводок иракской полиции 05.07.1930.

⁵⁴ Там же, л. 15–16, № 57. Р.Клайв — британскому Верховному комиссару в Ираке Ф. Хемфри 16.03.1930.

⁵⁵ Там же, л. 17–18. Ф.Хемфри — Р.Клайву 25.04.1930, копия.

⁵⁶ Там же, л. 20–21, № 18. Извлечение из разведсводок иракской полиции 03.05.1930.

⁵⁷ Там же, д. 364, л. 143. И.о. британского консула в Алеппо Джеффри — А.Гендерсону в МИД 09.09.1930; л. 162, № 68; 17.09.1930.

⁵⁸ Там же, д. 365, л. 32. Извлечение из разведсводки иракской полиции от 04.04.1931, копия.

⁵⁹ Акопов А. Курдский вопрос и дашнаки, с. 38–39.

⁶⁰ Лига Наций и нацменьшинства. — Мировое хозяйство и мировая политика. 1929, № 1, с. 118.

⁶¹ Акопов А. Курдский вопрос и дашнаки, с. 39–40; Готфрид Л. Социал-фашизм о курдском вопросе. — БПСВ. 1932, № 13/14, с. 119–120; Вильчевский О.Л. Курдское национальное движение, с. 134–145; Gavan S.S. Kurdistan: Divided Nation of the Middle East. L., 1958, с. 26

⁶² На зарубежном Востоке. 1932, № 2, с. 136. «Таймс» 8 мая 1930 г. писала, что страна к востоку от Евфрата и в глубь от дороги Эрзурум–Трапезунд «еще не

вернулась к довоенным нормальным условиям» и теперь уже никогда не вернется к ним. Старая система, которая предоставляла курдским племенам автономию при условии, что торговые пути не будут подвергаться нападениям, а турецкие селения — грабежам, осталась позади, а следующая стадия — ассимиляция еще не достигнута (см.: АВПРФ, ф. 132, 1930, д. 31, папка 84, л. 118).

⁶³ См.: *Schmidt D.A. Journey among Brave Men. Boston—Toronto, 1964, с. 57–58. Rambout L. Les kurdes et le droit, с. 31; Феридов. Некоторые вопросы современной Турции. — Революционный Восток. 1929, № 6; БПСВ. 1928, № 4–5, с. 72–73.*

⁶⁴ *В-ий. Против правооппортунистических концепций в аграрном вопросе Турции. — АП. 1930, кн. 4–5, с. 76.*

⁶⁵ *Платонов Б. Кемализм сегодня. — Ближний Восток. 1931, № 2–3, с. 33.*

⁶⁶ *Кызыл-хан. Оппортунистические извращения в оценке аграрного вопроса в Турции. — Революционный Восток. 1930, № 9–10, с. 116–117.*

⁶⁷ *Платонов Б. Кемализм сегодня, с. 33. В статье К. Васильева (псевдоним К.Г.Василевского) «Причины и движущие силы курдских восстаний» (АП. 1931, кн. 9–10), использованной в этой работе, содержится большой материал по курдским восстаниям и его подробный анализ, предельно социологизированный. Основные положения и выводы этой работы соответствуют духу своей эпохи и не отвечают взглядам современной науки. Вот только одна цитата, не требующая комментариев: «Восстание в Кире — продукт происков империализма. В курдском движении 1930 г. французский империализм принял не меньшее, если не большее участие, чем английский. Восстание в Кире было направлено не только против Турции, но и против СССР. Это восстание имело реакционный и контрреволюционный характер» (с. 113).*

⁶⁸ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 150, л. 212. Разведки по курдам из Мосула 20.01.1927, копия.

⁶⁹ NEI. № 817, 13.01.1927, с. 35.

⁷⁰ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 150, л. 238. Из штаба ВВС в Ираке — секретарю Верховного комиссариата 02.04.1927; л. 267. Сообщение от 09.08.1927. Кроме того, производились, так сказать, персональные высылки наиболее знатных и влиятельных семей и отдельных их членов, неблагонадежных с точки зрения турецкого правительства. Так, из Трабзона в Стамбул было выслано 60 представителей знатных семей, из Баязида — 2 тыс. семей (там же, д. 305, л. 13, 30. Дж.Клерк — О.Чемберлену, № 301, 22.06.1927; № 417, 09.08.1927).

⁷¹ Там же, л. 279. Административный инспектор в Мосуле — советнику МВД 10.09.1927.

⁷² Там же, д. 151, л. 2 А, Б. Британский консул в Алеппо — в МИД 15.11.1927.

⁷³ Там же, л. 14. Донесение от 14.12.1927.

⁷⁴ Там же, л. 37. У.Меттьюз — Хору 23.12.1927.

⁷⁵ Там же, л. 251. Разведки по курдам, 30.06.1927. *Завриев Д.С. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тб., 1948, с. 149.*

⁷⁶ *Elphinston W.G. Kurds and the Kurdish Question. — IRCAS. 1948, vol. 35, pt 1, January, с. 43–44.*

⁷⁷ *Gavan S.S. Kurdistan: Divided Nation, с. 25.*

⁷⁸ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 304, л. 230, № 71. Форин Офис — британскому посольству в Константинополе 26.01.1927, копия.

⁷⁹ Там же, д. 223, л. 254–255, № 4. Письмо британского военного атташе в Константинополе — послу в Турции 05.03.1927.

⁸⁰ См.: *Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891–1917), с. 287. Этот протокол не был ратифицирован османским правительством.*

⁸¹ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 224, л. 114–115, 131, № 352. Донесение британского посла в Турции в МИД 06.07.1927, копия; № 369. Донесение британского посла в Тегеране в МИД 29.07.1927.

⁸² NEI. № 849, 25.08.1927, с. 227; № 855, 06.10.1927; № 856, 13.10.1927.

⁸³ ОМ. 1927, № 9, с. 418–419; 1927, № 10, с. 481–482.

⁸⁴ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 224, л. 247, № 183. Телеграмма посланника Великобритании в Персии в МИД 07.10.1927.

⁸⁵ Там же, д. 270, л. 4, № 512. Письмо британского посла в Турции в МИД 13.10.1927, копия.

⁸⁶ Там же, л. 2–3, № 500. Письмо из британского посольства в Константинополе в МИД 04.10.1927, копия.

⁸⁷ NEI. № 866, 22.12.1927, с. 769–770.

⁸⁸ Там же. № 894, 05.07.1928, с. 9–10; № 888, 24.05.07.1928, с. 642; ОМ. 1927, № 12, 1927, с. 592–593.

⁸⁹ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 151, л. 194–195. Разведданные от британского военного атташе в Тегеране 21.08.1928; БПСВ. 1928, № 4–5, с. 73–75, 80.

⁹⁰ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 151, л. 202. Отчет службы разведки из Сулеймании 12.08.1928.

⁹¹ Там же, л. 237. Советник МВД Ирака — Верховному комиссару 08.10.1928; из секретариата Верховного комиссара — британскому генконсулу в Бейруте 13.10.1928; л. 241–242. Британский консул в Алеппо — Верховному комиссару в Ираке 17.10.1928; л. 248. Г.Доббс — премьер-министру и министру иностранных дел Ирака ас-Саадуну 17.11.1928.

⁹² Там же, л. 246. Разведданные из Багдада 27.10.1928; л. 267. Из отчета агента из Эрбиля, 28.10.1928.

⁹³ Там же, л. 291. Р.Чепи — британскому поверенному в делах в Анкаре К.Дж.Эдмондсу 20.11.1928, копия.

⁹⁴ *Кемаль Ататюрк. Избранные речи и выступления* М., 1966, с. 358.

⁹⁵ ДВП. Т. VIII, № 324, с. 543. Запись беседы Г.В.Чичерина с Тевфиком Рушди 14.11.1926.

⁹⁶ Там же. Т. X, с. 481, 647–648. Телеграмма Я.З.Сурица в НКИД 08.11.1927.

⁹⁷ Советский Союз отказывался играть на противоречиях между Турцией и Персией и, напротив, стоял за сближение этих стран. По просьбе первой из них он содействовал заключению в апреле 1926 г. гарантийного пакта об устранении различных спорных вопросов между Турцией и Персией. Г.В.Чичерин в письме членам коллегии НКИД писал: «Из этих предложений турецкого правительства для нас вытекает роль примирителя между Турцией и Персией. Эта роль вполне соответствует принципам нашей политики. В противоположность Англии, подзадоривающей каждое восточное государство против другого, мы будем выступать как сила, примиряющая их между собой» (История дипломатии. 2-е изд. Т. III. М., 1965, с. 473). Однако примирить эти две ближневосточные страны оказалось нелегко.

⁹⁸ ОМ. 1982, № 4, с. 163, 167.

⁹⁹ МЖ. 1928, № 5, с. 9–10.

¹⁰⁰ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 114, л. 149. Дж.Клерк — О.Чемберлену 06.02.1929.

¹⁰¹ Там же, л. 1, 6. Отчет о путешествии А.Хелма из Анкары в Алеппо, Диярбакыр, Малатью, Сивас на побережье Черного моря 9–29 июня 1929 г.

¹⁰² NEI. № 883, 19.04.1928, с. 483.

¹⁰³ Там же, № 926, 14.02.1929.

- ¹⁰⁴ Там же, № 935, 18.04.1929, с. 482.
- ¹⁰⁵ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 362, л. 4. Извлечение из рапорта офицера спецслужбы от 24.06.1929, Мосул.
- ¹⁰⁶ Там же, д. 114. Годовой отчет британского посольства в Турции за 1929 г., 03.02.1930 (с. 20 отчета).
- ¹⁰⁷ Там же, д. 363, л. 13, № 6. Извлечение из разведсводки иракской полиции, 08.02.1930.
- ¹⁰⁸ См.: *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.—Л. 1948, с. 159—160. Одной из причин ухудшения экономического положения Турции в то время были чрезвычайные расходы на подавление восстаний курдов (*Мельник А.* Новая партия в Турции. — МЖ. 1930, № 9—10, с. 6).
- ¹⁰⁹ *Кросс Т.* Внутреннее положение Турции, с. 58—59.
- ¹¹⁰ *Ирандуст.* Движущие силы кемалистской революции. М.—Л., 1928, с. 59.
- ¹¹¹ Восстание в Курдистане. — БПСВ. 1931, № 12, с. 13.
- ¹¹² АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 114. Британский консул в Трабзоне У.Меттьюз — Дж.Клерку 21.05.1930; *Safrastian A.* Kurds and Kurdistan, с. 13, 84—85.
- ¹¹³ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 114, л. 184. К.Дж.Эдмондс — А.Гендерсону, 17.03.1930.
- ¹¹⁴ ОМ. 1930, № 6, с. 237—238.
- ¹¹⁵ ОМ. 1930, № 7, с. 293. Салахеддин на суде признался, что организовал общество «Друзья Курдистана» («Берлинер тагеблатт», 27.05.1930. Взято из: АВПРФ, ф. 132, 1930, д. 31, папка 84, л. 141).
- ¹¹⁶ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 114. Телеграмма Дж.Клерка из Константинополя 07.07.1930.
- ¹¹⁷ Там же, У.Меттьюз — Дж.Клерку 12.05.1930. Здесь и в некоторых других документах этого дела листы не проставлены.
- ¹¹⁸ ОМ. 1930, № 7, с. 295; № 8, с. 365.
- ¹¹⁹ Восстание в Курдистане, с. 14; АВПРФ, ф. 132, 1930, оп. 15, д. 30. В этом деле собраны разноречивые сведения о мнимых передвижениях Лоуренса, взятые из турецкой и персидской прессы и оттуда попавшие в некоторые легковверные европейские газеты. Встречаются и совершенно фантастические сообщения, вроде такого: в Сулейманию из Персии прибыл «царевич Алексей» (не чудом ли спасшийся от екатеринбургской бойни наследник российского престола?), здесь он был арестован и неделю провел в тюрьме (л. 5, 6). Цитируется персидская газета «Шефаге сорх», которая со слов турецких газет писала в статье «Полковник Лоуренс в Месопотамии»: 10 ноября 1929 г. Лоуренс прибыл в Бейрут под именем Эдварда Томсона. Затем он выехал в Дамаск, Алеппо и Дейр-эз-Зор. 29 ноября 1929 г. он был уже в Камышлы, имея пропуск от турок. 2 декабря его видели в Мардине, но он скрылся, вероятно в Равандуз (л. 103—104). Правда, некоторые турецкие газеты поместили опровержения (л. 56).
- ¹²⁰ Там же, д. 23, л. 6—7. Однако здесь же говорится: «„Хойбун“ ... как будто бы ориентируется на Англию», но фактов не приводится.
- ¹²¹ NEI. № 1000, 17.07.1930, с. 57.
- ¹²² *Correspondance d'Orient.* № 392, août 1930, с. 65—66; № 393, с. 116.
- ¹²³ *Arfa H.* The Kurds, с. 41, 49—50; ОМ. 1930, № 9, с. 444.
- ¹²⁴ *Forbes R.* Conflict Angora to Afghanistan. N. Y., 1931, с. 217.
- ¹²⁵ Там же, с. 289—290.
- ¹²⁶ *Rambout L.* Les kurdes et le droit, с. 31; *Forbes R.* Conflict Angora to Afghanistan, с. 290—291. В Ираке распространились слухи, что 50 тыс. курдов и

армян атаковали турецкие войска в вилайете Муш и вынудили их к отступлению (АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 363, л. 211. От мутесаррифа Мосула — в Министерство внутренних дел Ирака, № С/570/5/6, 17.08.1930, копия перевода). Видимо, в этих слухах было сильное преувеличение.

¹²⁷ ОМ. 1930, № 7, с. 27–30, 292–295; № 8, с. 365.

¹²⁸ Только изредка в прессе появлялись сомнительные сообщения о причастности англичан к восстанию турецких курдов, вроде публикации сирийской газеты «Ат-Такаддум» от 9 января 1931 г., в которой говорилось, что турки захватили в плен шесть иностранных офицеров, по слухам, британских; они были расстреляны, но инцидент держится в полном секрете (АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 364, л. 169–169. Сообщение из британского консульства в Алеппо 12.01.1931).

¹²⁹ Там же, д. 363, л. 70–72, 75, 76, 78. Донесения британского консула в Тебризе С.Палмера посланнику Великобритании в Тегеране (№ 108, 18.06.1930, копия), британского военного атташе в Тегеране (№ 290, 28, 30.06.1930), из Стамбула, 07.07.1930; АВПРФ, ф. 132, оп. 15, д. 23, л. 5, 6. Англия и курдский вопрос (справка).

¹³⁰ Турецкая и персидская пресса была переполнена взаимными обвинениями во вмешательстве во внутренние дела и в злонамеренном подстрекательстве курдов. Анкару обвиняли в стремлении к территориальным приобретениям за счет Персии, Тегеран — в небрежности и попустительстве курдам. Как водится, от турецкой прессы доставалось и Англии, обвиняемой в подстрекательстве курдов. Однако весь этот поток взаимных притязаний и упреков опирался на весьма слабую доказательную базу (АВПРФ, ф. 132, оп. 15, д. 23, л. 1–2. 1-й Восточный отдел. Референтура по Турции, 1930 г.).

¹³¹ БПСВ. 1931, № 12, с. 14; 1932, № 13/14, с. 73. Гэвен подсчитал число разрушенных деревень, сожженных домов и убитых курдов в некоторых вилайетах и каза Восточной Анатолии (*Gavan S.S. Kurdistan: Divided Nation*, с. 25). Другой список с собственными подсчетами приводит Люсьен Рамбу (*Rambout L. Les kurdes et le droit*, с. 28). Оба списка (в них отчасти содержатся разные географические объекты) не претендуют на полноту.

¹³² АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 112, без пагинации. Майор О'Лири — Дж.Клерку. Анкара, 20.10.1930, копия; там же, д. 154, л. 133. Вице-консул Великобритании в Трабзоне Фаланга — Дж.Клерку, 20.10.1931, копия; там же, донесение от 15.11.1930, копия.

¹³³ Там же, д. 364, л. 5–8. Британский консул в Тебризе — посланнику в Тегеране Р.Клайву 25.08.1930, копия; NEI. № 1004, 14.08.1930, с. 212.

¹³⁴ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 364, л. 166. О'Лири — Дж.Клерку 23.10.1930; там же, У.Меттьюз — Дж.Клерку 15.11.1930, копия.

¹³⁵ Там же, л. 175. Дж.Клерк — министру иностранных дел Великобритании А.Гендерсону, 03.12.1930, копия. В середине декабря 1930 г. 500 курдов, преследуемые турецкими войсками, перешли из Турции в Персию.

¹³⁶ Там же, д. 365, л. 11. Из донесения офицера спецслужбы Мосула, 06.02.1931, копия; л. 33, № 2. Из донесения временного поверенного Великобритании в Анкаре О'Лири от 24.03.1931, копия.

¹³⁷ ОМ. 1931, № 3, с. 138–139.

¹³⁸ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 365, л. 33–34. Из донесения от 23.03.1931.

¹³⁹ ОМ. 1930, № 10, с. 473; *Schmidt D.A. Journey among Brave Men*, с. 58–59; *Correspondance d'Orient*. № 397, janvier 1931, с. 36. Не прекращались судебные и внесудебные расправы с наиболее опасными, с точки зрения турецких властей,

курдскими вождями. Погибли Бро Хассо, его брат Эйюб, Ферзенде и др. В декабре 1931 г. в Адане прошел процесс над десятками участников Араратского восстания. Осенью 1932 г. в Сиирте был убит один из руководителей восстания 1925 г. шейх Абдуррахман (ОМ. 1931, № 11; № 12).

¹⁴⁰ ОМ. 1931, № 12, с. 585.

¹⁴¹ АВПРИ, ф. НАИ, сер А, д. 1546, л. 100–103. Извлечения из отчетов о курдах и курдских волнениях от 21.07.1931. Примерно к таким же выводам пришла Розита Форбс, употребляющая по отношению к курдским повстанцам расхожие клише, особенно характерные для тогдашней турецкой публицистики, но использовавшиеся как в западной, так и в советской литературе. Описывая на основе личных наблюдений факты грабежей и насилий со стороны курдских «бандитов», она утверждает, что, пока курды «не будут цивилизованы», т.е. пока не будут проложены дороги и налажены торговля и обмен курдских товаров на европейские, курды будут угрожать миру и спокойствию трех стран (имеются в виду Турция, Персия и Ирак). «Дорога через Курдистан будет важнейшим добавлением к торговым артериям Аравии и Азии», — отмечает она, но добавляет: только после замирения страны (см.: *Forbes R. Conflict Angora to Afghanistan*, с. 291–292, 317).

¹⁴² Подробности о ее деятельности см.: *Гасратян М.А. Курды Турции*, с. 131–148; ОМ. 1930, № 9, с. 444.

¹⁴³ АВПРФ, ф. 132, 1940, оп. 25а, д. 3, л. 6–7.

¹⁴⁴ *Rambout L. Les kurdes et le droit*, с. 32–33; *Schmidt D.A. Journey among Brave Men*, с. 59; см. также: *Завриев Д.С. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции*, с. 7–8.

¹⁴⁵ *Ghassem lou A.R. Kurdistan and the Kurds. Praha*, 1965, с. 58.

¹⁴⁶ *Rambout L. Les kurdes et le droit*, с. 31.

¹⁴⁷ Цит. по: *Васильев К. Причины и движущие силы курдских восстаний*, с. 101.

¹⁴⁸ NEI. № 1004, 14.08.1930, с. 170.

¹⁴⁹ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 363, л. 142, 149–152, 154–156.

¹⁵⁰ Там же, л. 157, 167. Копии донесений британского посла в Турции в МИД от 09.07.1930 и британского консула в Тебризе посланнику в Тегеране от 29.07.1930, № 159. В боевых действиях против курдов турки использовали самолеты немецкого и французского производства (там же, д. 364, л. 130. Британский консул в Алеппо — в МИД, 20.10.1930, копия). МИД Персии, по сообщениям тегеранских газет, опровергал сведения о проникновении турецких войск на персидскую территорию (там же, д. 363, л. 238. Извлечения из газеты «Шефаге сорх»).

¹⁵¹ ОМ. 1930, № 7, с. 293–295. В редакционном комментарии этого реферативного журнала говорится, что курдское движение в Турции носит реакционный характер, ибо «курдское население плохо приспособлено к современным реформам», и что «неукротимое стремление курдов создать собственное автономное и независимое государство объединяет весь курдский народ». Вместе с тем здесь неожиданно утверждается, что курдское движение связано с движением кавказских народов СССР, но доказательств не приводится. Говоря о турецко-персидских осложнениях в связи с курдскими волнениями, автор комментария считает, что на персидскую территорию проникло 10 тыс. курдов (ОМ. 1930, № 8, с. 337, 364).

¹⁵² АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 364, л. 6–7. Донесение посланнику в Тегеране Р.Клайву 25.08.1930, копия; л. 19–20. Из британского посольства в Константинополе — А.Гендерсону 06.08.1930, копия.

¹⁵³ Однако в турецкой прессе при отсутствии каких-либо конкретных доказательств встречались упоминания о «советском подстрекательстве» и снабжении курдов оружием (АВПРФ, ф. 132, оп. 15, д. 23, л. 1).

¹⁵⁴ Там же, д. 294, л. 127–128. Донесение в Форин Офис от 03.09.1930, № 431, копия; д. 364, л. 14–15; АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 110. Британский консул в Тебризе С.Палмер — временному поверенному в Тегеране П.Додду 23.07.1931, с. 110.

¹⁵⁵ NEI. № 1004, 14.08.1930, с. 200, 212.

¹⁵⁶ Там же. № 1006, 28.08.1930, с. 226; № 1022, 25.12.1930, с. 709–710; АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 130, № 46. Извлечения из разведсводок иракской полиции, 13.11.1931.

¹⁵⁷ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 364, л. 175. Дж.Клерк — А.Гендерсону 03.12.1930, копия.

¹⁵⁸ Там же, д. 252, л. 18, № 46. Британский поверенный в делах в Тегеране — в МИД 17.03.1931; № 41. Британский консул в Тебризе — посланнику в Тегеране 20.05.1931, копия; л. 61–66. Интервью главы комиссии по безопасности турецко-персидской комиссии полковника Казема Хана Сайяха газете «Иран» 10.07.1931. В турецкой историографии бесполезно искать сведения об антикурдской сущности этого соглашения. Ахмет Шюкрю Эсмер в своей работе «Политическая история (1919–1939)» в разделе о турецко-иранских переговорах по пограничному вопросу о курдах даже не упоминает (с. 219–220), равно как и в сюжете об Араратском восстании. Слова «курды» и «Курдистан» отсутствуют в указателях к его книге (*Esmer A.S. Siasi Tarih (1919–1939). Ankara, 1953*).

¹⁵⁹ NEI. № 1077, 07.01.1932, с. 3; *Correspondance d'Orient*. № 410, février 1932, с. 80–81.

¹⁶⁰ ОМ. 1932, № 2, с. 59; *Arfa H. Under Five Shahs*, с. 230–231.

¹⁶¹ ОМ. 1933, № 1, с. 22–24. Подробности о турецко-иранских отношениях в начале 30-х годов см.: *Агаев С.Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925–1941 гг. М., 1971*, с. 217–221.

¹⁶² Ленчовски отмечает, что курдская проблема стояла на пути согласия между Тегераном и Анкарой, восстание 1930 г. «подчеркнуло эти трудности». Соглашение между обеими странами по пограничным вопросам послужило базисом для хороших отношений между ними (*Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. Ithaca, 1952*, с. 171).

¹⁶³ ДВП. Т. XIV. М. 1968, № 395, с. 740. Л.М.Карахан — Я.З.Сурицу 27.12.1931.

¹⁶⁴ Там же. Т. XV. М., 1969, № 71, с. 94–95. Запись беседы Л.М.Карахана с Тевфиком Рюштю 07.02.1932.

¹⁶⁵ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 300, л. 80–81. О.Чемберлен — Дж.Клерку 16.11.1927, копия.

¹⁶⁶ *Elphinston W.G. The Kurdish Question*, с. 100. Пограничная линия была проведена в основном по Багдадской железной дороге.

¹⁶⁷ БПСВ. 1929, № 3 (11), с. 8–82; *Correspondance d'Orient*. № 361, décembre 1928, с. 267–268; АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 364, л. 19–22. А.Желм — А.Гендерсону 06.08.1930, копия; NEI. № 916, 06.12.1928, с. 666.

¹⁶⁸ *Hourani A.H. Minorities in the Arab World*, L., 1947, с. 38; *Elphinston W.G. The Kurdish Question*, с. 100. В Дамаске проживало приблизительно 15 тыс. курдов, в Бейруте — 7 тыс., в Алеппо — 4 тыс.; *Rambout L. Les kurdes et le droit*, с. 113.

¹⁶⁹ *Arfa H. The Kurds*, с. 42

¹⁷⁰ *Correspondance d'Orient*. № 379, juillet 1929, с. 4–5; ОМ. 1930, № 9, с. 445, 446.

¹⁷¹ ОМ. 1930, № 8, с. 365–366; Турецкий календарь № 7 за июль 1930 г.

¹⁷² В советской востоковедческой публицистике того времени, покорно следовавшей обязательным установкам, всю вину за инциденты на сирийско-турецкой границе возлагали на «французский империализм», будто бы лелеявший с помощью «Дашнакцутюна» планы создания марионеточного курдо-армянского государства в пику Турции и Англии. Охотно перепечатывались из турецкой прессы басни о кознях «боготворимого курдами» полковника Лоуренса, якобы свившего себе гнездо в Ираке и занимавшегося заклинаниями, изготовлением талисманов и т.п. Никаких доказательств, разумеется, не приводилось. Характерны названия некоторых статей, поместивших подобные материалы: «Об империалистических громилах, кемалистских погромщиках и судьбах нацменьшинств», «О реакционном восстании в Курдистане, кемалистской прессе и Лоуренсе» (БПСВ. 1930, № 8–9 (16–17), с. 37, 67–68).

¹⁷³ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 363, л. 122–123. Меморандум № 3590 от 26.07.1930 каймакама Амадии мутесаррифу Мосула; ОМ. 1930, № 8, с. 365.

¹⁷⁴ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 363, л. 125. Меморандум № 8 (489) от 28.07.1930 мутесаррифа Мосула в Министерство внутренних дел Ирака.

¹⁷⁵ АВПРФ, ф. 132, 1930, оп. 15, д. 32, л. 9. Турецкий календарь № 7 за июль 1930 г.

¹⁷⁶ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 363, л. 131. Иракская миссия в Анкаре — в МИД Ирака 02.08.1930, копия телеграммы.

¹⁷⁷ Там же, л. 133. Из секретариата Верховного комиссара Великобритании в Ираке — и. о. премьер-министра Ирака Джафару аль-Аскари 06.08.1930, копия.

¹⁷⁸ Там же, л. 171, 179. Донесение из штаба ВВС Верховному комиссару Великобритании от 12.08.1930; № 112. Письмо каймакама Зибара административному инспектору в Мосуле 06.08.1930; *Arfa H. The Kurds*, с. 42.

¹⁷⁹ АВПРИ, ф. НАИ, сер. А, д. 364, л. 38–39, 49. Из письма Министерства иностранных дел Ирака, № 3032, 20.09.1930, копия; телеграмма из Константинополя в Министерство колоний Англии 27.09.1930.

¹⁸⁰ Там же, л. 1. Письмо мутесаррифа Мосула шейху Ахмеду Барзани 26.08.1930, копия.

¹⁸¹ Там же, л. 58, 59, 73, 89. Письма шейха Ахмеда, переписка мутесаррифа Мосульской ливы с правительственными учреждениями в Багдаде.

¹⁸² Там же, л. 100, 109, 110, 112–113. Обращение шейха Ахмеда к администрации Мосульской ливы от 08.10.1930, обращение администрации Мосула к советнику МВД Ирака от 10.10.1930, письмо и.о. мутесаррифа Мосула шейху Ахмеду 09.10.1930 и в МВД 09.10.1930.

¹⁸³ Там же, д. 365, л. 11. Из донесения офицера спецслужбы из Мосула, 06.02.1931, копия.

¹⁸⁴ Там же, л. 88. Донесение офицера спецслужбы в Мосуле Ф.Харрисона в штаб-квартиру ВВС в Багдаде 09.07.1931, копия.

Глава IV

¹ NEI. № 1136, 23.02.1933, с. 149.

² *Hourani A.H. Minorities in the Arab World*. L., 1947, с. 95, 96, 98. Имеется в виду существовавший в 20-е годы Курдистанский уезд (так называемый Красный Курдистан) в составе Азербайджанской ССР.

³ ОМ. 1933, № 7, с. 303; NEI. № 1153, 22.07.1933, с. 505.

⁴ *Khadduri M. Independent Iraq. A Study in Iraqi Politics since 1932.* L., 1951, с. 63; Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем. Арабский кабинет. Информационный бюллетень. № 7–8, 25.05.1935, М., с. 77; NEI. № 1272, 03.10.1935, с. 421; *Мирский Г.И.* Ирак в смутное время: 1930–1941. М., 1961, с. 92, 93; *Мгои Ш.Х.* Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М., 1991, с. 70–71.

⁵ *Khadduri M. Independent Iraq*, с. 63; *Longrigg St.H. Iraq, 1900 to 1950.* L., 1953, с. 243 (Лонгригг писал и о выступлении в то же время курдов Сулеймании во главе с сейидом Мухаммедом Пишкола. — МХМП. 1937, № 5, с. 36. В этой публикации еще упоминается, что причиной недовольства курдов было изъятие у них земель в пользу нефтяных компаний арабскими чиновниками и ограничения, чинимые властями курдам в их кочевьях. На этой почве летом 1936 г. произошли новые волнения); NEI. № 1275, 24.10.1935, с. 520; № 1276, 31.10.1935, с. 546; ОМ. 1935, № 11, с. 649; 1936, № 4, с. 211; *Мгои Ш.Х.* Курдский национальный вопрос, с. 71–72; *Мирский Г.И.* Ирак в смутное время, с. 93.

⁶ Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем. Арабский кабинет. Информационный бюллетень. № 7–8, 25.05.1935, с. 77.

⁷ *Енукидзе Д.* Военно-стратегическая база британского империализма на Ближнем и Среднем Востоке. — МХМП. 1934, № 2, с. 157.

⁸ Фактическая фабула ассирийского вопроса в постмандатном Ираке изложена в монографиях Г.И.Мирского (Ирак в смутное время, с. 70–74), К.П.Матвеева и И.И.Мар-Юханна (Ассирийский вопрос во время и после первой мировой войны. М., 1968, с. 109–129), К.П.Матвеева (Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время, с. 131–148).

⁹ *Correspondance d'Orient.* № 428, août 1933, с. 58; № 449, mai 1935, с. 227; ОМ. 1933, № 11, с. 567.

¹⁰ *Correspondance d'Orient.* № 428, с. 58; ОМ. 1933, № 9, с. 470.

¹¹ *Khadduri M. Independent Iraq*, с. 198–199; *Correspondance d'Orient.* № 467, novembre 1936, с. 500–501.

¹² NEI. № 1160, 10.08.1933, с. 645; № 1161, 17.08.1933, с. 667; № 1162, 24.08.1933, с. 685–686.

¹³ Подробный анализ дан в монографиях Г.И.Мирского (Ирак в смутное время, с. 75–145) и А.Ф.Федченко (Ирак в борьбе за независимость. М., 1970, часть первая, гл. VI и VII).

¹⁴ *Енукидзе Д.* Военно-стратегическая база британского империализма на Ближнем и Среднем Востоке. — МХМП. 1934, № 2, с. 158; № 12, с. 97.

¹⁵ NEI. № 1247, 11.04.1935, с. 441.

¹⁶ Подробный анализ см.: *Мирский Г.И.* Ирак в смутное время, с. 110–135.

¹⁷ *Kopietz H.H. The Use of German and British Archives in the Study of the Middle East: The Iraqi Coup d'Etat of 1936.* — *The Integration of Modern Iraq.* Ed. by Abbas Kilidor. L., 1979, с. 60–61.

¹⁸ NEI. № 477, Septembre 1937, с. 390–392.

¹⁹ ОМ. 1937, № 2, с. 96.

²⁰ NEI. № 1360, 17.06.1937, с. 873. Статья Кеннета Вильямса «Будет ли Ирак иметь свою Симлу?».

²¹ Там же. № 1427, 29.09.1938, с. 354. Ирано-иракские споры по пограничным вопросам в районе Шатт-эль-Араба, Мандали, а также в округе Сулеймания, где

иранские войска, преследуя курдов, не раз заходили на иракскую территорию, были постоянной темой обсуждения в Лиге Наций, но без видимых результатов (Correspondance d'Orient. № 445, janvier 1935, с. 37–38).

²² См.: *Джарджис Х.А.* Курды в общественно-политической жизни Сирии в 1918–1962 гг. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 8–10.

²³ Подробнее см: ОМ. 1937, № 2, с. 302.

²⁴ ОМ. 1933, № 3, с. 134.

²⁵ ОМ. 1936, № 7, с. 410.

²⁶ ОМ. 1937, № 8, с. 377–378.

²⁷ ОМ. 1937, № 10, с. 514; *Джарджис Х.А.* Курды в общественно-политической жизни Сирии, с. 10–11.

²⁸ ОМ. 1938, № 3, с. 171; № 5, с. 203, 232; № 9, с. 505, 511; 1938, № 10, с. 553.

²⁹ ОМ. 1939, № 1, с. 46–47; *Джарджис Х.А.* Курды в общественно-политической жизни Сирии, с. 11.

³⁰ См.: *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции, М.–Л., 1948, с. 186–192; *Живкова Людмила.* Англо-турецкие отношения. 1933–1939. М., 1975, с. 129–133. Переговоры о возвращении Турции Александреттского санджака, начавшиеся в октябре 1936 г., шли долго и трудно. В частности, турки обвиняли французов в том, что они собирались создать на сирийской территории «очаги враждебной для Турции армянской, турецкой и ассирийской эмиграции». Наверняка в этом контексте фигурировали и курды, см.: ДВП. Т. XXI. М., 1977, с. 647. Телеграмма замнаркоминдела СССР В.П.Потемкина из Анкары 24.11.1938.

³¹ ОМ. 1938, № 12, с. 686; 1939, № 1, с. 47; № 2, с. 94; № 4, с. 212–213; № 5; № 7, с. 376–377.

³² ДВП. Т. XXII, кн. I, № 142, с. 193. Запись беседы, 15.03.1939.

³³ *Balsan F.* Les surprises du Kurdistan. P., 1944, с. 16.

³⁴ *Hamilton A.M.* Road through Kurdistan. The Narrative of an Engineer in Iraq. L., 1937, с. 295–296.

³⁵ ОМ. 1934, № 9, с. 441–442; NEI. № 1215, August 1934, с. 684; *Schmidt D.A.* Journey among Brave Men. Boston–Toronto, 1964, с. 58–59.

³⁶ ОМ. 1935, № 5, с. 204; № 7, с. 314; NEI. № 1253, 23.05.1935, с. 642.

³⁷ FR. 1935, vol. I. Wash., 1953, с. 1037. Посол США в Турции Роберт П. Скиннер — государственному секретарю. 03.07.1935.

³⁸ Генерал Арфа отмечал, что железнодорожное строительство в Восточной Анатолии имело не только стратегическую (против СССР), но и антикурдскую направленность. Однако, несмотря на капиталовложения в экономику этого края и дорожное строительство, а также попытки заселить его турецкими переселенцами с Балкан (мухаджирами), Восточная Анатолия оставалась слабозаселенной, причем мухаджиры селились там неохотно. Курды оставались основным этническим элементом. Экономика Турецкого Курдистана как была, так и оставалась слабо-развитой. Власти были заняты преимущественно искоренением племенной системы, разоружением племен, гонениями на язык, национальную одежду, обычаи и др. (*Arfa H.* The Kurds, с. 44–45).

³⁹ *Bishoff N. de.* La Turquie dans le monde. P., 1936, с. 174–176.

⁴⁰ См.: *Гасратян М.А.* Курды Турции в новейшее время. Ер., 1990, с. 186–187; Курдское движение в новое и новейшее время. М., 1987, с. 159.

⁴¹ *Rambout L.* Les kurdes et le droit. P., 1947, с. 39–40; *Завриев Д.С.* К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тб., 1948, с. 150.

⁴² Подробное описание хода военных действий в Дерсиме см.: *Гасратян М.А.* Курды Турции, с. 185–200. Гэвен называет причиной возмущения курдов Дерсима политику интенсивного отуречивания и фашистские методы управления (*Gavan S.S.* Kurdistan: Divided Nation of the Middle East. L., 1958, с. 26–28).

⁴³ ОМ. 1937, № 7, с. 323–324.

⁴⁴ ОМ. 1937, № 9, с. 441.

⁴⁵ *Гасратян М.А.* Курды Турции, с. 187.

⁴⁶ *Safrastian A.* Kurds and Kurdistan. L., 1948, с. 86–87.

⁴⁷ АВПРФ, ф. 132, 1935, оп. 20, д. 7, папка 40. Обзор прессы восточных вилайетов Турции (из советского консульства в Карсе), л. 142; ОМ. 1937, № 10, с. 507.

⁴⁸ ОМ. 1939, № 8, с. 459.

⁴⁹ *Гасратян М.А.* Курды Турции, с. 198; *Rambout L.* Les kurdes et le droit, с. 39.

⁵⁰ Цит. по: *Ghassem lou A.R.* Kurdistan and the Kurds. Praha, 1965, с. 60.

⁵¹ *Arfa H.* The Kurds, с. 43–44; ОМ. 1937, № 12, с. 601.

⁵² ОМ. 1937, № 9, с. 441.

⁵³ *Rambout L.* Les kurdes et le droit, с. 37. Вот некоторые образчики высказываний турецкой провинциальной прессы Восточной Анатолии по поводу событий в Дерсиме. «Гюмушели» от 24 мая 1937 г.: «Равнодушие султаната избаловало невежественные племена», шейхи давали взятки властям, занимались грабежами и т.п.; «некоторые сумасшедшие предводители кочевых племен в Тунджели начали торговаться с правительством по поводу налогов, установленных правительством, они даже предъявили свой ультиматум», на их усмирение были посланы войска. Газета «Карс» от 30 июня 1937 г.: «Разрешение подобных вопросов является для нас простым развлечением». Отклики прессы на поездку Ататюрка, премьера Баяра и некоторых министров в восточные вилайеты в ноябре 1937 г. гласили: «Был свидетелем закладываемого фундамента высокой культуры», «Турки являются примером для всей мировой культуры и человечества» (АВПРФ, ф. 132, 1935, оп. 20, д. 7, папка 40, л. 73, 140–141).

⁵⁴ ОМ. 1938, № 8, с. 423.

⁵⁵ Цит. по: АВПРФ, ф. 132, 1935, оп. 20, д. 7, папка 40, л. 51.

⁵⁶ *Ghassem lou A.R.* Kurdistan and the Kurds, с. 61–62.

⁵⁷ См.: *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции, с. 182–186.

⁵⁸ ДВП. Т. XVII. М., 1973, с. 644, № 277. Письмо наркоминдела СССР М.М.Литвинова временному поверенному в делах в Турции Г.А.Залкиндю 17.06.1935; Запись беседы Залкинды с генеральным секретарем МИД Турции Т.Баты 11.10.1937 (там же, т. XX. М., 1976, с. 538–540, № 360).

⁵⁹ АВПРФ, ф. 132, 1935, оп. 20, д. 7, папка 40, л. 1. О работе этой конференции см.: *Никитин В.* Курды. М., 1964, с. 397–399. Примечательно, что конференция в Баку так и не состоялась; возможно, турецкий протест при всей его вздорности все-таки возымел свое действие?

⁶⁰ АВПРФ, ф. 132, 1935, оп. 20, д. 7, папка 40, л. 81.

⁶¹ *Завриев Д.С.* К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тб., 1948, с. 151.

⁶² NEI. № 1361, 24.06.1937, с. 897; № 1363, 08.07.1937, с. 64; № 1458, 04.05.1939, с. 495.

⁶³ О социально-экономическом и политическом положении Иранского Курдистана в середине и конце 30-х годов XIX в. см.: *Жигалина О.И.* Национальное движение курдов в Иране (1918–1947 гг.). М., 1988, с. 90–98.

⁶⁴ История Курдистана. М., 1999, с. 280.

⁶⁵ NEI. № 1142, 06.04.1933, с. 266; № 1179, 21.12.1933, с. 1046; № 1200, 17.05.1934, с. 378.

⁶⁶ ОМ. 1935, № 1, с. 22

⁶⁷ ОМ. 1936, № 8, с. 420.

⁶⁸ *Былова А.* Аграрное законодательство монархии Реза-шаха. — Материалы по национально-колониальным проблемам. 1936, № 34, с. 188.

⁶⁹ *Востров А.* Племена Ирана и племенная политика иранского правительства. — Материалы по национально-колониальным проблемам. 1936, № 34, с. 192–193. В этой же статье (с. 194–200) приведены подробности проведенных властями мероприятий по переводу на оседлость и последующему обустройству луров, курдов и других племенных народностей Ирана во второй половине 20-х — первой половине 30-х годов. Об экономическом упадке в одном из главных центров Иранского Курдистана — Сенендедже (Сенне) см. корреспонденцию Майкла Ленгли: NEI. № 1309, 18.06.1936, с. 799.

⁷⁰ FR. Vol. III, 1936, с. 387–389. Поверенный в делах Гордон П. Мерриэм (Merriam) — госсекретарю 01.05.1936, № 781.

⁷¹ ДВП. Т. XXII, кн. I, № 93, с. 138–139. Временный поверенный в делах в Иране И.А.Карташев — наркоминделу М.М.Литвинову 15.02.1939.

⁷² Французский автор Р.Лякост совершенно бездоказательно утверждал, что курды «используются Москвой для дезинтеграции Турции и Ирака, если это возможно» и что Советы поддерживают те силы, которые «могут поднять курдское национальное движение»; впрочем, далее он приводит факты, говорящие, что этим делом занимались именно англичане и французы после окончания Первой мировой войны (*Lacoste R.* La Russie soviétique et la question d'Orient. La poussée soviétique vers les mers chaudes Méditerranée et Golfe Persique. P., 1946, с. 201, 203, 204).

⁷³ См.: *Тарасов П.К.* Саадабадский пакт. — Международные отношения в новейшее время. Сб. статей (Уральский государственный университет им. А.М.Горького. Уч. зап., № 63, сер. истор., вып. 6. Свердловск, 1968, с. 47–68); *Кузьмин В.А.* Подготовка и заключение Саадабадского пакта. Страницы истории международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке. Екатеринбург, 1992.

⁷⁴ *Кузьмин В.А.* Подготовка и заключение Саадабадского пакта, с. 35.

⁷⁵ NEI. № 1205, June 1934, с. 477; № 1208, 12.07.1934, с. 546; № 1219, 23.09.1934, с. 753; № 1221, 11.10.1934, с. 799; № 1226, 15.11.1934, с. 899.

⁷⁶ *Гасратян М.А.* Курды Турции, с. 184; *Агаев С.Л.* Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925–1941 гг. М., 1971, с. 286.

⁷⁷ *Rambout L.* Les kurdes et le droit, с. 378; NEI. № 1276, 31.10.1935, с. 546; № 1353, 29.04.1937, с. 629.

⁷⁸ NEI. № 1326, 15.10.1935, с. 530.

⁷⁹ Как это явствует из письма М.М.Литвинова в ЦК ВКП(б) от 3 августа 1934 г. (ДВП. Т. XVII, М., 1971, с. 812), в котором содержится мотивация подобной позиции советского правительства. См. там же, № 288, с. 525–526. Полпред СССР в Персии С.К.Пастухов — М.М.Литвинову 31.07.1934.

⁸⁰ *Тарасов П.К.* Саадабадский пакт, с. 56, 58; *Кузьмин В.А.* Подготовка и заключение Саадабадского пакта, с. 178.

⁸¹ ДВП. Т. XIX. М., 1974, № 310, с. 483. Запись беседы полпреда СССР в Иране А.С.Черных с министром иностранных дел Ирана Самии 13.10.1936.

⁸² Там же, № 252, с. 408. Запись беседы от 26.08.1936.

⁸³ См.: *Агаев С.Л.* Иран: внешняя политика, с. 291–293.

⁸⁴ NEI. № 1361, 24.06.1937, с. 895.

⁸⁵ Там же. № 1364, 15.07.1937, с. 75.

⁸⁶ *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции, с. 173–183; *Поухверия Б.М.* Турция между двумя мировыми войнами. Очерки внешней политики. М., 1992, с. 132–155.

⁸⁷ *Тарасов П.К.* Саадабадский пакт, с. 51–52.

⁸⁸ Ратифицирован всеми сторонами к концу июня 1938 г. Текст на английском языке см.: *Hurewitz J.C.* Diplomacy in the Near and Middle East. Vol. II, № 63, с. 214–216. Подробное изложение см. в указанных работах П.К.Тарасова и В.А.Кузьмина.

⁸⁹ ДВП. Т. XXII, кн. I, № 305, с. 662.

⁹⁰ Там же, кн. 2, № 841, с. 379. Полпред СССР в Турции А.В.Терентьев — И.В.Сталину, В.М.Молотову и К.Е.Ворошилову 07.12.1939.

⁹¹ *Hurewitz J.C.* Diplomacy in the Near and Middle East, с. 215.

⁹² Цит. по: *Тарасов П.К.* Саадабадский пакт, с. 59.

⁹³ *Lacoste R.* La Russie soviétique et la question d'Orient, с. 204.

⁹⁴ *Gavan S.S.* Kurdistan, с. 35–36.

⁹⁵ См. упомянутые работы С.Л.Агаева (с. 296), В.А.Кузьмина (с. 183–184), П.К.Тарасова. Последний писал о 7-й статье пакта: «Безусловно, согласованные действия Турции, Ирана и Ирака против курдов сильно затрудняли борьбу последних» (с. 59).

⁹⁶ *Rambout L.* Les kurdes et le droit, с. 123.

Глава V

¹ *Мирский Г.И.* Ирак в смутное время: 1930–1941. М., 1961, с. 156–176; *Климентьев В.П.* Переворот 1 апреля 1941 г. в Ираке и тридцатидневная война. — Восток. 2001, № 1.

² *Оганесян Н.О.* Образование независимой Сирийской республики (1939–1946). М., 1968, с. 39–41.

³ *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.–Л., 1948, с. 204.

⁴ *Вильчевский О.Л.* Курдское национальное движение. Тб., 1946, с.189.

⁵ АВПРФ, ф. 132, 1940, оп. 25а, д. 3, л. 5.

⁶ *Balsan F.* Les surprises du Kurdistan. P., 1944, p. 14, 16–17. О тяжелом положении в Турецком Курдистане после подавления Дерсимского восстания, о царящих там разрухе и произволе властей см.: *Гасратян М.А.* Курды Турции в новейшее время. Ер., 1990, с. 198–200.

⁷ *Вильчевский О.Л.* Курдское национальное движение, с. 158, 159, 218. Возможно, эти сведения содержат неточности.

⁸ Там же, с. 200.

⁹ В конце 1938 г. шейху Махмуду, его жене Айше и сыну Латифу специальным законом парламента было возвращено все конфискованное в 1931 г. имущество (см.: ОМ. 1939, № 1, с. 47).

¹⁰ *Elphinston W.* The Kurdish Question. — International Affairs. 1946, vol. 22, № 1, с. 98–100; *Вильчевский О.Л.* Курдское национальное движение, с. 173–174.

¹¹ *Mgoi Ш.Х.* Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М., 1991, с. 74.

¹² *Rambout L.* Les kurdes et le droit. P., 1947, с.717.

¹³ *Elphinston W.* The Kurdish Question, с. 91.

¹⁴ Там же, с. 91–92; Вильчевский О. Л. Курдское национальное движение, с. 238–239.

¹⁵ ОМ. 1940, № 4, с. 199; № 6, с. 283; 1941, № 7, с. 360–361. Йон Кимхе утверждал, что курды проявили «редкую лояльность к союзникам во время Второй мировой войны», обещая Вейгану не причинять ему затруднений и отказавшись присоединиться к Гайлани. «Хойбун» в Сирии переориентировался с Франции на Англию, надеясь получить от нее помощь. «Курды уже забыты, и державы предпочитают, чтобы они оставались забытыми» (*Kimhe J. Seven Fallen Pillars. The Middle East, 1915–1950. L., 1950, с. 122–123*). Последнее суждение явно скоропалительное.

¹⁶ ДВП. Т. XXIII, кн. 1, ч. 1. М., 1995, № 47, с. 98; № 60, с. 116.

¹⁷ Там же, № 176, с. 309, № 179, с. 313.

¹⁸ Там же, № 223, с. 372. Полпред СССР в Турции А.В.Терентьев — в НКВД 26.06.1940.

¹⁹ Там же, № 211, с. 358. А.В.Терентьев — в НКВД 20.06.1940.

²⁰ Там же, ч. 2, № 782, с. 589. Донесение в НКВД от 17.04.1941.

²¹ Там же, ч. 1, № 64, с. 126. Полпред СССР в Афганистане М.Е.Филимонов — в НКВД 04.03.1940. Э.Эттель добавил, что у Германии в Иране меньше интересов, чем у СССР. Правда, эта беседа состоялась до разгрома Франции.

²² Там же, кн. 2, ч. 2, № 809, с. 644. Беседа советского полпреда в Турции С.А.Виноградова с британским послом 03.05.1941.

²³ Там же, кн. 1, ч. 1, № 223, с. 372, № 254, с. 421. А.В.Терентьев — в НКВД 24.06. и 06.07.1940.

²⁴ Там же, кн. 2, ч. 1, № 529, с. 105.

²⁵ Там же, кн. 2, ч. 2, № 858, с. 732. Беседа В.Г.Деканозова с Х.Гереди 07.06.1941.

²⁶ См.: Поездка В.М.Молотова в Германию в ноябре 1940 г. — Новая и новейшая история. 1993, № 5.

²⁷ ДВП. Т. XXIII, кн. 2, ч. 1, № 491, с. 31.

²⁸ Там же, № 500, с. 48. В.М.Молотов — И.В.Сталину 12.11.1940.

²⁹ Там же, № 515, с. 81. В.М.Молотов — И.В.Сталину 14.11.1940.

³⁰ Там же, № 511, с. 69. Вторая беседа В.М.Молотова с А.Гитлером 13.11.1940.

³¹ Там же, № 536. Советский полпред в Турции С.А.Виноградов — в НКВД 20.11.1940.

³² Там же, № 522, с. 87.

³³ Там же, № 468, с. 715. В.М.Молотов — С.А.Виноградову 26.10.1940; № 471, с. 719–720. С.А.Виноградов — в НКВД 29.10.1940.

³⁴ Как писал Кимхе, с 1941 г. в Турецком Курдистане был установлен «железный занавес» — режим жестокого угнетения и подавления курдов (*Kimhe J. Seven Fallen Pillars, с. 123*).

³⁵ Посол в СССР в Иране А.А.Смирнов писал В.М.Молотову 10 августа 1941 г.: «Для организации волнений против шаха, а при случае и совершения государственного переворота, немцы подготавливают и соответственно обрабатывают следующие элементы... вождей местных племен (курдов, луров), которые ненавидят шаха за то, что он их фактически лишил власти и угнетает их племена.

В борьбе против Англии немцы используют... вождей племен (курдов, луров), племена которых живут у советской и иранской границы, восстанавливая их как против СССР, так и против Англии» (ДВП. Т. XXIV. М., 2000, № 159, с. 229–230).

Эта тема исчерпывающе освещена С.Л.Агаевым (Иран: внешняя политика и проблема независимости, 1925–1941 гг. М., 1971 с. 329–337; он же. Германский империализм в Иране. М., 1969, с. 104–127) и З.А.Арабаджяном (Иран: противостояние империям, 1918–1941. М., 1996, гл. VIII).

³⁶ Агаев С.Л. Иран: внешняя политика, с. 329–336; Арабаджян З.А. Иран: противостояние империям, с. 177–186. Последний автор полагает, что сведения о немецком засилье в Иране в «традиционной» советской литературе сильно преувеличены, но, похоже, он и сам впадает в противоположную крайность. См. также последние публикации по этому вопросу: Оришев А.Б. Политика Германии в Иране накануне Второй мировой войны. — Новая и новейшая история. 2002, № 6; Айххольц Д. Цели Германии в войне против СССР: Об ответственности германских элит за агрессивную политику и преступления нацизма. — Там же.

³⁷ Arfa H. The Kurds. An Historical and Political Study. L., 1966, с. 67.

³⁸ Eagleton (Jr.) W. The Kurdish Republic of 1946. L., 1963, с. 14.

³⁹ См.: Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891–1917). М., 1972, гл. VIII.

⁴⁰ Вильчевский О.Л. Курдское национальное движение, с. 202.

⁴¹ Там же; Eagleton (Jr.) W. The Kurdish Republic, с. 14–16, 23–24.

⁴² ДВП. Т. XXXIV, № 353, с. 564.

⁴³ Вильчевский О.Л. Курдское национальное движение, с. 207.

⁴⁴ Там же, с. 208.

⁴⁵ Там же, с. 212–215, 221–223; Eagleton jr W. The Kurdish Republic, с. 15.

⁴⁶ Eagleton (Jr.) W. The Kurdish Republic, с. 23, 26, 30–32.

⁴⁷ Абдуразаков Б. Происки английского и американского империализма в Иране (1941–1947). Таш., 1959, с. 27.

⁴⁸ Arfa H. The Kurds, с. 69.

⁴⁹ Там же, с. 69–70; Elphinston W.G. The Kurdish Question, с. 98; Arfa H. Under Five Shahs, с. 311; АВПРФ, ф. 094, 1942, оп. 27, папка 70, л. 54–55, 70, 75, 86, 91. Выписки из «Журналь де Тегеран» за апрель–май 1942 г.; Vanani A. The Modernisation of Iran 1921–1941. Stanford, Calif., 1961, с. 128–129. Р.Лякост утверждал, что Хама Рашид действовал при поддержке немцев и не только в Курдистане, но и в Бахтиарии (Lacoste R. La Russie soviétique et la question d'Orient. P., 1946, с. 205). Некоторые интересные подробности интриг британских спецслужб среди южно-иранских курдов приведены Б.П.Балаяном в его докторской диссертации «Национальные проблемы на юге современного Ирана» (Ер., 1981, с. 113–114). В частности, он утверждал, что деятельность англичан среди иранских курдов вызвала обеспокоенность турок, созвавших совещание своих сторонников среди курдской знати.

⁵⁰ По мнению Дж.Ленчовски, во время войны Россия во взаимоотношениях с племенами Ирана играла «более ограниченную роль, чем Британия», но это спорно. Правда, имеются в виду не только курды, но и многочисленные неперсидские племена Фарса, Хузестана, Лурестана и Бахтиарии (Lenczowski G. Russia and the West in Iran, 1918–1948. A Study in Big-Power Policy. Ithaca (N. Y.), 1949, с. 249, 250–253).

⁵¹ Eagleton (Jr.) W. The Kurdish Republic, с. 34–35. О.Л.Вильчевский называл основателем партии Забиhi, а председателем — Хусейна Зергели (Курдское национальное движение, с. 238). Вообще в литературе об этой партии — весьма неточные и разноречивые сведения. Подробное описание этноплеменной и внутривнутриполитической ситуации в Иранском Курдистане во время Второй мировой войны см. в специальной монографии О.И.Жигалиной «Национальное движение курдов в

Иране (1918–1947 гг.)». М., 1988, с. 99–132. Поэтому здесь многие детали опущены. См. также: *Фаризов И.* Национальное движение курдов в Иране (1941–1945). — Труды Московского института востоковедения. Вып. 7. М., 1953.

⁵² Крупнейшими из них были: кельхор (120 тыс.), джелали (25 тыс.), шеккак (40 тыс.), харки (20 тыс. только в Иране), милани (10 тыс.), бекзаде (5 тыс.), зарза (4 тыс.), мамаш из бывшей конфедерации бильбас (12 тыс.), дебокри — одно из самых заметных многочисленных племен Мукринского округа и др. Их предводители принадлежали к знатнейшим родам Курдистана, имевшим богатую родословную, в том числе знаменитых суфиев, предводителей дервишских орденов (накшбенди и др.) — шейха Обейдуллы, сейида Таха и др. (*Eagleton (Jr.) W.* *The Kurdish Republic*, с. 16–23; см. также: *Жигалина О.И.* Национальное движение курдов в Иране, с. 99–116).

⁵³ FR. 1942. Vol. IV, с. 223. Меморандум начальника Ближневосточного отдела госдепа У.Мюррея — помощнику госсекретаря Берлу 10.01.1942.

⁵⁴ Там же, с. 264. Посланник США в Иране Л.Г.Дрейфус — госсекретарю 15.01.1942.

⁵⁵ ОМ. 1941, № 12, с. 638.

⁵⁶ FR. 1942, vol. IV, с. 318–320. Л.Г.Дрейфус — госсекретарю 01 и 03.05.1942.

⁵⁷ Там же, с. 320–321. Посол США в Турции Л.А.Стейнхардт — госсекретарю 04.05.1942.

⁵⁸ Там же, с. 321–322.

⁵⁹ Там же, с. 322, 323. Л.Г.Дрейфус — К.Хэллу 08, 15.05.1942.

⁶⁰ Там же, с. 323, 324. Л.Г.Дрейфус — К.Хэллу 15, 16.05, 28.09.1942.

⁶¹ Там же, с. 324–325. Л.Г.Дрейфус — К.Хэллу 07.10.1942.

⁶² *Балаян Б.П.* Национальные проблемы на юге современного Ирана (1917–1979). Ер., 1981, с. 113–114.

⁶³ ОМ. 1941, № 9, с. 446; 1942, № 5, с. 202.

⁶⁴ FR. 1943, vol. IV, с. 333. Меморандум Дж.Д.Джернегена из Ближневосточного отдела 23.01.1943.

⁶⁵ АВПРФ, ф. «Секретариат В.М.Молотова», оп. 4, 1942, д. 188, папка 18, л. 1; ф. 094, 1942, оп. 27, д. 7, папка 70, л. 1. Нота Р.Булларда А.А.Смирнову 03.01.1942.

⁶⁶ АВПРФ, ф. 094, 1942, оп. 27, д. 15, папка 70, л. 91, 93–94, 119, 210, 235; оп. 27, д. 18, папка 71, л. 114. Досье иранской прессы.

⁶⁷ Там же, ф. «Секретариат В.М.Молотова», оп. 4, 1942, д. 188, папка 18, л. 5.

⁶⁸ Там же, л. 8–9.

⁶⁹ Там же, л. 30–35.

⁷⁰ ОМ. 1942, № 5, с. 202; № 6, с. 251; № 8, с. 330.

⁷¹ АВПРФ, ф. «Секретариат В.М.Молотова», оп. 4, 1942, д. 188, папка 18, л. 10–14.

⁷² Там же, л. 25–27, № 686. Справка Д.С.Солода 13.09.1942.

⁷³ Там же, л. 39. Б.З.Кобулов — В.Г.Деканозову 08.12.1942.

⁷⁴ *Ржешевский О.А.* Визит А.Идена в Москву в декабре 1941 г. Переговоры с И.В.Сталиным и В.М.Молотовым. — Новая и новейшая история. 1994, № 2, с. 91.

⁷⁵ АВПРФ, ф. «Секретариат В.М.Молотова», оп. 4, 1942, д. 188, папка 18, л. 40–41.

⁷⁶ Там же, л. 42–43, копия.

⁷⁷ Там же. «Из дневника А.Я.Вышинского», № 44-в, л. 46, 15.01.1942, копия.

⁷⁸ Там же, № 43-в, л. 47, А.Я.Вышинский — В.М.Молотову 15.01.1942.

⁷⁹ Не случайно в подробной монографии М.А. Гасратяна «Курды Турции в новейшее время» период Второй мировой войны вообще опущен.

⁸⁰ Цит. по: *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции, с. 216.

⁸¹ *Завриев Д.С.* К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции, с. 273–274.

⁸² ОМ. 1943, № 1, с. 12.

⁸³ ОМ. 1941, № 9, с. 462; № 11, с. 574.

⁸⁴ ОМ. 1942, № 4, с. 140; № 7, с. 280, 288.

⁸⁵ *Longrigg St.H.* Iraq, 1900 to 1950. L., 1953, с. 313, 324–327, 353.

⁸⁶ *Rambout L.* Les kurdes et le droit, с. 72.

⁸⁷ В отечественной литературе барзанское движение 1943–1945 гг. подробно описано в монографиях Ш.Х.Мгой «Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время» (гл. V) и А.Ф.Федченко «Ирак в борьбе за независимость» (гл. III, с. 94–100), поэтому в дальнейшем изложении его событийная сторона дается конспективно в значительной степени по этим трудам без конкретных ссылок на них.

⁸⁸ О.Л.Вильчевский утверждал в своей неопубликованной работе «Курдское национальное движение», что, поскольку Англия была уже не заинтересована во вступлении Турции в войну против держав «оси», она спровоцировала выступление иракских курдов, а Мустафа Барзани первоначально действовал по указке англичан и только позже разочаровался в них и начал «лечь», когда они перестали поддерживать призывы к автономии. По мнению О.Л.Вильчевского, англичане, поддерживая курдов Ирака, хотели воздействовать на кабинет Нури Саида и одновременно на курдов Турции. Англичане воспользовались турецкой пропагандой среди курдов Ирака, призывавшей к единению турок и курдов с целью возвращения Турции Мосула, и настраивали турецких курдов против арабов Ирака. Все эти положения не имеют документального подтверждения и противоречат логике. Англичане вовсе не были заинтересованы в разжигании курдского движения ни в Ираке, ни в Турции, ни где бы то ни было и никогда не стояли за курдскую автономию. Равным образом нет никаких оснований уличать англичан в интригах против Нури Саида, десятилетиями верой и правдой служившего им. Представляют интерес только сообщаемые О.Л.Вильчевским сведения о деятельности английской разведки среди курдских националистов в Ираке, имевшей некоторый успех только среди их правого крыла и приведшей к фактическому распаду партии ЖК во второй половине 1945 г., о неудавшихся попытках (вместе с французами) реанимировать «Хойбун» и о впервые проявленном американцами через «Общество ирако-американских культурных связей» внимании к иракским курдам (с. 238–250, 282–287).

⁸⁹ *Мгой Ш.Х.* Курдский национальный вопрос в Ираке, с. 76.

⁹⁰ *Rambout L.* Les kurdes et le droit, с. 72–73.

⁹¹ Там же, с. 73–74.

⁹² Вероятно, это тот же комитет, что и упоминавшийся Рамбу «Национальный комитет», состоявший из трех представителей Ирака, четырех — Ирана, двух — Турции и одного Сирии (там же, с. 130).

⁹³ Там же, с. 131–133.

⁹⁴ Там же, с. 75–76; *Eagleton (Jr.) W.* The Kurdish Republic, с. 51–54.

⁹⁵ *Rambout L.* Les kurdes et le droit, с. 81.

⁹⁶ *Hurewitz J.C.* Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1914–1956. Toronto, 1956, с. 238.

⁹⁷ FR. 1943, vol. IV, с. 427. Поверенный в делах США в Иране Форд — госсекретарю К.Хэллу 29.12.1943.

⁹⁸ *Rambout L.* Les kurdes et le droit, с. 106.

⁹⁹ *Eagleton (Jr.) W.* The Kurdish Republic, с. 35–36.

¹⁰⁰ Там же, с. 37–39.

¹⁰¹ Там же, с. 39.

¹⁰² Там же, с. 40. Советские представители в Северо-Западном Иране выражали недовольство содержащимися в опере антииранскими пассажами.

¹⁰³ АВПРФ, ф. «Секретариат В.М.Молотова», оп. 6, портфель 458, папка 37, л. 12, 13–15. Посол СССР в Иране М.А.Максимов — В.М.Молотову, 13.07.1944.

¹⁰⁴ Там же, с. 21–22.

¹⁰⁵ *Eagleton (Jr.) W.* The Kurdish Republic, с. 41–42.

¹⁰⁶ Там же, с. 42.

¹⁰⁷ Там же, с. 43–46.

¹⁰⁸ Там же, с. 59.

¹⁰⁹ Там же, с. 58.

¹¹⁰ Там же, с. 56.

¹¹¹ Там же, с. 67–68.

¹¹² Подробнее о народных движениях в Иранском Курдистане в 1942–1945 гг. см.: *Жигалина О.И.* Национальное движение курдов в Иране, с. 116–132; *Фаризов И.* Национальное движение курдов в Иране, с. 127–130.

¹¹³ По мнению О.И.Жигалиной, это произошло в августе (Национальное движение курдов в Иране, с. 128), по данным В.Иглтона — в ноябре (*The Kurdish Republic*, с. 57). Документов на сей счет не найдено. ДПИК по старой памяти тоже иногда называют «Комала».

¹¹⁴ *Eagleton (Jr.) W.* The Kurdish Republic, с. 57.

¹¹⁵ Там же, с. 64–67.

¹¹⁶ FR. 1943, vol. IV, с. 333.

¹¹⁷ Там же. 1945, vol. VIII, с. 400.

¹¹⁸ Там же, с. 400. Меморандум директора департамента по ближневосточным и африканским делам Л.Гендерсона госсекретарю 23.08.1945 — «Политика Соединенных Штатов в Иране».

¹¹⁹ Там же, с. 361–362. Посол США в Иране Л.Моррис — госсекретарю 22.02.1945; с. 363–364. И.о. Госсекретаря Крю — Л.Моррису 27.07.1945.

¹²⁰ Там же, с. 366. Л.Моррис — госсекретарю Э.Р.Стеттиниусу, 17.03.1945.

¹²¹ Там же, с. 368. Л.Моррис — госсекретарю Э.Р.Стеттиниусу, 05.05.1945. Об операциях иранских войск против курдов в 1945 г. и взаимоотношениях иранского командования с советским подробно повествует в своих мемуарах генерал Хасан Арфа, в ту пору начальник иранского генерального штаба. Он утверждает, что Кази Мохаммед и его окружение находились под влиянием «сепаратистской пропаганды, исходящей от Советов». Арфа безуспешно пытался внушить Кази Мохаммеду и его присным, что будущее курдов — «в Иранской империи» и что курды — «ветвь иранской нации» (*Arfa H. Under Five Shahs*, с. 333–339).

¹²² АВПРФ, ф. «Секретариат В.М.Молотова», оп. 7, портфель 470, папка 33, л. 2, копия.

¹²³ Там же, л. 8–9.

¹²⁴ Там же, ф. 94, 1945, оп. 2, д. 8, папка 2, л. 5–6.

¹²⁵ Там же, л. 15, 02.11.1945.

¹²⁶ Р.Лякост, который везде искал «руку Москвы» и был склонен к преувеличениям, утверждал, что Москва во время войны организовала центры курдской пропаганды в Бейруте, Соуджбулаке (Мехабаде) и Ираке, которые призывали к «подлинной независимости». Они были связаны с некими организациями, борющимися против Турции, и содействовали сближению курдских националистов с другими нацменьшинствами (в том числе с ассирийцами), выступавшими против правительств ближневосточных государств (*Lacoste R. La Russie soviétique et la question d'Orient. P., 1946, c. 209*).

¹²⁷ *Rambout L. Les kurdes et le droit, c. 138–143; Rondot P. Les revendications nationales kurdes de 1943 à 1949. — Cahiers de l'Orient contemporain. P., 1949, № XVIII–XIX*).

БИБЛИОГРАФИЯ*

Архивные фонды

Архив внешней политики Российской империи. Фонд «Национальный архив Индии» (АВПРИ, ф. НАИ).

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. Отдел Ближнего Востока, ф. «Секретариат В.М.Молотова»; ф. 132, 1930, 1935, 1940 гг.; ф. 094, 1942 г.; ф. 94, 1945, 1946 гг.

Неопубликованные рукописи

Вильчевский О.Л. Курдское национальное движение. Тб., 1946.

Камаль М.А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане (1932–1945 гг.). Баку, 1968.

Кузнецов А.А. Курдский вопрос на первом этапе общего кризиса капитализма (1917–1941 гг.). М., [б. г.].

Диссертации

Абдель Джабар Кадер Гафур. Курдское национальное движение в Турции между двумя мировыми войнами. Канд. дис. М., 1977.

Абу Бекр Ахмад Осман. Национально-освободительное движение курдского народа в 1905–1925 гг. (социально-политический очерк). Канд. дис. М., 1965.

Балаян Б.П. Национальные проблемы на юге современного Ирана (1917–1979). Докт. дис. Ер., 1981.

Джарджис Хасан Абдулла. Курды в общественно-политической жизни Сирии в 1918–1962 гг. Канд. дис. М., 1977.

Насих Гафур Рамадан. Курдская проблема в системе международных отношений между двумя мировыми войнами. Канд. дис. Киев, 1979.

Публикации источников

Документы внешней политики СССР (России) (ДВП). Т. I–XXIV. М., 1957–1995.

Северная Персия. Сборник консульских докладов. [М.], 1933.

Documents on British Foreign Policy (DBFP). 1919–1939. Series 1a. L., 1946–1955.

*Библиография содержит названия использованных источников и основной литературы, относящихся только к теме данной монографии. Ссылки на все прочие публикации, привлеченные для написания работы, содержатся в примечаниях к главам.

Foreign Relations of the United States (FR). Diplomatic Papers. 1932–1939, 1940–1945. Wash.

Hurewitz J.C. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1914–1956. Vol. II. Toronto–New York–London, 1956.

Литература

Абдуразаков Б. Происки английского и американского империализма в Иране (1941–1947 годы). Таш., 1959.

Аболтин В. Национальный состав Турецкой республики. — Новый Восток. 1925, кн. 1 (7).

Автономный Курдистан снова на сцене. — БПСВ. 1929, № 2.

Агаев С.Л. Германский империализм в Иране (Веймарская республика, Третий рейх). М., 1969.

Агаев С.Л. Иран в период политического кризиса 1920–1925 гг. (вопросы внешней политики). М., 1970.

Агаев С.Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925–1941 гг. М., 1971.

Аграрный вопрос на Востоке. М., 1933.

Акопов А. Курдский вопрос и дашнаки. — Большевик Закавказья. 1931, № 2.

Акопов Г.Б. К вопросу о национальной консолидации курдов в Иране. Автореф. канд. дис. М., 1952.

Алексеев П. Туркмено-курдское восстание. 3-е изд. Таш., 1935.

Арабаджян З.А. Иран: противостояние империям (1918–1941). М., 1996.

Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. М., 1960.

Аристова Т.Ф. Очерк культуры и быта курдских крестьян Ирана. — Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. I. М., 1958.

Астахов Г. От султаната к демократической Турции. Очерки по истории кемализма. М.–Л., 1926.

Атаев Х. Национально-освободительное движение в Хорасане в 20-х годах XX в. Ашх., 1962.

Атаев Х. Освободительное движение туркмен в Иране (1917–1925 гг.). Ашх., 1970.

АЭЛ. По Персии и Месопотамии. М., 1931.

Березкин В. В Гюргенской долине. Очерк туркмено-курдского восстания в 1924–1926 гг. М.–Таш., 1931.

Бронштейн В.Б., Розенблюм В.Г. Нефтяная эпопея „Oil“. М.–Л., 1936.

Брукс М. Нефть и внешняя политика. М., 1949.

Букишпан А. Азербайджанские курды. Баку, 1932.

Бутаев И. Проблемы Турции. Национальная революция на Востоке. Л., 1925.

Васильев К. Причины и движущие силы курдских восстаний. — АП. 1931, кн. 9–10.

В-ий К. Социально-политическая роль сектантства и дервишизма в Курдистане. — Антиралигиозник. 1931, № 12.

В-ий К. (Василевский К.). К аграрным отношениям в Курдистане. — АП. 1932, кн. 1–2.

Вильчевский О.Л. К аграрным отношениям в Курдистане. — АП. 1932, кн. 1–2.

Вильчевский О.[Л.] Материалы по истории общественных форм в Курдистане. — Советская этнография. 1932, № 5–6.

- Вильчевский О.Л.* Курды северо-восточного Ирана. Тб., 1944.
- Вильчевский О.Л.* Библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии; Лингвистические материалы по истории общественных форм в Курдистане. — Иранские языки. Вып. 1. М.—Л., 1945.
- Вильчевский О.Л.* Мукринские курды (этнографический очерк). — Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. I. М., 1958.
- Восстание в Курдистане (1930 г.). — БПСВ. 1931, № 12.
- Гази Р.Г.* Курдистанская демократическая партия — организатор и руководитель национально-освободительного движения в Иранском Курдистане (1945–1946 гг.). Автореф. канд. дис. Баку, 1954.
- Гасратян М.А.* Курды Турции в новейшее время. Ер., 1990.
- Готфрид Л.* Социал-фашизм о курдском вопросе. — БПСВ. 1932, № 13–14.
- Гофман К.* Нефтяная проблема и англо-саксонский империализм Л., 1930.
- Гранкур К.* Тактика на Ближнем Востоке. М.—Л., 1928.
- Гурко-Кряжсин В.А. (Кряжсин В.)* Национально-освободительное движение на Арабском Востоке. — Новый Восток. 1922, т. 1, 2.
- Гурко-Кряжсин В.А.* Четыре конфликта. — Новый Восток. 1925, № 1(7).
- Гурко-Кряжсин В.А.* Ближний Восток и державы. М., 1925.
- Гурко-Кряжсин В.А.* Арабский Восток и империализм. М., 1926.
- Данциг Б.М.* Ирак в прошлом и настоящем. М., 1960.
- Дело Джаффар-Султана и курдские «представительства» в меджлисе. — Материалы по национально-колониальным проблемам. 1932, № 2.
- Денни Л.* Борьба за нефтяную монополию. М.—Л., 1934.
- Думпис М.* Северная Персия. Курды. — Колониальный Восток. М., 1924.
- Живкова Л.* Англо-турецкие отношения. 1938–1939. М., 1975.
- Жигалина О.И.* Национальное движение курдов в Иране (1918–1947). М., 1988.
- Жигалина О.И.* Курдские ханства Хорасана при последних Каджарах. М., 2002.
- Завриев Д.С.* Персия наших дней. Экономические очерки. Тифлис, 1931.
- Завриев Д. С.* Экономика современной Турции. Тифлис, 1934.
- Завриев Д.С.* Восточная Анатолия (экономические очерки). Тб., 1936.
- Завриев Д.С.* К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тб., 1948.
- За независимый Курдистан. — БПСВ. 1931, № 10–11.
- Иванов М. С.* Новейшая история Ирана. М., 1965.
- Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976.
- Ирандуст.* Персия. 2-е изд. М.—Л., 1928.
- Ирандуст (Осетров В.П.)*. Движущие силы кемалистской революции. М.—Л., 1928.
- История Курдистана. М., 1999.
- Камаль М.А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане (1918–1932). Баку, 1967.
- Камаль М.А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане в 1918–1958 гг. Автореф. докт. дис. М., 1969.
- Кафтан К.Н.* Барзанские восстания 1900–1945 гг. — блестящая страница национальной борьбы курдского народа в Иракском Курдистане. Автореф. канд. дис. М., 1963.
- Келавеш А.И.* Аграрные отношения в современном Иранском Курдистане. Автореф. канд. дис. Баку, 1954.

- Кемаль Мустафа*. Путь новой Турции. Т. I–IV. М., 1929–1934.
- Кемаль Ататюрк*. Избранные речи и выступления. М., 1966.
- Корсун Н.Г.* Турция. Курс лекций по военной географии. М., 1923.
- Кузьмин В.А.* Подготовка и заключение Саадабадского пакта: Страницы истории международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке. Екатеринбург, 1992.
- Курд Оглу*. Курды и империализм. — БПСВ. 1932, № 13–14.
- Лазарев М.С.* Курдский вопрос (1891–1917). М., 1972.
- Лазарев М.С.* Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М., 1989.
- Лемин И.М.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919–1925. М., 1947.
- Мгои Ш.Х.* Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М., 1991.
- Мельник А. (Миллер А.Ф.)*. Турция. М., 1937.
- Ментешашвили А.М.* Ирак в годы английского мандата. М., 1969.
- Ментешашвили А.М.* Курды: очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта. М., 1984.
- Мерденский А.* Статистико-экономические очерки Турции. — БПСВ. 1928, кн. 6–7.
- Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.–Л., 1948.
- Мирский Г.И.* Ирак в смутное время: 1930–1941. М., 1961.
- Мусаэлян Ж.С.* Библиография по курдоведению (начиная с XVI века). Ч. I–II. СПб., 1996.
- Никитин В.* Курды. Сокр. пер. с франц. Вступит. ст. и ред. И.О. Фаризова. М., 1964.
- Новичев А.Д.* К вопросу о феодализме в Турецком Курдистане. — Библиография Востока. Л., 1934, № 2–4.
- Оганесян Н.О.* Образование независимой Сирийской республики (1939–1946). М., 1968.
- Погорелов М.* Курдский вопрос. — Война и революция. 1925, май.
- Погорелов М.* Контрреволюционное движение в Курдистане. — Военный вестник. 1925, № 11.
- Поцхверия Б.М.* Турция между двумя мировыми войнами. Очерки внешней политики. М., 1992.
- Ростопчин Ф.* Заметки о курдах. — БПСВ. 1932, № 13–14.
- Ростопчин Ф.Б.* Библиография по курдской проблеме. — РВ. 1933, № 3, 4, 5.
- Смирнов Н.А.* Современный ислам. 2-е испр. и доп. изд. М., 1930.
- Фабер К.* По великим путям Востока (от Босфора до Инда). Сокр. пер. с нем. М.–Л., 1931.
- Фаризов И.О.* Национальное движение курдов в Иране (1941–1945). — Труды Московского института востоковедения. 1953, вып. 7.
- Федченко А.Ф.* Ирак в борьбе за независимость. М., 1970.
- Чирнер Г.* Арабский плацдарм и война в Европе. Сокр. пер. с нем. М., 1941.
- Шамилов А.* Курдские дервиши. — Атеист. 1930, № 59.
- Ю.К.* В Курдистане неспокойно. — БПСВ. 1928, № 4–5.
- Adamson D.* The Kurdish War. L., 1964.
- Arfa H.* The Kurds. An Historical and Political Study. L., 1966.
- Armstrong H.* Turkey and Syria Reborn. A Record of Two Years of Travel. L., 1930.

- Armstrong H.C.* Grey Wolf. Mustafa Kemal. An Intimate Study a Dictator. L., 1935.
- Avery P.* Modern Iran. N. Y.—Wash., 1965.
- Balsan F.* Les surprises du Kurdistan. 2-e ed. P., 1944.
- Banani A.* The Modernisation of Iran 1921–1941. Stanford (Calif.), 1961.
- Bedir-Khan Kamuran.* La question kurde. P., 1959.
- Bedr Khan.* The Kurdish Problem. — JRCAS. 1933, vol. XX, Jan.; 1940, vol. XXVII, Jan.
- Bell G.* The Letters of Gertrude Bell. Vol. 1–2. L., 1927.
- Bischoff N. de.* La Turquie dans le monde. L'empire Ottoman. La république turque. P., 1936.
- Blau J.* Le problème kurde. Essai sociologique et historique. Bruxelles, 1963.
- Bois T.* Connaissance des kurdes. Beirut, 1965.
- Bullard R.* Britain and the Middle East. From the Earliest Times to 1950. L., 1950.
- Burton H.* The Kurds. — JRCAS. 1944, vol. XXXI, pt 1.
- Chronique de sociologie kurde. — Afrique et l'Asie. 4e trimestre, № 40.
- Cumming H.H.* Franco-British Rivalry in the Post-War Near East. The Decline of French Influence. L., 1938.
- Douglas W.* Strange Lands and Friendly People. L., 1952.
- Eagleton (Jr.) W.* The Kurdish Republic of 1946. L., 1963.
- Edmonds C.J.* Kurds, Turks and Arabs. Politics, Travel and Research in North-Eastern Iraq. 1919–1925. L., 1927.
- Edmonds C.J.* A Bibliography of Southern Kurdistan, 1920–1936. — JRCAS. 1937, July, vol. XXIV, pt III.
- Elphinston W.* The Kurdish Question. — International Affairs. 1946, vol. 22 (Jan.), № 1.
- Elphinston W.G.* Kurds and the Kurdish Question. — JRCAS. 1948, vol. 35, pt 1, Jan.
- Empson R.H.W.* The Cult of the Peacock Angel. A Short Account of the Yezids of Kurdistan. L., 1928.
- Esmer A.S.* Siasî Tarih (1919–1939). Ankara, 1953.
- Ewer W.N.* The Mosul Victory. — The Labour Monthly. Vol. 8, August 1926.
- Forbes R.V.* Conflict Angora to Afghanistan. N. Y., 1931.
- Foster H.A.* The Making of Modern Iraq. A Product of World Forces. Norman, 1935.
- Garrod G.R.* Recent Operations in Kurdistan. — Journal of the Royal United Service Institution. L., 1933, vol. 78.
- Gavan S.S.* Kurdistan: Divided Nation of the Middle East. L., 1958.
- Gentizon P.* L'insurrection kurde. — Revue de Paris. 1925, vol. 5, № 20.
- Gentizon P.* Moustafa Kemal ou l'Orient en marche. P., 1929.
- George-Gaulis B.* La question turque. Une page d'histoire turque et d'erreurs européennes 1919–1931. P., 1931.
- Ghareeb E.* The Kurdish Question in Iraq. Syracuse–New York, 1981.
- Ghassemlou A.R.* Kurdistan and the Kurds. Praha, 1965.
- Graves Ph.P.* Briton and Turk. London–Melbourne, 1941.
- Hakki N.* Derebeyi ve Dersim. Ankara, 1932.
- Hamilton A.M.* Road through Kurdistan. The Narrative of an Engineer in Iraq. L., 1937.
- Hesse F.* Die Mossulfrage. B., 1925.
- Hourany A.H.* Minorities in the Arab World. L., 1947.
- Iran under the Pahlavies. Ed. G. Lenczowski. Stanford, 1978.

- Ireland P.W.* Iraq. A Study in Political Development. L., 1937.
- Khadduri M.* Independent Iraq. A Study in Iraqi Politics since 1932. L., 1951.
- Kimhe J.* Seven Fallen Pillars. The Middle East 1915–1950. L., 1950.
- Kinnane D.* The Kurds and Kurdistan. L.–N.Y., 1964.
- Lacoste R.* La Russie soviétique et la question d'Orient. La poussée soviétique vers les mers chaudes Méditerranée et Golfe Persique. P., 1946.
- Lambton A.K.S.* Landlord and Peasant in Persia. L., 1953.
- Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, 1918–1948. A Study in Big-Power Rivalry. Ithaca–New York, 1949.
- Lenczowski G.* The Middle East in World Affairs. 2-nd ed. Ithaca, 1952.
- Lenczowski G.* Oil and State in the Middle East. N. Y., 1960.
- Longrigg St.H.* Iraq, 1900 to 1950. A Political, Social and Economic History. L., 1953.
- Longrigg St.H.* Oil in the Middle East. 2nd ed. L., 1961.
- Luke H.C.* Mosul and its Minorities. L., 1925.
- Main E.* Iraq from Mandate to Independence. L., 1935.
- Mandelstam A.* La protection internationale des minorités. P., 1931.
- Nicolson H.* Curzon: The Last Phase 1919–1925. A Study in Post-War Diplomacy. L., 1937.
- Nikitine B.* Quelques observations sur la question de Mossoul. — L'Asie française. Mars 1924, № 220.
- Nikitine B.* La féodalité kurde. — Revue du monde musulman. 1925, vol. LX (Deuxième trimestre).
- Nikitine B.* Les kurdes racontés par eux-mêmes. — L'Asie française. 1925, № 231.
- Nikitine B.* Problème kurde. — Politique étrangère. 1946, № 3.
- Nikitine B.* L'état social des kurdes et du Kurdistan. — Afrique et l'Asie. 1959, 2-me trimestre, № 46.
- Nolde E.* L'Iraq. Origine historique et situation internationale. P., 1934.
- Olson R.* The Emergence of Kurdish Nationalism and the Sheikh Said Rebellion, 1880–1925. Austin, 1989.
- Olson R., Tucker W.* The Sheikh Said Rebellion in Turkey (1925). — Welt des Islams. Leiden, 1978, vol. 18, № 3–4.
- Rambout L.* Les kurdes et le droit. Des textes, des faits. P., 1947.
- La révolte kurde et le conflit turco-persan. — Correspondance d'Orient. 1930, VIII, IX.
- Rondot P.* Les revendications nationales kurdes de 1943 à 1949. — Cahiers de l'Orient contemporain. P., 1949, № XVIII–XIX.
- Safrastian A.* Kurds and Kurdistan. L., 1948.
- Schmidt D.A.* Journey among Brave Men. Boston–Toronto, 1964.
- Seton-Williams M.* Britain and the Arab States. A Survey of Anglo-Arab Relation, 1920–1948. L., 1948.
- Toynbee A.J.* The Islamic World since the Peace Settlement. — Survey of International Affairs, 1925. Vol. 1. L., 1927.
- Toynbee A.J., Gibb H.A.R.* The Middle East. — Survey of International Affairs. 1934. L., 1935.
- Vanly I.Ch.* Survey of the National Question of Turkish Kurdistan with Historical Background. Roma, 1971.
- Waheed A.* The Kurds and their Country. A History of the Kurdish People (from Earliest Times to the Present). 2-nd ed. Lahore, 1958.

Периодические издания

Аграрные проблемы (АП). М.

Азия и Африка сегодня. М.

Библиография Востока (БВ). Л.

Большевик Закавказья. Тифлис

Бюллетень прессы Среднего Востока (БПСВ). Таш.

Военный вестник. М.

Война и революция. М.

Материалы по национально-колониальным проблемам. М.

Международная жизнь (МЖ). М.

Мировое хозяйство и мировая политика (МХМП). М.

На зарубежном Востоке. Таш.

На рубеже Востока. М.

Новая и новейшая история. М.

Новый Восток. М.

Революционный Восток (РВ). М.

Советская этнография. М.

Торговля России (СССР) с Востоком. М.

Afrique et l'Asie. P.

Asiatic Review. L.

L'Asie française. P.

Cahiers de l'Orient contemporain. P.

Correspondance d'Orient. P.

Internatoinal Affairs. L.

Journal Asiatique. P.

Journal of the Royal Central Asian Society (JRCAS). L.

Journal of the Royal United Service Institution. L.

The Labour Monthly. L.

The Manchester Guardian Weekly. Manchester

The Near East—The Near East and India (NE—NEI). L.

Oriente Moderno (OM). Roma

Politique étrangère. P.

Revue de Paris. P.

Revue du monde musulman. P.

The Times. L.

Welt des Islams. Leiden

- Аббас-ага 165
 Аббас Гобадян 209
 Абдалоглу Шюкрю 170
 Абди-ага аль-Халло 167
 Абдул Азиз Гиляни, капитан 237
 Абдул Иллах 228
 Абдул-Кадыр 49, 50, 58, 66, 77, 253
 Абдул Кадыр Абдаль 140
 Абдул-Кадыр-хан 86, 253
 Абдулла, сейид 58, 66, 77
 Абдулла, сын шейха Саида 67
 Абдулла, шейх 66
 Абдулла-хан 84, 85
 Абдулла-эфенди 208
 Абдулла-эфенди Гиляни 235
 Абдул-Меджид-эфенди, халиф 117, 136
 Абдул-Хамид II, султан 44, 52
 Абдуррахим, шейх 67
 Абдуррахман 128
 Абдуррахман Забихи 210
 Абдуррахман-хан 86
 Аболтин (Аварин) В.Я. 65
 Абубакр Абдулла Шахмухаммед 7
 Агаев С.Л. 281
 Азизолла-хан Сердар Моаззез 89
 Актай А.Х. 197, 198, 222, 223
 Али-шейх 170
 Али Галиб 162
 Али Мустафа-оглы 221
 Али Рейхани 210
 Али Риза 56, 110
 Али Рухи-бей 64
 Али Фетхи-бей 62, 64, 94, 100, 149, 263
 Али Фуад 62
 Али-хан Хабиби 209
 Али Юнис 143
 Алленби Э.Г.Х., фельдмаршал 113
 Альпдоган Абдулла 172
 Аманулла, король Афганистана 184
 Амин 66
 Амин, генерал 209
 Амин аль-Хусейн 192
 Амин-бей 82
 Амин Заки 196
 Амин-эфенди Бероски 110
 Амир Махсуд 86
 Амр-хан Шарифи 235
 Арабаджян З.А. 281
 Армстронг Г.К. 52, 53, 57, 65
 Арфа Ибрагим 209
 Арфа Хасан, генерал 53, 140, 204, 209, 276, 284
 Асад-хан 179
 Асквит Г. 94
 Астахов Г.А. 32
 Атакчиев, генерал 235
 Ататюрк Кемаль (Мустафа Кемаль-паша) 15, 31, 38, 43, 46, 52, 62–65, 68, 69, 98, 99, 101, 102, 132, 133, 136, 140, 170, 171, 173, 174, 193, 265, 277
 Ахмади, генерал 179
 Ахмед-ага 167
 Ахмед Сабри 67
 Ахмед Таги-бей 39–41
 Ахмед Тевфик 117
 Ахмед-хан 186
 Ахмед-шах Каджар 83, 86
 Бабакр-ага 73, 74, 165
 Бабан, династия 118
 Багиров М.Д.А. 206, 235, 236
 Багир-хан 86
 Бадреддин 67

* Указатели не охватывают примечаний библиографического характера.

- Бадрхан Джеладет Али 105, 110, 253
 Бадрхан Джеляль 152
 Бадрханиды 104, 113, 118, 119, 152,
 232, 253, 264
 Бадрхан Камран Али 105, 253
 Бадрхан Сурейя-бей 105, 114–116, 118,
 152, 253, 265
 Бакир Челеби 152
 Бакр Сидки-бей 162, 164, 165, 186
 Балаян Б.П. 281
 Бальсан Ф. 170, 194
 Барзан, шейх 67
 Барзанджи Айша 279
 Барзанджи Кадир 119
 Барзанджи Латиф 226, 279
 Барзанджи шейх Махмуд Хафид 38–41,
 44, 45, 71, 74–76, 83, 86, 104, 119,
 120, 131, 163, 194–196, 224, 251–
 253, 259, 379
 Барзани, шейх Ахмед 78, 115, 118, 119,
 153–155, 157–159, 163, 251
 Барзани Молла Мустафа 157, 196, 225–
 230, 235–237, 241, 245, 283
 Барзани Мухаммед Садык 157
 Барт Ф. 251
 Баяр Джеляль 173, 277
 Бедди Уззаман Саид Курди, шейх 171
 Белл Г. 71, 72
 Беха-эд-Дин Нури-паша 195
 Бешар Чато 136
 Бивербрук У.М. 94
 Бироки Саид 226
 Бишоф Н. де 172
 Бозан-бей 152
 Бриан А. 183
 Бронштейн В.Б. 92
 Бро Хассо 272
 Брукер де 123
 Брюнессен М. ван 54
 Буллард Р. 73, 216, 223

 Вартанян Г. 114
 Василевский А.М., генерал (с 1943 г. —
 Маршал Советского Союза) 207
 Василевский К.Г. (В-ий, К. Васильев)
 18, 125, 146, 268
 Вейган М. 196–198, 280
 Вильчевский О.Л. 105, 194, 208, 252,
 253, 256, 264, 281, 283
 Вильямс К. 262
 Виноградов С.А. 201
 Вирсен Е. аф 90
 Вышинский А.Я. 222, 223

 аль-Гайлани Рашид Али 191, 192, 195,
 196, 202, 213, 280
 Галджьян А. 251
 Галкович М.Г. 83
 Гамильтон Л. 137
 Гасар-хан Джалилвенд 220
 Гасратян М.А. 283
 Гереле Хюсрев 198, 200
 Гёкчен Сабиха 174
 Гитлер А. 192, 200, 201
 Голль Шарль де 202, 242
 Гофман К. 57, 102, 262
 Грейвс Ф.П. 102, 265
 Гробба Ф. 164
 Гурко-Кряжин В.А. 29, 54, 90, 91, 262
 Гуро, генерал 81
 Гэвен С.С. 55, 189, 271, 277
 Гюндюз Асым 199

 Давар Панах 220
 Дауд ад-Дауд 158, 166
 Дауд-паша 196
 Деканозов В.Г. 200, 217, 220, 221, 234
 Демир-паша 140
 Денц, генерал 191, 192, 197
 Деракшани 240
 Дерминазьян Р.В.Г. 119
 Дерсими Нури 174
 Джамаль Бабан 196
 Джамаль Джамиль 162
 Джамиль аль-Мадфаи 165
 Джамиль-паша 121
 Джафар-паша 157
 Джафар Султан 86, 87
 Джаханбани Аманолла 214
 Джахангир-хан 86, 87
 Джеляль Кадри 152
 Джордин Р.Ф. 78
 Доббс Г. 58, 113, 156, 157, 259
 Додд П. 117
 Дрейфус Л.Г. 212–214
 Дубсон А. 38–41

 Езтрак Фаиз 174

- Жантизон П. 29, 52, 53
 Жигалина О.И. 253, 284
 Жорж-Голи Б. 57
- Забихи 281
 Завриев Д.С. 12, 55, 176
 Зайцев Г.Т. 241
 Замбили, шейх 208
 Зафар-и Доуле 140
 Зейд аль-Хашими, эмир 74
 Зергели Хусейн 281
 Зия эд-дин-бей 86
 Зоро-бек 233
- Ибрагим, сын Ферзанде 117
 Ибрагим-ага, предводитель мангур 207
 Ибрагим-бей Джелали 41
 Ибрагим-паша 66, 105, 121, 143
 Ибрагим-паша Хаски 105, 117
 Ибрагим Тали-бей 134, 144
 Ибрахим аль-Халиль 168, 169, 235
 Иглтон В. 206, 208, 210, 233, 237, 239, 284
 Иден А. 221–223
 Иззет Абдул Азиз 237
 Измаил-бек 118
 Измаил Хаккы Шавайс 121
 Имам Касым 174
 Инёню Исмет (Исмет-паша) 43, 46, 64, 97, 99, 100, 133, 136, 146, 154, 169, 173, 265
 Исмаил Хаккы 67, 174
 Ихсан Нури 49, 105, 109, 113, 116, 117, 124, 140, 143, 149, 242, 264
- Кабульский С. 256
 Кавтарадзе С.И. 234
 Каджары, династия 86, 87, 210
 Кадир Султан 79
 Кадри Джемиль-паша см. Силопи Зиннар
 Кадыр, шейх 127
 Казем Хан Сайях 273
 Кази Мохаммед 206, 208, 233, 235–238, 245, 284
 Кази Мулла Ваххаб 232
 Камаль Музхар Ахмад 251
 Камерон Дж. 113, 114
 Карахан Л.М. 150
- Касемлу Абдуррахман 24, 33, 106, 250
 Касим-ага Ильханидзе 237
 Касим Кадери 232
 Кая Шюкрю 45, 83, 100, 101, 144
 Кей Хосров-хан 86
 Келлог Ф.Б. 183
 Кемаль-бей 86
 Кенихолм 213
 Керим-хан 38
 Кёр Мустафа 170
 Кёр Хусейн-паша 41, 115, 131, 140
 Кимхе Й. 280
 Кираз Хамди 138
 Китайгородский П. 18
 Клайв Р. 120, 148
 Клейтон Дж. 115, 118
 Клерк Дж. 127, 133, 134
 Кобулов Б.З. 220, 221
 Кокс П. 96
 Колль, эмир 86
 Кондов 266
 Корсун Н.Г. 11, 248
 Криппс С. 222
 Кузьмин В.А. 184
 Кулихан Бекир 170
 Курихара Ш. 201
- Ленин В.И. 241
 Ленчовски Дж. 96, 260, 273, 281
 Линдсей Р. 55, 61, 65, 98–101
 Литвинов М.М. 176, 278
 Лонгригг С.Х. 80, 225, 226, 275
 Лорэн П. 56
 Лоунс 209
 Лоуренс Т.Э. (Эдвард Томсон) 107, 113, 119–121, 134, 135, 138, 265, 270, 274
 Лякост Р. 189, 278, 281, 285
- Маджид Мустафа 227, 228
 Маджид-хан 206
 Майский И.М. 201
 Макдональд Дж. Р. 43
 Мамед Малек-хан 86
 Мамед Тегир-паша 195
 Мамед Эмин Зеки-паша 195
 Маркс К. 241
 Матвеев К.П., Мар-Юханна И.И. 275
 Махди, шейх 66, 79
 Махмуд Ахмед-оглы Моалим 221

- Махмуд-бей 144
 Махмуд-хан Дизли 86
 Махмуд Эсад 146
 Махсус, эмир 86
 Мгой Ш.Х. 283
 Мемдух Селим-бей 105
 Мемдух Шевкет-бей 147, 148
 Менеменджиоглу Нуман 187
 Ментешашвили А.М. 251
 Мете Осман 174
 Метьюз У. 127, 138, 142
 Мехмед Селим-эфенди 52
 Миллер А.Ф. (А.Мельник) 18, 64, 193, 256
 Мирский Г.И. 6, 275
 Мир Хадж 210, 237
 Михайлов К.А. 198
 Мокаддам, генерал 209
 Молотов В.М. 188, 197, 198, 200, 201, 214, 216–223, 234, 241, 280
 Моррис Л. 240
 Мохаммед Амин 67
 Мохаммед Ибрахим 67
 Мохаммед Реза, шах 205, 218
 Мохаммед Хама Рашид 209–211, 215, 216, 225, 237, 281
 Муаван 209
 Муса-бей, милян 41
 Муслих, шейх 77
 Муссолини Б. 114, 192
 Мустафа Али 162
 Мустафа-бей Шахин 167
 Мустафа-паша Корд 253
 Мустафа Хошнао 237
 Мухаммед Али Джавад 162, 164
 Мухаммед Али Юнус 127
 Мухаммед Ибрахим-паша 167
 Мухаммед Пишкола 275
 Мухаммед Садык 157, 215
 Мухаммед Яху 210, 211
 Мюррей У. 212
 Мюсли, шейх 42
 Навваф-ага аль-Хасан 167
 Надольный Р.А. 257
 Наиф 112
 Нафиси Ахмед 241
 Никитин В.П. 9, 10, 248, 258
 Норатункян Габриэль-эфенди 9
 Нури-бек 38, 217
 Нури Саид 74, 76, 93, 154, 185, 199, 227, 228, 283
 Нух-бей 115
 Нэтчбулл-Хьюгессен Х.М. 199
 Оакшот 209
 Обейдулла из Зено 232
 Обейдулла Нехри, шейх 49, 58, 282
 Оздемир (Али Шефик-бей) 39
 О'Лири 143
 Олсон Р. 51, 54, 56, 59
 Омар-хан Ильзани 86
 Осетров В.П. (Ирандуст) 18, 64, 83
 Осман-ага 153
 Осман-ахун 89
 Осман Фуад 117
 Османы, династия 31
 Папазян В. 106, 113
 Папен Ф. фон 199
 Паулис А. 90
 Пекер Реджеп 146
 Пеппо Оттавио де 199
 Пехлеви, династия 22, 83
 Пирамерд Хаджи Тауфик 194
 Платонов Б. 125
 Прайс К. 93
 Прайс М.Ф. 258
 Рамбу Л. 104, 189, 271, 283
 Рамзи-бей 86
 Расул Мухаммед-ага 135
 Рауф-бей 62, 97
 Рашид-бек 217
 Рашо Колос 158
 Ревенсдейл 144
 Реза-шах (Реза-хан) Пехлеви 22, 23, 38, 45, 46, 83–89, 100, 128, 133, 140, 180, 181, 185, 205, 206, 211, 232, 260
 Рентон 229
 Рефет-паша 32
 Риббентроп И. фон 198, 200, 201
 Риза Тевфик 152
 Робертс 144
 Родионов 169
 Розенблюм В.Г. 92
 Рондо, капитан 106

- Рубен-паша 106, 117
 Рыжков 207
 Рыков 119
 Рюштю 150
- Садр-и Кази 208
 Саид-ага 167
 Саид Пирани, шейх 10, 32, 33, 46, 47, 49–53, 55, 56, 58–61, 64, 66–68, 70, 72, 77, 79, 104, 108, 110, 111, 124–128, 134, 137, 141, 153, 171, 253, 256
 Сайкс П. 164
 Салар Ашраф 86
 Салар од-Доуле 86–88, 261
 Салар Сенендедж 209
 Салахеддин 108, 117, 137, 143, 270
 Салим Мемдух 264
 Салих-паша 141, 143
 Салмонд Дж.М. 75
 Сами-бей 119, 121
 Сараджоглу Шюкрю 188
 Сардар Энтессор 149
 Сару-хан 81
 Сафрастян А. 9, 46, 110
 Севишоглу Али 170
 Сеид Зия эд-Дин Табатабаи 209
 Сеид Реза 172–174
 Сейфатдин-хан Баяти 220
 Сейф-и Кази Хусейн 208, 237
 Селим 44
 Сердар Дженг 86
 Сердар Рашид 85, 86
 Сидо-ага 154
 Силопи Зиннар (Кади Джемиль-паша) 32
 Симко (Смитко) Измаил-ага Авдои 40, 41, 44, 67, 79, 83–88, 104, 130
 Смирнов А.А. 216, 218, 280
 Солод Д.С. 220, 241
 Сон Л. 164
 Сон Э. 96, 164
 Сохейли Али 213, 214, 217, 218
 Сталин И.В. 200, 213, 214, 217, 218, 221, 241
 Стэндли 213
 Субхи-паша 141
 Султан аль-Атраш 166
 Суриц Я.З. 45, 83, 100, 101, 133, 150, 257, 265
 Сюто, шейх 78
- Та (Таха), сейид 40, 42, 44, 74, 77, 112, 215, 237, 282
 Такер У. 56, 59
 Талхиоглу Сади 137
 Тахир, шейх 67
 Тахсин-бей Шарафуддин Мир Лива Хасан 131
 Тевфик ас-Сувейди 230
 Тевфик Вахби-бей 119
 Тевфик Рушди-бей 119, 132, 133, 154, 263
 Теймури 220
 Теймурташ 8, 120, 142, 148
 Телеки П. 90
 Тойнби А. Дж. 54, 56, 65, 97, 258
- Уджузу 64
 Уилки У. 242
 Уорелл 88
- Фабер К. 16
 Фарзанде (Фарканде) 117
 Фатих Мохаммед Реза-хан 179
 Фохми ибн Биляль (Лиджели Фохми) 111
 Федченко А.Ф. 283
 Фейсал I, король Ирака 39, 72, 74, 259
 Фейсал II, король Ирака 228
 Ферзенде 272
 Феридун-бей 38
 Флетчер 209, 210
 Форбс Р. 141
 Форути Мохаммед Али 130, 131, 218, 222
 Фостер Г. 29
- Хабибулла Расул-ага 86
 Хаджи-ага 38, 85
 Хаджи-ага Халил 167
 Хаджо (Осман-ага Заде Хаджо) 67, 79, 81, 112, 135, 151–153, 166, 167
 Хажар 210
 Хазаль, шейх 85, 86
 Хайнс Р. 164
 Хайрулла 237
 Халид-бей, хасанлу 41
 Халид-бей Джибранлы 34, 41, 49, 54, 131, 253
 Халил Рефет-бей 48
 Халис 136

- Хамди аль-Пачачи 228
Ханифа, шейх 168
Хасан, хайдеран 41, 153
Хасан Рида-паша 152
Хаурани А. 157
Хашимов 236
Хелм А. 134
Ходжа Сабри-эфенди 44
Ходжо-ага 121
Хомаюни 237
Хор 127
Хошави Халил 158, 159, 164
Хуршид-эфенди 112
Хусейн Сейф-и Кази 208
Хусейн-хан Тахт 86
Хусейн Хусни Мукриани 195
Хутгерот У.Д. 251
Хэлл К. 213
Хюсейн Рауф-бей 40
- Чакмак Февзи 64, 188, 199
Чемберлен О. 62, 65, 98, 127, 133, 151
Чепи Р. 131
Чинар В. 176
Чичерин Г.В. 45, 132, 269
- Шакиб 79
Шамседдин-ага 79

Шариф-бей 86
Шариф-паша 119
Шахин-бей 105, 152
Шериф-паша 253
Шитов Г.В. 13
Штюрмер Х. 92
Шукри 138
Шукри-ага 167
Шукри Мехмед 113, 264
Шукри Мухаммед 121
Шумяцкий Б.З. 260

Эдмондс К. Дж. 73
Эйюб, шейх 33
Эльфинстон У.Г. 128, 195, 196, 242
Эмери Л.С. 94, 98, 263
Эмпсон Р. 249
Эсендаль М.Ш. 198
Эсмер А.Ш. 273
Эсфендиари 180
Эттель Э. 199, 280

Юнус Нади-бей 135
Юсуф-бей 148
Юсуф Зия 49, 67
Юсуф Малик 119

Ядо-бей 127

- Абу-Кемаль 81
 Авроман, ист. обл. 38, 259
 Австрия 117
 Австро-Венгрия 48
 Агры см. Каракёсе
 Агры, вилайет 11
 Агрыдаг см. Арарат
 Адана 68, 170, 172
 Азербайджан, ист. обл. 120, 266
 Азербайджан Иранский (Западный) 84, 86, 205–207, 214, 215, 218, 220–232, 236, 239
 Азербайджанская ССР 27, 116, 206, 235–237, 274
 Азия Западная 30, 47, 160, 183, 186, 190, 203, 223, 242
 Азия Центральная 184, 201
 Азия Юго-Западная 3, 202
 Айбей, гора 150
 Айдын 7
 Акра 151
 Александретта (Искендерон) 59, 136, 158, 187, 193
 Александреттский санджак (Хатай) 28, 168, 169, 276
 Алеппо см. Халеб
 Амадия 44, 73, 151, 173
 Амин-Чали 89
 Амуда 82, 167
 Анатолия Восточная 10–12, 15, 63, 69, 94, 127, 141, 144, 145, 170, 178, 193, 198, 253, 271, 276, 277
 Анатолия Западная 8, 10, 11, 70
 Анатолия Центральная 8, 252
 Англия (Великобритания) 3, 6, 13, 25, 29–31, 35–37, 40, 43–45, 48, 56–59, 61, 65, 70, 73–79, 82, 83, 87, 88, 90–102, 112, 114, 117–120, 127, 128, 132, 136–141, 148, 158, 160, 162–166, 168, 169, 171, 174, 176–182, 187, 191, 192, 195, 196, 198, 200, 203, 205, 209, 210, 216, 218, 221, 227–230, 239–242, 244, 246, 253, 262, 264, 270, 274, 280, 283
 Анкара 15, 28, 31, 32, 36, 40, 44, 69, 70, 91, 99, 125, 128–130, 133–137, 139–145, 147–149, 151, 153, 154, 171, 172, 174, 176, 177, 193, 196, 198, 199, 203, 212, 222–224, 252, 257, 271, 273
 Антиохия (Антакья) 264
 Арабистан 205
 Араб-Пынар 152
 Арабский Восток 3, 74, 102, 186, 192
 Аравийский п-ов 3
 Аравийское море 201
 Аравия 272
 Аравия Восточная 3
 Аравия Южная 3
 Арарат (Агрыдаг) 17, 66, 105, 113, 116, 118, 120, 123, 125–127, 129, 138, 140, 142, 143, 146–149, 173
 Арарат Большой 110, 127, 140
 Арарат Малый 110, 127, 139, 140, 149, 150
 Ардаган 198
 Арделан, ист. обл. 209
 Армения, ист. обл. 95, 105, 114–116, 119, 120, 176, 248, 265, 266
 Армения Великая 248
 Армения Западная (Турецкая) 10, 115, 215
 Армения Малая 248
 Армянская ССР 27, 116, 176
 Ассирия 162
 Астрабад (Горган) 89
 Афганистан 3, 4, 183–188, 190, 198, 201, 264
 Африка Северная 191, 202, 223

- Африка Северо-Восточная 191, 202, 203
Африка Центральная 146
- Бабука 35
Бабан, ист. обл. 87
Багдад 38, 73, 78, 79, 81, 87, 100, 101, 118–121, 138, 141, 148, 151, 153, 154, 157–159, 161–166, 178, 183, 186, 195, 196, 203, 227–229, 241, 258, 259, 261
Баджирге, ущелье 150
Байбурт 136
Баку 176, 201, 206, 222, 235–237, 277
Балканы 198, 276
Бане 209, 210
Барзан 67, 77, 154, 196, 251
Басра 73
Батуми 201
Бахтиария 170, 205, 220, 281
Башкале 142, 152
Баязид (Догубаязит) 41, 113, 124, 127, 134, 136, 140, 149
Баязид, вилайет 12, 129, 136, 140, 144, 268
Бейрут 52, 59, 75, 116, 119, 138, 152, 197, 199–232, 237, 242, 266, 270, 273, 285
Бейтюшшебап 47, 48
Белуджистан 260
Бельгия 53
Берлин 192, 193, 196, 198–200, 202
Бингёль, вилайет 11, 172
Битлис 11, 20, 561, 109, 116, 119–134, 136, 143, 264
Битлис, вилайет 10, 17, 64, 66, 109, 119, 136, 249
Бихомдун 104
Ближний (и Средний) Восток 3, 4, 8, 9, 21, 25, 28, 30, 50, 87, 90, 92, 98, 102, 104, 112, 113, 119, 123, 124, 132, 135, 165, 179, 183, 184, 186, 191–193, 196, 197, 199, 201, 203, 209, 219, 223, 225–227, 229, 246, 258, 260, 263, 265
Боджнурдское ханство 88
Болвадин 171
Болгария 198, 221
Босния 55
Босфор 5, 187
- Бургас 221
Бурса (Бруса) 136, 171
Бшери 66
- Ван 48, 78, 109, 119, 134, 146, 194, 224
Ван, вилайет 10–12, 17, 21, 64, 82, 95, 109, 119, 135, 144, 153, 194, 249, 250
Ван, оз. 50, 127, 139
Вашингтон 211, 214, 218, 231, 239
Венгрия 90
Версаль 96, 153
- Генч 51
Германия 164, 182, 184, 186, 192, 193, 195, 196, 198, 200–203, 231, 246, 253, 261, 280
Герцеговина 55
Гибралтар 92
Главный Кавказский хребет 205
Греция 114
- Даланпар, гора 232
Дамаск 108, 111, 137, 151, 152, 197, 199, 265, 273
Дарахини 51
Дарданеллы 187
Дейр-эз-Зор 270
Дерсим (Тунджели) 11, 14, 50, 51, 64, 66, 109, 111, 126, 142–145, 170–175, 177, 277
Детройт 113, 265
Джазира (Джизре) 66, 81, 152, 161, 166, 167, 197, 199
Джазира Верхняя 82, 152, 161, 166, 167, 169, 197
Джебель-Синджар 14, 81, 158, 195, 224
Джебель-Хамрин 39
Джульфа 88
Диарбекир (Диярбакыр) 11, 21, 51, 59, 69, 78, 101, 105, 109, 120, 121, 127, 134, 224
Диарбекир, вилайет 10, 17, 21, 64, 67, 95, 119, 133, 136, 143, 144, 249
Додеканес (Спорады Южные), архипелаг 221
Дохук 73, 151
- Европа 48, 104, 112, 114, 124, 133, 156, 159, 178, 198, 200

Европа Западная 106, 159, 199, 200, 253
Евфрат 81, 82, 134, 267
Ереван (до 1936 г. Эривань) 114, 176
Женева 44, 94, 119, 185, 254
Женевское оз. 77
Закавказье 14, 116, 150, 184, 192, 198, 224, 235, 239
Захо 151, 153
Зено 232
Зибар 73, 77, 151, 158, 193
Игдыр 127
Измир (Смирна) 68
Индийский океан 191, 192, 202, 205
Индия 94, 184, 201, 263
Ирак 3–5, 8, 9, 13, 14, 22–26, 28–31, 34, 40, 48, 57, 58, 60, 62, 65, 70–82, 86–88, 90–102, 105–108, 110, 112–115, 117–121, 130, 132, 134, 137–142, 147, 148, 151, 154, 155, 157–166, 181–187, 189–192, 194–205, 209, 213, 214, 221, 224–230, 232, 233, 235, 237–239, 241, 245, 246, 251, 259, 260, 263, 270, 272, 274, 275, 278, 283, 285
Ирак Северный 26, 40, 45, 57, 65, 72, 73, 75, 76, 78, 95, 98, 112, 113, 121, 137, 139, 147, 153, 159, 160, 219
Иран (Персия) 3, 4, 9, 13, 14, 22, 24, 25, 34, 37, 40, 43, 45, 46, 51, 60, 66, 67, 73, 78, 82–88, 105, 113, 115, 120, 127–131, 133, 136, 138–142, 147–150, 156, 157, 170, 171, 175, 178–190, 195, 197–199, 202–207, 209–227, 230–242, 244–246, 258, 264, 265, 269–272, 278, 280, 282, 283
Иран Западный 22, 23, 37, 86, 147, 178, 201, 210, 211
Иран Северный и Северо-Восточный 204, 215, 234, 258
Иран Северо-Западный 204–206, 220, 225, 231, 236, 237, 240, 284
Италия 112, 169, 184–186, 192, 196, 198, 201, 203, 223, 246, 264

Йемен 3, 186

Кабул 183

Кавказ 94, 95, 151, 197, 202, 203, 213, 215, 218, 223

Каир 230

Камышлы 121, 167, 241, 270

Каракёсе (Агры) 138

Карлыова 50, 51

Карс 12, 21, 98, 224

Карсская область (вилайет) 10, 19–21

Каспийское море 117

Керманшах 23, 24, 85–87, 205, 209

Кире 110, 127, 268

Киркук 26, 39, 73, 92, 101, 174, 195, 227, 232

Константинополь см. Стамбул

Конья 252

Котур 149, 150, 206

Куйбышев (Самара) 213

Курд-Ава 105

Курд-Даг (Джебель аль-Акрад) 168

Курдистан Восточный (Иранский) 8, 19, 22–24, 37, 41, 44, 58, 67, 84, 86, 100, 104, 105, 113, 116, 117, 120, 139, 148, 150, 178, 179, 192, 197, 206, 207, 209–212, 222–225, 230–233, 235–238, 245, 246, 251, 253, 277, 278, 280, 281, 284

Курдистан Западный 253

Курдистан Северный и Северо-Западный (Турецкий) 8–10, 14–21, 25, 31, 33, 34, 37, 38, 40, 48, 50, 54, 56, 58–60, 64–70, 73, 80, 81, 97–100, 104, 108, 112, 116, 120, 124, 126, 133, 134, 136, 139, 143, 144, 147, 150, 151, 170, 173, 193, 194, 197, 202, 213, 217, 239, 253, 276, 279, 280

Курдистан Южный (Иракский) 8, 25, 26, 37–39, 41, 43, 60, 62, 67, 71–77, 98, 99, 102, 104, 115, 117–119, 139, 148, 156, 158, 159, 163–165, 192, 195, 199, 202, 226, 227, 229, 251, 253, 254, 258

Курдистан Юго-Западный (Сирийский) 8, 25, 44, 80, 117, 166–168, 199, 202

Кучан 89

Кучанское ханство 88

- Лахиджан 226
Ливан 3, 104, 106, 107, 114, 121, 152, 166–169, 192, 196, 199, 203, 241
Лозанна 4, 5, 28, 30, 96, 153, 168, 170, 253, 254
Лондон 79, 83, 137–139, 141, 151, 157, 159, 163, 166, 178, 196, 201–203, 205, 209, 218, 221, 223, 227, 229, 231, 239, 260
Лурестан (Луристан) 23, 84, 179, 180, 205, 251, 280, 281
- Македония 127
Макинское ханство 13
Маку 113, 121, 129, 138, 140, 149, 207, 208, 220, 234, 236
Малазгирт 51
Малатья 64, 111
Мамурет-уль-Азиз см. Элязыг
Мандали 88, 275
Мараш 171
Мардин 61, 270
Мардин, вилайет 11, 12, 64, 66, 109, 129, 143, 144
Марсель 122
Мераге 84
Мергевер 40
Мериван 238
Мерсин 131
Месопотамия, ист. обл. 3, 42, 118, 270
Мехабад (Соуджбулак) 23, 24, 181, 204–212, 232, 233, 236–238, 240, 285
Мешхед 88, 215
Миандоаб 84, 204, 206
Мидьят 66, 67, 79, 81
Миляс 171
Монтрё 187, 200, 201
Москва 36, 102, 132, 133, 150, 175–177, 197, 198, 202, 203, 205, 207, 211, 214–218, 221–223, 231, 234, 236–238, 241, 242, 246, 278, 285
Мосул 14, 30, 57, 70, 77, 84, 91, 116, 118, 119, 138, 154, 163, 164, 229, 259, 283
Мосул, вилайет 26, 30, 35–37, 42–44, 48, 57–59, 61, 65, 71–79, 89–97, 116, 136, 138, 249, 257–259, 263, 264, 283
- Мохаммера (Хорремшехр) 85
Мугла 171
Мукринский округ (Курдистан) 204, 205, 207, 208, 211, 212, 215, 220, 232, 236, 237, 282
Муш 11, 35, 50, 51, 64, 66, 67, 116, 134, 171
- Нусайбин 66, 67, 81, 82, 120
Нью-Йорк 114
- Одемиш 146
Одесса 132
Орамар 78, 153
Османская империя 25, 26, 28, 51, 57, 62, 81, 89, 209, 264
Ошнуйе (Ушну) 40, 204, 207, 208
- Палестина 3, 165, 167, 192, 199
Палу 50, 67
Париж 112, 119, 121, 132, 151, 160, 168, 178, 184
Патмос 143
Персидский залив 83, 184, 192, 201, 202, 205, 232
Персия см. Иран
Пиран 115
Пошт-е-Кух 86
Пьемонт 91
- Равандуз 39, 42, 72–77, 80, 94, 112, 118, 119, 138, 229, 259, 270
Резайе (Урмия) 207, 208, 212–215, 217, 218, 220, 234, 236
Резайе (Урмия), оз. 208, 212, 215, 239
Рим 114, 192, 196
Российская империя 3, 16, 47, 128, 129
- Салмас 84, 88
Сан-Франциско 242
Сасун 48, 112, 116, 127
Саудовская Аравия 3, 184, 186
Севр 57, 62, 96–98, 118, 242, 253, 254
Секкез 24, 205, 209, 232, 237, 238, 240
Сенне (Сенендедж) 23, 86, 204, 205, 209, 278
Сердешт 86, 87, 178, 209, 210
Сивас 135, 146, 249
Сиверек 64, 121

- Сиирт, вилайет 11, 12, 64, 67, 109, 134–136, 143, 144, 224, 272
- Сильван 66
- Симла 165
- Синан 66
- Синджар 71, 81, 122, 260
- Сирия 3–5, 9, 13, 14, 22, 24, 26, 28, 35, 44, 46, 57, 59, 60, 66, 70, 71, 74, 78–82, 104–107, 111–113, 115, 118, 121, 122, 135, 136, 139, 142, 147, 151, 152, 157, 158, 160–162, 165–170, 173, 178, 182, 183, 187, 191, 192, 195–197, 199–201, 203, 221, 224, 225, 232, 241, 244, 264, 280, 283
- Соединенные Штаты Америки (США, Америка), 92, 93, 106, 114, 115, 118, 132, 135, 211–214, 216–218, 230, 239, 240–242, 245, 262, 265
- Сор 66
- Соран, ист. обл. 71
- Средиземное море (Средиземноморье) 98, 168, 169, 184, 185, 202
- СССР 6, 7, 29, 37, 40, 41, 45–48, 58, 60, 61, 91, 101, 112, 114, 117, 127, 129, 132, 133, 135, 136, 138–142, 147, 148, 151, 160–162, 165, 166, 171, 175, 176, 182, 185, 186, 188, 191–198, 200–203, 205–207, 209–223, 225, 231, 233, 235–242, 246, 247, 260–263, 268, 269, 272, 276, 278, 280, 281, 285
- Сталинград (Волгоград) 231
- Стамбул (Константинополь) 34, 50, 68, 90, 96, 110, 120, 127, 177, 197, 249, 252, 258, 263, 264, 258
- Сулеймания 6, 38, 39, 44, 71, 72, 74–76, 101, 119, 195, 196, 221, 251, 259, 260, 275
- Тебриз 88, 117, 140, 150, 207, 213, 214, 221, 235, 240
- Тегеран 45, 56, 84–88, 111, 116, 117, 120, 128–130, 140–143, 147–150, 178–181, 186, 187, 196, 199, 203–205, 207–209, 211–218, 222, 231, 233–235, 237, 239, 240, 251, 271, 273
- Телло 105
- Тергевер 40
- Тигр, р. 39, 66, 81, 82, 135, 160
- Тихий океан 191, 192
- Трансиордания (Иордания) 3, 199
- Трапезунд (Трабзон) 21, 127, 138, 150
- Трапезунд (Трабзон), вилайет 17, 21, 127, 224, 249
- Триполи (в Ливане) 152
- Тунджели см. Дерсим
- Тунджели, вилайет 20, 67, 109, 172, 174, 177
- Турция (Турецкая республика) 3, 4, 8–17, 19–22, 24, 28–40, 43, 45–73, 75–79, 81, 83, 87, 88, 90–102, 104–109, 111–113, 115, 117–125, 127–158, 161–168, 170–172, 174–178, 180–190, 192–203, 213–215, 216, 217, 220–227, 230–232, 237–239, 241, 244, 246, 259, 260, 262–265, 268–271, 272, 274, 278, 283, 285
- Турция Восточная 67, 135, 201, 265
- Турция Европейская 145
- Турция Юго-Восточная 48, 135, 265
- Урмия (Резайе) 23, 37, 39, 42, 88, 95, 150
- Урмия (Резайе), оз. 38, 80, 205
- Урмия, округ 13, 23, 42, 84, 95
- Урфа 11, 101
- Урфа, вилайет 11, 12, 17, 64, 101, 109, 144
- Фарс, ист. обл. 205, 281
- Филадельфия 265
- Фракия 198
- Франция 3, 6, 9, 13, 25, 37, 44, 57, 59, 67, 70, 81, 82, 90, 93, 104, 106–112, 114, 117, 118, 121, 132, 136, 140, 151–153, 156, 157, 160, 163, 166, 180, 182, 183, 185, 188, 189, 192, 196–198, 205, 244, 246, 259, 280
- Хазро 50
- Хайфа 199
- Хакяри, вилайет 11, 12, 21, 35, 47, 64, 72, 95, 109, 130, 135, 144, 150, 153, 224
- Халабджа 76

Халеб (Алеппо) 44, 48, 82, 108, 112,
113, 119, 122, 137, 152, 199, 264,
265, 270, 273

Хамадан 87

Ханекин 79, 88

Харпут см. Элязыг

Хасанкейф 66

Хатай, санджак 169

Хатми 48

Хатуния 81

Хилла 119

Хой 64, 206–208, 214, 220, 234

Хорасан, ист. обл. 13, 27, 88, 205, 215,
260, 261

Хорремабад 84

Хузестан 205, 209, 281

Хыныс 137

Цюрих 123

Чапакчур 51

Черное море 94, 116, 126, 185

Чехрик-Кала 85

Чёлемерик (Джуламерк) 131, 150

Чоарт 76

Шатт-эль-Араб, р. 186, 275

Шахпур 217, 234, 236

Швейцария 187

Шейхан-Кёпрю 124

Шемдинан 39, 66, 71

Ширван 89

Ширванское ханство 88

Эльбрус, гора 215

Элязыг (Элязиз, Мамурет-уль-Азиз, Хар-
пут) 51, 64, 69, 109, 135, 144, 145,
172, 174, 224

Элязыг, вилайет 10, 12, 17, 21, 64, 67,
126, 194, 249

Эрбилъ (Хевлер) 78, 80, 87, 110, 111, 229

Эргани 64

Эрзерум (Эрзурум) 20, 21, 27, 34, 35,
64, 108, 131, 135–138, 143, 150, 198,
224, 253, 267

Эрзинджан, вилайет 12, 66, 136, 143

Эрзурум, вилайет 12, 17, 20, 64, 119, 249

Эриванъ см. Ереван

Эфиопия 185

Япония 192

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ЭТНОСОВ, ПЛЕМЕН И КОНФЕССИЙ

- аббасушаги 172
авроман 75
азербайджанцы 13, 23, 81, 83, 192, 206,
218–220, 236, 237, 239, 242, 248
албанцы 68
алеви см. али-илахи
али-илахи (алеви, ахле-хакк,
кызылбаши) 11, 14, 50, 171, 232
арабы 13, 22, 26, 74, 75, 80, 82, 83, 85,
99, 121, 139, 161, 162, 166–168, 195,
209, 258, 283
армяне 10, 26, 48, 111–114, 119, 127,
131, 141–143, 148, 151, 248, 249,
253, 271, 276
ассирийцы (айсоры) 10, 26, 35, 38, 47,
48, 72, 74–76, 95, 104, 116, 131, 151,
159–163, 262, 276, 285
афганцы 188
- байрамову 86
барзани 78, 230
бахтиары 13, 22, 83, 85, 179, 205, 212,
215, 248
бекзаде 209, 282
белуджи 82, 180
бильбас 282
болгары 65
босняки 68
бохтан 81
- валлоны 53
- гоян 77, 127
греки (малоазиатские) 65
- даккори 81
дакшури 81
дебокри 237, 282
джавала 81
- джавана 66
джаф 75, 195
джафарбай 89
джелали 41, 129, 139, 140
джибран 41
- евреи (ближневосточные) 26, 181
езиды 12, 14, 50, 66, 79, 81, 83, 118, 121,
122, 158, 166, 167, 195, 197, 224,
249, 260
- заза 12, 14, 32, 50, 66, 67, 109, 171–
173
зарза 232, 282
зафаранлу 13, 87–89
зенгене 86
зилян 140
- кашкайцы 22, 215
кельхор 85, 86, 282
кочарян 81
кызылбаши см. али-илахи
- лолан 67, 135
луры 13, 22, 83–86, 179, 180, 205, 248,
249, 278, 280
- мадхуни 86
мамаш 87, 131, 232, 282
мангур 87, 131, 207
милли 66, 81
милян 41
- папи-захре 86
персы 13, 41, 42, 46, 101, 114, 129, 148–
150, 180, 210, 214, 218, 223, 240
пишдер 76, 84, 87, 131, 165, 195
поштдар 221
пуштуны (патаны) 57

раман 667
ремекан 81

тай 66, 166

турки 10, 11, 13, 26, 33, 35, 36, 38, 39,
41, 42, 48, 51, 52, 57–59, 66, 67, 69,
72, 76, 77, 81, 94, 95, 114, 115, 118,
130, 139, 141, 142, 146–149, 154,
168, 169, 187, 219, 221, 222, 248,
258–260, 272, 276, 277

туркмены (иранские и центрально-
азиатские) 82, 88, 89, 205

туркоманы (туркмены иракские) 26, 72,
83, 95, 99

фламандцы 53

хабисбинан 67

хаверкан 67
хаверки см. харки
хайдеран 41, 115, 140, 153
хаймени 131
халикан 140, 142
харки (хаверки) 81, 85, 131, 153, 208,
232, 282
хасанлу 41
хормек 51
хуршивенд 86

шаделлу 88, 89
шаммар 66, 161
шахсевены 22, 140
шеккак 40, 41, 130, 208, 232, 282
шернак 81
шитиян 81
шотландцы 157

SUMMARY

Professor Mikhail S. Lazarev (Ph.D. in history) is the author of about 200 publications, including works on history of Turkey, Arab countries, Kurdistan, on international relations in the Middle East and inter-ethnic issues in Asia. The Kurdish problem occupies the most important place in his research.

Lazarev's monograph *Kurdistan and the Kurdish Question (1932–1945)* is a further step in his study of an important phase in the modern and contemporary history of the Kurds and Kurdistan—the area permanently settled by that people. Currently, the Kurdish country is split in four by the adjacent states of Turkey, Iran, Iraq and Syria. The period in question extends for 50-odd years, from the 1890s up to 1945—the years that have in many respects determined the present position of the Kurds.

Kurdistan and the Kurdish Problem (1890s–1917), the first major book of the author on the issue, was published as early as in 1964. Its new edition—revised and enlarged with new data—appeared in 1972 under the title *Kurdish Question (1891–1917)*. The monograph *Imperialism and the Kurdish Question (1917–1923)* published in 1989 became a continuation of the last work. The three above-mentioned books were also published in Turkish, Arabic and Kurdish.

The present monograph is the fourth book in this sequence. It is based on the same sources as the previous works, though relating to later time. Those materials mostly include the papers of British foreign and colonial departments kept at Russian archives and the documents of the Foreign Ministry of the USSR which contain a most valuable collection of facts on the Kurdish question. Another sources of information were the publications of the Soviet, British, Italian and French press bearing on Middle Eastern issues and certain special works that were, regretfully, too few.

The author's narration is, for the most part, chronological, which combines with an analysis of the state of the Kurdish question in each of the

four countries having Kurdish populations during corresponding periods. Chapter I presents something of an exception, being of an introductory nature and giving the reader an idea of the socio-economic structure of the Kurdish society, including an overall panorama and detailed views throughout the epoch under consideration.

Chapter II describes the Kurdish revolts in Turkey, Iran and Iraq in the early and mid-1920th, including the most sweeping of them, headed by Sheikh Said. The moving forces of the insurrections and the causes of the failure are being analyzed. The international situation that arose in connection with unrest in Kurdistan and that was unfavorable for the Kurds is also characterized. The Anglo-Turkish relations in the course of the settling of the Mosul conflict, as well as the part played by the Kurdish question in it, are given special attention.

The main subject matter of Chapter III is the rise of Kurdish nationalism in the late 1920s and early 1930s, which was partly associated with the organizational activity of the "Khoibun" Committee. Special stress is laid on the low efficiency of that first all-Kurdish nationalist party that led to the defeat of the Ararat uprising. The negative reaction to the Kurdish national liberation movement on the part of all regional and colonial powers was another reason of the Kurdish failure. Owing to the unfavorable international situation of the time, the USSR was also compelled to withhold any support to the Kurds.

Chapter IV deals with the home and foreign situation of Kurdistan in the 1930s, when the Kurds had to yield their positions everywhere under the pressure of the superior numbers of their enemies maintaining their resistance in a few individual enclaves like Dersim. Rearguard actions fought in Iraqi and Turkish Kurdistan took place against the background of a general aggravation of international situation, including the Middle East. Threat to the national interests of the Kurds increased as the regional powers concluded in 1937 the Britain-sponsored Saadabad Pact, which was anti-Kurd in its essence. On the other hand, the powers of the Axis, Germany and Italy, had far-reaching plans for Kurdistan in their expansionist schemes.

Chapter V, the last one, discusses the Kurdish question during World War II. Though Kurdistan as such remained outside the military theater, it was very interesting to the warring parties presenting the immediate rear to the major fronts in the south of the USSR and in North Africa. Besides, it was rich in oil. Maintaining stability in Kurdistan, Iranian part of which was occupied by Soviet and British troops, became an important strategic task for the United Nations in the Middle East—a task

that was fulfilled despite the internal strife between the Allies and the subversive activities of Nazi agents. This became a major contribution in the victory over Hitlerism. As for the Kurds, World War II resulted in the radicalization of their national movement, which started shifting toward leftist, democratic attitudes.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Глава I. Курдское общество на новом этапе.....	8
Глава II. От Лозанны до Анкары: мосульский вопрос и курдская проблема.....	28
Курдистан после Лозанны.....	28
«Первая курдская революционная война».....	46
Стабилизация колониальных режимов в Иракском и Сирийском Курдистане.....	71
Волнения в Иранском Курдистане.....	82
Мосульский вопрос.....	89
Глава III. Подъем курдского национализма.....	104
«Хойбун».....	104
«Вторая курдская революционная война» (Араратское восстание).....	123
Глава IV. Отступление.....	156
Арьергардные бои в Иракском Курдистане.....	156
Выступления курдов Сирии.....	165
«Третья курдская революционная война» в Турции.....	170
Иранский Курдистан: курс на ассимиляцию.....	178
«Ближневосточная Антанта» и курдский вопрос.....	181
Глава V. Курдский вопрос во время Второй мировой войны.....	191
До вступления СССР в войну.....	191
СССР, Великобритания, Иран и курдский вопрос в 1941–1943 гг.	202
Курдский вопрос на исходе Второй мировой войны.....	223
Заключение.....	244
Примечания.....	248
Библиография.....	286
Указатель имен.....	293
Указатель географических названий.....	299
Указатель названий этносов, племен и конфессий.....	305
Summary.....	307

Научное издание

Лазарев Михаил Семенович

**Курдистан и курдский вопрос
(1923–1945)**

Утверждено к печати

Институтом востоковедения РАН

Редактор *Я.Б. Гейшерик*

Художник *Э.Л. Эрман*

Технический редактор *О.А. Волкова*

Корректор *Г.Ф. Мансурова*

Компьютерная верстка *Е.А. Пронина*

Подписано к печати 31.03.05

Формат 60×90^{1/16}

Печать офсетная. Усл. п. л. 19,5 + 0,5 (вкл.)

Усл. кр.-отт. 20,6. Уч.-изд. л. 22,3

Тираж 500 экз. Изд. № 8033

Зак. № 698

Издательская фирма

«Восточная литература» РАН

127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"

121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-018311-3



9 785020 183117 >